
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 7(83), 2022

ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2022

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225–8922

Журнал включен
в Перечень ВАК РФ

Учрежден

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77–46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory
Пятилетний
импакт-фактор журнала: 0, 376

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение 1, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Загуменов А.П.

Подписано в печать 25.07.2022

Формат 60×84/8. Объем 50,5

Печать офсетная.

Тираж – 1000 экз.

(1-й завод – 500 экз.)

Заказ № 707

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Шницлос, 28

Тел.: (495) 651-84-56

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,

к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,

Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халлиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Артасеовна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛОХИН Владимир Владимирович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВАНКОВСКА Бяляна	профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИБКОАНИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орденбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРЛОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
РУБАН Лариса Семёновна	д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОЙЕРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)

Кетягин Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)

Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной биб-лиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Аствацатурова М.А., Дзахова Л.Х., Чихтисов Р.А.

Концепт русскости versus концепт российскости:
осмысление в возможностях понимающей
российской политологии 2150

Ахмедова С.А.

Территориальный вопрос в грузино-азербайджанских отношениях... 2166

Ван Цзясюй.

Теория политической модернизации Китая Сунь Ятсена
и ценности современного общества..... 2172

Торопов Е.А.

Правовые аспекты концепции анархо-капитализма 2181

Трофимов П.А.

Теория мультикультурного гражданства Уилла Кимлики:
нация и национализм 2189

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Головинов А.В., Головинова Ю.В.

О справедливости некоторых узаконений:
политика в сфере исполнения наказания
в идеологическом наследии сибирских
демократических регионалистов 2198

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Слизовский Д.Е., Чугунова А., Тимершова А.

Современная история внеязыковых значений атаки
на статус русского языка и русскую культуру:
опыт артикуляции проблемы 2206

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Александров Д.В., Родионова М.Е.

От особенностей спорта как политического явления
в XX-XXI веке и имиджевого сопровождения государств
до работы с молодежью в спорте..... 2218

Васильева Л.А., Афонин А.А.

Медиа: особая энергетика военной журналистики 2228

Кондратова Е.С., Керножицкая Е.В.

Пути совершенствования регионального управления
сферой строительства (на примере Ленинградской области)..... 2242

Буров А.С.

Основные технологии политической дестабилизации
и предпосылки для их реализации в регионах
проживания коренных народов Севера (часть 2)..... 2250

Титов В.В.

Государственная политика идентичности в Российской Федерации:
проблема институциональной организации 2261

Одинокоев М.Д., Трифоноев А.Д.

Перспективы двухпартийной системы в построении
консервативной идеологии в современной России..... 2269

Чибиркин Е.А.

Государственная политика патриотического воспитания
в современной России: специфика формирования
и проблемы реализации 2277

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Дроздова Е.В.

Операционализация термина «образовательная политика»
в отечественных и англоязычных исследованиях..... 2289

Утесинов К.М.

О дифференциальных признаках государственного контроля
в Кыргызстане: сравнительный политологический аспект 2298

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ

Сурма И.В.

Формирование геополитического плюрализма
как основы нового миропорядка 2305

Ванковска Б.

NATO 2022: A Search for Friends and Foes/НАТО 2022:
в поисках друзей и врагов 2313

Дубровина О.В., Дубровина О.Ю., Ливанова И.В.

Миграционные процессы:
политико-правовое регулирование 2325

Тушков А.А., Животова Д.А. К вопросу об идеализации японской культуры в России.....	2335
Родионова М.Е., Еременко И.В. Реализация коммуникативной стратегии политических акторов за рубежом на примере сравнительного анализа веб-сайтов и социальных сетей скандинавских стран.....	2342
Ван Цзюньтао. «Экономический пояс Шелкового пути» и «План нового Шелкового пути»	2354
Колосова И.В. Далай-лама Тензин Гьяцо – посол мира и межрелигиозного согласия.....	2366
Мехмет Урнер. Влияние исламского фактора на формирование и развитие стратегии международной политики Турции (часть 1).....	2374
Чэнь Ханьчжи. Партийная школа КПК в подготовке политических элит	2387
Хань Вэньсинь. Сравнительный анализ британской и американской политики в отношении Гонконга после внесения поправок в закон о запрете экстрадиции	2394
Цахилова Л.М. Эволюция роли и перспективы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в системе европейской безопасности	2408
Коваленко А.А. Институционализация культуры как внешнеполитического ресурса Российской Федерации и перспективы ее применения в современной мировой политике	2417
Кишуева И.А. Разведка с открытым кодом как инструмент цифрового взаимодействия в динамике международных отношений	2426
Исаев К.А. Современный кризис в Боливарианской Республике Венесуэла: миграционный аспект.....	2442

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Емелин Д.Р.

Роль России в трансформации современной системы международных отношений..... 2457

Намазов О.Б.

Генезис и эволюция социального государства: политологический аспект 2465

Никитина К.А.

Цифровые технологии в ракурсе современных концепций трансформации мирового порядка 2477

Свиридов А.А.

Политические кризисы, вызванные энергетическими факторами: иранский нефтяной кризис 1950-1954 гг. 2486

Секретарева К.Н.

Цифровая экономика Китая в исторической ретроспективе 2493

Цветкова Ю.А.

Повестка дня: понятие, специфика, типологии..... 2500

Цориева З.Х.

Особенности развития современных интеграционных процессов в латиноамериканском регионе 2506

Чалышев А.Ю.

Проблемы и перспективы сотрудничества России и Франции на африканском континенте 2517

НАШИ АВТОРЫ.....2525

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 2534

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ 2536

CONTENTS

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 12, Issue 7 (83), 2022

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

- Astvatsaturova M.A., Dzakhova L.Kh., Chikhtisov R.A.*
The Concept of Russianness: Interpretation by the Approach
of Russian Interpretive Political Science 2164
- Akhmedova S.A.*
Territorial Issue in Georgian-Azerbaijani Relations 2171
- Wang Jiaxu.*
Sun Yat-Sen's Theory of China's Political Modernization
and the Values of Modern Society 2180
- Toropov E.A.*
Legal Aspects of the Concept of Anarcho-Capitalism 2188
- Trofimov P.A.*
Theory of Multicultural Citizenship of Will Kymlicka:
Nation and Nationalism 2197

POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

- Golovinov A.V., Golovinova Yu.V.*
On the Justice of Some Legislations: Punishment Policy
in the Ideological Heritage of the Siberian Democratic Regionalists 2205

POLITICAL SOCIOLOGY

- Slizovsky D.E., Chugunova A., Timershova A.*
Modern History of Extra-Linguistic Meanings Attacks on the Status
of the Russian Language and Russian Culture: Experience
of Articulation of the Problem 2217

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Alexandrov D.V., Rodionova M.E.*
From the Features of Sport as a Political Phenomenon
in the XX-XXI Century and Image Support of States to Work
with Youth in Sports 2227
- Vasilyev L.A., Afonin A.A.*
Media: Special Energy of Military Journalism 2241

Kondratova E.S., Kernozhiczskaya E.V.
Ways to Improve Regional Construction Management
(Using Leningrad Oblast as an Example) 2249

Burov A.S.
Main Technologies of Political Destabilization and Conditions
for their Implementation in the Regions of Indigenous Peoples
of the North (Part 2)..... 2260

Titov V.V.
State Identity Policy in the Russian Federation:
the Problem of Institutional Organization..... 2268

Odinokov M.D., Trifonov A.D.
Prospects of a Bio-Party System in Building
a Conservative Ideology in Modern Russia 2276

Chibirkin E.A.
State Policy of Patriotic Education in Modern Russia:
Specifics of Formation and Problems of Implementation..... 2288

PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES

Drozdova E.V.
Operationalization of the Term «Educational Policy»
in Russian and English Research 2297

Utesinov K.M.
On Differential Features of State Control in Kyrgyzstan:
a Comparative Political Aspect..... 2304

THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

Surma I.V.
Formation of Geopolitical Pluralism as the Basis
of a New World Order..... 2312

Vankovska B.
NATO 2022: a Search for Friends and Foes 2314

Dubrovina O.V., Dubrovina O.Yu., Livanova I.V.
Migration Processes:Political and Legal Regulation 2334

Tushkov A.A., Zhitotova D.A.
On the Question of the Idealization
of Japanese Culture in Russia 2341

Rodionova M.E., Eremenko I.V.

Implementation of the Communicative Strategy of Political Actors Abroad
on the Example of Comparative Analysis of Websites
and Social Networks of Scandinavian Countries..... 2353

Wang Juntao.

«Silk Road Economic Belt» and «New Silk Road Plan» 2365

Kolosova I.V.

Dalai-Lama Tenzin Gyatso – Ambassador of Peace
and Interreligious Cohesion 2373

Mehmet Urper.

The Influence of the Islamic Factor on the Formation and Development
of the International Policy Strategy of Turkey. Part 1 2386

Chen Hanzhi.

The CPC Party School in the Preparation of Political Elites 2393

Han Wenxin.

A Comparative Analysis of British and U.S. Policy Toward
Hong Kong after the Extradition Prohibition Amendment 2407

Tsakhilova L.M.

Evolution of the Role and Prospects of the Organization for Security
and Cooperation in Europe in the European Security System 2416

Kovalenko A.A.

Institutionalization of Culture as a Foreign Policy Resource
of the Russian Federation and Prospects for its Application
in Modern World Politics 2425

Kishueva I.A.

Open-Source Intelligence as a Tool of Digital Coaction
in the Dynamics of International Relations 2441

Isaev K.A.

Modern Crisis in Bolivarian Republic of Venezuela:
the Migration Aspect 2456

STUDENT SCIENCE

Emelin D.R.

The Role of Russia in the Transformation of the Modern System
of International Relations 2464

Namazov O.B.

The Genesis and Evolution of the Welfare State:
Political Aspects 2476

<i>Nikitina K.A.</i> Digital Technologies in Perspective Modern Concepts of Transformation World Order	2485
<i>Sviridov A.A.</i> Political Crises Caused by Energy Factors: the Iranian Oil Crisis of 1950-1954	2492
<i>Sekretareva K.N.</i> China's Digital Economy in Historical Retrospect	2499
<i>Tsvetkova Yu.A.</i> Agenda: Concept, Specificity, Typologies	2505
<i>Tsorieva Z.Kh.</i> Features of the Development of Integration Processes in the Latin American Region	2516
<i>Chalyshev A.Yu.</i> Problems and Prospects for Cooperation Between Russia and France on the African Continent	2524
OUR AUTHORS	2530
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	2534
EDITORIAL BOARD	2536

М.А. АСТВАЦАТУРОВА

*доктор политических наук, профессор,
директор Научно-образовательного центра политических
и этнополитических исследований Пятигорского государственного
университета, Россия, г. Пятигорск;
профессор Хэйлуңцзянского института иностранных языков,
КНР, г. Харбин*

Л.Х. ДЗАХОВА

*доктор политических наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и общественных наук
Северо-Осетинского государственного университета
им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ*

Р.А. ЧИХТИСОВ

*кандидат социологических наук, доцент
кафедры философии Северо-Осетинского государственного
университета им. К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ*

КОНЦЕПТ РУССКОСТИ VERSUS КОНЦЕПТ РОССИЙСКОСТИ: ОСМЫСЛЕНИЕ В ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОНИМАЮЩЕЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Статья содержит политологическую критическую рефлексию по поводу таких значимых концептов современного российского общественно-политического процесса, как концепт русскости и концепт российскости. Выделяются их политико-правовые детерминанты и свойства в практической эволюции и в контексте современного состояния общества и власти в России с учетом существенных внешних вызовов, а также и внутренних средовых факторов. Формирование, формулирование и применение данных концептов увязывается с политико-управленческой и доктриной руководства РФ на фоне соотношения, сочленения, а также и конкуренции русскости и российскости. С помощью ресурсов понимающей политологии акцентируются возможности этногражданской солидаризации граждан страны на фоне геополитических вызовов и ущербов и действий РФ по упрочению государственного суверенитета. Результирующие идеи

конкретизируют обстоятельства синкретичности русскости и российскости как политических проектов с выделением роли власти и роли общества в оптимизации таковых.

Ключевые слова: *русскость, российскость, гражданская консолидация, политическая нация, «русский мир», русская идея, российская гражданская идентичность, консервативно-охранительная политология, политический метатекст, вертикализация власти, общественный консенсус, внешние вызовы.*

Современное политическое время и политическое пространство в их внутрироссийском и геостратегического выражении отмечено рельефными новациями, которые предъявляют новые требования к содержанию, структуре, практическим моделям политических систем и политических режимов. Политологическое понимание суверенитета государств и наций существенно расширяется внутри известного и практически неразрешимого противоречия между правом наций на самоопределение и правом государств на сохранение своей территории [19]. В достижении государственного и национального суверенитета все большую роль играет субъективный фактор и «не величина ВВП и военная мощь, а внешнеполитическое поведение сильных мира сего становится все более важным фактором для поддержания мира на всей планете» [21. С. 9-10].

Контент общественно-политического процесса зависит от тех идей, которые заложены в основу политического курса государства и общества. Также он зависит от того, насколько своевременно и качественно политическая наука – **понимающая политология** (по аналогии с понимающей социологией в теоретико-методологическом, и в организационно-технологическом смыслах) – откликается на политическую трансформацию, на потребности политического транзита и политической модернизации [22. С. 265-278].

Нарративный банк российской политологии позволяет выделить идейно-содержательные и функционально-деятельностные предпочтения общественно-политического процесса современной России [12. С. 72-84]. Среди данных предпочтений укажем:

- во-первых, на этническую идентификацию как дифференцирующую российское общество;
- во-вторых, на гражданскую идентификацию как интегрирующую российское общество.

Эти идентификации постоянно в качестве группового и индивидуального референдума осуществляют граждане России, принадлежащие к разным народам и этническим группам и одновременно к российской гражданской политической нации. Соотнесение этнической идентификации

и гражданской идентификации – проблемный и противоречивый процесс и в категориально-онтологическом, и в теоретико-гносеологическом, и в практико-прикладном планах. Это обусловлено: общей сложностью феномена идентичности и процесса идентификации, особенно в постмодернистской современности; конкуренцией идентичностей вообще и этнической и гражданской идентичностей; множеством непредсказуемых средовых факторов («черных лебедей»), которые провоцируют дополнительные сложности идентификации и самоопределения индивидов, сообществ, а также и государств.

В развитие авторских тезисов об идентичности поддержим мысль о том, что «идентичность выступает «организующим понятием», т.е. объединяющим под своим зонтиком целый пласт социальных явлений», и что идентичность или идентичности находят свое выражение в политических, национальных доктринах [22. С. 272]. Соответственно, конкуренция выделенных идентичностей имеет общественно-политическое выражение, и, в частности, применительно к российскому процессу может быть образно представлена в соотнесении *русскости* и *российскости*. Их концепты сложились как масштабные межпрофильные, междисциплинарные и весьма востребованные научно-рефлексивные и популярно-эмоциональные комплексы. Их взаимосвязь и взаимопроникновение, а также их конкуренция предоставляют серьезный интерес для современного политического знания.

Концепт русскости в каузальности и свойствах общественно-политической детерминации. Осмысливая общественно-политическое наполнение концепта русскости, легко установить, что его содержание имеет прямые отсылки к русской идее как идеи не только русской истории, культуры, ментальности, но и русской правовой и политической традиции [3. С. 43-271]. Теоретики данной идеи – философы, мыслители-гуманисты, политики – выделили в ее содержании множество объединяющих интенций, а именно: сердечность и нравственность, соборность и коллективность, народность и многонародность [7]. Эти свойства русской идеи привлекательны своей универсальностью, так как они близки не только этническим русским, но и всем россиянам. В концентрированном выражении русская идея сильна за счет включения в ее содержание ценностей и интересов многих народов, что имеет большое значение для стабилизации общественно-политического процесса.

Политологическое понимание *концепта русскости* через русскую идею вполне оправданно. Русская идея, несмотря на выраженный морально-нравственный ценностно-культурный генез, находит свое продолжение в реальных политических и правовых новациях российского общественно-политического процесса, имеет структурно-оформленные программные модели [8. С. 130-140]. Поэтому крайне важны достоверное понимание каузальности и корректные интерпретации русской идеи в политико-управленческом

контексте. Она призвана быть платформой сопряжения, а не противопоставления устремлений этнических сообществ и ни в коей мере не должна использоваться как база пропаганды русского этнического национализма и российских имперских идей, которые вызывают настороженность этнических сообществ, как коренных, так и диаспорных.

Отметим, что в ситуации многих современных рисков, которые наносят ущерб не только экономическому и социальному равновесию российского общества, но также и гражданской консолидации, русская идея находит обновленное проецирование. Оно выражается: во-первых, в понимании смысла существования современной России как наследницы Киевской Руси, Московского царства, Российской империи и Советского Союза [5]; во-вторых, в оптимизации вертикальной и горизонтальной политики федерального центра в отношении субъектов федерации; в-третьих, в сглаживании острых противоречий между социально-стратными группами населения, которые существенно (если не катастрофически) различаются по уровням доходов; в-четвертых, в соединении разнообразных и существенно дифференцированных по многим критериям этнических сообществ.

Актуализация **концепта русскости** в современном общественно-политическом процессе нарастает с 2010-х гг., когда на повестку политики и политологии вышла проблема социальной и политической реинтеграции российского общества. Называя одну из своих статей 2012 г. «Россия: национальный вопрос», В.В. Путин в своей избирательной президентской кампании акцентировал межнациональное и гражданское согласие народов России в границах исторического государства, отрицая саму возможность любого этнонационализма, в том числе, и русского [14]. **Концепт русскости** нашел инициативное развитие в идеях и практиках Всемирного русского народного Собора, проведение которого побудило государство и общество осознать наличие русского вопроса среди многих иных национальных вопросов [25].

Русская идея стала концептуальным основанием такого культурного, общественно-политического и геополитического феномена, как «русский мир» [1. С. 83-91; 2. С. 109-117]. Выражение **концепта русскости** через «русский мир» предназначено как для внутреннего, так и для внешнего потребления. «Русский мир» – «мягкая сила» объединения всех русскоязычных, русско-ориентированных жителей зарубежных стран, выходцев из СССР и их детей – второго и третьего поколений [11]. Стоит подчеркнуть, что симпатии к СССР распространены среди выходцев из страны, эмигрантов, мигрантов разных волн, прежде всего, среднего и «третьего» возраста, жизнь или большая часть жизни прошла в Советском Союзе. Также симпатии к СССР как к форпосту социальной справедливости, коммунистических идеалов были присущи носителям левых революционных взглядов, элите стран социалистического содружества, а также неформальной и радикально

настроенной молодежи стран старой европейской демократии. К «русскому миру» именно как к российскому гражданскому миру могут причислять себя все граждане России, проживающие за рубежом, а также граждане суверенных (чаще всего самопровозглашенных) стран, которые получили российские паспорта в ускоренном режиме и под воздействием незаурядных факторов – конфликты, гражданские войны (Абхазия, Донбасс, Крым, Южная Осетия и др.).

«Русский мир» не имеет четкого, тем более правого определения [9. С. 163-167]. Он предполагает некое культурное пространство, формируемое носителями русского языка и русской культуры. Также он предусматривает участие тех, кто имеет интерес к русской и российской культуре, истории, искусству, литературе и симпатизирует не только русским (в этническом плане), но и россиянам (в гражданском плане) [23. С. 519-618].

«Русский мир» как составляющий *концепта русскости* – мощный фактор противостояния глобализму, попыткам выстроить новую однополярную систему, в которой РФ пребывала бы в роли региональной державы на вторых и третьих ролях. Упрочение *концепта русскости* через «русский мир» не только как культурного пространства, но и как пространства общественно-политического активизма позволяет РФ проецировать свои государственно-гражданские интересы в ближние и дальние пределы. В связи с этим эффективны идеи Президента РФ В. Путина, в которых «русский мир» трактуется как интегративный культурный феномен: «Русский мир является многоконфессиональным и многообразным, как и сама Россия... наша миссия заключается в том, чтобы укреплять его, развивать и делать его привлекательным для наших граждан, для всего мира» [13].

В 2020 г. общественно-политическая проекция *концепта русскости* получила существенные аргументы в Конституции РФ, в которую внесены поправки, декларирующие правовой статус русского языка как языка государствообразующего народа. Конституция РФ в редакции 2020 г. в ст. 68 п.1. не прямо, но опосредованно определяет русский народ как государствообразующий. Нет сомнений, что российская государственность сложилась именно вокруг русского народа как имперско-государственнического. Однако Русь не стала бы Российской империей и далее Советским Союзом, и далее Российской Федерацией, если бы в ее состав не вошли бы другие народы с соответствующими территориями. В этом плане вновь подтвердим свой тезис о том, что, на наш взгляд, все народы РФ являются государствообразующими, так как каждый из них внес пропорциональный вклад в государственное строительство и формирование российской гражданской нации.

Современные проекции *концепта русскости* осуществляется в крайне неблагоприятных условиях, которые определяются обострением мировой политической, экономической и социальной конъюнктуры. Действия США

и многих стран в отношении России с марта 2014 г. (признание независимости Республики Крым) и с февраля 2022 г. (признание независимости Луганской и Донецкой народных республик и начало специальной военной операции на территории Украины) нацелены на уничтожение потенциала русской идеи не только как идеи культурного гуманистического содержания, но и как идеи политического и геополитического наполнения [20].

В отношении России, всего российского и всего русского действует беспрецедентная «культура отмены», а также формируются плацдармы «анти-России» – информационно-идеологического давления на РФ [10. С. 84-93]. Законы о декоммунизации, запреты на празднование Дня победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и на ношение георгиевской ленты, запрещение российских телеканалов и сайтов, наказание за одобрение российской политики, российской культуры и за публичное использование символов специальной военной операции РФ – все эти технологии зарубежных политиков направлены в обобщенном смысле на редуцирование русской идеи и «русского мира», *концепта русскости*.

Ухудшение положения, статуса и социального самочувствия русского населения в новых независимых государствах (странах СНГ и иных) после распада СССР как населения «второго сорта» и некоренного нежелательного «гостя» отмечалось практически повсеместно. Как мы видим, усилия политической элиты самостийной Украины по дискриминации русских привели к негативным следствиям для самой Украины. Это: суверенизация и выход Крыма, и вхождение его в состав РФ, самопровозглашение Луганской и Донецкой народных республик, специальная военная операция РФ на территории страны и катастрофическое разбалансирование государственно-управленческой, политической и гражданско-организационной инфраструктуры с весьма неопределенными перспективами.

Одним из глобальных следствий стало акцентирование *концепта русскости* как политической силы и геополитической мощи. С 2014 г. русское национальное самосознание как этноидентификационное отмечено существенным оживлением и далее – после 24 февраля 2022 г. – существенной интенсификацией. В этом ракурсе вернемся к популярной терминологии 90-х гг. XX в., а именно к термину *этнический Ренессанс*, который в частых случаях обусловил не только позитивизацию, но и негативизацию этнической идентификации (этнические конфликты, противоречия, распады социумов, потери населения). Сегодня мы можем говорить о *русском этническом Ренессансе*, который спровоцирован не только националистическим курсом руководства Украины в отношении русского населения, но и последующей изоляционистской дискриминационной политикой стран НАТО и их сторонников в отношении России и лидера страны – Президента РФ. Упрочение *русского этнического Ренессанса* выражается не только в таких убедительных образах, как «русский воин», «русский боец», «мужество

русских солдат», но и в таких образах, как «русская армия», «русский танк», «русский корабль», «русский беспилотник» и др. Данные образы имеют высокий ценз эмоциональности и пропагандистской значимости, тем более, что они мультиплицируются на многих информационных ресурсах и имеют масштабный отзвук.

В то же время очевидно, что они вовсе не «этнически русские», а принадлежат к Вооруженным силам России, и что на Украине осуществляет специальную военную операцию отнюдь не русская, а Российская армия, Вооруженные силы РФ, которым многонациональный российский народ препоручил защиту Отечества и каждого его гражданина. В связи с этим укажем, что многочисленные и весьма действенные аллюзии к победе в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., используемые в информационном, экспертном и общественном дискурсе в соотнесении с проведением специальной военной операции на Украине, как ни странно, далеко не всегда содержат констатацию роли победителя – именно советского многонационального народа. Тем не менее, ясно, что не только русский народ, а все народы РФ как субъекты российской гражданской нации прямо заинтересованы в достижении справедливого миропорядка, равноценной безопасности, а также в упрочении суверенитета России как многонационального государства.

Концепт российскости в идейно-политических и идейно-организационных проекциях. *Концепт российскости* является не менее детерминированным всей российской историей и российским общественно-политическим процессом, чем *концепт русскости*. Российскость лежит в основе национальной идея России и российской гражданской идентичности, содержание которых остаются дискуссионными. Здесь отметим тезисы Президента РФ В. Путина из статьи «Россия на пороге нового тысячелетия» 1999 г., которые сегодня предполагают новое прочтение. Речь идет о российской идее, собственно, о *российскости*, об отсутствии государственной, официальной идеологии в любой форме и о неприемлемости принудительного гражданского согласия, которое может быть только добровольным. Программатика российской идеи – концепта российскости – предусматривает, что «наднациональные, общечеловеческие ценности, возвышаются над социальными, групповыми, этническими интересами» и включает патриотизм, державность, государственничество, социальную солидарность, а также «сильную государственную власть в России как демократического, правового, дееспособного федеративного государства» [17].

Современные события тяжкого геополитического состава, глобальное обострение отношений РФ с США, странами Запада и иными государствами мотивируют к новому осмыслению и к новому мотивированию *концепта российскости*. Для оппонентов России негативным непредвиденным фактом стала социальная и политическая солидаризация российского общества

вокруг военно-политической доктрины Президента РФ В. Путина в границах идейно-идеологического и организационно-политического **концепта российскойскости**. Этот концепт, на наш взгляд, органично включен во внешнеполитическую доктрину РФ [4. С. 8-26].

Обращаясь к многочисленным и весьма впечатляющим научным опусам, отметим, что в них выделяются категориальные цивилизационные, историко-культурные основы **концепта российскойскости**, прежде всего через осмысление российской гражданской идентичности [15]. Это обосновано с учетом обращения политологов к детерминантам современной российской государственности, российской политичности и российской социальности. Апелляции к историко-политическим паттернам и политико-историческим сюжетам типичны для современного общественно-политического политико-управленческого дискурса **концепта российскойскости**, что подтверждается статьей Президента РФ В. Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» (2021 г.) [16].

Вникая в сущность и структуру **концепта российскойскости**, мы склонны выделять его общественно-политические детерминанты, а именно: принципы функционирования власти, мотивы левой активности, аргументы правового консерватизма, модели отношения государства и общества, возможности и пределы применения государственной воли и государственного насилия. Данные детерминанты имеют компенсаторно-технологические проекции, уместные во внутри- и внешнеполитических потребностях. Осознание и трансляция **концепта российскойскости** важны для: а) консолидации российского общества; б) оптимизации отношений государства и граждан; в) повышения уровня лояльности населения к власти; д) форматизации публичной политики в рамках суверенной российской демократии; е) признания современных внешнеполитических мероприятий РФ.

В идейно-мировоззренческом плане **концепт российскойскости** устойчив в силу гуманизма, всечеловечности (что идет от **русской идеи** и **концепта русскости**) и интегративных российских ценностей, олицетворенных в транснациональных кроскультурных, творческих, языковых, литературных, художественных образах. В то же время **российскость как концепт** перспективна в силу политико-правового институирования со всеми соответствующими элементами. В основе **концепта российскойскости** лежат политико-программные идеи, близкие и понятные российскому народу – патриотизм, гражданственность, народность, социальность, а также готовность к ограничениям во имя интересов государства, так как патриотизм и гражданственность россиян имеют, прежде всего, государственный характер. Притом, что в Конституции РФ зафиксировано отсутствие обязательной государственной идеологии именно государственническая министералитетная идеология является определяющей общественной идеологией. Большинство российских граждан даже при недовольстве действиями

власти отождествляют в своем восприятии родину, государство и власть и поддерживают персонификацию последней, что, впрочем, не изымает из политологической теории и политической практики проблему упрочения российской гражданской идентичности и транспарентного осмысления **концепта российскости**.

Категоризация **концепта российскости** осуществляется параллельно со становлением российской гражданской нации в условиях эволюции российской демократической политической системы в ее суверенной российской модели. Соответственно, пополняется существенный банк политологических исследований, которые посвящены **концепту российскости** в теоретико-методологическом, сущностно-категориальном, идейно-мировоззренческом, нормативно-правовом, программно-организационном и практико-технологическом аспектах.

Политологические ресурсы в развитии концепта русскости и концепта российскости. Дискуссии по поводу перспектив соотношения **русскости** и **российскости** в пределах идентичности российской гражданской и политической нации весьма обоснованы. Они отражены во многих экспертных оценках современного национально-государственного строительства, которое наследует как активы, так и откровенно «детские слабости» и «наивные увлеченности» политической элиты. Эволюция России следовала идеям имперскости, мировой социалистической революции, коммунизма как неизбежного будущего человечества, «социализма с человеческим лицом», перестройки, политического демократического транзита и демократизации.

Среди оснований историко-культурного, общественно-политического синкретизма **российскости** и **русскости** российского общества политическая и этнополитическая наука высвечивает разнообразный этнический портрет населения и в то же время функциональную полиэтничность российской гражданской нации. Многонациональность народа РФ (российской нации) зафиксирована в преамбуле Конституции РФ, в ряде ее статей. Она подтверждена в наборе объясняющих и уточняющих поправок в Основной закон страны 2020 г., которые нацелены на достижение этноязыкового, этнокультурного и в то же время гражданского комфорта граждан.

Сделаем наблюдение, что российская политическая наука в последнее десятилетие в отличие от начального этапа своего становления не столько накладывает на бытие свои схемы и не столько предлагает государству и обществу технологические алгоритмы развития, сколько констатирует бытие. Это относится и к дальнейшему категориальному, экспертному и проективному оформлению **концепта русскости** и **концепта российскости**, разработка и распространение которых как культурной и политической проекции состоялось с помощью многих организационных, технологических усилия власти, СМИ, экспертов, общественных организаций и др.

Понимая рациональные и эмоциональные детерминанты **русского этнического Ренессанса**, и в то же время, признавая общественно-политическое элевирование российской гражданской идентичности, выскажем сомнения в том, что **концепт русскости** однозначно равен **концепту российскости** при их очевидной связи и содержательно-смысловой конвергенции.

Проводя аналитику в отношении этих концептов, усилим ресурсы понимающей **политологии**, которые уникальны и которые предоставляют большие аналитические возможности. Помимо исследования фактов, реалий, тенденций, закономерностей, а также политического метатекста и политического нарратива, действующий политолог использует включенное наблюдение и непосредственное и опосредованное личное участие в общественно-политическом процессе. Применение политологической интуиции и способности к политическому предвидению позволяет рассматривать **концепт русскости** и **концепт российскости** в горизонтах **консервативно-охранительной политологии**. Политическая наука в современной РФ все больше базируется на традиционной методологии, вырабатывает все более консервативные объяснения действительности, предлагает все более сдержанные (оптимальные, инерционные, консервирующие) прогнозы. Так она отражает стремление политической элиты страны к стабилизации, охранению, инерциализации и канализации проблем и откликается на внутренние проблемы и противоречия, а также и на реальные угрозы со стороны субъектов международных отношений.

Современным геополитическим катастрофизмам противостоят политические (теоретические и эмпирические) модели нового трайбализма, новой общинности – кооперативности, нового коллективизма – коммуналистичности, а также и нового уровня сплочения общества и власти, потребность в которых актуализирована турбулентностями и энтропиями современности – террористическими угрозами, гибридными войнами, конфликтами, угрозами применения оружия массового поражения.

В связи с отмеченным выше, выведем на авансцену исследовательского поиска проблему дихотомии **русский как этнический – российский как гражданский**. Она содержит явное противоречие, часто сглаживаемые и в жизненной, и в политико-управленческой практике: «... в сложной по составу населения России существуют две основные, не исключające друг друга формы самосознания, – по стране и по своей этнической принадлежности: я и русский, и россиянин» [6]. Тем не менее, противоречия и согласия внутри этой дихотомии рельефно видны на «всех трех картах – географической, этнической, политико-административной» [24].

Являясь страной провинций, страной регионов, Россия как субъект международного права на протяжении своей истории присоединяет, завоевывает, возвращает себе территории. История организации российской власти и управления свидетельствует о том, что имперская политико-властная

и политико-управленческая монополизация власти допускала ее дифференциацию по регионам. Широко применялись не только военно-политическое давление и подавление, но и присоединения, добровольные вхождения, компромиссы и договоры, пакты, в результате чего границы Российской империи, СССР и РФ менялись и меняются.

Геополитическая подвижность территорий и границ сопровождалась сменой, пополнением, убыванием, перемещением, миграциями, переселениями населения, прибыванием новых этнических групп. Они – носителя разных культур, менталитетов, стилей жизни – включались в коэволюционный гражданский процесс и усиливали синкретичность равно как *русскости*, так и *российскости*. Формирование новых социальных и политических конгломератов – подданных Российской империи, граждан многонационального советского народа СССР, членов многонационального русского народа (русской нации) РФ проходило и проходит с успехами и противоречиями, которые регулировались центральной властью, легитимной и признаваемой большинством населения, в направлении согласования *русскости* и *российскости*.

Решающей политической технологией этого согласования всегда была централизация власти, которая обеспечивала синкретизацию идентификационных стратегий и тактик. Централизация власти сегодня пролонгируется в усилении присутствия федерального центра в регионах, в нейтрализации оппонирующих региональных политических режимов, в высокой лояльности региональных политических элит, в персонифицировании ответственности политического класса перед главой государства.

В тоже время централизация власти смещает в арьергард общественной практики технологии публичной политики, гражданского активизма, создает писанные и неписанные рамки гражданской и политической самоорганизации и правила демонстрации лояльности власти. Дальнейшая вертикализация и персонификация власти ставят под сомнения возможности самопочинного общественного консенсуса, демократии согласия как гражданско-политической доктрины.

Сегодня, как свидетельствуют реалии общественно-политического процесса, а также обобщения политологического исследовательского поиска, актуальным остается вопрос о том, нужно ли гражданам «*держатъ государство на своих плечах или держатъ государство в руках*» [18. С. 83-95].

Резюмирующие соображения. Как показывает не только российская, но и мировая политическая практика, этно-идентификационный акционизм и гражданско-идентификационный акционизм равно используются в государственном строительстве, нациеобразовании, достижении государственного, территориального, культурного суверенитета.

В структуре *русскости* и *российскости* присутствует множество общественно-политических сегментов. С одной стороны, сочленение *русскости*

и **российскости**, не требует доказательств в силу аксиоматической причинности, подтвержденной общественно-политической практикой и творчеством российской гражданской нации. С другой стороны, сопряжение **русскости** и **российскости** требует поиска и применения стратегических, тактических, операциональных технологий оптимизации, особенно с учетом современных ущербов, которые испытывают на прочность, государственно-ориентированную солидарность россиян.

Тренд развития российской политологии в осмыслении **концепта русскости** и **концепта российскости** в большой степени соответствует тренду развития общественно-политического процесса РФ. Также отметим, что ресурсы понимающей политологии в интерпретациях **русскости** и **российскости** существенно коррелируются в связи с позицией фронтменов политического класса и, собственно, с позицией главы государства. Это закономерно, так как идейная убежденность и политическая программа персоналий правящей элиты в отношении **русскости** и **российскости** являются самостоятельно значимым сегментом предмета критической политологической научной рефлексии. В этой связи политический анализ позволяет рассматривать **русскость** и **российскость** не только как идейно-идеологические концепты, но и как общественно-политические проекты целевой доктринально-управленческой направленности.

С учетом выделенных вводных и результирующих соображений структурно-содержательная синкретичность **русскости** и **российскости** увязывается нами с несколькими обстоятельствами. Первое – стремление России как субъекта международного пространства к расширению территорий, включению народов и наращиванию геостратегического влияния. Второе – устройство Российского государства как федерации с широким использованием национально-государственного и национально-территориального самоопределения и вертикально-горизонтальным территориальным распределением власти. Третье – полиэтничность и поликультурность российской нации как сложившиеся реалии с популярным применением национально-культурного экстерриториального самоопределения. Четвертое – сплоченность и патриотизм российских граждан в отстаивании интересов государства как высшего и универсального достояния.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Батанова О.Н. Концепция русского мира: зарождение и развитие // Вестник Национального института бизнеса. М.: Национальный институт бизнеса, 2008. Вып. 6.
2. Батанова О.Н. Русский мир // Международная жизнь. М., 2008. № 11.

3. Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990.

4. Богатуров А., Лебедева О., Бобров А. Эволюция доктринальных основ внешней политики России // Международная жизнь. 2022. № 2.

5. Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М.: СТД, 2016.

6. Зорин В.Ю. «Слово «россиянин» не исключает нашу этническую принадлежность» // <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/vladimiromzorinim-23246.html>.

7. Ильин И. Путь к очевидности. М.: Дарь, 2017.

8. Кочеров С.Н. Русская идея как предмет философского анализа: к вопросу о необходимости философии идей // Credo New. 2010. № 1.

9. Кочеров С.Н. Русский мир: проблема определения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. № 5 (1).

10. Пейчева А. Информационные операции НАТО и их влияние на современную международную охрану // Мировая экономика и обратные отношения. 2022. Т. 2. № 4.

11. Полоскова Т., Скринник В. Русский мир: мифы и реалии. М.: Московский Фонд «Россияне», 2003.

12. Порошков М.М. Конструирование политических нарративов как инструмент политического дискурса для развития идеологических концептов и идеологий: проблемы теории и практики // Социодинамика. 2022. № 4.

13. Путин призвал развивать и укреплять русский мир // Ведомости. 6 февраля 2022.

14. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23 января 2012.

15. Путин В.В. Об укреплении общероссийской гражданской идентичности // https://www.1tv.ru/news/2021-03-30/404016-ob_ukreplenii_obscherossiyskoy_grazhdanskoy_identichnosti_govoril_prezident_na_sovete_po_mezhnatsionalnym_otnosheniyam/.

16. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. Президент России. 12 июля 2021 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>.

17. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30 декабря 1999.

18. Ремизов М.В. Государство в поисках нации: «русские» или «россияне» // Вестник экспертного центра. Всемирный русский народный собор. 2016. № 1.

19. Суверенитет государства в современном мире. Актуальные проблемы научного и общественно-политического дискурса. Сб. статей. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018.

20. Тимофеев И.Н. Политика санкций США на уровне исполнительной власти // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 3.

21. Тренин Д. Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблшер, 2021.

22. Тимофеев И.Н. Понимающая социология внешней политики: «агентная» модель поведения государства на международной арене // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: *Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 2.

23. Тишков В.А. Русский мир // *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2013.

24. Тишков В.А. Три карты. Доклад на пленарном заседании 8 конгресса российских этнографов и антропологов, г. Оренбург, 2-5 июля 2009 г. // http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publicacii/vatishkov_.html.

25. Тимаков В., Рудаков А. Русская программа. Формула и цель нашей цивилизации. Тула: Аквариус, 2015.

M.A. ASTVATSATUROVA

*Doctor of Political Sciences, Professor
Heilongjiang Institute of Foreign Languages,
Harbin, People's Republic of China; Professor,
Director of the Scientific and Educational Center for Political
and Ethnopolitical Research of the Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia*

L.KH. DZAKHOVA

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy and Social Sciences
of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov,
Vladikavkaz, Russia*

R.A. CHIKHTISOV

*Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy of the North Ossetian State
University K.L. Khetagurova,
Vladikavkaz, Russia*

THE CONCEPT OF RUSSIANNES: INTERPRETATION BY THE APPROACH OF RUSSIAN INTERPRETIVE POLITICAL SCIENCE

The article contains a political science critical reflection on such significant concepts of the modern Russian socio-political process as the concept of Russianness and the concept of Russianity. Their political and legal determinants and properties are distinguished in practical evolution and in the context of the current state of society and power in Russia, in view of significant external challenges and internal environmental factors. The formation, formulation and application of these concepts is linked with the political and administrative doctrine of the governance of the Russian Federation against the background of Russianness and Russianity, correlation, articulation and competition. The possibilities of ethno-civil solidarization of the country's citizens against the background of geopolitical challenges and damages and the actions of the Russian Federation to strengthen state sovereignty are emphasized with the help of understanding political science resources. The resultant ideas concretize the circumstances of the syncretism of Russianness and Russianity as political projects, highlighting the role of power and the role of society in optimizing them.

Key words: *Russianness, Russianity, civic consolidation, political nation, “Russian world”, Russian idea, Russian civic identity, conservative political science, political metatext, verticalization of power, public consensus, external challenges.*

С.А. АХМЕДОВА

*аспирант кафедры политологии и политической философии
Дипломатической академии МИД России,
Россия, г. Москва*

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ГРУЗИНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Распад Советского Союза в корне изменил геополитическую обстановку на Южном Кавказе. Однако, как и в ситуации, сложившейся в начале XX века Грузия и Азербайджан сумели наладить близкие отношения. Через Грузию проходят основные маршруты, по которым в Европу осуществляется экспорт азербайджанских углеводородов. Обе республики столкнулись с проявлениями этнического сепаратизма что также способствовало сближению их позиций. Однако наряду с общими интересами между ними существуют проблемы, в числе которых и проблема демаркации и делимитации государственной границы. В статье рассмотрены внешнеполитические отношения между Азербайджанской Республикой и Грузией на фоне территориальных вопросов. Изучены исторические предпосылки, способствующие нынешней геополитической ситуации, а также возможность решения проблемы дипломатическими методами. Изучено положение государств в составе Советского Союза, а также их положение после выхода из него и обретения независимости. Рассмотрено положение данного вопроса на современном этапе, а также предложены альтернативные варианты решения конфликтной ситуации.

Ключевые слова: *Азербайджан, Грузия, СССР, история, международные отношения, территориальная целостность, конфликт.*

Введение. Внешнеполитические отношения между Азербайджанской Республикой и Грузией представляют собой особый интерес для изучения. Актуальность данной работы заключается в том, что территориальный вопрос между двумя странами до сих пор остается открытым. Являясь свидетелями динамичного изменения внешнеполитической ситуации на постсоветском пространстве, становится очевидным, что внешне малозначительные факты из исторического прошлого могут приобретать символическое значение в условиях обострения отношений между странами, придавая им несвойственный ранее конфронтационный характер. Сегодня Азербайджан

и Грузия являются достаточно близкими союзниками, сотрудничество между ними развивается по целому ряду направлений, от сотрудничества в сфере энергетики, транзита до тесных гуманитарных контактов. Однако, в отношениях между двумя странами есть проблемные вопросы, одним из которых является незавершенная до сих пор делимитация грузино-азербайджанской границы. Общая протяженность ее составляет 428 км. Современные свои очертания она окончательно приобрела уже после советизации Южного Кавказа в 1920-1921 гг. Однако обе страны так и не смогли прийти к окончательному решению по данному вопросу.

Историческая ретроспектива. После провозглашения независимости Азербайджана и Грузии в 1918 году между обеими республиками встал вопрос о проведении государственной границы между ними. Поскольку рубежи между бывшими административными единицами еще царской России – Тифлисской и Елизаветопольской губерниями и Закатальским округом не соответствовали этническим границам, разделяющим зоны проживания обоих титульных этносов, это создавало предпосылки для возникновения взаимных территориальных претензий. Уже в июне 1918 года министр иностранных дел Азербайджана М. Гаджинский направил своему грузинскому коллеге письмо, в котором выразил протест против занятия грузинскими войсками территории Борчалинского уезда, одновременно назвав населенные мусульманами территории Борчалинского, Тифлиского и Сигнахского уездов частью Азербайджана. В ответном письме Н. Рамишвили назвал протест азербайджанской стороны вмешательством во внутренние дела своего государства, попутно отметив, что данный регион, вне зависимости от этнического состава населения, представлял собой всегда неотъемлемую часть Грузии. Поэтому азербайджанская сторона предложила для разрешения разгоравшегося территориального спора создать смешанную разграничительную комиссию, которая бы приступила к процессу делимитации и демаркации [3. С. 437-438]. Уже 27 октября того же года Грузия предложила созвать конференцию с участием представителей Азербайджана, Армении, Грузии и горцев Северного Кавказа на которой, в числе прочих, предполагалось разрешить территориальные споры между ними [3. С. 440-441]. Тем не менее, азербайджанская сторона, используя позицию Закатальского местного совета смогла заявить о присоединении округа к АДР [4. С. 198]. Решающую роль сыграла религиозные и культурные связи между населением округа и Азербайджаном. Несмотря на имевшиеся противоречия, общность экономических интересов Грузии и Азербайджана привела к тому, что данная проблема не вылилась в вооруженное противостояние между сторонами, подобно грузино-армянским и армяно-азербайджанским отношениям. 16 июня 1919 года Грузия и Азербайджан заключили оборонительный договор, в четвертом пункте которого прямо указывалось: «Договаривающиеся стороны обязуются

все могущие возникнуть между ними споры о границах разрешать путем соглашения или арбитража, решения которого признаются окончательными и обязательными для обеих сторон» [1. С. 94]. Тем не менее, окончательного своего решения вопрос о границе между Азербайджаном и Грузией тогда так и не получил.

28 апреля 1920 года после непродолжительного сопротивления Азербайджан был оккупирован Красной Армией. Уже 7 мая между Советской Россией и Грузией был заключен Московский договор, по которому последняя получила Закатальский округ [2]. В тех условиях, передача Грузии Закатал была скорее усыпляющим ее бдительность шагом. Несмотря на передачу Закатальского округа Грузии, его территория оставалась под контролем Советской России. При этом, при районировании территории Азербайджана Азревкомом, территория Закатальского округа была включена в состав Нухинского района Азербайджанской ССР [2]. Поэтому, уже после советизации Грузии, последовавшей в 1921 году, он остался в составе Азербайджана.

Давид Гареджи или Кешикчи даг? Распад Советского Союза в корне изменил геополитическую обстановку на Южном Кавказе. Однако, как и в ситуации, сложившейся в начале XX века Грузия и Азербайджан сумели наладить близкие отношения. Через Грузию проходят основные маршруты, по которым в Европу осуществляется экспорт азербайджанских углеводородов. Обе республики столкнулись с проявлениями этнического сепаратизма что также способствовало сближению их позиций. Однако наряду с общими интересами между ними существуют проблемы, в числе которых и проблема демаркации и делимитации государственной границы.

После восстановления государственной независимости Грузия и Азербайджан оказались в более выгодном положении, чем в 1918 году. В наследство от советской эпохи им досталась граница, которая автоматически получила статус межгосударственной. Но поскольку все 70 лет эта граница носила формальный характер и никак не была обозначена на местности, перед ними встала необходимость провести процедуру демаркации и делимитации. Совместная комиссия по демаркации и делимитации границы между Грузией и Азербайджаном была создана еще в 1996 году. Работа данной комиссии интенсивно продолжалась до 2011 года, то есть до смены власти в Тбилиси, когда к власти пришел возглавляемый Б. Иванишвили блок «Грузинская мечта». Были согласованы примерно две трети границы, а на оставшемся участке основные споры развернулись вокруг монастырского комплекса «Давид Гареджи», территория которого оказалась поделенной между Грузией и Азербайджаном. Грузинская сторона настаивала на обмене территориями, соглашаясь передать равный участок территории, объясняя это тем культурным и религиозным значением, которое для нее имеет монастырский комплекс, в то же время, Азербайджан

заявил о принципиальной невозможности данного обмена, мотивируя это важным стратегическим значением данной территории. При этом, азербайджанская сторона, допускала грузинских паломников и священнослужителей на находившуюся под ее контролем часть территории, но время от времени там происходили инциденты, вылившиеся в противостояние между азербайджанскими пограничниками и грузинскими активистами, старавшимися прорваться через границу [5]. Именно после этих инцидентов комиссия возобновила свою работу. Однако, уже в сентябре 2020 года в Тбилиси разразился очередной скандал: в рамках уголовного дела были арестованы члены комиссии по демаркации и делимитации государственной границы Ивери Мелашвили и Наталья Ильичева, которым сегодня официально было предъявлено обвинение в незаконной передаче грузинских территорий Азербайджану. Они, якобы, утаили от общественности и властей тот факт, что обладают копиями карт, в соответствии с которыми Грузия имеет право на территории, которые в настоящее время переданы Азербайджану [4. С. 534].

Заключение. Возможен ли ощутимый прогресс в ближайшем будущем? На наш взгляд – нет. Слишком болезненным является территориальный спор для Грузии и Азербайджана. И дело не в нескольких квадратных километрах территории, расположенной вдалеке от транспортных коммуникаций и крупных поселений. Здесь речь идет о символическом значении, которое этот вопрос приобретает для внутренней аудитории. Уступка как для одной, так и для другой стороны неприемлема, так как она означает отказ от представлений о себе, своих исторических предках, как о жертвах многочисленных несправедливостей, потерявших свои исконные земли. Единственный вариант – это превращение монастырского комплекса в объект совместного использования, что обеспечит сохранность данного историко-культурного памятника, создаст необходимые условия для его использования в научно-исследовательских целях, а также развития туристического потенциала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аватков В.А.* Основы внешнеполитического курса Азербайджанской Республики на современном этапе // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2020. № 13 (3).
2. Азербайджанская Демократическая Республика. Внешняя политика. (Документы и материалы). Баку: Издательство «Азербайджан», 1998. Документ № 165 Военно-оборонительное соглашение между Республикой Грузия и Азербайджанской Республикой. Тифлис, 16 июня 1919 г.
3. Борьба за укрепление независимости азербайджанской республики // https://republic.preslib.az/ru_a3.html.

4. Гасанов А.А. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. Баку: «Qərb-Şərq», 2007.

5. Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией // <http://www.kremlin.ru/supplement/250>.

6. Декреты Азревкома (1920-1921 гг.): сборник документов / Глав. Архив. Управ. при Сов. Мин. Аз. ССР, Центр. Гос. Архив Окт. Рев. и Соц. Строител. Аз. ССР; ред. А.А. Пашаев. Баку: Азернешр, 1988.

7. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис: Типография правительства Грузинской республики, 1919.

8. Новый скандал вокруг комплекса Давид-Гареджи: возбуждено уголовное дело // <https://www.ekhokavkaza.com/a/30865962.html>.

9. Пограничная провокация: Почему грузинский политик устроил скандал у Кешикчидаг? // <https://1news.az/news/20190502030429967-Pogranichnaya-provokatsiya-Pochemu-gruzinskii-politik-ustroil-skandal-u-Keshikchidag-VIDEO>.

10. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. Выпуск I: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу по 1-ое января 1921 года / РСФСР. Народный Комиссариат по Иностранным Дела. Петербург: Государственное издательство, 1921.

S.A. AKHMEDOVA

*Graduate student, Diplomatic Academy
of the Russian Foreign Ministry, Department of Political Science
and Political Philosophy, Moscow, Russia*

TERRITORIAL ISSUE IN GEORGIAN-AZERBAIJANI RELATIONS

The collapse of the Soviet Union radically changed the geopolitical situation in the South Caucasus. However, as in the situation at the beginning of the 20th century, Georgia and Azerbaijan managed to establish close relations. The main routes through which Azerbaijan's hydrocarbons are exported to Europe pass through Georgia. Both republics faced manifestations of ethnic separatism, which also contributed to the convergence of their positions. However, along with common interests, there are problems between them, including the problem of demarcation and delimitation of the state border. The article examines the foreign policy relations between the Republic of Azerbaijan and Georgia against the background of territorial issues. The historical prerequisites contributing to the current geopolitical situation are studied, as well as the possibility of solving the problem by diplomatic methods. The situation of the states within the Soviet Union, as well as their situation after leaving it and gaining independence, has been studied. The situation of this issue at the present stage is considered, as well as alternative solutions to the conflict situation are proposed.

Key words: *Azerbaijan, Georgia, USSR, history, international relations, territorial integrity, conflict.*

ВАН ЦЗЯСЮЙ

аспирант кафедры политологии

*Института истории и политики Московского педагогического
государственного университета, Россия, г. Москва*

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КИТАЯ СУНЬ ЯТСЕНА И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Политическая модернизация является основой социально-экономического развития современного Китая, уходящей своими корнями в ключевые политические теории, разработанные на рубеже XIX-XX вв. Одним из наиболее видных теоретиков модернизации был Сунь Ятсен, знаковая фигура китайской политической истории, ставший одним из наиболее почитаемых политиков прошлого в современном Китае. В наследии Сунь Ятсена был осуществлен уникальный синтез ключевых идей политической модернизации, возникших и развитых в западной демократической мысли, с основными постулатами китайской политической традиции. Сунь Ятсен внес значительный вклад в политическую модернизацию современного Китая, а его идеи имеют большое стратегическое значение для китайского государства, ориентированного на построение гармоничного социалистического общества под действием принципа верховенства закона. В рамках настоящей статьи рассмотрены основные положения теории политической модернизации Сунь Ятсена. Проанализированы основные идеи концепции «Три принципа народа», разработанная за относительно короткий период времени теории, послужившая интеллектуальным обоснованием для всех его политических действий. В статье рассмотрены базовые постулаты народовластия и доктрины средств к существованию народа как ключевых элементов теории политической модернизации Сунь Ятсена.

Ключевые слова: *Сунь Ятсен, политическая модернизация, принцип народовластия, ценности современного общества.*

Сунь Ятсен (1866-1925) является знаковой фигурой китайской истории, будучи одним из наиболее почитаемых в Китае политических деятелей. Его перу принадлежит знаменитая концепция «Три принципа народа», разработанная за относительно короткий период времени теории,

послужившая интеллектуальным обоснованием для всех его политических действий. Когда Сунь Ятсен говорил об экономической модернизации Китая и предвосхищал массовую передачу западного капитала, навыков и технологий для обеспечения данного процесса, он более чем на четверть века предвосхитил логику Плана Маршалла. Только после Второй мировой войны развитые индустриальные страны начали в полной мере осознавать взаимозависимость международной экономической системы. Сунь Ятсен предвосхитил сильные стороны реформированного конфуцианства, что особенно важно, учитывая, что именно конфуцианской этике некоторые приписывают достижения современной Японии, Южной Кореи, Сингапура и Гонконга. Модернизационные идеи Суна Ятсена относительно экономического развития и индустриализации Китая заслуживают особого внимания, так как они обладают актуальностью в наше время [13. С. 57].

Основное содержание теории модернизации Сунь Ятсена. В 1894 году в своем первом публичном заявлении – предложении о реформе, представленном имперскому главному секретарю провинции Чихли Ли Хунчану, – Сунь Ятсен обратился к необходимости быстрой модернизации экономики Китая. Он говорил о необходимости строительства обширных транспортных систем, то есть необходимой инфраструктуры современной экономики – автомобильных, железных и водных путей. Он говорил о необходимости средств связи, телеграфных и пароходных линий, для обслуживания потребностей растущей экономики, о необходимости внедрения современных технологий растениеводства и животноводства, то есть широкого использования химических удобрений, научных методов и техники, чтобы компенсировать низкие урожаи, которые сдерживали сельскохозяйственное производство и способствовали угнетающей бедности в обширных сельских районах отсталого Китая [5]. В его выступлении речь шла о внедрении машинного производства, современных образовательных и финансовых учреждений, а также о надзоре за исполнением закона, и все это для того, чтобы способствовать распространению научных знаний и обеспечить безопасность и мобильность, необходимые для развития современного Китая [7].

Забота о «жизнеобеспечении народа» была, конечно, традиционной для китайских мыслителей и находила выражение в самых разных формах. Оно регулярно встречается в конфуцианских и неоконфуцианских текстах. К 1895 году Сунь Ятсен использовал более короткую форму, чтобы выразить ту же озабоченность в программе из четырех пунктов Син-чжун хуэя – организации, которая должна была стать предшественницей революционного Тунмэн хуэя и последующего Гоминьдана. Данная программа представляла собой ряд мер обновления и развития, рассчитанных на повышение производительности сельского хозяйства, развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры страны, создание современных

школ и производств, а также введение кодексов управления общественной и политической жизнью, финансами и торговлей [14].

Задолго до того, как он узнал что-либо систематическое о западной социальной и экономической мысли, Сунь Ятсен уже сформулировал свои первые идеи о модернизации и развитии Китая. К 1895 году Сунь уже не питал надежды на то, что развитие Китая может быть достигнуто путем политической реформы маньчжурского правительства. Он стал сторонником революционного свержения имперского правления. К 1897 году Сунь Ятсен уже впервые сформулировал три темы, которые должны были придать смысл его идеологии: он выступал за возрождение китайского национализма, создание представительного правительства и его собственную форму социализма развития. В тридцать лет Сунь Ятсен сделал наброски своей политической программы, в центре которой была доктрина китайского социализма. Это был социализм, основанный на технологическом и промышленном прогрессе – социализм развития, – который имел сходство с интеллектуальными и моральными традициями Китая. Это был социализм, который стремился к обновлению и международной безопасности нации [3].

Новизна идей Сунь Ятсена в его теории политической модернизации Китая. «Три принципа народа» Сунь Ятсена обыкновенно сводятся к национализму, демократии и средствам к существованию народа, в качестве политического руководства для восстановления Китая после революции 1911 года, сочетая традиционную китайскую культуру с западными доктринами верховенства закона и правительства [6].

Взгляд страны на свободу. Сунь Ятсен исходил из первостепенной роли свободы как базового принципа идеологии Эпохи Просвещения на Западе. На формулировку трех принципов Сунь Ятсена повлияла Геттисбергская речь Авраама Линкольна 1863 года, в которой подтверждалась необходимость создания правительства народа, из народа и для народа, и в определенной степени три принципа Французской революции: свобода, равенство и братство. Первый из трех принципов Сунь – минзу чжуйи (民主主义, демократия), что можно перевести как «власть народа», но также как «власть нации» или «национализм» [10]. Минзу действительно обозначает идею объединения людей для формирования единой нации, тем самым придавая термину коллективистскую идентичность. По словам Сунь, в китайской традиции семейные узы следует считать мощной объединяющей силой, но в то же время единство китайского народа ограничилось кланом и не распространилось на нацию. Национализм, однако, следует понимать не в контексте простого переноса западного понятия в китайскую политическую традицию, а как его переосмысление с целью формирования специфического китайского пути к национализму, следуя идеалу «китайской нации», или Чжонхуа миньзу [12. С. 8].

Принцип минзу чжуйи относится к идее национальной независимости и к идее панкитайского единства. Практическое воплощение этой идеи заключалась в интеграции древних социальных групп Китая, таких как семья и клан, в единую китайскую нацию. В объединенном Китае это подразумевало согласие различных этнических групп, включая маньчжуров, монголов, тибетцев и мусульман, принцип, первоначально воплощенный в пятицветном флаге раннего республиканского периода и в доктрине «пяти рас под одним союзом», однако, не обошлось и без нерешенных противоречий между межэтническими устремлениями и фактическим преобладанием ханьцев.

Сунь Ятсен считал, что в Китае изначально слишком много свободы, что в итоге стало препятствием для национального и этнического развития. Именно из-за этого Сунь Ятсен подчеркнул: «Китайцам не нужна свобода. Что нужно Китаю, так это свобода страны, а не свобода личности. Для того, чтобы страна была полностью свободной, свобода личности должна быть не только расширена, но и строго ограничена. Каждый должен пожертвовать свободой. Свобода больше не должна применяться к отдельным лицам, она должна применяться к целой стране» [9].

Народовластие в социальной эволюции. Второй принцип – миньцюань чжуйи (民权主义), или «политическая власть народа», обычно называемый демократией. Сунь разработал его, объединив западные элементы (особенно ссылаясь на Руссо и Монтескье) с китайскими традиционными представлениями, как в случае с теориями Конфуция. Демократия, в этой концепции, является практической концепцией, функционально необходимой для постепенного и постепенного обеспечения Китая сильным и современным правительством. В доктрине демократии Сунь Ятсена соединяются две великие силы: политическая власть народа и административная власть правительства. Одна из них – это власть контроля, другая – власть самого правительства. В этом контексте политическая власть принадлежит народу, ответственному за демократический контроль над правителями, в то время как административная власть принадлежит правительственным институтам [15. С. 23-26].

Следуя примеру Соединенных Штатов и европейских стран, таких как Швейцария, Сунь Ятсен считал, что настоящая демократия должна наделять людей четырьмя основными правами, чтобы правильно ориентироваться и контролировать осуществление государственной власти: право голосовать, предлагать законы, отменять законы и отзываться государственных служащих. Что касается правительства, Сунь Ятсен разработал своеобразную модель, характеризующуюся пятью разделенными полномочиями: законодательной, исполнительной, судебной, следственной и, наконец, цензурной властью. В то время как первые три полномочия, очевидно, заимствованы из западной политической философии, дополнительные два были

вдохновлены китайской традицией, в которой такие функции осуществлялись довольно независимым образом по отношению к императорской власти.

Доктрина средств к существованию народа. Принцип миньшэн чжуйи был последним, разработанным Суном в хронологическом порядке. Тем не менее, автор считал его «центральной силой в культурном прогрессе общества, в улучшении экономической организации и в моральной эволюции». Концепция, обычно переводимая как средства к существованию людей, была предложена Сунь Ятсеном во время его пребывания на Западе под влиянием теорий экономиста Генри Джорджа. Несмотря на свое иностранное происхождение, термин, используемый для обозначения доктрины, заимствован из китайской традиции, чтобы отличать ее от идеи социализма (shèhuì, 社会) [8].

Чтобы разработать свою собственную доктрину, Сунь Ятсен принял во внимание как наиболее успешные реформы, проведенные западными странами (с особым упором на Германию, Великобританию и Соединенные Штаты, так и марксистские теории) однако, не разделяя их выводов, особенно в отношении классовой борьбы и прибавочной стоимости, предлагая гармоничное понимание между социальными классами вместо этого [11. С. 8; 4. С. 471-473].

Конкретная проблема, рассматриваемая данной доктриной, – это земельная проблема, которая решается путем установления фиксированного уровня ценообразования на китайские земли, при этом каждое увеличение будущей цены на землю передается государству во избежание спекуляций. Это предложение описывается как форма «выравнивания землевладения», направленная на решение того, что считалось самой большой проблемой в Китае с точки зрения экономического неравенства. Другой вопрос касается необходимости для Китая индустриализации и развития более высокого национального капитала, что представляет собой логическую предпосылку в отношении перераспределения частного богатства, решение, которое считается неподходящим для Китая [3. С. 57].

Несмотря на свою незавершенность, доктрина средств к существованию особенно интересна по нескольким причинам, в частности, широта спектра ее анализа, связь доктрины с капитализмом и социализмом, а также технические способы, разработанные ее автором для решения самых серьезных и конкретных проблем тех лет.

Современное значение политической модернизационной мысли Сунь Ятсена. Сунь Ятсен был первым революционером Третьего мира, который занимался всеми основными проблемами, с которыми столкнутся развивающиеся страны в XX веке. Он считал экономическое развитие критически важным для выживания и благосостояния менее развитых стран. Почти в то же время он определил национализм как функциональную

необходимость в этих усилиях по выживанию и процветанию. Он также признал, что ни развитие, ни националистическая приверженность не могут быть устойчивыми без социальной справедливости. Коммунистическая партия Китая переняла полезный опыт из его теории политической модернизации.

Политическое применение идей Сунь Ятсена. По мысли Сунь Ятсена, система политической модернизации должна не только впитывать наиболее полезные идеи у западной демократической мысли, но и наследовать суть древней китайской политической традиции и, самое главное, адаптироваться к национальным условиям Китая того времени. XVIII съезд КПК предложил придерживаться и развивать социализм с китайскими спецификой на новом этапе развития, придерживаться системы собраний народных представителей, теории Дэн Сяопина, важной идеи «Тройного представительства», а также продолжать наследовать и развивать марксизм-ленинизм и мысль Мао Цзэдуна. Руководствуясь основными национальными условиями Китая, XVIII съезд партии еще раз подчеркнул необходимость настойчивого продвижения социальной гармонии, которая является неотъемлемым атрибутом социализма с китайскими спецификой. Что касается отношения Китая к политической системе, то стоит отметить, что были выборочно внедрены передовые политические элементы западных стран, критически унаследована древняя политическая система. Можно сказать, что идеология Сунь Ятсена в отношении системы политической модернизации обеспечила эффективное методологическое руководство по разработке китайской системы политической модернизации, что играет незаменимую роль в содействии развитию политической модернизации Китая [2. С. 75].

Значение идей Сунь Ятсена для государственной и гражданской власти. В своей теории политической модернизации Китая Сунь Ятсен выступал сторонником сильного государства (правительства) с широкими функциями и большей властью, основанного на идее народовластия. В его теории государства он предлагал использовать власть народа для контроля за действиями правительства. Эта концепция вдохновила государственную систему стран, переживших период постразвития, особенно современный Китай. Цель распределения власти в процессе политической модернизации состоит не только в том, чтобы эффективно гарантировать эффективность деятельности правительства, но и координировать взаимосвязь между правительственными полномочиями и функциями, и позволить правительству в полной мере использовать свои возможности управления [1. С. 95].

Улучшение демократического строительства. Самой большой проблемой революции 1911 года было отсутствие народной поддержки. Революция не смогла обеспечить последовательную программу для распространения в массы. В отсутствие сильного, убедительного идеала, которого можно было бы достичь, крестьянское большинство неохотно поддерживало,

а на более поздних этапах и защищало «свою» революцию и легко вовлекалось в местные узкие интересы. Основная суть социалистической демократии заключается в полном уважении исторического статуса народа, где система собраний народных представителей является эффективной формой практики, которая соответствует этой природе и обеспечивает основные условия для участия народа в управлении государством. Это также отражено в системе местных собраний народных представителей Китая и играет надлежащую роль под общим руководством центрального правительства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ван Женбо. Концепция свободы в китайской конституционной культуре // Современное право. 1997. № 6. [*Wang Renbo. The concept of freedom in Chinese constitutional culture // Modern Law. 1997. № 6. (In Rus.)*].

2. Го Юэцзюнь. Комментарий к конституции пяти властей Сунь Ятсена // Журнал Восточно-Китайского университета науки и техники. 2012. № 3. [*Guo Yuejun. Commentary on the Constitution of the Five Powers of Sun Yat-sen // Journal of the East China University of Science and Technology. 2012. № 3. (In Rus.)*].

3. Лу Кэ. Мысль Сунь Ятсена о принципе народовласти и политическая модернизация Китая // Журнал Академии социализма Хубэй. 2007. № 5. [*Lu Ke. Sun Yat-sen's thought on the principle of democracy and political modernization of China // Journal of the Academy of Socialism Hubei. 2007. № 5. (In Rus.)*].

4. Поздязева С.М., Румянцева А.А. Особенности потребления в современном обществе // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153).

5. Сунь Ятсен. Научно-исследовательский отдел истории Китайской Республики, Институт современной истории Китайской академии общественных наук и др. // Полное собрание сочинений Сунь Ятсена. Пекин: Китайское книгоиздательство, 1984. Том 3. [*Sun Yat-sen. Research Department of the History of the Republic of China, Institute of Modern History of the Chinese Academy of Social Sciences, etc. // The Complete Works of Sun Yat-sen. Beijing: Chinese Publishing House, 1984. Volume 3 (In Rus.)*].

6. Сунь Ятсен. Научно-исследовательский отдел истории Китайской Республики, Институт современной истории Китайской академии общественных наук и др. // Полное собрание сочинений Сунь Ятсена. Пекин: Китайское книгоиздательство, 1955. Том 4. [*Sun Yat-sen. Research Department of the History of the Republic of China, Institute of Modern History of the Chinese Academy of Social Sciences, etc. // The Complete Works of Sun Yat-sen. Beijing: Chinese Publishing House, 1955. Volume 4 (In Rus.)*].

7. Сунь Ятсен. Научно-исследовательский кабинет Сунь Чжуншаня исторического факультета Чжуншаньского университета и др. // Полное

собрание сочинений Сунь Ятсена. Пекин: Китайское книгоиздательство, 1985. Том 5. [*Sun Yat-sen*. Research Office of Sun Zhongshan, Faculty of History, Zhongshan University, etc. // *The Complete Works of Sun Yat-sen*. Beijing: Chinese Publishing House, 1985. Volume 5 (In Rus.)].

8. Сунь Ятсен. Научно-исследовательский кабинет Сунь Чжуншаня исторического факультета Чжуншаньского университета и др. // Полное собрание сочинений Сунь Ятсена. Пекин: Китайское книгоиздательство, 1985. Том 6. [*Sun Yat-sen*. The research office of Sun Zhongshan of the Faculty of History of Zhongshan University, etc. // *The Complete Works of Sun Yat-sen*. Beijing: Chinese Publishing House, 1985. Volume 6 (In Rus.)].

9. Сунь Ятсен. Научно-исследовательский кабинет Сунь Чжуншаня исторического факультета Чжуншаньского университета и др. // Полное собрание сочинений Сунь Ятсена. Пекин: Китайское книгоиздательство, 1955. Том 7. [*Sun Yat-sen*. The research office of Sun Zhongshan of the Faculty of History of Zhongshan University, etc. // *The Complete Works of Sun Yat-sen*. Beijing: Chinese Publishing House, 1955. Volume 7 (In Rus.)].

10. Сунь Ятсен. Отредактировано Научно-исследовательский кабинет Сунь Чжуншаня исторического факультета Чжуншаньского университета // Полное собрание сочинений Сунь Ятсена. Пекин: Китайское книгоиздательство, 1986. Том 8. [*Sun Yat-sen*. Edited by the Research Office of Sun Zhongshan of the Faculty of History of Zhongshan University // *The Complete Works of Sun Yat-sen*. Beijing: Chinese Publishing House, 1986. Volume 8 (In Rus.)].

11. Фу Чжуанвэй. От ориентированного на людей к народному тоталитаризму – О традиционном происхождении идеи Сунь Ятсена о верховенстве закона // Журнал политических наук и права. 2010. № 6. [*Fu Chuanwei*. From people-oriented to popular totalitarianism – On the traditional origin of Sun Yat-sen's idea of the rule of law // *Journal of Political Sciences and Law*. 2010. № 6. (In Rus.)].

12. Ху Жуйхуа. Влияние западной политической мысли на Сунь Ятсена // Журнал Сианьского института иностранных языков. 1999. № 1. [*Hu Ruihua*. The influence of Western political thought on Sun Yat-sen // *Journal of the Xi'an Institute of Foreign Languages*. 1999. № 1. (In Rus.)].

13. Цянь Вэньхуа, Ци Вэйпин. О демократической политической мысли Сунь Ятсена и ее значении // Журнал педагогического колледжа Университета Циндао. 2004. № 4. [*Tian Wenhua, Qi Weiping*. On the democratic political thought of Sun Yat-sen and its significance // *Journal of the Pedagogical College of Qingdao University*. 2004. № 4. (In Rus.)].

14. Чжай Хуньэ. Анализ идеологического происхождения конституционной теории пяти властей Сунь Ятсена // Политические и юридические очерки. 2010. [*Zhai Hongye*. Analysis of the ideological origin of the constitutional theory of the five powers of Sun Yat-sen // *Political and legal essays*. 2010. (In Rus.)].

15. Чжэн Цзюнь. История понимания народовластий мыслителями реформаторами в ранний современный период Китая – постепенное развитие западного образования и переход от современного китайского взгляда на идеи о народном главенстве к взгляду на народовластия // Журнал Яньтайского педагогического университета. 2004. [Zhang Jun. The history of the understanding of the people's power by reformers thinkers in the early modern period of China – the gradual development of Western education and the transition from the modern Chinese view of the ideas of people's supremacy to the view of the people's power // Journal of Yantai Pedagogical University. 2004. (In Rus.)].

WANG JIAXU

*Postgraduate student of the Department
of Political Science, Institute of History and Politics,
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia*

SUN YAT-SEN'S THEORY OF CHINA'S POLITICAL MODERNIZATION AND THE VALUES OF MODERN SOCIETY

Political modernization is the basis of the socio-economic development of modern China, rooted in key political theories developed at the turn of the XIX-XX centuries. One of the most prominent theorists of modernization was Sun Yat-sen, an iconic figure of Chinese political history, who became one of the most revered politicians of the past in modern China. In the legacy of Sun Yat-sen, a unique synthesis of the key ideas of political modernization that arose and developed in Western democratic thought was carried out with the basic postulates of the Chinese political tradition. Sun Yat-sen has made a significant contribution to the political modernization of modern China, and his ideas are of great strategic importance for the Chinese state, focused on building a harmonious socialist society under the rule of law. In the framework of this article, the main provisions of the theory of political modernization of Sun Yat-sen are considered. The main ideas of the concept of the «Three Principles of the people», developed in a relatively short period of time theory, which served as an intellectual justification for all his political actions, are analyzed. The article examines the basic postulates of democracy and the doctrine of the livelihood of the people as key elements of the theory of political modernization of Sun Yat-sen.

Key words: *Sun Yat-sen, political modernization, democratism, values of modern society.*

Е.А. ТОРОПОВ

*аспирант кафедры философии политики и права
философского факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ АНАРХО-КАПИТАЛИЗМА

В статье исследуются правовые аспекты концепции анархо-капитализма – политической теории, полагающей возможным функционирование общества в рамках сугубо рыночных институтов. Мысль о принципиальной возможности успешного функционирования частных судебно-правовых систем при полном отсутствии государственных, является одним из немногих принципиальных отличий анархо-капитализма от минархизма, полагающего судебно-правовую систему исключительной прерогативой государства.

Ключевые слова: *анархо-капитализм, минархизм, частное право, либертарианство, Бенсон, Фридман, Хьюмер, Нозик, Ротбард.*

Концепция анархо-капитализма полагает возможным функционирование частных, имеющих свободно-рыночный генезис судебно-правовых систем и аргументирует их преимущества над этатистскими аналогами в той же консеквенциалистской логике, в какой излагает преимущества любых других образуемых рынком товаров и услуг над предоставляемых государством – будь то образование, здравоохранение или социальное обеспечение. Данная аргументация сводится к большему ассортименту для потребителя, увеличению конкуренции производителей и меньшей вероятности монополизации предоставления товаров и услуг, чем в случае государства, которое априори монопольно, а также склонно ограничивать выход на рынок новых агентов путем регуляций и налогов в пользу уже действующих участников рынка, таких как мегакорпорации, лоббирующие законодательство и налоговый кодекс в свою пользу, или прямой государственный запрет на предоставление той или иной услуги частным агентом.

В тоже время именно судебно-правовые вопросы представляют собой основную сложность в функционировании внеэтатистского, свободно-рыночного общества, что и представляет особый интерес для разбора

правовых аспектов потенциального анархо-капиталистического общества. Наиболее близкая к анархо-капитализму концепция минархизма, схожим образом отстаивая уменьшение роли государства практически во всех сферах, оставляет судебно-правовые аспекты государству. Концепция же анархо-капитализма, в отличие от минархизма или классического либерализма, предпринимает попытки обоснования принципиальной возможности функционирования частного права, опираясь при этом не только на теоретически аргументы и проведение параллелей с рынком товаров и услуг, но и приводя исторические прецеденты частного права.

Представляется, что изучение анархо-капиталистической аргументации в правовом аспекте способно как привнести свежую струю идей и аргументов в политическую науку и юриспруденцию, так и обозначить возможные сильные и слабые стороны государства и рынка через идеализацию дихотомии «власть-рынок». В практической плоскости совершенствование понимания границ рынка и государства, их преимуществ и недостатков имеют потенциал к применению в вопросах правового регулирования самых разных сфер жизни.

В теоретическом измерении частное право приведет к разнообразию полностью добровольных юрисдикций, каждая из которых будет отвечать потребностям и приоритетам той или иной группы индивидов, обладающих свободным выбором между ними. В этом и кроется ответ на вопрос о возможной практической пользе стремления к претворению концепции частного права в жизнь: судебно-правовые системы, имеющие рыночный генезис, равно как и любые другие рыночные социальные или экономические институты, априори подразумевают их формирование «снизу», самими гражданами – в отличие от государственной машины, которая даже при самых благих намерениях физически не способна учесть самые разные пожелания своих же граждан в рамках унифицированной, государственной судебно-правовой системы. Рыночные правовые системы, в свою очередь, могут гибко меняться под их создателей и потребителей, которые, к тому же, могут сменить одну судебно-правовую систему на другую.

Частное право, таким образом, – особый институт, в рамках которого граждане *добровольно* соглашаются на некоторые правила взаимодействия между собой. Отвечая на самое очевидное возражение о возможности появления экзотических систем, к примеру, не наказывающих за убийство, следует отметить, что едва ли такая система будет пользоваться спросом, и, как следствие, вообще существовать – поскольку правовая система в условиях свободного рынка является платным сервисом, существующим за счет платежей, согласившихся жить в ее рамках людей. Учитывая стремление человека к безопасности, логично ожидать, что в любой из этих систем, при всем их различии, к примеру, в коммерческом, семейном или трудовом праве, преступления насильственного характера будут наказываться

в каждой из них – и чем эффективнее в плане предотвращения преступлений, тем большим спросом такая система будет пользоваться.

Тем не менее, именно в вопросах жизни и смерти, в предотвращении насильственных преступлений и наказания за них частные судебно-правовые системы могут вступать в трудноразрешимые противоречия между собой. Если коммерческие, семейные или политические вопросы могут решаться в рамках тех или иных частных правовых систем в условиях отсутствия рисков необратимых следствий, таких как смерть или непоправимый ущерб здоровью, а в случае противоречий гражданин может свободно сменить ту или иную правовую систему на конкурирующий аналог, то в вопросах уголовных преступлений действительно отсутствует гарантированность благополучного исхода возможных правовых коллизий.

Ответом на указанную проблему может служить преимущественно эволюционный, но не революционный настрой подавляющего большинства теоретиков анархо-капитализма – необходимость последовательного, но не одномоментного перехода от государства к свободному рынку – и приватизацию уголовного права в последнюю очередь, уже после других отраслей права. В рамках такой «эволюционной» модели, как пишет один из современных теоретиков анархо-капитализма Майкл Хьюмер, частные институты расширяются одновременно со сжатием государственных, потенциально сосуществуя в течение длительного времени [9. С. 325]. Мыслитель также приводит оригинальный ответ на приведенное выше автором статьи опасение о принципиальной невозможности частного уголовного права, подчеркивая всю парадоксальность этатистского уголовного права как карающего преступника, но не стремящейся к компенсации ущерба для жертвы: «Это будет более вероятным, когда мы начнем смотреть на преступления не как на спор между государством и обвиняемым, а как на спор между обвиняемым и *жертвой*» [9. С. 326].

Тем не менее, и в государственном уголовном праве отнюдь не все благополучно, и существует целый ряд проблем, многие из которых имеют тенденцию к разрастанию. Здесь уместно сослаться на такой показатель эффективности предотвращения уголовных преступлений, как число занятых в правоохранительной системе и расходы на нее. Брюс Бенсон, один из ключевых современных проponentов частного права, утверждает, что в США 1970-х гг. «занятость в правоохранительном секторе возросла более чем пятикратно относительно прироста населения, а расходы в реальном выражении практически удвоились» [6. С. 131].

Можно привести еще один контраргумент возможности частного права: что будет с теми, кто откажется выбирать какую-либо судебно-правовую систему в принципе? Действительно, в свободно-рыночном обществе человек теоретически сможет экономить на взносах, которые, скорее всего, будут существенно ниже этатистского налогообложения (т.к. конкуренция

приведет к минимально возможной стоимости – более низкой, нежели у монопольных государственных). Однако кто при этом решится взаимодействовать с ним в сколько-нибудь существенных вопросах, осознавая, что он не несет никакой правовой ответственности за свои действия и слова? Таким образом, образуется непосредственный и, что важно, ненасильственный стимул принадлежать к судебной-правовой системе – если только индивид не ведет образ жизни отшельника.

Исходя из вышесказанного, наиболее вероятным представляется сценарий, при котором в анархо-капиталистическом обществе каждый человек будет членом какой-либо частной юрисдикции, а сами частные юрисдикции также смогут сотрудничать между собой на уровне отдельных, общих для всех юрисдикций компонентов, вроде обращения к одному, наиболее эффективному частному охранному агентству – с целью оптимизации расходов. Помимо возможной общности их законов в отношении, к примеру, насильственных преступлений, они, дабы исключить переход непокорных граждан в другие юрисдикции, также смогут создать общий реестр клиентов, в котором фиксируется параметр законопослушности – соблюдения принятых правил. Аналог можно наблюдать в виде межбанковского реестра добросовестности заемщиков.

Можно привести и третье принципиальное возражение концепции частного права: сегодня, в условиях этатистской действительности, отдельно взятый индивид также может сменить юрисдикцию путем миграции в другое государство. Однако колоссальные издержки такой смены в виде переезда в другое государство со всеми сопутствующими следствиями фактически сводят на нет конкуренцию между государствами в правовом аспекте. Частные же юрисдикции, весьма вероятно, не будут иметь территориальных границ в силу отсутствия необходимости демаркации физических границ собственного применения, будучи выбираемыми простой уплатой взноса. В свою очередь, отсутствие физических разграничений между различными судебными-правовыми системами обусловлено отсутствием необходимости проживания на одной территории как субъектов, так и объектов правоприменения – в особенности принимая во внимание современные реалии в виде электронного документооборота, судебных заседаний, проводимых с использованием средств видеосвязи, а плюс ко всему – договоров и иных правовых отношений, заключаемых агентами, ни разу не встречавшихся друг с другом воочию и живущих на разных концах мира.

В юридической науке также существует близкий к анархо-капитализму взгляд, согласно которому частный правовой базис является первичным по отношению к государственному – который выполняет лишь сервисную функцию. Российский правовед В.А. Пономаренко суммировал идею приоритетности частного права: «Теория признает теперь, что публичный порядок суть лишь сервисная надстройка над частнопроводимым социальным

базисом, жизнедеятельность которого публичная власть призвана обслуживать. Важно, что не только единственным источником, но и самоцелью публичной власти, по мнению значительной части сегодняшних теоретиков права, выступает складывающийся естественным путем (стихийно) частный правопорядок» [3. С. 51].

Идея примата частного права над государственным является, в своей сущности, в высшей степени антиэтатистской. Еще в «Философии права» Гегеля право было сформулировано как выражение воли народа [1]. Именно гегелевский взгляд на право, как на сущность государства является общепринятым в юридической науке на протяжении двух столетий, оставаясь «золотым стандартом» философии права и сегодня.

Тем не менее, любопытно взглянуть на аргументацию анархо-капиталистов относительно уже идущего, по их мнению, процесса замещения государственного права частным. М. Хьюмер приводит статистические данные, подкрепляющие его наблюдения касательно постепенного, градиентного процесса замещения государственных судов частными: «В США практика включения арбитражных оговорок в трудовые договоры широко распространилась, начиная с 1970-х гг., и сегодня до 25% работников используют арбитражи для разрешения споров с работодателями. Суды обычно признают эти оговорки и отказываются от изменения арбитражных решений» [9. С. 325]. Б. Бенсон, в свою очередь, доказывает кратный рост рынка частных охранных услуг: «Между 1964 и 1981 гг. трудоустройство работников в частные охранные и детективные агентства выросло на 432,9%, а число фирм, предлагающих подобные услуги, возросло на 285,5% за тот же промежуток времени» [6. С. 2]. Приведенные данные наглядно демонстрируют тенденцию возрастания роли рынка как в судебно-правовом, так и правоохранительном аспектах – не в последнюю очередь вследствие общей неудовлетворенности этатистскими аналогами.

М. Хьюмер также предлагает модель постепенного перехода общества к частному праву даже с согласия самого государства: «Почему государства согласятся на аутсорсинг одной из своих центральных функций? Одной из причин является то, что суды сильно перегружены и будут приветствовать уменьшение загруженности (1). Законодательные собрания и суды в США уже сегодня требуют разрешения отдельных видов споров арбитражами» [9. С. 326].

Переходя к анализу реально существовавших прецедентов частного юридического устройства, следует обратиться к российскому исследователю И.Ю. Философову, чье исследование средневековой Исландии и позиции Д. Фридмана (3) заслуживают дословного воспроизведения: «Каждый человек в Исландии имел право заключить «общественный договор» с любым годи (2) в любой момент – то есть, с точки зрения либертарианской философии, между годи существовала честная конкуренция. Это

положение Фридмана было поддержано в 1990 г. исландским экономистом Т. Эггертссоном: «Политическая арена во времена раннего исландского народовластия, – пишет Эггертссон, – представляла собой конкурентный рынок с 35 компаниями-игроками равной силы» [4. С. 58].

В чем причина исчезновения рынка юрисдикций и перехода Исландии под власть короля? «Главной причиной упадка исландского народовластия Лонг считает не те принципы, которые были положены в его основу, не географические и природные факторы, а появление территориального налогообложения в виде церковной десятины. «Юрисдикция годи не была связана с территорией, – пишет Лонг, – вожди, стремящиеся к возвышению, погнавшиеся за роскошью или требующие слишком большую плату за свои услуги, теряли сторонников. Но десятина была *привязана* к региону: каждый живущий в окрестностях церкви обязан был жертвовать именно на нее». Ловушка в том, что теперь с титулом годи можно купить церковь и собирать территориальный налог. Доход больше не зависел от репутации, качества «услуг» (т.е. военной и судебной защиты) и довольства приобретателей этих услуг, но только от богатства церковных округов» [4. С. 59].

Тем не менее, конкурентный рынок юрисдикций просуществовал в Исландии более трех столетий, и был разрушен по причине введения церковных десятин, территориально привязанных и потому фактически носивших характер безусловных налоговых платежей.

Дополнительно в обоснование прикладного характера концепции частного права, разрабатываемой представителями анархо-капитализма следует отметить, что Д.Фридман в своей монографии 2019 г., сосредотачивающейся на вопросах частного права, посвящает целый раздел практической применимости отдельных аспектов исторических прецедентов функционирования частного права в современном, этатистском мире [7].

Позиция анархо-капиталистов как относительно частного права, как и социально-экономических вопросов, является, несомненно, некоторой теоретической идеализацией, вопрос о практической реализуемости которой остается открытым. По мнению представителей рассматриваемой концепции, частное право уже начинает отнимать долю у государственного естественно-эволюционным путем. В этом и заключается ответ представителей анархо-капитализма на возражения ключевого теоретика минархизма Роберта Нозика, полагавшего позицию анархо-капиталистов радикальной в смысле желаемой ими, по мнению Нозика, немедленной имплементации *полностью* частного права.

М. Ротбард [10], с которым Р. Нозик [2] и состоял в активной дискуссии, действительно не артикулировал эволюционного пути достижения анархо-капиталистического общества (но и не призывая, тем не менее к революционному, обходя стороной вопросы практической достижимости анархо-капитализма). Но в случае работ М. Хьюмера, Б. Бенсона или последних

монографий Фридмана, которые Нозик уже не застал, очевиден общий настрой анархо-капитализма на сугубо эволюционный характер постепенного и тщательно спланированного приближения к идеалу анархо-капиталистического общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) О проблеме перегруженности судебной системы регулярно слышно не только в американском, но и в российском юридическом сообществе.

(2) Общинный вождь, наделенный судебными и административными полномочиями.

(3) Позиция Д. Фридмана была изложена еще в 1973 году, с публикацией первого издания «*The Machinery of Freedom*» [8]. Но в 2019 году мыслитель опубликовал отдельную монографию по этому вопросу. См. [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990.
2. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М., 2008.
3. *Пономаренко В.А.* Гражданское судопроизводство как услуга в электронном сервисном государстве // *Lex russica*. 2016. № 2.
4. *Философов И.Ю.* Исландия эпохи народовластия в современном либертарианском дискурсе // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения*. 2014. № 4.
5. *Фридман Д.* Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно. М., 2017.
6. *Benson B.* *The Enterprise of Law: Justice Without the State*. Ca., 2011.
7. *Friedman D.* *Legal Systems Very Different from Ours*. N.Y., 2019.
8. *Friedman D.* *The Machinery of Freedom*. N.Y., 1973; 1989; 2014.
9. *Huemer M.* *The Problem of Political Authority*. N.Y., 2013.
10. *Rothbard M.* *The Ethics of Liberty*. N.Y., 2003.

E.A. TOROPOV

*PhD student of the Department of Philosophy of Politics and Law,
Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

LEGAL ASPECTS OF THE CONCEPT OF ANARCHO-CAPITALISM

This article is devoted to legal aspects of anarcho-capitalism – a political philosophy that suggests the possibility for society to exist within the framework of purely market institutions. The very idea of the fundamental possibility of the successful functioning of private judicial and legal institutions in the complete absence of state ones is one of the few fundamental differences between anarcho-capitalism and minarchism, which considers the judicial and legal systems to be the exclusive prerogative of the state.

Key words: *anarcho-capitalism, minarchism, private law, libertarianism, Benson, Friedman, Huemer, Nozick, Rothbard.*

П.А. ТРОФИМОВ

аспирант кафедры философии политики и права
философского факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

ТЕОРИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ГРАЖДАНСТВА УИЛЛА КИМЛИКИ: НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ

В статье исследуется концепция национализма в теории мультикультурализма Уилла Кимлики. Цель статьи – определить особенности авторской концепции национализма, которую он именует либеральной, определить практики его реализации, выявить соотношения с классическим пониманием национализма, а также определить роль национализма в демократическом процессе и социальной политике. Либеральный культурализм как обособленное философско-политическое течение сформировался в 90-ые годы XX-ого столетия. Эта концепция частично берет свое начало в теории социального либерализма Джона Ролза, которая была адаптирована под решение проблем, связанных с взаимоотношениями между культурным большинством и меньшинствами в либерально-демократических обществах. На сегодняшний день мультикультурализм представляет из себя довольно стройную и оригинальную теорию, которая в некоторых вопросах близка к австромарксизму (К. Реннер, О. Бауэр) и наследию теоретиков еврейского социалистического движения начала XX века (Бунд, Поалей Цион), а также британскому социализму (Т.Х. Маршалл). Также среди причин появления мультикультурной теории можно назвать развитие постмодернизма, пробуждение меньшинств, развал колониальной системы, усиление миграционных процессов и глобализации, угрозу исчезновения некоторых культурных меньшинств и их маргинализацию, реакцию на нацибилдинг. Либеральный национализм и мультикультурализм являются формами либерального культурализма. В основе его теоретического базиса лежит концепция коллективных прав. Представителями этого направления можно назвать таких философов и политологов, как Уилл Кимлика, Айрис Янг, Юли Тамир и других. Предпосылкой либерального национализма Уилла Кимлики и всей его мультикультурной теории является концепция нации, а также отрицание принципа культурной нейтральности социальных и политических институтов.

Ключевые слова: мультикультурализм, культурализм, Уилл Кимлика, коллективные права, национализм, либерализм, левый либерализм, либеральный национализм.

Теория нации является одной из ключевых проблем современной политологии. За последнее столетие политическая наука в рамках этой проблематики была обогащена концептуальными разработками разных теоретических школ – конструктивистов, марксистов, либералов, примордиалистов и других. При явном концептуальном изобилии до сих пор не существует единой точки зрения по вопросу происхождения, развития и будущего нации, и сопутствующего ей феномена национализма.

Глобализационный всплеск второй половины XX в. и начала XXI в., сопровождавшийся активной миграцией населения, формированием глобальной культуры, региональной интеграцией, не исчерпал предметное поле для исследования феномена нации и национализма, а породил новые теоретические и практические вызовы. Несомненно, эти факторы привели к политико-философской рефлексии со стороны ученых, в том числе представителей либерального лагеря, среди которых были теоретики мультикультурализма – Уилл Кимлика, Юли Тамир и другие.

Обращаясь к теоретическому наследию Уилла Кимлики, в первую очередь необходимо дать определение основному понятию исследования. Национальностью, согласно представлениям канадского политолога, является культурная общность, имеющая язык, устойчивый ареал проживания, собственную завершенную институциональную систему, которая позволяет воспроизводить и развивать культуру [5. Р. 76-78]. В их отношении он также использует понятие социетальной культуры. Таким образом, понятия нации, государства и социетальной культуры фактически совпадают по объему и неразрывны друга от друга. При этом социальные институты модернизированного общества по своей сути универсальны, но в каждом государстве они «национализированы определенной культурой», которую по-другому можно назвать «господствующей».

Отрицание «культурной нейтральности» институтов является важным отличием «культурализма», в том числе мультикультурного либерализма Уилла Кимлики, от предшествующего либерального дискурса, в основе которого лежали идеи правового универсализма, этнокультурной нейтральности и космополитизма [4. С. 903]. Именно эти установки определяли дизайн либеральной правовой системы, что отразилось в стремлении построить правовую базу так, чтобы она была максимально проста и удобна для всех членов общества вне зависимости от их расового, этнического, культурного или социального происхождения. Таким образом, если универсализм позволял абстрагироваться от культурного происхождения человека, делая акцент на правовом равенстве всех граждан, то эгалитарный

мультикультурализм рассматривает культуру первостепенным фактором в постановке вопроса о равенстве.

В мультикультурных концепциях, основанных на личной автономии, либеральное равенство рассматривается сквозь призму государственной политики. Либеральное государство должно осуществлять заботу о гражданах, обладающих собственным представлением о должном образе жизни, с одинаковым уважением и заботой. Равенство в обращении с людьми без учета культурных различий приводит к тому, что государство поддерживает образ жизни господствующего большинства. В то же время издержки на осуществление образа жизни у представителей меньшинств из-за этого становятся выше, что является несправедливостью, которая должна быть скорректирована государством.

На практическом уровне это значит, что большинство, как считает Уилл Кимлика, ставит в невыгодное положение меньшинства посредством использования своей культуры и языка на государственном уровне. Так, например, меньшинствам приходится прикладывать дополнительные усилия, чтобы овладеть новым языком и изучить доминирующую культуру [7. Р. 27-28]. Но самое главное, что отсутствие собственных национальных образований, в том числе и автономий, может привести меньшинства к упадку или даже смерти их культур.

Разная трактовка принципа «равных возможностей» приводит к существенным противоречиям между мультикультуралистами и универсалистами. Последние считают, что так мультикультуралистами разрушается либеральное равенство. Попытки компенсировать «невыгодное положение» меньшинствам, рассматриваются привилегиями, выводом культурных групп за рамки некоторых законов, что отчетливо проявляется в теории Уилла Кимлики [5. Р. 97].

Приверженность Уилла Кимлики концепции нации и анализу обществ через культуроцентричную оптику вызывали критические замечания со стороны части политологического сообщества [3. Р. 17]. Она находила в классификациях Уилла Кимлики излишний схематизм и группизм, который наделяет определенные общности статусом базовой единицы социального анализа и свойством быть акторами политических процессов. Эти группы воспринимаются внешним наблюдателем организованными и обособленными, однако их внутренняя структура неоднородна и дифференцирована. Аналогичная ошибка была совершена марксистами, абсолютизовавшими рабочий класс, которому приписывалась излишняя субъектность – наличие собственных интересов и воли.

Способом выйти из противоречий мог стать либо отказ от концепции «нации», которая также создает теоретическую путаницу для Уилла Кимлики, либо искать среди групп подлинных акторов – людей или организации с собственными интересами, которые хотят навязать обществу

восприятие реальности через призму этнического дискурса, либо перейти на позиции космополитического (постнационального) гражданства (2).

Еще одной слабой стороной теории являются исключения, которые не попадают ни в одну категорию – потомки негров-рабов, у которых нет ни нации, ни единой культуры, ни государственности; беженцы, которые были вынуждены покинуть родину, но не хотят рвать связи с материнской культурой и институциями; потомки колониальных империй в странах.

Значительная критика эссенциализма, полученная за последние 30 лет, не привела Уилла Кимлику к отказу или кардинальному пересмотру концепции нации. Теоретическое ядро, которым является «нация», не подлежит ревизии или отказу, так как оно лежит в основе авторских воззрений на политическое участие в либеральном государстве и социальной политики. Отказ от нее приведет к разрушению всей авторской концепции мультикультурализма.

Уилл Кимлика является сторонником делиберативной демократии. Для него демократический процесс не ограничивается формальными процедурами. Он основан на обсуждениях, которые составляют большую часть в процессе политического участия. Граждане демократических стран, обсуждая национальные проблемы, вырабатывают единое представление об общем благе, гармонизируют соотношение частных и общих интересов, и только после этого результат узаконивается на государственном уровне. Процесс обсуждения возможен при условии высокого уровня доверия. Граждане должны верить в то, что и другие члены общества также уважают их мнение, что в случае поражения на выборах или дебатах проигравшая сторона примет результат и продолжит участие в демократическом процессе с надеждой на победу в следующем электоральном цикле или дискуссиях [7. P. 226].

Для проведения общественных обсуждений необходимо средство коммуникации – национальный язык. Он позволяет вовлечь в политический процесс максимальное число граждан. Обсуждения, выходящие за рамки языкового сообщества, будут менее эффективными. Даже в федерациях, где существует государственный язык, людям, мыслящим на родном (региональном языке) будет сложнее понять все тонкости обсуждений, осуществляемых на государственном языке, так как знание языка имеет предел, всегда существуют сложные для восприятия речевые обороты и конструкции даже для тех людей, которые «владеют языком в совершенстве». Условно говоря, для жителей Бельгии удобнее всего проводить политические обсуждения на региональном уровне, чтобы представителям каждой общины – франкоговорящей и нидерландоговорящей – было легче проанализировать информацию.

Наднациональное гражданство, денационализация политики особенно в условиях крупных наднациональных объединений вроде Европейского

Союза, приведет к полной утрате субъектности народа и откинет демократические общества в домодечную реальность, где политическая власть была бы сосредоточена в руках узкого слоя лиц, знавших сакральный или аристократический язык, коим в Европе были на разных этапах латинский и французский языки.

Жители разных стран не смогут понять друга друга из-за языкового барьера в момент политических дискуссий. Для таких обсуждений сложно будет создать наднациональную инфраструктуру: газеты, ТВ, глубокое знание наднационального языка и экспертное сообщество. Космополитическое гражданство без общего языка и идентичности приведет к концентрации власти в руках узкой олигархической прослойки. Другой альтернативы, которая бы позволила существовать либеральной демократии, кроме национального государства, пока не существует.

Еще одной причиной, из-за которой автор цепляется за концепцию нации, является связь между ней и социальной политикой государства всеобщего благоденствия, которая импонирует канадцу. Уилл Кимлика испытал сильное влияние со стороны британского лейбориста Томаса Хемфри Маршалла, который был идеологом социального государства. Британец считал, что интеграция масс в нацию осуществима посредством широких социальных гарантий – доступной медицины и образования, пенсий [2. Р. 48-49; 1. С. 414] (1).

Томас Маршалл видел основу государства всеобщего благосостояния в чувстве принадлежности к сообществу, основанном на цивилизации, которая является общим достоянием [9. Р. 96]. Интерпретируя высказывание Томаса Маршалла, канадец приходит к выводу, что чувство принадлежности к обществу имело связь с государством. Именно нация, очерчивая границы членства, определяет границы сообщества, в котором ожидается солидарность и есть чувство взаимной поддержки в тяжелый момент. Он усматривает связь между господствующим представлением о нации и перераспределением благ. Если в обществе господствует либеральный национализм, то его члены будут готовы поддерживать социальные программы, направленные на мигрантов и меньшинства, если примордиальный национализм, то желание делиться «с чужими» будет слабым [8. Р. 1-3].

Национальным является государство, где господствует одна единственная нация (культура). Тем не менее, в рамках государства может проживать несколько наций. Такие государства соответственно называются многонациональными или федеративными. В таких государствах каждая нация имеет собственные институты власти, но при этом одна из них формирует господствующую культуру. Так, например, в рамках России существует несколько десятков государственных образований, базирующихся на культуре местных жителей, но доминирующей культурой в стране будет русская.

Уилл Кимлика также не отказывается и от национализма, который является органической частью национального государства. Для этого он пытается сформулировать «правильный национализм», который называет либеральным. Этот национализм должен существовать в рамках либерально-демократического государства. Либеральный национализм – не низовое явление. Он реализуется государством или автономией (национализм нации меньшинства). Цели политики либерального национализма – сохранение и развитие языков и культур. Уилл Кимлика не различает особенностей между национализмом большинства и меньшинства. Оба существуют на одинаковых принципах. Следовательно, в рамках многонационального государства существуют оба вида национализма.

Уиллу Кимлике удобнее делить национализм на два вида – либеральный и нелиберальный. Последний исключает «подвижность идентичности», то есть в нем соблюдается строгая предписанность статуса. В некоторых случаях идет принуждение к принятию идентичности доминирующей культурной группы. Если нелиберальный национализм навязывает или не допускает смены идентичности, то либеральный, по замыслу Уилла Кимлики, должен действовать обратным образом, так как основан на принципе «автономии личности» [6. Р. 147].

Под автономией личности подразумевается способность свободного индивида определять и пересматривать жизненные цели в рамках определенной концепции блага. Человеческая идентичность определена культурой, человек неразрывно связан с культурным пространством. В автономной модели личности у людей есть способность сомневаться в собственных убеждениях и менять их. Таким образом, люди свободно могут изменить свою культурную идентичность, но порвать с культурой никогда не смогут.

Либеральный национализм можно назвать постэтническим. В обществе, где он господствует, критерием приема новых членов является не этническое происхождение – кровь или раса, а культура, что подразумевает добровольное принятие идентичности, знание языка и истории общества. Вместе с тем либеральное государство не должно запрещать представителям меньшинств выражать собственную идентичность. Либеральный национализм отличается от нелиберального еще и тем, что он не навязывает и не принуждает индивида разделять общенациональную идентичность [7. Р. 40].

Подытоживая вышесказанное, хочется отметить, мультикультурная теория Уилла Кимлики в первую очередь, конечно же, является сложным теоретическим проектом, который имеет в себе ряд противоречивых и слабых сторон, что не отменяет его интеллектуальную ценность. Это теория формирует нормативные рамки для либерального государства в контексте вывозов со стороны меньшинств, но, к сожалению, эта концепция не дает четкого прикладного механизма решения проблем, вызванных культурным разнообразием.

Вместе с тем Уилл Кимлика переоценил возможности либерального национализма, который может и одержал победу в крупных городах Запада и в университетских кампусах, но не смог получить одобрения в консервативных субурбиях. Так, например, в США, расовые противоречия остаются актуальной проблемой до сих пор. Жители благополучных пригородов также традиционного голосуют за Республиканскую партию, которая выступает за миграционные ограничения с риторикой сохранения подлинно американского общества.

Таким образом, возникает вопрос о полноправном членстве в либеральной нации. В обществах со значительным культурным разнообразием оно зависит не только от выбора идентичности со стороны конкретного человека, но и от признания со стороны окружающих людей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Программа Томаса Хемффри Маршалла была ориентирована на интеграцию британского пролетариата, отчужденного от культурного наследия собственной нации. Томас Маршалл продолжил развитие австромарксистского взгляда на концепцию нации. Только вырывание уровня культуры среди разных классов могла привести к полноценной интеграции в единую и монолитную нацию.

(2) Уилл Кимлика придерживается мнения, что переход к постнациональному гражданству приведет к разрыву с либерально-демократическим государством и либеральным национализмом. Этот проект ему кажется нереалистичным в силу того, что обсуждение ключевых общественных проблем идет на национальном уровне. У жителей национальных государств остается потребность решения политических вопросов на национальном уровне, идет обращение к национальному сообществу и его политическим институтам. Так, например, мусульмане Франции апеллируют к обществу с позиций французских граждан в дискуссиях по разрешению ношения хиджабов. Они воспринимают себя французскими гражданами исламского вероисповедания, а не гражданами города Париж или Европейского Союза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Кимлика У.* Современная политическая философия: введение. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
2. *Bellamy R.* *Citizenship: A Very Short Introduction.* Oxford University Press, 2008.
3. *Fillips. A.* *Multiculturalism without Culture.* Princeton University Press, 2007.
4. *Кымlicka W.* *Liberal Individualism and Liberal Neutrality // Ethics.* The University of Chicago Press, 1989. Vol. 99 (4).

5. *Kymlicka W.* Multicultural Citizenship. Oxford University Press, 1995.
6. *Kymlicka W.* Nationalism, Multiculturalism and Liberal Democracy // Ethical Theory and Moral Practice. 1998. Vol. 1 (2).
7. *Kymlicka W.* Politics in the Vernacular. Oxford University Press, 2002.
8. *Kymlicka W.* Diverse Societies Shared Membership Beyond National Identity: Deservingness and Solidarity in Diverse Societies, Political Studies, early view (co-authored with Allison Harell, Keith Banting and Rebecca Wallace). 2021 // https://www.researchgate.net/publication/351438262_Shared_Membership_Beyond_National_Identity_Deservingness_and_Solidarity_in_Diverse_Societies.
9. *Marshall T.H.* Class, Citizenship and Other Essays. N.Y.: Cambridge University Press, 1950.

P.A. TROFIMOV

*PhD student of the Department of Philosophy
of Politics and Law, Faculty of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

THEORY OF MULTICULTURAL CITIZENSHIP OF WILL KYMLICKA: NATION AND NATIONALISM

The article explores the concept of nationalism in the theory of multiculturalism by Will Kymlicka. The purpose of the article is to determine the features of the author's concept of nationalism, which he calls liberal, to determine the practices of its implementation, to identify correlations with the classical understanding of nationalism, and to determine the role of nationalism in the democratic process and social policy. Liberal culturalism as a separate philosophical and political trend was formed in the 90s of the XX century. This concept has its origins in part in John Rawls' theory of social liberalism, which has been adapted to deal with the relationship between cultural majorities and minorities in liberal democratic societies. Today, culturalism is a rather harmonious and original theory, which in some respects is close to Austro-Marxism (K. Renner, O. Bauer) and the legacy of theorists of the Jewish socialist movement of the early 20th century (Bund, Poalei Zion), as well as British socialism (T.H. Marshall). Also among the reasons for the emergence of multicultural theory can be called the development of postmodernism, the awakening of minorities, the collapse of the colonial system, the intensification of migration processes and globalization, the threat of the disappearance of some cultural minorities and their marginalization, the reaction to national building. Liberal nationalism and multiculturalism are forms of liberal culturalism. Its theoretical basis is based on the concept of collective rights. Representatives of this trend include such philosophers and political scientists as Will Kymlicka, Iris Young, Yuli Tamir and others. The premise of Will Kymlicka's liberal nationalism and all his multicultural theory is the concept of the nation, as well as the rejection of the principle of cultural neutrality of social and political institutions.

Key words: *multiculturalism, culturalism, Will Kymlicka, collective rights, nationalism, minority nationalism, liberalism, leftist liberalism, liberal nationalism.*

А.В. ГОЛОВИНОВ

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института Алтайского государственного
университета, Россия, г. Барнаул*

Ю.В. ГОЛОВИНОВА

*кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры правоведения и методики преподавания
социально-экономических дисциплин
Алтайского государственного
педагогического университета,
Россия, г. Барнаул*

О СПРАВЕДЛИВОСТИ НЕКОТОРЫХ УЗАКОНЕНИЙ: ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ СИБИРСКИХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕГИОНАЛИСТОВ

Настоящая работа направлена на постижение отдельных аспектов политического учения сибирских демократических регионалистов (областников). Цель публикации выявить проблематику государственной политики в сфере исполнения наказания в политико-идеологическом наследии основоположников сибирского областничества – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина.

Руководствуясь герменевтической методологией и инструментарием политико-текстологического анализа, авторами показано, что в политической концепции демократических регионалистов важное место занимает рефлексия о правовых основах политики Российской Империи в сфере исполнения наказания.

В рамках проделанной работы установлено, что пенитенциарную и уголовную политику мыслители-регионалисты рассматривали вполне по-современному, то есть в качестве важной составной части внутренней социальной политики отечественного государства. Руководствуясь принципом гуманизма и обращаясь к ценности социальной природы человека, сибирские демократические регионалисты обнаруживали многочисленные пробелы в правовых основах пенитенциарной политики имперской России.

Ключевые слова: *сибирский демократический регионализм, областничество, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, государственная политика в сфере исполнения наказания, политическая мысль, правовое регулирование.*

Обращение к политико-философскому наследию основоположников сибирского демократического регионализма (областничества) видится актуальным по нескольким причинам. Так, в 2022 году исполняется ровно 180 лет со дня рождения адепта идеологии так называемых областников – Николая Михайловича Ядринцева. Потому анализ и систематизация мало изученных страниц интеллектуальной галереи первых лиц сибирского общественного движения демократических регионалистов вт. пол. XIX в. представляется важным. Также уже назрела необходимость исследования политических воззрений данного течения отечественной общественной мысли. Так, при знакомстве с политической публицистикой родоначальников сибирского демократического регионализма Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанин становится понятно, что проблематика политики в сфере исполнения наказания как части государственной социальной политики занимает определенное место в их идейном мире. Вместе с тем, специальных работ, где бы на основе герменевтического инструментария реконструировались подобные политические идеи мыслителей-сибиряков, на данном этапе нет. Настоящая публикация как раз и посвящена восполнению данной исследовательской лакуны.

В современной гуманитарной науке можно наблюдать высокий интерес к общим вопросам идеологии сибирского демократического регионализма и его персоналиям. Прежде всего, можно выделить работы по истории движения областничества, представленные в трудах В.А. Должикова [1], А.С. Маджарова [2], М.В. Шиловского [5] и др.

Итак, применяя методологию историко-политологического инструментария, а также руководствуясь текстологическим анализом нормативных актов, сибирские демократические регионалисты оценивали политику в сфере исполнения наказания, обращаясь к полному собранию законодательства Российской Империи. Особый интерес вызвала ссылка как вид уголовного наказания, столь распространенного в механизме осуществления уголовной политики царизма. Такой пристальный интерес легко объясним, тем, что просчеты социальной и экономической политики в регионах, а особенно в Сибири Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин связывали со ссылочной системой.

Будучи сторонниками исторического подхода, сибирские интеллектуалы, давали характеристику юридическому оформлению ссылки, начиная с царствования Алексея Михайловича. В частности, Н.М. Ядринцев констатировал, что были изданы два указа: одним определено смертную казнь

для воров и разбойников заменять наказанием кнутом, с отсечением перста у левой руки, и ссылкой в сибирские, понизовые и украинские города с женами и детьми. В целом критикуя нормативную базу, сибиряк приходит к выводу, что «таким образом, в нашем древнем уголовном кодексе ссылка является смягчающим наказанием, что законодатель и определяет словом «пожаловате». С тех пор ссылка в Сибирь все более и более заменяет прежние суровые наказания» [8. С. 209]. На этот счет мнение сибирского общественного деятеля выглядит весьма убедительно.

Кругозор и широта мировоззрения областника подталкивали привлекать к конструктивному анализу также и доктринальные положения. Вообще применение передовых взглядов ученых-юристов очень часто приходится наблюдать в идеологии областничества. Так, Н.М. Ядринцев ссылаясь на положения международного тюремного конгресса в Стокгольме заключал: «Ссылка в своем выполнении представляет трудности, не позволяющие ее применять во всех странах и не дающая уверенности в том, что она выполняет все условия карательного правосудия» [6. С. 1].

К прочему, нормативные положения подзаконного характера также скрупулезно подвергались мыслителями-областниками анализу. В частности, детально ими рассматривался Приказ о ссыльных вт. пол XIX в. «Единственные сведения, – сожалел Н.М. Ядринцев, – которыми у нас привыкли руководствоваться, это только цифры Приказа о ссыльных, дающие знать, сколько уголовных преступников прошло через рубеж Урала из России в Сибирь. За этим рубежом, спустя момент перехода, как о числе, так и о положении ссыльных мы уже не имеем никаких сведений; самые ведомости Приказа о ссыльных – о количестве ссылки за прошлые годы, далеко не были полны, а цифры Приказа не были разрабатываемы и публикуемы» [7. С. 173].

В конечном счете, рассматривая уголовную политику в качестве важной составной части общей социальной политики отечественного государства, другой представитель сибирского демократического регионализма Г.Н. Потанин констатировал, что ссылочная система выбрасывает из общества лиц, которые при исправительных мерах могут быть полезными его членами. Обличая социальные последствия ссылки как меры наказания, Г.Н. Потанин отмечал: «ссылка наказывает вместе с преступниками их невинные семейства, губит и развращает их; она (ссылка) не удешевляет карательную меру, а обходится всем государствам дороже, чем другие карательные учреждения [3. С. 3].

В своей политической концепции сибирские интеллектуалы неоднократно указывали на социальные и экономические проблемы, порожденные ссылкой. Потому успех социальной политики они связывали с трансформацией уголовной политики в отношении ссылки как распространенного, но неэффективного наказания.

Также, опираясь на тексты тюремных инструкций и прежде всего на правовую доктрину в сфере тюремоведения, сибирские общественные деятели констатировали некоторые пробелы в правовом регулировании содержания осужденных в пенитенциариях Российской Империи. Они решительно выступали против одиночных камер. Так, Н.М. Ядринцев отмечал болезненно-раздражительное состояние подследственных и заключенных в «одиночках». Логично возникал вопрос об исправительном значении такого содержания заключенных. Николая Михайловича высказывал мысль о том, что правонарушители, содержащиеся в условиях одиночного заточения, только огрублялись и ресоциализировались. «Преступники грубые и неразвитые, – пришел к выводу областник, – сидевшие долго в уединении на цепи, являлись впоследствии еще озлобленнее и беспощаднее, из них выходили самые страшные мстители и убийцы. Это можно видеть из жизни многих наших каторжных, сживавших на цепи. Долгое уединение воспитывало желчными и озлобленными даже людей развитых...» [9. С. 61].

В целом политической мысли основоположников областничества был свойственен принцип истинного гуманизма. Обращение к внутреннему миру человека и понимание общей природы личности сквозь призму нравственности позволяло мыслителям-областникам расценивать преступника как объекта государственной политики в сфере исполнения наказания обладающего, прежде всего, душевными и духовными качествами.

«Жизнь преступников, – был убежден известный сибиряк, – может служить поводом не к порицанию только человеческой природы вообще, но иногда наоборот доказательством того, что инстинкты общежития, взаимных привязанностей и симпатии лежат столь глубоко в природе человека, что не пропадают даже в самой отверженной тюремной общине. Подобный вывод, даваемый жизнью, не только не расходится с общечеловеческой философией нравственности, но напротив подтверждает всю живучесть нравственного принципа в природе человека [10. С. 4].

Как видно, политическая философия сибирских регионалистов была окрашена в яркие тона гуманистической антропологии. Исходя из смысла приведенной цитаты, можно констатировать, что положение заключенных Н.М. Ядринцев, рассматривал в фокусе общей рефлексии о соотношении морали и права, нравственности и закона. Надо признать, что в этом контексте Николай Михайлович не был первооткрывателем. Вообще нарратив о морали и праве был свойственной и типичен интеллектуальной среде вт. пол. XIX в. По справедливому выводу А.А. Ширинянца, развитие общественной мысли в пореформенной России высветило дилемму морали и права как проблему политической самоидентификации новых участников политического процесса [4. С. 98].

С искренним сожалением Н.М. Ядринцев констатировал: «До сих пор как природа самого преступника, так и общественная жизнь его подвергались

только порицанию и исследовались исключительно в одних дурных стонах своих, как-будто в среде преступников и не могло быть некоторых вполне человеческих проявлений жизни, в которых можно встретить иногда много замечательного и поучительного, если, разумеется, жизнь тюремной общины будет подвергнута более-всестороннему рассмотрению» [10. С. 4].

Придавая ключевое значение социальной природе человека, сибирские общественные деятели ратовали за улучшение быта арестантов. В их мировоззрении рисовалась картина законодательного закрепления исключительно короткого периода одиночного заключения и отказа от пожизненного лишения свободы.

Так, выступая с докладом перед комиссией по тюремным преобразованиям в Петербургском юридическом обществе в 1890 г. Н.М. Ядринцев пришел к выводу о том, что «наказание строгое в начале, по мере того как заключенный делает успехи на пути желательном для общества должно смягчиться так чтобы он имел всегда в виду полную свободу как возможную награду. Итак, – заключал областник, – можно решительно высказаться против пожизненного лишения свободы» [6. С. 2].

Разумеется, в условиях имперской гипертрофированной государственности гуманизация пенитенциарной политики была маловероятна. Вместе с тем, как видим в широкой общественности реформаторов вт. пол. XIX в. открыто и активно обсуждались такие моменты.

В своей политической публицистике не обошли стороной сибирские демократические регионалисты проблемы правового регулирования и государственной политике по отношению к малолетним преступникам. Детально разбирая Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 и 1857 гг., мыслители-областники констатировали даже тенденцию к смягчению наказания несовершеннолетних правонарушителей.

«По Уложению 1845 и 1857 гг., – писали сибирские общественные деятели, – не подвергаются наказаниям, определенным за преступления и проступки, дети до 7 лет; от 7-10 лет только в таком случае, если они не имеют надлежащего о своих обязанностях разумения; от 10-14 лет, если виновный действовал с разумением, наказание ему смягчается: вместо каторжной работы и телесного наказания, он ссылается в Сибирь на поселение, а вместо ссылки на поселение, заключается в монастыре или смиренном доме также без телесного наказания...» [11. С. 78].

Мыслители-регионалисты отмечали вообще четкую тенденцию к уменьшению меры уголовного наказания. Обращаясь к букве уголовного закона, согласно Уложению о наказаниях уголовных в редакции от 1866 г. они отмечали: «для преступников от 14-17 лет сделано еще больше смягчения: если судом будет признано, что виновный действовали без полного разумения, то он подвергается или тому наказанию, которому подлежат действовавшие

с разумением малолетние от 10-14 лет, или-же, по усмотрению суда, отдаче в исправительные приюты» [11. С. 78].

Все же на практике ракурс смягчения наказания не был таким уж радужным. Областники в целом весьма трезво оценивали ситуацию. Н.М. Ядринцев на это счет писал: «Таково было развитие законодательства по определению наказуемости и виновности малолетних преступников. Несмотря, однако, на смягчение самих наказаний, обусловливаемое бес-сознательностью и не развитием детей, скоро должен был явиться вопрос о самой форме наказания. Естественно, что к детям не могли прилагаться каторжный работы, рудники, работа в крепостях и на заводах, также как ссылка на поселение и на водворение, предполагающая способность к колонизации и обеспечение себя трудом» [11. С. 79].

Таким образом, подводя итоги, отметим, что проблемы правового регулирования и осуществления государственной политики в сфере исполнения наказания в политико-идеологическом творчестве сибирских демократических регионалистов (областников) обсуждались основательно и серьезно. Пенитенциарную и уголовную политику мыслители-регионалисты рассматривали вполне по-современному, то есть в качестве важной составной части внутренней социальной политики отечественного государства. Руководствуясь принципом гуманизма и обращаясь к ценности социальной природы человека, сибирские демократические регионалисты обнаруживали многочисленные пробелы в правовых основах пенитенциарной политики. Ставя вопрос о справедливости некоторых узаконений в данной сфере, они заключали, что успехи и достижения социальной политики любого государства напрямую обусловлены установлением порядка и условий исполнения наказания на началах нравственности и человеколюбия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Должиков В.А. Н.М. Ядринцев об этнокультурном взаимодействии крестьян-старообрядцев Русского Алтая с аборигенным населением // Народы и религии Евразии. 2018. № 15 (2).
2. Маджаров А.С. «История», обращенная в будущее. (К 190-летию со дня рождения Афанасия Прокопьевича Щапова) // Известия лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3 (40).
3. Потанин Г.Н. Проект отмены ссылки в Сибирь // Камско-Волжская газ. 2 сент. 1873. № 102.
4. Шириняну А.А. Из истории самоопределения гражданского общества в России: разночинная интеллигенция 1860-1870 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6.

5. Шиловский М.В. Публицистическое осмысление Н.М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870-1880-е гг. // Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2021

6. Ядринцев Н.М. Тюрьма и ссылка // Восточное обозрение. 1890. № 28.

7. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень: Мандрики, 2000

8. Ядринцев Н.М. Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений // Дело. 1870. № 10. отд. 1.

9. Ядринцев Н.М. Секретная (из записок подследственного арестанта) // Дело: учено-литературный журнал. СПб., 1869. № 5.

10. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб., 1872.

11. Ядринцев Н.М. Колонии для малолетних преступников // Дело: учено-литературный журнал. СПб., 1874. № 7-8.

A.V. GOLOVINOV

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Constitutional and
international law, Altai State University,
Barnaul, Russia*

Yu.V. GOLOVINOVA

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Law and Teaching Methods
socio-economic disciplines, Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russia*

ON THE JUSTICE OF SOME LEGISLATIONS: PUNISHMENT POLICY IN THE IDEOLOGICAL HERITAGE OF THE SIBERIAN DEMOCRATIC REGIONALISTS

This work is aimed at comprehending certain aspects of the political doctrine of the Siberian democratic regionalists (regionalists). The purpose of the publication is to identify the problems of state policy in the field of punishment in the political and ideological heritage of the founders of the Siberian regionalism – N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin.

Guided by the hermeneutic methodology and tools of political and textual analysis, the authors show that in the political concept of democratic regionalists, an important place is occupied by reflection on the legal foundations of the policy of the Russian Empire in the field of punishment.

As part of the work done, it was established that regionalist thinkers considered the penitentiary and criminal policy in a completely modern way, that is, as an important component of the internal social policy of the domestic state. Guided by the principle of humanism and referring to the value of the social nature of man, the Siberian democratic regionalists found numerous gaps in the legal foundations of the penitentiary policy of imperial Russia.

Key words: *Siberian democratic regionalism, regionalism, N.M. Yadrintsev, G.N. Potanin, state policy in the sphere of punishment execution, political thought, legal regulation.*

Д.Е. СЛИЗОВСКИЙ

доктор исторических наук, профессор
кафедры Истории России Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва

А. ЧУГУНОВА

студентка бакалавриата (направление «Филология»)
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва

А. ТИМЕРШОВА

студентка бакалавриата
(направление «Международные отношения»)
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ ВНЕЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ АТАКИ НА СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКУЮ КУЛЬТУРУ: ОПЫТ АРТИКУЛЯЦИИ ПРОБЛЕМЫ

В статье предпринята попытка проследить и проанализировать тексты, мысли, мнения, замечания, повествующие об атаке на статус русского языка на фоне широкого исторического и геополитического контекста. Цель исследования – проанализировать физическое и духовное состояние русского языка под влиянием внеязыковых факторов, рассредоточенных на трех уровнях: геополитическом, историко-политическом и личностном. В статье также представлены своего рода виртуальные пожелания о выходе из кризисного состояния, в которое сегодня погружен русскоязычный мир внутри себя и вовне.

Ключевые слова: русский язык, русский язык в мире, историко-политическое содержание атаки на русский язык.

*Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?
А.С. Пушкин*

1. Актуальность проблемы. Русский язык как особая сфера продолжения русскости, а не только фактор совокупности явлений ее речевой деятельности, сегодня оказался в невероятных обстоятельствах из-за условий своего существования и жизни. Русистам внутри и во вне русского языка и мира предстоит найти и объяснить эти самые условия и своего существования, и условия жизни языка, выходя за пределы сугубо речевой деятельности. Русский язык – бесспорно отличается от политических, исторических и прочих форм жизни, но язык столь же бесспорно – общественное установление и явление. И в таком статусе язык становится предметом историко-политической и геополитической критики как рефлексивной процедуры по отношению к подобному рода событиям и процессам. К слову, в лингвистике эта проблема не является новой и спонтанной. Это – результат и следствие долгого и сложного развития, жизни и смерти языков и науки о языках, прояснения функционального статуса языковой среды в контексте его анализа [3. С. 790]. Рискнем заявить, что природа и характер отношений и связей языка, а также внешних условий его развития, современные реалии таких отношений, актуальны настолько, что дают основание и повод не только развить прежние научные догадки семиологии, но и расширить предметную область ее дискурса.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [6; 1; 7; 19; 9; 10].

Однако проблему политизации русского языка в постсоветском пространстве нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Актуально в научном и прикладном аспекте истолкование происходящего сегодня в русском языке и с русским языком не столько в виде поступающих сигналов о функциях языка, сколько о характерных признаках его статуса, природы изменений в содержании функций при переменах условий развития. Основоположник московской лингвистической школы Ф.Ф. Фортунатов еще в свое время обращал внимание на подобные эксцессы и проявления. Для него язык – не одна лишь «внешняя оболочка по отношению к явлениям мысли» и не только «средство для выражения готовых мыслей», а прежде всего «орудие для мышления» [5. С. 6]. Некоторые носители русского языка, для кого он родной и кому близок, не хотят с этим соглашаться. Или не готовы адекватно воспринимать сложности бытия современного русского языка.

Не исключаем критику такого подхода, где могут быть упреки в том, что мы пытаемся рассматривать зависимость развития языка от чего-то другого, чуждого ему.

2. Смыслы парадоксальности происходящего с русским языком.

Происходящее сегодня с русским языком, шире, с русской культурой, – состояние очень странное и парадоксальное. Русский язык, как (евразийская, а не атлантическая?!) система жизни знаков, коммуникаций и значений, в очередной раз в своей истории переживает состояние близкое к кризису. Глубина его ничем не измерима и не объяснена, поэтому – парадоксальна. Интуитивно чувствуем, что русский язык сегодня, будучи поруганным и отвергнутым, парадоксальным и странным образом обновляется с невероятной силой как язык символов, значений и смыслов. Речь идет, с нашей точки зрения, об обновлении русского языка в границах семиологии, где лингвистика, языкознание и прочее – только часть этой общей науки [13].

Парадоксально, когда многие из нас фиксируют упадок русского языка, падение его престижа в мире. Когда открыто поддерживаются на глобальном и государственном уровнях в Европе, Северной Америке и в других странах русофобия. Многими представителями мировой культуры и, что не менее важно – самими носителями русского языка внутри России, также, в прямом смысле поощряется атака на русский язык и культуру. В то же самое время российский народ, его государство, армия, посредством языковых значений, смыслов ведут бесстрашный и смелый диалог. Можно считать этот диалог, полемику, спор, упреки, оскорбления, унижения одной из форм гибридной войны против русского языка и русской культуры. Конечно же, на русском языке мы бы предпочитали говорить не только о войне в ее физическом проявлении, которую начала Россия против Украины, о факте, ставшим сигналом для отвода внимания от всего русского в целом и для распространения русофобии, а о сигналах, знаках, символах завершения войны в ее убийственно-кровавом значении. О переформатировании физической войны в войну за мир, за культурную, языковую безопасность. Всеми миру еще предстоит воспринять красоту и свет русского знака, слова и смысла, которые остаются сегодня практически недоступными пониманию современников. Признать такую логику суждений очень тяжело. Особенно тяжело, если видеть, как идут дела. Возможно, станет еще тяжелее. Начинаем всегда очень скверно, цена такого шага очень велика. Но, не сделай того, что делаем и сделали, то война коснется не только русского языка и культуры. И не только пространства русского языкового и культурного ареала.

3. Неязыковые факторы понижения статуса языка. Русский язык и русская культура сегодня в очередной раз отстаивают свое право быть и оставаться не только и не столько языком российского народа, культуры, российской цивилизации, государственности, сколько языком, культурой и литературой мирового значения. Верно будет и то, что в отличие от прошлых эпох и времен, вызвавших серьезные проблемы со «здоровьем» русского языка, сегодня, как нам представляется, физическое и духовное состояние русского языка оказалось под угрозой именно из-за беспрецедентного

влияния и воздействия на русский язык внеязыковых факторов. Некоторые внеязыковые факторы составляют угрозу для любого языка, – не только русского. Можно везде наблюдать усиление разрушающей силы внеязыковых факторов и условий для полнокровного развития языков. Буквально вчера артикулируемые в исследованиях внеязыковые факторы, их совокупность были угрожающими для любого языка [17], и для русского тоже [12].

Многие ученые, лингвисты, филологи, литераторы, изучая состояние русского языка, пытаются предложить прозаичное объяснение, происходящее с языком под влиянием внеязыковых факторов. Удивительное дело, к такого рода рефлексии, к этой категории интеллектуалов примкнули сегодня политики и политиканы всех уровней – от глобального до личностного. Совокупностью своих дел и поступков, заявлений и демонстраций они сформировали тяжелую атмосферу поругания «русскости», и верят в безупречность и благородство своих замыслов. Для них уже как бы и нет непреодолимого препятствия для понижения репутации русского языка и культуры. Множество сигналов и опять же на всех уровнях поступает об остракизме русской литературы, поэзии, спорта, театра, русских языковых школ. Открытой и даже своего рода навязчивой идеей для европейцев стала дискриминация русских по духу и формам культурных мирового уровня достижений, и преследование их носителей. Русские, как этнос, стали подвергаться в Европе и Америке буквально гонениям [23]. Поэтому русский язык и даже русская культура как мировое явление переживают сегодня состояние близкое к драматическому. И это состояние есть следствие неприкрытой атаки на статус и репутацию русского языка и русской культуры. Как мыслить этот процесс?

В истории русского языка подобные эксцессы не вновь. Но нельзя отмахнуться от того, что сложившееся состояние русского языка и русской литературы отражает процесс далеко выходящий за пределы, классифицируемые как экзотизмы – чуждые русскому языку, портящие и губящие русский язык. Возможно это лишь пугающее русистов преувеличение. Преувеличение даже на фоне признаков растерянности и уныния в среде русистов из-за потери международной репутации языка, его престижа и интереса к его изучению. Несколько смягчает ситуацию и атмосферу поругания русского языка то, что пока остаются устойчивыми представления о статусе русского языка, где широко пользуются паллиативными понятиями: остается «сравнительно высокое положение русского языка», «еще сохраняется престиж русского языка», «в последнее время наблюдается тенденция к заметному сужению сферы использования русского языка в мире» [11]. Такого рода суждения, надо признать, остаются в головах и мыслях представителей русской школы русистики, академического сообщества русистов.

Возможно многим сподручно преувеличивать степень драматизма с русским языком, русской культурой. Отчего так, тоже еще неизвестно!

Но объяснение должно быть, и непременно не только в сугубо лингвистическом и семиологическом значениях, при которых изучается способы взаимовлияния знаков языка и совокупность явлений человеческой жизни. Русский язык будучи живым организмом, подвержен воздействию поворотов в истории человечества. Язык как живой организм реагирует на происходящее. И вместе со средой своего обитания переживает боль, страдания, радости и вдохновение.

И тогда мало толку и еще меньше смысла в очередной раз признавать глубину переживаемого русским языком до уровня драмы. Драматизм языка – это всего лишь в высшей степени напряженная война культур между традиционалистами и прогрессистами. По геополитическим меркам – это конфликт высокого уровня между атлантистами и евразийцами. Нет резона, продолжая эту же линию, стенать: процессу самого мышления на русском свойственно та же глубина поражения. Не спасают ни русский язык, ни русскую культуру пугающие утверждения, что творимое с языком уже более, чем серьезная угроза для судеб российской культуры, науки, наукам о языке, литературе, поэзии, в целом – российской цивилизации. И мировой культуре, и цивилизации так же угроза не малая, когда оперируем цифрами: носителей русского языка на земном шаре лишь около 285 млн. человек, и русский язык занимает только 8 место в рейтинге языков мира [21]. Признать или отвергнуть такого рода факты, процессы, если они и являются реальностью текущего момента, это слишком поверхностно об этом думать. Но и усложнять процесс не лучший из способов мышления даже на русском языке, и во имя его защиты, над чем трудятся многие и многие [8].

Тоже многие сегодня интуитивно чувствуют и догадываются, что в лучшем из миров глобализма, Постмодерна, Постлиберализма и Постправды не только русскому языку, русской культуре, но и России не должно быть. Но всему человечеству, погружающемуся в стихию либерального авторитаризма и национализма тоже нездоровиться. На стороне тех, кто так думает и мыслит, кто так говорит на своих языках, и на русском тоже вся русская история диалектического перманентного спора, полемики, часто перерастающих в войну. И все та же история опять же на стороне тех, кто помнит, чем вершилась любая из войн, где русский язык был и воином, и спасителем от войны.

Мы – этнические русские и русские по духу. Мы – не этнические русские, но русские по готовности быть с русскими вместе, ищем выход из затруднений. У нас есть надежная опора на этом пути спасения и победы. В попытках приблизиться к анализу происходящего со статусом и процессом развития русского языка в чрезвычайно угрожающей для него обстановке, мы не исключали бы полезности того метода, которым активно, успешно и продуктивно пользовался академик Виктор Владимирович Виноградов. Ярым оппонентам и всякого рода критикам русского языка, радующимся

понижению его мирового статуса, придется считаться с нетленной мыслью академика, высказанной им еще в 1967 году в Париже: «Богатство и многообразие средств русского литературного языка, делающего его совершенно своеобразным и неповторимым явлением в кругу наиболее развитых мировых языков, во многом объясняется ходом социально-исторического движения самой системы русского языка и «внутренними законами» ее развития» [2. С. 4-16].

С русским языком, на наш взгляд, происходит то же, что обычно происходит при переходе с одного языка на другой. Лучшая иллюстрация к таким суждениям – эпизод их переписки Б.Л. Пастернака с Мишелем Окутюрье. Пастернак как-то, еще в 1959 году, будучи в состоянии серьезных переживаний, созданных атмосферой его литературного и поэтического бытия, на этот счет заметил: «Переходить с одного языка на другой – это больше, чем переместиться из одной страны в соседнюю. Это, скорее, шаг из одного несуществующего столетия в другое, пригрезившееся» [4. С. 533]. Грезы не исключают того, что русский язык ищет своих друзей, перемещаясь из одной страны в другую. И самое большее, что они могут сделать для русского языка, – просто быть ему друзьями.

Будет ошибочным не видеть переживания носителей русского языка и культуры, сконцентрированных не только вне самой России, но и в самой России. И того, как к ним относятся и как понимают и принимают их страдания. Казалось бы, внеязыковые факторы изменений в языке: развитие политических прав и свобод в обществе, рыночных капиталистических отношений, открытость общества к нововведениям; революционный характер изменений в электронных средствах коммуникации: все это должно бы снять препятствия для свободного и конкурентного развития языков, литературы, обеспечить их носителям такой же свободный доступ к мировым достижениям. Но как ничтожны могут быть последствия этих самых внеязыковых факторов, если держать в уме лишь то, что эти факторы влекут за собой функционально-стилистические перемены в языке, возвышение роли дискурса, развитие диалоговых форм общения, к освобождению СМИ от цензуры. Оказывается, языком, словом, погруженным в атмосферу декларируемых политических прав и свобод, можно отталкивать, презирать, издеваться. Страшнее этого то, когда мастера контрастов в языке свою ненависть и презрение делают так похожей на любовь и заботу: «До сих пор высокопоставленные официальные лица США красноречиво говорили о необходимости проводить различие между режимом Путина и самими россиянами. Но поскольку антироссийские настроения во многих странах сильны, а некоторые российские эмигранты подвергаются остракизму просто за то, что говорят по-русски, особенно важно, чтобы западные лидеры продолжали подчеркивать, что они не считают войну Путина «войной

русского народа»» [20]. Любовь и забота таких персонажей современности обещает несбыточное. Их эмоция заставляет их же верить в невозможное.

Четко сегодня для себя фиксируем следующее. Отмена русской культуры стало модным трендом, прежде всего, в странах европейской культурной традиции после введения Россией специальной военной операции, фактически войны, на Украине [18]. Опасной для устойчивого развития традиционной русской культуры становится, так называемая, антивоенная позиция большого числа российских деятелей культуры [22]. Ее сторонники не хотят видеть той войны, которая началась до февраля 2022 года. Резонны и не двусмысленны в этих обстоятельствах вопросы, озвученные приверженцами осужденческой линии проводимой военной кампании. Их последователи открыто вступили на дорожку политизации культуры и ее продукта. Они прибегают к изощренной пропаганде своих убеждений, тайных мыслей. Для этой категории людей, профессионально связанных с русским искусством, его культурными достижениями, их продвижением на мировых площадках, как-то легко оказалось стать пламенными и страстными низвергателями этой самой русской культуры, которую они же ценили, тиражировали и жили за счет этой высокой культуры. Теперь для странных носителей русскости легко можно бросить слова, легко читаемые в переводе и на русском языке: «Так ли мощна русская культура, как ее ракеты? Да, и давайте использовать это против путинизма» [16]. Редкими на этом фоне являются сообщения в мировых СМИ, утверждения и мнения, что волна культурной негативной реакции на русских является не только дискриминационной, но ошибочной и контрпродуктивной [15].

Искренние и последовательные русисты не призывают любить русский язык и русскую культуру. Они убежденные противники лишь тех, кто мыслит не только не любить, а хотел бы «убить» русских и русскую культуру. У убежденных и последовательных русистов, их сторонников и почитателей, где бы они ни были в противостоянии с их яростными оппонентами, есть не только великий, но и могучий, правдивый и свободный русский язык, на котором говорили и писали выдающиеся умы, гении человечества. О русском языке и русской культуре можно сказать то же, что Стефан Цвейг сказал о Ф.М. Достоевском: «Трудное и ответственное дело – достойными словами говорить о Федоре Михайловиче Достоевском и его значении для нашего внутреннего мира, ибо ширь и мощь этого неповторимого человека требует новых мерок» [14. С. 68]. Трудное и ответственное дело говорить и писать о русском языке и русской культуре сегодня. Это уже не литературная метафора. Но на русском языке и тем же Достоевским, Блоком писалось и говорилось: «Будем азиатами! Будем сарматами! Вон из европейского Петербурга, назад в Москву, в Сибирь, в новую Россию, в третье царство!» [14. С. 157]. «Миллионы – Вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразиться с нами!» [17].

4. Заключение. Российской языковой и литературной реальностью является непрерывный процесс выработки и усвоения принципов русской филологической традиции. У русских языковедов и литературоведов всегда была потребность пересматривать основные принципы науки о языке и словесном творчестве. Для русских лингвистов, насколько это известно, не было границ для того, чтобы осознать, обосновать и развить учение о языке. Они не ограничивали себя в этом, заявляя даже о магической функции языка и готовности идти по пути поиска секретов получить возможность воздействовать посредством языка на сознание человека. Порой уходили в этих поисках так далеко, что не исключали для себя стать властителями мира, быть избранными, провоцировать революционные перемены, соблазняться культурой, литературой, поэзией, новыми науками о языке, и соблазнять этим широкие слои населения, тяготеющее по своей природе к удовлетворению нетабуированных желаний и потребностей. Связывая себя с науками о языке, русские лингвисты однажды поняли, что быть только в области языкознания для воплощения сугубо своих научных потребностей, – этого оказывается недостаточно. Глубокое усвоение этих самых принципов возможно. Возможно, но как отражение исканий новых словесных и художественных форм в среде творческих групп на фоне бурных исторических событий, с учетом и опорой на события эпохи «бури и натиска». По крайней мере так было всегда, и в прошлом. Еще в 1928 г. гуру лингвистики Роман Якобсон в соавторстве с Ю.Н. Тыняновым, уловили эту тенденцию и высказали убеждение, что, хотя языкознание и литературоведение оперируют собственными внутренними законами, эти законы должны быть соотносены с другими областями культуры – политикой, экономикой, религией и философией [15].

Вот почему будет оправданным на геополитическом и историко-политическом уровнях проследить и проанализировать процесс отношений России, соответственно, русского языка и русской культуры с западной, прозападной и незападной системами мышления, объявившими бойкот русской культуре и необходимости устранить ее из общественного пространства. На этом уровне есть возможность также наблюдать и анализировать поведение застывших в ожидании, куда склонится вектор культурного и языкового развития. На личностном уровне происходящее толковать и объяснять, как изложение профессиональной и гражданской позиции, эмоциональной включенности, эмпатии, субъективных оценок. Следует учитывать, что на личностном уровне всякого рода эмоции, и гражданская позиция перестают быть абстракцией и остаются таковыми лишь на геополитическом, историческом и политическом уровнях. Но нельзя исключать того, что анализ указанных процессов есть пересечение объективных и субъективных данных геополитического и историко-политического характера. В современных обстоятельствах нельзя игнорировать и тот процесс,

когда мысли, замечания, наблюдения, эмоции, определения – совпадают и расходятся с фактической стороной процесса. Любая попытка предложить ряд ответов императивного порядка, своего рода предложений и пожеланий, которые могут совпадать с настроениями истинных поклонников и носителей русского языка и культуры, может быть лишь попыткой, но не должным.

Объяснения большего и лучшего требует то положение, что одни и те же факторы, влияющие на изменения в языке, ныне оказались ничтожными по своему значению и содержанию. Скажем больше, смысл и значение внеязыковых факторов, не всех, разумеется, но базовых, стали противоположными. Или потеряли свою актуальность научной и практической пользы по причине того, что их прежняя смысловая интерпретация стала, минимум, устаревшей, ригидной. При таком контексте развития глобального мира, при тех переменах, что охватили политику, культуру, экономику постсоветского пространства, почему-то кризис с русским языком обрел размеры небывалой ранее величины и значения. При внимательном наблюдении заметны признаки драмы бытия языка. Но тот же уровень наблюдений показывает, физическое и духовное состояние языка, его трагедия обретают свойство и признаки живучести, обновления и развития до пределов, ранее недостижимых. Трагедия русских языковых диалектов, литературных стилей, трагедия и драма учителя русского языка, поэта, писателя, всех работающих с русским языком и на русском родном переходит в свою противоположность, поскольку на русском языке транслируется для каждого, кто хотел бы прислушаться и понять будущее, идея гуманизма, защиты и безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Буянов В.С.* Русский мир как цивилизационно-культурное пространство // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 2 (28).
2. *Виноградов В.В.* Русский язык в современном мире // Русская речь. 1970. № 1.
3. *Грицианов А.А.* «Язык-Объект» // Новейший философский словарь постмодернизма. Минск: Современный литератор, 2007.
4. Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920-1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
5. *Иванов В.В.* Лингвистический путь Романа Якобсона / в кн. Роман Якобсон. Избранные работы. Москва: «Прогресс», 1985.
6. *Киселев С.Г.* Евразия – пространство геополитического и геоцивилизационного противостояния // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 1 (31).

7. *Кетцяян Г.В.* О влиянии этноязыкового фактора на политическую стабильность на постсоветском пространстве: на примере Украины, Армении и России // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2020. № 3 (21).

8. *Колин К.К., Кошкин Р.П., Сибиряков П.Г.* Лингвистическая безопасность России и проблемы защиты русского языка // <http://sec.chgik.ru/lingvisticheskaya-bezopasnost-rossii-i-problemyi-zashhityi-russkogo-yazyka-2/>?

9. *Краснов Л.Н., Медведев Н.П.* Языковая политика Украины как источник этнополитического сепаратизма / В книге: Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение. Коллективная монография. Сер. «Труды научной школы проф. Н.П. Медведева». М., 2019.

10. *Медведев Н.П., Перкова Д.В.* Постсоветский этнополитический процесс: проблемы языковой политики. М., 2014.

11. *Молдован А.М.* Русский язык: современное состояние и академические исследования // <https://sciencejournals.ru/cgi/getPDF.pl?jid=vestnik&year=2020&vol=90&iss=3&file=Vestnik2003011Moldovan.pdf>.

12. *Остапенко С.* Состояние современного русского языка: проблемы и перспективы развития // https://spravochnik.ru/russkiy_yazyk/sostoyanie_sovremennogo_russkogo_yazyka_problemy_i_perspektivy_razvitiya/.

13. *Соссюр, Фердинанд де.* Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр; пер. со 2 фр. изд. А.М. Сухотина; ред. пер. Н.А. Слюсаревой; в виде послесл. ст. Р. Энглера (Берн) «Идеал. Форма. соссюр. Лингвистики» (1922 г.). примеч. Н.А. Слюсаревой; Н.А. Слюсарева. О Фердинанде де Соссюре и его науч. парадигме. Ввод. ст. Примеч. Москва: Логос, 1998.

14. *Цвейг С.* Исторические портреты. М.: АСТ: Астраль, 2011.

15. *Якобсон Р.* Избранные работы. М.: «Прогресс», 1985.

16. *Degot Ekaterina.* Is Russian Culture as Powerful as Her Missiles? Yes, and Let's Use It Against Putinism // <https://www.e-flux.com/notes/455040/is-russian-culture-as-powerful-as-her-missiles-yes-and-let-s-use-it-against-putinism>.

17. *Filipov L., Putz M.* Endangered Languages and Languages in Danger. Issues of documentation // https://books.google.ru/books?id=Rp0WDQAAQBAJ&redir_esc=y.

18. *Lee Ella.* Cancel culture' targets Russian history mid war in Ukraine, but to what effect? // <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2022/04/07/russian-culture-snubbed-ukraine/7104242001/?gnt-cfr=1>.

19. *Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A., Medvedev V.N., Amini A.R.* Ethno-Language Issue as a Source of Separatism and Instability in Ukraine // Journal of Politics and Law. 2019. Т. 12. № 5.

20. *Rumer Eugene.* Russians fleeing Putin need our help. The West should support those running from persecution in Russia // <https://www.politico.eu/article/russians-fleeing-putin-need-our-help/>.

21. What are the top 200 most spoken languages? // <https://www.ethnologue.com/guides/ethnologue200>.

22. *York Joanna*. War destroys everything': Russian culture workers denounce war in Ukraine // <https://www.france24.com/en/culture/20220305-war-destroys-everything-russian-culture-workers-denounce-war-in-ukraine>.

23. <https://ilibrary.ru/text/1233/p.1/index.html>.

24. <https://www.aa.com.tr/en/analysis/analysis-why-cultural-backlash-against-russians-is-wrong/2526384>.

D.E. SLIZOVSKY

*Doctor of historical sciences, professor
Department of History of Russia, Russian University
friendship of peoples, Moscow, Russia*

A. CHUGUNOVA

*Undergraduate student (direction "Philology")
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

A. TIMERSHOVA

*Undergraduate student (direction "Internationalrelations")
of the Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

**MODERN HISTORY
OF EXTRA-LINGUISTIC MEANINGS ATTACKS
ON THE STATUS
OF THE RUSSIAN LANGUAGE
AND RUSSIAN CULTURE:
EXPERIENCE OF ARTICULATION
OF THE PROBLEM**

The article attempts to trace and analyze the texts, thoughts, opinions, remarks about the attack on the status of the Russian language against the backdrop of a broad historical and geopolitical context. The purpose of the study is to analyze the physical and spiritual state of the Russian language under the influence of extralinguistic factors dispersed at three levels: geopolitical, historical-political and personal. The article also presents a kind of virtual wishes for a way out of the crisis state in which the Russian-speaking world is immersed today inside and outside.

Key words: *Russian language, Russian language in the world, historical and political content of the attack on the Russian language.*

Д.В. АЛЕКСАНДРОВ

советник Президента ЦСКА, Советник Министра физической культуры и спорта по Московской области, член Попечительского совета регби-клуба ЦСКА; депутат Совета депутатов городского округа Солнечногорск Московской области, Россия, г. Москва

М.Е. РОДИОНОВА

кандидат социологических наук, доцент, Ph.D. доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва

ОТ ОСОБЕННОСТЕЙ СПОРТА КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ В XX-XXI ВЕКЕ И ИМИДЖЕВОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВ ДО РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ В СПОРТЕ

В статье рассмотрены особенности и специфика спорта в XX-XXI вв., роль спорта в имиджевом сопровождении государств и его роль во внутренней политике государств; поднят вопрос важности спортивных достижений как показателя зрелости государств; приведены примеры и мнения представителей спорта (таких видов спорта как хоккей, биатлон, бокс, шахматы, городошный спорт, фехтование на саблях, плавание и др.), многие из которых являются олимпийскими чемпионами мира, достигшие серьезных высот и в спорте, и в политике, и в бизнесе. Материал статьи основан на книге Александрова Д.В. «Спорт вне политики. Политика вне спорта» [1. С. 212] (5).

Ключевые слова: спорт в политике, политика в спорте, спортивные санкции, допинговые скандалы, международная конкуренция, воспитание молодого поколения, воспитание патриотизма через спорт.

Спорт стал политическим явлением еще в XX веке и продолжает оставаться таковым и сейчас, и с гораздо большей степенью политизации, хотя

необходимо разделить политизацию спорта в XX и XXI веке. В XX веке политика в спорте была выражена более ярко, более четко и более категорично. Особенно во времена холодной войны спорт являлся одной из важнейших сфер противоборства двух сверхдержав – СССР и США. Сейчас декларируется, что спорт находится «вне политики», однако, политика уже давно стала неотъемлемой частью спорта и присутствует в нем практически всегда, причем спорт отчетливо и явно отражает существующую политическую конъюнктуру. Специфика современного спорта также заключается в том, что сейчас в гораздо большей степени он является не просто культурным феноменом, но и сферой шоу-бизнеса и PR.

Спорт является одним из индикаторов успешности страны. Чем выше успехи страны в спорте, тем с большей уверенностью мы можем сказать, что страна сильно развита, спорту уделяется существенное внимание. Через спорт уже идет влияние на здоровый образ жизни, на пропаганду физического воспитания, воспитания патриотического в том числе направления. Имея достижения, мы имеем возможность посылать своих представителей в международные организации, занимать какие-то ключевые посты, лоббировать и продвигать нужные и важные решения [1. С. 212; 7. С. 308] (2).

На сегодняшний день страны решают свои политические задачи посредством спорта, преследуя свои политические цели. С повышением уровня популярности и международного веса, к примеру, Олимпийских игр последние оказались ареной соперничества не столько самих спортсменов и даже не столько их национальных сборных, сколько государств и их объединений за мировое признание и влияние. Спортивные рекорды, успешные выступления соответствующих сборных на олимпиадах, безупречное проведение очередных соревнований и даже само право на их проведение стали инструментами увеличения международного политического авторитета стран. Одним из неизбежных следствий развернувшейся и продолжающейся по сей день вокруг и внутри Олимпийских игр межгосударственной политической борьбы стали различные способы публичной демонстрации отношения к тем или иным государствам или группам государств, в том числе и со стороны самого Международного олимпийского комитета, стремления уменьшить их вес и влияние или их принципиального политического непризнания как таковых [6. С. 222].

Роль большого спорта в имиджевом сопровождении государств.

Спорт как способ национального самовыражения и способ формирования национальной идентичности.

Отдельно стоит выделить большой спорт и его роль в имиджевом сопровождении государств, политических организаций и лидеров, стоит вспомнить такие положительные примеры для нашей страны как Чемпионат мира по футболу 2018 года, Зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 году

и другие [2. С. 8-12]. Здесь мы имеем дело с политикой «мягкой силы». С одной стороны, спорт работает на имидж государства, на его позиционирование во внешней среде, является частью дипломатии. С другой стороны, спорт – это мобилизующее явление с точки зрения консолидации общества, пробуждения в нем гражданского и патриотического самосознания. Масштабные спортивные мероприятия в России, безусловно, очень положительно сработали на имидж страны, несмотря на кризис, объявленные санкции, так называемую «гибридную войну». Единственное, необходимо отметить, что не всегда используются возможности мероприятий подобного рода и уровня в полном объеме/«на полную катушку» [1] (3). Иначе говоря, спортивное событие заканчивается, а никакого продолжения нет. По данным факультетских опросов, у 80% иностранных гостей после указанных знаковых спортивных событий улучшается отношение к нашей стране. Такого рода имиджевые бонусы нужно в обязательном порядке собирать и после Чемпионата мира по футболу 2018 года, и после Олимпиады в Сочи 2014 года и прочих спортивных событий такого масштаба. Однако же эта тема потом не особо поднималась ни в СМИ, ни в общественной жизни.

Спортивное мегасобытие, его организация, а не только проведение соревнований и поддержка «своих», становятся мощным драйвером мобилизации и одновременно своеобразной психологической «точкой консолидации» значительной части общества. Спортивные соревнования способны предоставить безопасный выход эмоциональной энергии как для людей, находящихся в эпицентре спортивных событий (условные «болельщики»), так и для других сегментов социума. Кроме того, стоит отметить, что спорт высших достижений укрепляет и развивает национальное самосознание, так как помогает отдельным людям и обществу в целом ощутить принадлежность к единой нации. Безусловно, спорт становится эффективным инструментом коллективной национальной самоидентификации [3. С. 10-12].

Как отмечает в своем интервью Денис Валерьевич: «Спортивные результаты как зеркало отражают то, что происходит в стране. Имея определенные экономические возможности и заботясь о будущих поколениях, государство может и должно выделять средства на спорт. Это залог успешного развития страны на перспективу» [1] (4).

Достаточно престижным и имиджевым для страны и наращивания личного опыта спортсменом, является взаимодействие с Международным олимпийским комитетом и различными спортивными федерациями. Одним из примеров тому может служить опыт Попова Александра Владимировича (1; 2).

Во Всероссийской федерации плавания Александр Попов является членом наблюдательного совета, в Международном олимпийском комитете (МОК) занимает пост почетного члена. Спортсмен отдал семнадцать лет общественной работе в МОК: отработал в трех координационных

комиссиях – это игры Рио, Сиднее и юношеские игры в Нанкине. Помимо спортивных комиссий, это еще комиссия по маркетингу, в которых Александр отработал на протяжении четырех лет, и комиссия «Спорт для всех», которой также было уделено достаточно длительное время. Из интервью с Поповым А.В. необходимо отметить, что работа в МОК не просто сводится к некому формальному членству, как многие думают: ты должен посвящать этому делу значительное время. В загруженный год у спортсмена выходило от трех до четырех месяцев одних разъездов только по линии МОК (общественно полезная нагрузка, неоплачиваемой со стороны МОК). Но эта работа позволяет установить и расширить контакты, работать на благо страны, предлагать и продвигать различные значимые спортивные инициативы. Все, что в интересах нашей страны, что будет выгодно с точки зрения завоевания медалей и престижа, все это необходимо, по мнению спортсмена, продвигать через общественные организации. Весь мировой спорт управляется общественными организациями. Это не что иное как спортивная дипломатия, где хорошее владение иностранным языком (а лучше несколькими) обязательно (вызывает большую симпатию и больше располагает собеседника).

Санкционная политика в спорте. Допинговые скандалы.

Во второй половине XX – начале XXI в. спорт высших достижений все чаще стал выступать средством геополитического противоборства. С помощью политизации спорта отдельные страны сейчас стремятся решать широкий спектр внешнеполитических задач, связанных не только с формированием собственного позитивного имиджа, но и с актуализацией негативного образа государств-конкурентов. Так, одним из актуальных вопросов последнего времени являются «допинговые скандалы» со сборными командами России, непрерывный поток обвинений в адрес российских спортсменов в применении запрещенных медицинских препаратов, как со стороны международных спортивных организаций, так и со стороны западной «спортивной общественности». Очевидная цель, на наш взгляд, подобных атак – это оказание психологического давления на руководство России.

Не стоит забывать о том, что Олимпийская хартия гласит: «Олимпийские игры – это соревнования в индивидуальных или командных видах спорта среди спортсменов, но не среди стран». Однако сегодня спорт высших достижений, который демонстрируется на Олимпиаде, различных чемпионатах мира и Европы, является инструментом политической борьбы государств, а не состязанием спортсменов. Политика тесно переплелась со всеми сферами жизни, и страны используют спорт как один из способов доказать свое превосходство над другими.

В истории немало примеров санкций и бойкотов по отношению к странам: в 1920 году от участия в Олимпиаде в Антверпене были отстранены Германия, Австрия, Венгрия, Турция и Болгария, так как их признали тогда

организаторами Первой мировой войны. Позднее в 1948 году за развязывание Второй мировой войны от Олимпиады в Лондоне отстранены Германия и Япония. Или, например, всем известный пример – бойкот Олимпийских игр в Москве в 1980 году, когда из-за ввода советских войск в Афганистан США не согласились принимать участие в соревнованиях. Правда, в 1984 году СССР ответила ответным отказом от участия в олимпийских играх в Лос-Анджелесе. Противостояние СССР и США в спорте – это продолжение идеологического противостояния двух блоков, двух разнополярных систем – капиталистической западной и коммунистической восточной.

На сегодняшний день, современный спорт не возможен без употребления каких-либо дополнительных стимулирующих веществ и препаратов, потому что чисто природные резервы человеческого организма были исчерпаны еще в 70-е годы XX века. Интересно, когда «цепляются» к российским спортсменам из-за безобидного мельдония, а члены Олимпийской сборной Норвегии при этом едва ли не в полном составе якобы являются астматиками и принимают де-факто допинг под видом жизненно необходимых медикаментов. Это целенаправленная политическая кампания в спорте, которая бьет по имиджу России. На Западе довольно быстро сообразили, что спорт – это консолидирующее явление, важный ресурс нашей страны, и именно поэтому без каких-либо аргументов нанесли удар по спортивной индустрии Российской Федерации. Касаемо наших спортсменов складывается довольно интересная ситуация: часть из них являются патриотами Российской Федерации, хотя в свое время власть не проводила с атлетами должной идеологической и мировоззренческой работы [5]. Стоит также обратить внимание на многие спортивные федерации и ассоциации, которые на сегодняшний день срослись с международными структурами, в том числе финансовыми. Они не заинтересованы защищать интересы российского спорта. Их преимущественно интересует коммерческая выгода.

Государство вложило значительные средства и силы в подготовку и раскрутку российских спортсменов. А значит, государство должно иметь определенные гарантии, что эти спортсмены будут защищать и отстаивать, в первую очередь, национальные интересы страны, которую они представляют, а не интересы зарубежных спонсоров [4].

Нам не нужны те, кто постоянно меняет представительство, сегодня выступает под флагом одной страны, а завтра – под флагом другой. Большинство спортсменов на Западе замотивированы не только финансово, но и идеологически. А для государства, конечно, важно защитить своих спортсменов и их доброе имя.

О роли спорта во внутренней политике. Хотелось бы отметить, что применительно к внутренней политике неправильно, когда отдельные спортсмены выступают против интересов Российской Федерации. Взять, хотя бы, грессмейстера Дубова Д.Д., который не признает принадлежность

Крыма России [1] (3). Одновременно нужно взаимодействовать с болельщиками, околоспортивными сообществами, потому что фанатские группы – это определенная силовая субкультура, которая участвовала во многих цветных революциях. Примером может служить Югославия 2000 года или же Евромайдан на Украине 2014 года.

Так, украинские фанаты, даже с Юго-Востока, активно выступили на стороне Майдана. Среди них были очень сильны пронацистские настроения. Поэтому нужно не только наблюдать за фанатскими группировками, но также необходимо работать с ними и вовлекать их в деятельность гражданского общества. Данное направление ни в коем случае нельзя упускать из внимания.

*Спортивные достижения как показатель зрелости государств.
К вопросу о международной конкуренции.*

В современном мире мы можем наблюдать жесткую международную конкуренцию. Может быть, даже жестче, чем во времена Холодной войны, потому что сейчас спортивной державой стал и Китай. Вообще, сейчас есть «большая тройка» – США, Китай и Россия, которые соревнуются за глобальное спортивное лидерство и являются доминирующими игроками на глобальном спортивном рынке.

Мы не останавливаемся на достигнутом и всегда стремимся к большему. Важным фактом является то, что сейчас успех определяется не лидерством в конкретных, отдельно взятых видах спорта, а в целом, в комплексе. Если страна может одинаково успешно выступать в разных видах спорта, как в зимних, так и летних, значит – это великая спортивная держава. А.Б. Шатилов в своем интервью приводит интересный пример: есть известные на весь мир, кенийские бегуны, но никто не скажет, что Кения – это великая спортивная держава. Китай развивает спорт в комплексе и обеспечивает подготовку спортсменов на всех уровнях, включая детский и молодежный спорт. В СССР этому уделялось большое внимание, обращали внимание на всех потенциальных чемпионов, использовали «фильтр»: достойных и подающих надежду ребят, увлеченных спортом, отбирали даже с улиц и дворов и вели, воспитывали «с нуля». Сейчас такой масштабной системы нет. А в развитии национального спорта ставку необходимо делать именно на комплексную систему государственной поддержки спорта и начинать с самого раннего возраста.

Работа с молодежью в спорте: вовлечение в спорт, наличие инфраструктуры, секций, роль и участие государства, воспитание патриотизма через спорт.

Молодежь, прошедшая в жизни школу спорта подтверждает, что спорт помог им поверить в себя. Спорт дисциплинирует, учит идти на жертвы ради достижения цели. Уроки, усвоенные молодыми спортсменами на тренировках, как правило, помогают им в жизни. Многие бытовые ситуации

проигрываются в спорте – это позволяет спортсмену нарабатывать для себя полезный жизненный опыт. От многих спортсменов можно услышать, что именно спорт сделал их личностью. Еще в спорте они научились рассчитывать только на самого себя. Это означает, что достижение успеха зависит, прежде всего, от индивидуальных качеств – активности, трудолюбия, терпения, волевых навыков, желания и целеустремленности, которые, безусловно, прививаются и развиваются благодаря спорту.

Сегодня спортивная деятельность просто необходима для социальной адаптации молодежи, так как занятия спортом повышают самооценку, самоуважение, помогают воспитать веру в свои силы и возможности, а также умение ими воспользоваться. Ценностный потенциал спорта позволяет решать целый ряд воспитательных задач, дает большие возможности не только для физического и спортивного совершенствования, но и для нравственного, эстетического, интеллектуального и трудового воспитания. Кроме того, спорт в его изначальном замысле предполагает возможность участия всех и обладает свойством способствовать обеспечению равенства мужчин и женщин. А участие женщин в спорте также способствует разрушению стереотипов и социальных ролей, которые обычно ассоциируются с женщинами.

В качестве заключения хочется привести в пример несколько пожеланий современной российской системе, высказанных от наших спортсменов и это в первую очередь, оказалось наращивание материально-технической базы. Поскольку всегда не хватает средств на реализацию тех или иных целей, в первую очередь встает вопрос бюджета: чтобы добиться результата, надо создать необходимые для развития спорта условия – материально-техническую базу. Если этой материально-технической базы нет, например, нет того или иного спортивного сооружения, в котором спортсмены могут тренироваться и готовиться к соревнованиям, то соответственно надо организовать и оплатить сборы, чтобы вывести спортсменов на специальные спортивные объекты, где они могли бы полноценно тренироваться. Поэтому, естественно, все всегда упирается в деньги. За последние годы, если основываться на статистике выступлений всей системы ЦСКА, под которой мы подразумеваем детскую школу – откуда все берет начало, молодежную команду – «Красная армия», команду Высшей хоккейной лиги – команду «Звезда», и, конечно же, главную команду – хоккейный клуб ЦСКА, то, после того как во всей системе ЦСКА был определенный спад, в 2015 году, спустя 20 лет, команда стала чемпионом России, выиграла трижды регулярный чемпионат, а затем Кубок Гагарина. Предыдущий сезон у нас ввиду обстановки, связанной с распространением коронавируса, не был доигран, но по «регулярке» мы стали первыми. Соответственно, по этим показателям команда ЦСКА была признана чемпионом России. Результаты первой хоккейной команды позволяют судить о том, правильно ли выстроена вся система. Можно сделать вывод,

что, начиная с 2015 года в развитии системы ЦСКА наблюдается значительный рост и прогресс [1] (4).

Спорт напрямую связан с качеством жизни населения. Уровень качества жизни – комплексный показатель, соединяющий в себе и обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, и уровень экономического развития, и жилищные условия, и безопасность проживания, а также уровень оказания социальных услуг и окружающую среду. Обращает на себя внимание следующий факт: чем выше уровень качества жизни региона, тем более лидирующую позицию занимают его спортивные достижения в общероссийском командном рейтинге [7]. Данная ситуация хорошо отображена на примере одних из самых популярных командных видов спорта в России: хоккея и футбола. В статистике последних лет первые места среди российских регионов с высоким уровнем качества жизни занимают Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Республика Татарстан, ХМАО, Краснодарский край и др. Соответственно, в верхних строчках рейтингов футбольных команд мы видим хорошо известные нам команды: «Спартак» (Москва), «Локомотив» (Москва), «Динамо» (Москва), «ЦСКА» (Москва), «Зенит», «Рубин». Поэтому я считаю, что спорт напрямую зависит от качества жизни населения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Александр Попов – четырежды Олимпийский чемпион, шесть раз чемпион мира и 21 раз занимал титул чемпиона Европы. Многократный рекордсмен мира и Европы, заслуженный мастер спорта СССР (1992), кавалер и почетный член Международного олимпийского комитета. Попов – один из доминирующих пловцов мира в 1990-х. Завершил спортивную карьеру в 2005 году. Член Международного олимпийского комитета, совета при Президенте РФ по физической культуре и спорту, первый вице-президент Всероссийской федерации плавания, председатель общественной организации «Российское физкультурно-спортивное общество «Локомотив»». Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени.

(2) Из интервью с А.В. Поповым // Александров Д.В. «Спорт вне политики. Политика вне спорта» / Д.В. Александров; сост. и ред. М.Е. Родионова, П.С. Селезнев. Москва: ИНФРА-М, 2022.

(3) Из интервью с А.Б. Шатиловым // Александров Д.В. «Спорт вне политики. Политика вне спорта» / Д.В. Александров; сост. и ред. М.Е. Родионова, П.С. Селезнев. Москва: ИНФРА-М, 2022.

(4) Из интервью с Д.В. Денисовым // Александров Д.В. «Спорт вне политики. Политика вне спорта» / Д.В. Александров; сост. и ред. М.Е. Родионова, П.С. Селезнев. Москва: ИНФРА-М, 2022.

(5) Книга представляет собой сборник увлекательных интервью с нашими современниками, достигшими выдающихся результатов в спорте, сделавшими успешную спортивную карьеру и ставшими многократными чемпионами России, Европы и мира, победителями Олимпийских игр, заслуженными мастерами спорта и заслуженными тренерами нашей страны. Истории восхождения к успеху ведущих спортсменов страны погружают в атмосферу соревнований и знакомят с традициями и достижениями в самых разных видах спорта: самбо, хоккей, биатлон, бокс, кикбоксинг, шахматы, плавание, прыжки в воду, прыжки в длину, фехтование на саблях, футбол, городошный спорт, стендовая стрельба и другие. В издании особое внимание уделяется таким проблемам спортивной сферы как международная конкуренция, мотивация активного образа жизни среди населения, вовлечение молодого поколения и подлинные ценностные ориентиры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Александров Д.В.* «Спорт вне политики. Политика вне спорта» / Д.В. Александров; сост. и ред. М.Е. Родионова, П.С. Селезнев. Москва: ИНФРА-М, 2022.

2. *Боярская С.Д., Родионова М.Е.* Влияние политики на современные Олимпийские игры // *Colloquim-journal*. 2020. № 34 (86).

3. *Гармоненко У.Г., Родионова М.Е.* Спорт как способ консолидации гражданского общества // *Colloquim-journal*. 2020. № 34-3 (86).

4. *Круглова Е.Л., Родионова М.Е., Проценко П.А.* Многообразие подходов к изучению понятия «экономический патриотизм в России» // *Экономика и предпринимательство*. 2021. № 11 (136).

5. *Мамаева Ю.А., Родионова М.Е.* Применение PR-технологий как действенный инструмент для сохранения исторической памяти // *Власть*. 2020. Т. 28. № 5.

6. Сборник научных статей ЦСМ ЭФ МГУ / под научной ред. В.И. Маршева. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018. Выпуск 1.

7. Сотрудничество бизнеса и власти для достижения устойчивого развития экономики: монография / под общ. ред. О.В. Кузнецова, М.Е. Родионовой, П.С. Селезнева. Москва: ИНФРА-М, 2019.

D.V. ALEXANDROV

Adviser to the President of CSKA, Adviser to the Minister of Physical Culture and Sports for the Moscow Region, member of the Board of Trustees of the CSKA Rugby Club; Deputy of the Council of Deputies of the City District Solnechnogorsk, Moscow Region, Moscow, Russia

M.E. RODIONOVA

Candidate of Science in Sociology, Associate Professor, Ph.D., Associate Professor of the Department of Political Sciences, Faculty of Social Science and Mass Communication Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

FROM THE FEATURES OF SPORT AS A POLITICAL PHENOMENON IN THE XX-XXI CENTURY AND IMAGE SUPPORT OF STATES TO WORK WITH YOUTH IN SPORTS

The article deals with such issues as the features and specifics of sports in the XX-XXI centuries, the role of sports in the image support of states and its role in the domestic policy of states; the question of the importance of sports achievements as an indicator of the maturity of states was raised; examples and opinions of representatives of sports are given (such sports as hockey, sambo, biathlon, boxing, kickboxing, chess, urban sports, saber fencing, diving, long jump, etc.), many of which are Olympic world champions, who have reached serious heights in sports, politics, and business. The material of the article is based on the book by Aleksandrov D.V. "Sport is out of politics. Politics outside sports".

Key words: *sport in politics, politics in sports, sports sanctions, international competition, education of the younger generation, education of patriotism through sports.*

Л.А. ВАСИЛЬЕВА

*доктор филологических наук, профессор
Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток*

А.А. АФОНИН

*специалист в области международных отношений,
бакалавр юриспруденции, эксперт по внешним коммуникациям,
старший преподаватель Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

МЕДИА: ОСОБАЯ ЭНЕРГЕТИКА ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

«Ну шо, сынку, помогли тебе твои ляхи?» Н.В. Гоголь

Доминанта современного информационно-пропагандистского процесса – военная журналистика. Военная журналистика в СССР, специфика пропаганды, военкоры. Спецгруппа писателей – военкоров. Источники фронтовых новостей, жанры, тематическая направленность текстов ВОВ, Военкоры спецоперации 2022 года.

Ключевые слова: *специальная операция, денацификация, слухи, мифы, ритуалы, фейки.*

24 февраля 2022 года Владимир Путин объявил о начале специальной военной операции в связи с ситуацией в Донбассе. Цель операции – защита мирного населения, против которого на протяжении восьми лет идет геноцид: «Уверен, что преданные своей стране солдаты и офицеры Вооруженных Сил России профессионально и мужественно исполнят свой долг. Не сомневаюсь, что слаженно и эффективно будут действовать все уровни власти, специалисты, отвечающие за устойчивость нашей экономики, финансовой системы, социальной сферы, руководители наших компаний и весь российский бизнес. Рассчитываю на консолидированную, патриотическую позицию всех парламентских партий и общественных сил» [1].

Заявлению предшествовал отказ на предложения РФ. Российская сторона предлагала создать новую глобальную архитектуры безопасности,

которая учитывала бы интересы Москвы. Президент Путин проводит Совет безопасности, на котором вырабатывается решение признать независимость Донецкой и Луганской республик и заключить с ними договоры о дружбе и взаимопомощи: «Военная машина, заточенная на Россию у нас под боком, нас не устраивает нацистское деление людей на сорта, что сложилось в Киеве. Исторический опыт говорит, что денацификация может быть лишь принудительной, силовой. И проводится она только извне. Собственно, сейчас это и началось. Россия берет на себя этот труд – в очередной раз вытравить из Европы нацизм. К сожалению, без посторонней помощи. Но справимся» [4].

Доминанта современного информационно-пропагандистского процесса – военная журналистика. Это особая энергетика текстов, которые подчиняются одной точке зрения – охране пропагандистской мощи советского, российского государства.

С чего начиналась военная журналистика в СССР? Накануне Великой Отечественной войны информационные каналы не были ориентированы на ведение пропагандистских войн в экстремальных условиях. Кратковременный опыт работы прессы в ходе советско-финской войны 1939-1940 гг. был основан на примитивной, нечеткой, построенной на нереальных предположениях и дезинформации пропаганде, он не был серьезно проанализирован. 24 июня 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимает совместное постановление «О создании и задачах Советского Информационного Бюро», определяет основные задачи» [5. С. 607].

В системе военной печати важное место занимали центральные издания, в армии и на флоте выходило пять центральных газет, среди них «Красная звезда» и «Красный флот». Для ведения пропаганды и освещения боевой жизни советских солдат была создана литературная спецгруппа, в которую были включены известные писатели, К.М. Симонов, Н.А. Тихонов, А.Н. Толстой, А.А. Фадеев, К.А. Федин, М.А. Шолохов, И.Г. Эренбург и многие другие. С ними также сотрудничали немецкие антифашисты – Ф. Вольф, В. Бредель. Советских авторов читали за рубежом, статьи И.Г. Эренбурга расходились по 1600 газетам в США. К фронтовой печати примыкала подпольная и партизанская пресса, издававшиеся на временно оккупированной врагом территории. Параллельно с перестройкой системы прессы шел процесс создания фронтовой корреспондентской сети, основы которой были разработаны в положениях «О работе военных корреспондентов на фронте», в постановлениях «О работе специальных корреспондентов центральных газет и ТАСС» (9).

Основным источником новостей о положении на фронте в течение всего периода военных действий являлись *ежедневные сводки Совинформбюро*. Советское правительство придавало большое значение контрпропаганде и информационному противоборству, отдел пропаганды и агитации ЦК

ВКП(б), Главное политическое управление РККА обобщали опыт работы печати на всех фронтах. По этим материалам издавались *тематические сборники, информационные бюллетени, листовки с конкретными рекомендациями наиболее эффективных форм и методов пропагандистской деятельности*, а также методов цензурного контроля над прессой. В ходе Великой Отечественной войны активно использовалась *«черная пропаганда»*, при реализации которой принадлежность источника приписывается мифической оппозиции или группам сопротивления в рядах противника. Одним из важнейших элементов «черной» пропаганды являлось распространение слухов (6).

В исследуемый период был ослаблен контроль со стороны системы. Это благотворно влияло на идеологическую составляющую информационных структур, выражалось в высочайшем патриотизме, разнообразной жанровой структуре и методах подачи новостного продукта, близости к источникам информации и т.д. Помимо патриотичных лозунгов, газетных шапок военных лет: «Все силы – на разгром врага!», «Вперед, за нашу победу!», «Все для фронта! и др. активно использовался пласт военного фольклора: «Врагу солнце не погасить, советский народ не победить», «Кто с врагом дружен, тот Отчизне не нужен», показывалась и тиражировалась технология ведения боя, борьба человека со страхом смерти (13).

Военная пропаганда реанимировала символику *национальной социально-политической мифологии*. Образы русских богатырей, князей, защищавших Родину, образ Родины-Матери, героев выполняли функцию социальной идентификации и объединения народных масс против германского фашизма (7).

Дестабилизирующее воздействие на психику населения и противника составляли тексты, основу которых составляли мифологемы: «траур» – напоминание о смерти; «голод» – эксплуатация продовольственных затруднений противника; «проигранное дело» – внушение противнику, что его положение безысходно; «семейные мотивы» – использование темы «детей, ждущих возвращения отца», «превосходство в силе» – показ неспособности противника противостоять силе союзников; пропаганда плена – пропагандистское воздействие на человека или группы людей, направленное на формирование положительных установок по отношению к сдаче в плен как единственно разумному и безопасному выходу из сложившейся обстановки [6. С. 448].

В 1942-1944 годах стали поощряться прежде осуждаемые сакральные ценности: традиционность, народность, церковность, религиозность, был избран новый московский патриарх. О патриотической позиции русской православной церкви сообщалось в печати, широко был представлен почин создания духовенством на средства верующих *танковой колонны «Дмитрий Донской»*. Патриотизм стал сочетаться с панславянской тематикой, мотивами

помощи братьям-славянам, изменением политической и идеологической линии и лозунгом «Изгоните немецких оккупантов с родной земли и спасите ОТЕЧЕСТВО!». В пропагандистской работе немало внимания уделялось изданию *листовок*. Начальный период войны показал, что листовки обладали рядом преимуществ по сравнению с другими видами печатной продукции. Их отличала оперативность, краткость, их можно было спрятать, передать кому-либо, сохранить как пропуск для сдачи в плен. Листовки подразделялись на следующие виды: листовки – обращения командования, листовки-приказы, листовка-памфлет, «сентиментальные» листовки, листовки от немецких военнопленных, листовка-диалог, листовка-стихотворение, листовка вопросов-ответов, листовки-воззвания, листовка-письмо, листовка-информация, листовки-цитаты, листовки от имени погибших, листовка-уведомление и другие.

Великая Отечественная война поставила огромные массы населения на грань выживания. В действие вступили защитные механизмы: блокировалась любая правдивая информация, которая могла бы посеять панику, вызвать тревогу или просто сомнение в правильности действий. Главной обязанностью прессы оставалось культивирование черно-белого видения мира с доминантой мифического. Этот период стал наиболее плодотворным для текстов, претендующих на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего. Их мифологическая маркировка в данном случае несла на себе отпечаток транслирования новых ценностей и задач, принятых за основу в данный период. Отбор информации, определение кандидатур исторических личностей, их ролей и действий в освободительной российской войне, героические примеры и другие факторы были значительны. Они придавали мифам военно-идеологическую и патриотическую направленность (3). Идеологическая система полностью базировалась на *мифе героя*. Герой был личностью незаурядной, к повторению его подвига должны были стремиться все члены общества, он проливал кровь, а пролитая кровь – символ жертвоприношения, «одежды его запятнаны кровью, так как за плечами у него война и жертвоприношение».

Характер прессы можно представить в качестве особой ментальной структуры, характер которой был обусловлен экстремальной ситуацией. Исторические события как бы обрамляются мифами, этот историко-мифический образ влиял на сознание людей. Медиациентрированная парадигма основное внимание уделяла проблеме информационного воздействия на читателей и формирование мифического сознания. Антропоцентрированная парадигма ориентировалась на экстремальное мифотворчество, на предпочтения аудитории, на потребности военного времени.

Печатная пресса экстремального периода, как тип идеологического воздействия, дополняла все виды влияния в отношении формы, содержания и функций и определялась как средство внушения патриотических

убеждений, влияла на изменения традиционного информационного пространства. Но текст может стать инструментом политического действия только в том случае, когда оно приобретает публичное звучание. Подобная публичность достигалась посредством его массовой реализации через средства массовой информации (11).

В ходе Великой Отечественной войны «материнское начало» с высочайшим пропагандистским успехом было материализовано в плакате «Родина-мать зовет!», размещенном на страницах всех центральных газет. Газетные кампании военного периода были представлены следующими тематическими направлениями: рассказы о боевых действиях, технологии боя, о самоотверженном труде рабочих, колхозников, интеллигенции, внутреннем мире солдат, краснофлотцев, гуманизм воина-освободителя, восстановление мирной жизни на освобожденных территориях и т.д. Условия военного времени требовали от прессы оперативности и скорости в подаче того или иного материала. На передовые рубежи выходит *новостная журналистика*: необходимо было коротко, оперативно, лаконично рассказывать об опыте ведения боя, овладения военной техникой и военной тактикой. Идеально требованиям ситуации отвечал репортаж (авторское «я», динамика, наглядность в изображении события). Он становится главным инструментом военных корреспондентов, «Красноармейская правда», «Суворовский натиск», «Фронтальная правда», «За честь Родины» и другие газеты регулярно публиковали репортажи (8). Беллетризация в системе художественно-публицистических жанров в середине 30-х годов успешно реализовывалась в информационных жанрах периода войны. Репортаж сближался с очерком, вторгаясь в сферу отражения внутреннего мира человека. Очерк, в свою очередь, сближался с новеллой. Но репортаж не акцентировал внимание на характере героя, главным его объектом оставалось событие. В репортаж входили элементы драматургии, соколлоквиума, детали поведения, интервью с участниками событий и др.

СМИ военного периода приобрела еще одну функционально-предметную особенность: при отражении крупномасштабных событий материалы наполнялись данными обобщенного характера, тон задавали пафос, героизм. Изображение быта войны, будней, тактики боя, работы тыла отличались деловитостью, конкретностью, использованием военной терминологии, специфической фразеологии и лексики. В этом плане тексты 40-х годов резко отличались от текстов 30-х годов: они воссоздавали портрет армии, народа параллельно с образом вождя, деяния которого становились еще более мифологизированными. Выполненные на высокой эмоциональной ноте, они передавали читателям картину войны, заставляли вместе с героями «переживать» событие, показывали нравственное превосходство русского народа над захватчиками.

В функционально-предметном развитии СМИ определяющее значение имело представление о мотивах борьбы. Военная журналистика, показывая героическое, очищала человека, приобщала его к сопереживанию, при этом зная меру и границу. Экстремальную ситуацию также можно рассматривать как точку, где происходит распадение времени, героическая жертва сближает временные точки, так как событие, подвиг происходят ради будущего. «Моментальная жертвенность – это героизация, жертвенность, растянутая на жизнь поколения, героизируется уже в вербальном плане, более в идеологическом, чем в реальном».

Мифическая действительность интерпретировала события на порядок выше реальности, создатели текстов позволяли значительную долю вымысла, ассоциаций, символов. Подобные укрупненные архетипы могут быть оправданы и принимаемы только в условиях экстремального периода [7. С. 660]. Самые трагичные публикации выстраивались таким образом, что заставляли каждого отдельного человека быть сопричастным к происходящему, сопереживать беду. Они призывали читателей через трагизм, боли и потери – к духовному очищению, к высокому эмоциональному всплеску, к чувственности. Именно это углубляло нравственность, усиливало национальное самосознание и патриотизм. Жертвенность, героизм, патриотизм дополнялись образами природы-матери, именно оттуда шла мощнейшая энергетика. Греки представляли времена года в виде женщин: весна изображалась женщиной в венке из цветов, стоящей рядом с цветущим кустарником; лето – женщиной с венком из колосьев пшеницы, держащей в одной руке сноп, а в другой – серп; осень – несущей гроздь винограда и корзину полную плодов; зима – с непокрытой головой близ деревьев с облетевшей листвой. Без описания картин природы не обходилась практически ни одна фронтовая публикация [8; 9]. Подобные образы затрагивали глубины человеческого духа, поднимали их из беспокойных глубин бессознательного. Для К.Г. Юнга подобные образы не являются субститутами, взаимозаменяемыми живыми предметами или безжизненными изображениями; они являются плодами внутренней жизни, постоянно выходящими из бессознательного способом, который можно сравнить с непрерывным развертыванием творения. Творение определяется отпочкованием от него существ и объектов, точно так же и психическая энергия расцветает в виде образа, сущности, проводящей истинные границы между неформальным и концептуальным, между тьмой и светом.

«Все для фронта! Все для победы!» – под таким призывом печатались материалы о трудовых достижениях в тылу. Печать немедленно поддерживала все патриотические починны по увеличению выпуска военной продукции, по созданию трудовых бригад, боровшихся за досрочное выполнение производственных заданий [14].

Характер прессы, сообщавшей военные мифы, можно представить в качестве особой ментальной структуры, которая была обусловлена экстремальной ситуацией. Исторические события как бы обрамляются мифами, этот историко-мифический образ влиял на сознание людей. Медиацентрированная парадигма основное внимание уделяла проблеме информационного воздействия на читателей и формирование мифического сознания. Антропоцентрированная парадигма ориентировалась на экстремальное мифотворчество, на предпочтения аудитории, на потребности военного времени. В годы Великой Отечественной войны политическая обрядность довоенного времени, служившая поддержанию мифологемы об «общенародном» (в тех условиях – «рабоче-крестьянском») государстве, оказалась разрушенной. Ее заменила воинская обрядность. Однако сама эта мифологема сохранилась благодаря объективной экстремальности ситуации.

В истории не бывает контрацепции, прошлое произрастает в настоящем. Годы поменяли профессиональную, духовную, гражданскую составляющую творческой интеллигенции Российской Федерации. Пропагандистскую составляющую Спецоперации представляют и транслируют ведущие журналисты медийных каналов: Александр и Андрей Коц, Дмитрий Шешин, Роман Польшаков, Евгений Поддубный, Антон Степаненко, Александр Сладков, Александр Сафиулин, Геннадий Дубовой и др. В послужных списках военкоров *Косово, Афганистан, Северный Кавказ, Сирия*, Египет, Украина, нагорный Карабах, Ирак, Египет, Тунис, Ливия и др. (2, 12, 1, 4).

В ночь с 13 на 14 июня при исполнении воинского долга на Украине погиб военный корреспондент, полковник, начальника группы информационного реагирования 1-го отдела Департамента по взаимодействию со СМИ Росгвардии. Сергей Постнов (5). В зоне проведения спецоперации он провел около четырех месяцев. За это время вместе с военными армии России прорывался в Гостомель, участвовал в освобождении населенных пунктов Харьковской области и Луганской народной республики.

Тексты военкоров передают, призывают преодолевать страх, при этом они обладают каким-то особенным, уместным чувством юмора. Журналисты показывают людям правду о войне. В них есть и доля цинизма, так как идет мощнейшая психологическая нагрузка от крови, трупов, наглой лжи.

Одно из важнейших средств политического влияния медийных каналов – определение тем и направлений дискуссий, концентрирующих внимание общественности и правительства. По мнению военных специалистов, проводимая в ходе спецоперации, информационная война выступает как многослойное явление, сыграло свою роль тридцатилетнее зомбирование граждан Украины. Они выделяют четыре направления:

- 1) работа с собственным населением;
- 2) работа с противником, с его армией его населением;

3) работа на мировую (слепо-немо глухую) общественность;

4) разоблачение фейков.

Медиа в этой ситуации призваны создавать эмоциональный эффект и информировать правдой. Слоган военной кампании: «Дьявол – спринтер, а Бог – марафонец». Расшифровывается: «война правдой» – это долгая игра, но результат гораздо крепче.

В отличие от Украины получить информацию никаких проблем нет. YouTube не заблокирован, Facebook работает, «Телегу» вообще никто не контролирует. При обращении к украинской аудитории одержать победу в информационной войне трудно. Психологическая обработка привела к тому, что в массе своей местное население не воспринимает другую информацию.

Западный зритель почти так же, как украинский, отрезан от альтернативной информации. Украина и Россия всем по барабану. Западного обывателя интересует только то, что происходит с ним самим, с его комфортом, с его машиной, с его бензином, с его пищевым рационом, а также с регулярностью поступления денег на счет. Муку закупают мешками. Дураков внутри России, кроме пресловутой «пятой колонны», мало. Слава Богу! (10).

Разоблачение фейков, фейковые новости. «Fake news» – это сфабрикованные новостные материалы, ложь в которых распознаваема и проверяема, хотя и способна ввести аудиторию в заблуждение [3; 10]. Пример, информация из Украины: «был взорван театр, погибли десятки человек». Новость облетает мировые СМИ. Через несколько часов выясняется, что в здании театра базировался батальон «Азов», людей заперли в подвале (и вовсе не наши военные), и они, к счастью, выжили. Фейковых кадров в украинском сегменте Интернета сейчас так много, что их разоблачают даже британские журналисты. Например, показ разворота российского самолетов F16, которого нет ни в российской, ни в украинской армии. Кадры были сняты в 2020 году во время репетиции Парада Победы.

Проблема журналиста на войне очень серьезна и обостряется с каждым годом. Журналист сегодня – полноправный участник военного конфликта, такой же, как и военные. Это подтверждает и обращение к истории военной журналистики в России. Привлеченных к спецоперации на Украине гражданские лица приравнены к ветеранам боевых действий. Они смогут получить соответствующие меры социальной поддержки. К ним относятся налоговые льготы и ряд других преимуществ. Секретарь Генсовета «Единой России» Андрей Турчак подчеркнул: «Многие из этих людей ежедневно рискуют жизнью. Но статус «ветерана» сейчас им полагается только в случае ранения или увечья. Мы предлагаем устранить эту несправедливость и отметить всех, кто приехал в Донбасс лечить людей, строить дома, восстанавливать инфраструктуру и помогать налаживать мирную жизнь.

Эти люди – герои, и они заслуживают не только общественного уважения, но и поддержки государства» [2].

Выводы. Журналист стал неотъемлемой частью информационного пейзажа зоны военных действий. Конфликтующими сторонами он рассматривается как удобная мишень, как раздражающий фактор. Журналисту необходимо стремиться к максимальной объективности в освещении событий. Речь идет о войне. Помимо чисто прагматических соображений, здесь отражается и нравственность журналиста, темные и светлые стороны его личности. Исследователь П. Лайнбарджер следующим образом определяет способы и приемы информационно-психологического воздействия пропаганды в экстремальных условиях: военная пропаганда, конверсионная пропаганда; разделительная пропаганда; деморализующая пропаганда, пропаганда плена. Военная пропаганда предполагает информационную поддержку ведущихся военных действий; конверсионная пропаганда – массированное пропагандистское воздействие на ценностные ориентации человека или групп людей с целью изменения его (их) установок, отношений, суждений и взглядов на политику, проводимую высшим военно-политическим руководством страны; разделительная пропаганда осуществляет пропагандистское воздействие, направленное на разжигание межгрупповых противоречий на основе различий религиозного, национального, социального, профессионального и другого характера с целью ослабления единства в рядах противника вплоть до его раскола; деморализующая пропаганда была направлена на ослабление психики человека, обострения его чувства самосохранения с целью снижения морально-боевых качеств, вплоть до отказа от участия в боевых действиях; пропаганда плена – информационное воздействие на человека или группы людей, направленная на формирование положительных установок по отношению к сдаче в плен как единственно разумному и безопасному выходу из сложившейся обстановки [6. С. 448].

Оперативные инструменты информационно-психологического воздействия: дезинформация, предоставление противнику данных, которые вводят его в заблуждение относительно истинного положения дел на фронте и в тылу. Манипулирование – используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. Слухи и мифотворчество: слухи появляются спонтанно или специально в ситуации информационного вакуума, для воздействия на общественное сознание. Мифотворчество через информационные каналы интегрировались в контекст национального историко-политического процесса. Оно наполнялось позитивным и негативным содержанием, стимулируя необходимые процессы и события.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Антoн Евгeньевич Степанeнко – российский военный журналист, телеведущий. Ведущий программы «Вести в 23:00» и выпусков новостей телеканала «Россия-24», военный корреспондент ВГТРК, в прошлом – специальный корреспондент «Первого канала». Член Академии российского телевидения с 2007 года. Награжден орденом Мужества, орденом «За личное мужество», медалями и др.

(2) Александр Игоревич Коц – российский журналист. С 1999 года работает корреспондентом «Комсомольской правды», специальный корреспондент отдела политики, отвечает за освещение военных конфликтов, природных стихий и других катаклизмов. В его послужном списке военного корреспондента – ранения и пленения, работа в Косово, Афганистане, на Северном Кавказе, в Ливии, Сирии, Египте, Ираке, Украине и Нагорном Карабахе. Также ведет программы на радио «Комсомольская правда». На передовой его брат Андрей.

(3) В условиях тяжелых оборонительных боев, громадных людских потерь, когда врага нужно было остановить «любой ценой», в качестве героических символов приобрели известность подвиги летчиков, совершавших различные виды таранов (воздушные, «огненные», ночные), отождествлявшиеся с именами Виктора Талалихина и Николая Гастелло. Позднее, в условиях перелома в ходе войны, когда советская авиация получила господство в воздухе, а острый дефицит опытных военных кадров был преодолен, воздушные тараны стали анахронизмом и перестали быть предметом массовой пропаганды. Более того, все чаще стала звучать мысль: «Сколько же можно гробить технику?».

(4) Евгeний Евгeньевич Поддубный – российский военный журналист, автор документальных фильмов и специальных репортажей. Руководитель бюро ВГТРК на Ближнем Востоке и в Северной Африке, автор и ведущий программы «Война» телеканала «Россия-24». Координатор гуманитарной организации «Русская гуманитарная миссия» в Сирии. Член Академии российского телевидения. Заслуженный журналист Российской Федерации.

(5) Когда-то он связал свою жизнь с армией России сразу после школы. В 1997 году он окончил Екатеринбургское Суворовское училище, а в 2002 году – факультет культуры и журналистики Военного университета Минобороны России. После этого служил во Внутренних войсках МВД России корреспондентом, а позже редактором газеты «Зоркий часовой», а также редактором журнала «На боевом посту». Последним местом его работы стал Центральный аппарат Росгвардии. За профессиональные и личные заслуги был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и медалью Суворова // <https://stihi.ru/2022/06/15/7668>.

(6) Напр., немцы для ведения черной пропаганды использовали три радиостанции, якобы вещавшие с территории Великобритании. Одна станция называлась «Радио Каледонии» и вещала от имени шотландских националистов против Англии, другая носила в своем имени название «рабочая» и представляла мнение левых сил. Третья называлась «Новое Британское Радиовещание» и готовила новостные передачи в духе Би-би-си. С помощью слухов решались задачи по дискредитации военно-политического руководства, деморализации населения и военнослужащих, дезинформации и т.д. В ходе «странной войны» во Франции в 1939-1940 гг. заблаговременно заброшенная гитлеровская агентура с помощью слухов о неминуемом военном поражении и преднамеренно имитируемого панического поведения создавала среди французского населения панику в больших масштабах, что привело к полной панике.

(7) Напр., «Родина-мать зовет!» – знаменитый плакат времен Великой Отечественной войны, созданный художником Ираклием Тоидзе в конце июня 1941 года. По собственному признанию художника, идея создания собирательного образа матери, пришла ему в голову совершенно случайно. Услышав первое сообщение Совинформбюро о нападении нацисткой Германии на СССР, супруга Тоидзе вбежала к нему в мастерскую с криком «Война!». Пораженный выражением ее лица, художник тут же принялся делать наброски будущего шедевра. Образ Родины-матери связан с образом России-Матушки, широко использовавшимся во время Первой мировой и Гражданской войн в пропагандистских целях.

(8) Например, в первом военном номере «Правды» от 24 июня 1941 года показ событий на фронте информационной подборкой «Боевые эпизоды» открыл П. Лидов. С конца июля «Боевые эпизоды» становятся постоянной рубрикой, в которой ежедневно публикуются заметки, зарисовки, репортажи о событиях на фронте, о мужестве и самоотверженности бойцов и командиров.

(9) Право иметь постоянных корреспондентов на фронте предоставлялось Совинформбюро, ТАСС, редакциям газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Красный флот», «Комсомольская правда», Всесоюзному радиокомитету и тем республиканским и областным газетам, на территории которых проходили военные действия. В действующую армию газеты посылали своих лучших сотрудников. «Правда» направила 40 журналистов, среди которых были Б. Полевой, П. Лидов, Б. Горбатов, В. Величко, М. Золин и др: Овсепян Р.П. В лабиринтах истории отечественной журналистики.

(10) Поэтесса из Артема Ольга бросила детей, ранула в Грузию с минимальным количеством рублей и замечательным псориазом. В России все было, лекарства, знакомые, родственники, просьбы о помощи, какая-то работа. Деньги быстро закончились, лекарство, которое необходимо перевозить только в сумке-холодильник, тоже закончилось. У всех проблемы. Не

до чьих-то сумок, лекарств. Остался крик души к Богу, к Интернету: «Люди добрые, помогите». Поэтическая душа – это потемки. Но для освещения темноты надо, хотя изредка, включать мозг. Это бесплатно.

(11) Первым озвученным текстом стало обращение И.В. Сталина 3 июля 1941 г. Эта публичность была конкретно и четко маркирована координатами экстремальной ситуации, впервые за все годы пребывания у власти руководитель советского государства И.В. Сталин называл свой народ братьями и сестрами, друзьями: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои» // Правда. 4 июля 1941.

(12) С весны 2011 года Дмитрий Шешин работал в Египте, в Тунисе, затем в Ливии. В ходе «арабской весны», в апреле 2011 года, освещая гражданскую войну в Ливии, вместе со своим коллегой Александром Коцем и тремя журналистами российского телеканала НТВ был взят в плен повстанцами. Репортеры были обвинены в том, что они в качестве разведчиков работают на режим Муаммара Каддафи. Благодаря оперативному вмешательству главы МИД России Сергея Лаврова и спецпредставителя РФ при НАТО Дмитрия Рогозина, все репортеры были освобождены с помощью итальянских военных, дислоцировавшихся на аэродроме Бенгази.

(13) Типичен в этом плане очерк «Бутылка из-под лимонада». Бойцы на первых этапах войны один на один отбивали танковые атаки противника бутылками с зажигательной смесью. Страх как базовая эмоция человека сигнализирует о состоянии опасности, зависит от многих внешних и внутренних, врожденных или приобретенных причин. Необходимо было внушить бойцам презрение к страху. Поэтому в очерке показана то, как боец борется с последствиями страха, автор передает его эмоциональные состояние, сильное нервное напряжение, озвучивает его мысли. См.: Воробьев Е. Бутылка из-под лимонада // Комс. правда. 12 авг. 1942.

(14) Центральные, местные и военные газеты систематически рассказывали о патриотизме советских людей, о повседневной помощи, которую они оказывают фронту. Например, выступления наркома вооружения Героя Социалистического Труда Д. Устинова, академик А. Богомолец, Алексея Стаханова, Героя Социалистического Труда Ф. Токарева и др. Правдиво отражая трудовые достижения в тылу, советские журналисты успешно использовали многие формы массовой работы, появившиеся еще в годы первых пятилеток. Особенно эффективной была деятельность выездных редакций. Около 30 выездных редакций «Правды» и около 40 «Комсомольской правды» действовали на строительстве домен в Магнитогорске и Нижнем Тагиле, на шахтах Караганды, Кузбасса, на восстановлении Сталинградского тракторного завода. Иванова Р., Кузнецов И. Советская журналистика в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1985. № 1.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Владимир Путин объявил о начале специальной военной операции в связи с ситуацией в Донбассе // 24 февраля 2022 // https://www.ltv.ru/news/2022-02-24/421583-vladimir_putin_ob_yavil_o_nachale_spetsialnoy_voennoy_operatsii_v_.
2. Взгляд. Деловая газета. 16 июня 2022 // <https://vz.ru/news/2022/6/16/1163270.html>.
3. *Васильева Л.А.* Мифы – предтеча фейков в современном медиапространстве // 上合组织国家的科学研究：协同和一体化国际会议参与者的英文报告.
4. Военная спецоперация России: решения, которые спасают жизни. 27 февраля 2022 / Алексей Головкин // <https://www.vesti.ru/article/2682605>.
5. КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М.: Политиздат, 1987.
6. *Лайнбарджер П.* Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. М.: Центрполиграф, 2013.
7. *Симонов К.* «Ночь над Белградом» / Собр. соч. в 6-и томах. М., 1967. Т. 2.
8. *Эренбург И.* Весна в январе // Красная звезда. 14 янв. 1942.
9. *Эренбург И.* Свет в блиндаже // Красная звезда. 20 ноября 1942.
10. International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration». Part 1: Participants' reports in English 2021. 年8月4日。中国北京. Beijing, PRC, August 4, 2021.

L.A. VASILYEV

*Doctor of Philology, Professor
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

A.A. AFONIN

*Specialist in international relations,
Bachelor of Laws, Expert in External Communications,
Senior Lecturer, Vladivostok State University of Economics
and Service, Vladivostok, Russia*

MEDIA: SPECIAL ENERGY OF MILITARY JOURNALISM

The dominant of the modern information and propaganda process is military journalism. Military journalism in the USSR, the specifics of propaganda, military correspondents. A special group of writers – military correspondents. Sources of front-line news, genres, thematic orientation of the texts of the Great Patriotic War, Military correspondents of the special operation in 2022.

Key words: *special operation, denazification, rumors, myths, rituals, fakes.*

Е.С. КОНДРАТОВА

*кандидат технических наук, помощник
заместителя председателя Правительства Ленинградской
области по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству,
Россия, г. Санкт-Петербург*

Е.В. КЕРНОЖИЦКАЯ

*аспирант кафедры государственного и
муниципального управления Северо-Западного института
управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Санкт-Петербург*

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ СТРОИТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья посвящена решению задач важнейшего направления внутренней политики государства – строительной политике. Строительная сфера объединяет большое количество субъектов в сложной системе финансовых, правовых, организационно-административных и управленческих связей. Федеративное устройство государства оставляет много возможностей для развития регионов, в том числе и в осуществлении градостроительной политики. В этом смысле, содержание строительной политики в регионе является показателем федерализма. Предметная область, затронутая в статье, включает в себя исследование управленческих механизмов и состояния строительной политики на примере Ленинградской области. Теоретическая значимость исследований в данной области обусловлена тем, что сама категория «строительная политика» не проработана в научном дискурсе. Обращаясь к программно-целевому подходу, который сегодня лежит в основе государственных программ развития и модернизации, концепция государственной строительной политики на федеральном уровне никак не закреплена отдельным регламентирующим нормативным документом, мероприятия строительной политики регламентируются положением нескольких документов. Формально-логические методы исследования, такие как анализ, сравнение, синтез, в данном случае дополняются интерпретацией вторичных данных и статистики. При изучении механизмов формирования и реализации строительной политики очевидна тесная

ее взаимосвязь с проблемами регионального управления, комплексными проблемами социально-экономического развития регионов. Прикладное значение строительной политики с точки зрения политологического знания заключается в потребности государственных институтов федерального и регионального звеньев отвечать на потребности граждан страны, которые, с одной стороны, удовлетворяются не в полной мере, с другой – являются одними из базовых потребностей человека. Целью исследования было выявление и описание содержания, механизмов и тенденций строительной политики региона.

Ключевые слова: *строительство, строительная политика, территория, комплексное развитие территории.*

Введение. В Конституции РФ закрепляется право на жилище. Потребность в жилище – одна из базовых потребностей человека. Тем не менее, политика в области строительства представляется куда более сложным явлением, чем просто деятельность, направленная на удовлетворение потребностей в жилье. Делая акцент на региональной политике в области строительства, нельзя не отметить общие проблемы федерализма.

Как отмечает Авдеев Д.А., субъекты Российской Федерации, по сути, лишены субъектности, что ограничивает их возможность для решения региональных проблем. Исходя из этого, самостоятельность регионов существенно ограничивается в рамках действующей концепции федерализации [1].

Номинально, субъекты Федерации обладают полномочиями для решения поставленных задач в области строительства, но неравномерное распределение ресурсов (финансовых, кадровых, организационных), не позволяет в полной мере решать текущие задачи строительной сферы.

Свою негативную роль играют и проблемы местного самоуправления, выполняющие поверхностные бюрократические функции.

Первоочередным вопросом является федеральная концепция строительной политики. Обращаясь к нормативно-правовым документам, следует отметить, что в России нет документа, регулирующего строительную политику непосредственно.

Реализуемые в России принципы программно-целевого подхода нашли свое отражение в регулировании ряда направлений государственной политики. В тоже время, единого подхода к государственной политике в области строительства нет. Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2035 года существует в форме проекта, также и ее концепция, соединяющая в себе несколько отраслей, может вызывать вопросы.

Нормативно-правовое регулирование строительной политики.

Обращаясь к федеральному уровню управления, следует обратить внимание на несколько основных нормативно-правовых документа.

Во-первых, это Градостроительный кодекс Российской Федерации. В нем дается интерпретация основных понятий, указываются субъекты правоотношений, регламентируются процедуры строительства.

Во-вторых, ряд других юридических положений Гражданского кодекса РФ, Земельного кодекса РФ, Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. №384 – ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» и др., которые регламентируют отдельные аспекты строительной политики.

Прикладные мероприятия должны регламентироваться в целевых программах и проектах, среди таких стоит отметить план мероприятий «Совершенствование технического регулирования, ценообразования и сметного нормирования, саморегулирования в строительной сфере и развития контрактной системы», план «Улучшение предпринимательского климата в сфере строительства».

Одним из главных приоритетов политики строительства заключается в создании благоприятной городской среды.

Обращаясь к «Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года», отмечается, что предусмотрено повышение благоустройства территорий, совершенствование социальной инфраструктуры, что должно соответствовать представлениям о комфорте и безопасности.

Повышение качества жизни среды проживания, в широком смысле, обозначена как главная стратегическая цель [5].

Дается и определение городской среды.

Под городской средой понимается совокупность объектов социальной инфраструктуры, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, ландшафта и др. [5].

Государство, как субъект строительной политики, осуществляет свое участие посредством нормативно-правового регулирования, устанавливая правила для всех участников взаимодействия в этой сфере.

Нормативно-правовое регулирование строительства в российском законодательстве сформировалась как система правовых норм смежных отраслей права, локальных нормативных актов, технических регламентов и инструкций [3].

Однако при детальном рассмотрении невозможно отследить стратегические приоритеты, которые вкладывались бы в единую концепцию строительной политики.

Приоритеты строительной политики в Ленинградской области.

Говоря о строительной политике, следует разделить направления жилищной строительной политики и строительства нежилых объектов.

С.М. Анпилов, А.Н. Сорочайкин, рассматривая положения «Стратегии развития строительной отрасли РФ», также делают акцент на жилищное строительство, указывают на множество факторов, которые необходимы для ее реализации. В частности, отмечаются факторы динамики доходов населения, стоимости жилья, доступности ипотечных механизмов [2].

При формулировке целей строительной политики, приоритетом остается обеспечение граждан жильем.

В этом смысле строительная политика опосредована социально-экономическим контекстом и зависит от общих темпов развития и благополучия.

Обращаясь к техническим вопросам финансирования, отмечается, что с 2019 года финансирование строительства многоквартирных домов осуществляется через эскроу-счета. По мере запуска новых проектов и перехода на эскроу-счета привлеченные средства дольщиков будут замещаться банковским кредитованием [8].

Проблемы жилищного строительства в Ленинградской области во многом идентичны тем, который существуют в России в целом.

В публикациях, затрагивающих проблему строительства в Ленинградской области, прослеживается тенденция социально-экономической взаимозависимости Ленинградской области и Санкт-Петербурга.

Так, Селютина Л.Г., Купоносова Ю.Н., отмечают, что рынок современного и доступного по стоимости жилья не ограничивается ближайшими пригородами Санкт-Петербурга. Среди наиболее перспективных направлений выделяются населенные пункты, которые находятся на расстоянии от 20 до 60 км от Санкт-Петербурга, среди них Сертолово, Коммунар, Кировск, Тосно, Гатчина [6].

Транспортная инфраструктура позволяет осуществлять связь, в том числе логистику и трудовую миграцию между регионами, в тоже время, строительство следует рассматривать как возможность для занятости населения на территории, непосредственно, Ленинградской области.

Как свидетельствует официальная статистика, ввод в действие жилых домов в Ленинградской области в январе-апреле 2022 года составил 1566,6 тысяч кв.м², из которых 1024,3 тысяч кв.м² введено населением за счет собственных и привлеченных средств [7]. В Санкт-Петербурге этот показатель за тот же период составил 1400,2 и 86,4 соответственно.

Статистика строительства и введения в эксплуатацию объектов требует дополнительного уточнения, но, основываясь на имеющихся данных, можно сказать, что существующая строительная политика региона, не встраивается в концепцию комплексного развития региона.

Выстраивание концепции строительной политики Ленинградской области. По мнению автора, основные положения строительной политики региона должны строиться на основе концепции комплексного развития территории, хорошо описанного в научных работах.

Проект комплексного освоения территорий (КОТ) – регламент работ по строительству на определенной территории объектов транспортной, коммунальной и социальной инфраструктуры, других объектов в соответствии с документацией по планировке территории [4].

Понятие комплексного развития территорий следует интерпретировать более широко. С позиции развития следует понимать формирование территории проживания людей как совокупность различных функций городского пространства, обеспечивающего возможность для удовлетворения потребностей, проживающих на данной территории людей.

По мнению автора, следует выделить функции комплексного развития территории:

1. Логистическую – возможности обеспечения деловых связей, поставок и обеспечения территории всем необходимым.
2. Транспортную – сообщение между населенными пунктами региона и доступность сообщения с другими регионами.
3. Социальную – обеспечение социальной инфраструктурой.
4. Экологическую – соблюдение безопасности от антропогенного и техногенного воздействия для проживания на территории.
5. Экономическую – создание условий для экономической активности населения, занятости, сохранение и преумножение человеческого капитала региона.

Строительная политика включает в себя и регулирование деятельности коммунально-сбытовых компаний, от эффективности работы, которых зависит благополучие населения данной территории.

Ленинградская область занимает седьмое место в рейтинге регионов России по качеству жизни, удерживая его несколько лет. Стоит отметить и природно-ресурсный и рекреационный потенциал региона, который делает Ленинградскую область привлекательной для жизни граждан.

Однако анализируя материалы, которые имеются в открытом доступе, в том числе данные государственной статистики, нормативно-правовые и программно-целевые документы, не представляется возможным сформировать единое мнение о том, какую модель развития региона выбрали региональные власти, какие механизмы для достижения целей предложены.

Финансовый и правовой механизмы реализации строительной политики достаточно хорошо отрегулированы, в отличие от административного.

Полномочия региональной власти, представленной Комитетом градостроительной политики Ленинградской области, ограничиваются именно градостроительной политикой, соблюдением правил строительства, но ряд вопросов финансового, земельного, управленческого характера распределены между различными органами государственного управления, алгоритм взаимодействия между ними неотрегулированным.

Выводы. Ленинградская область отличается своей неоднородностью, что выражено в разных темпах развития (социально-экономического, инфраструктурного и т.д.) его районов.

В целом, за последние годы региона сохраняет достаточно высокие позиции привлекательности для жизни.

Тем не менее, не стоит забывать и о существующих недостатках, которые, тем не менее, достаточно близки к тем тенденциям, которые преобладают для России в целом.

Первостепенной задачей, на взгляд автора, является формирование единой стратегии развития строительной политики в регионе. Полномочия региональной власти позволяют решить эту задачу и приступить к ее выполнению.

Развитие регионов в России происходит неравномерно.

Ленинградская область находится среди наиболее благополучных регионов страны, что создает благоприятные возможности для социально-экономического и технологического развития. Механизм строительной политики осуществляется через стимулирование предпринимательской деятельности. С этой целью задействуются различные механизмы (особые экономические зоны, конкурсно-грантовая поддержка, сеть консультативных учреждений и др.) как на федеральном, так и на региональном уровне.

В ряде стран активно применяется партисипаторный подход в муниципальному управлению, когда граждане, используя современные информационно-коммуникационные технологии, непосредственно влияют на расходование местного бюджета, в том числе и на градостроительные решения.

В условиях санкционной рецессии, которая негативным образом сказывается на устоявшихся рынках, в том числе и строительном, трансформация модели строительной политики фактически неизбежна. Представляется, что в этой ситуации больше полномочий возможностей использовать собственные ресурсы должно быть предоставлено регионам.

Субъектами строительной сферы являются многочисленные государственные институты, частные предпринимательские структуры, отдельные граждане. По мнению автора, государство, как гарант соблюдения прав граждан, в том числе на жилье и безопасную среду проживания, обязано принимать непосредственное участие в вопросах регламентации, регулирования и контроля строительной деятельности. Уровень вмешательства государства определяется необходимостью и способностью субъектов строительной сферы согласовывать свои и общественные интересы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авдеев Д.А.* Конституционная концепция региональной политики в Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного

университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Том 4. № 3. DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-3-152-163.

2. Анпилов С.М., Сорочайкин А.Н. О Стратегии развития строительной отрасли РФ (часть I) // Эксперт: теория и практика. 2019. № 1 (1).

3. Дутиков М.П. Правовое регулирование в сфере строительства // Интерактивная наука. 2019. № 10 (45).

4. Кондратьев М.А., Белозерова А.П., Скиба А.А. Особенности реализации проектов комплексного развития территорий в современных условиях // Проблемы экономики и менеджмента. 2017. № 1 (65).

5. Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года // https://econ.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2019/07/05/Проект_актуализированной_Стратегии_2030.pdf.

6. Селютина Л.Г., Купоносова Ю.Н. Современные тенденции развития жилищного строительства в Ленинградской области // Проблемы экономики и менеджмента. 2016. № 4 (56).

7. Управление Федеральной службы государственной статистики по Санкт-Петербургу и Ленинградской области // https://petrostat.gks.ru/Construction_lenobl.

8. Финансирование жилищного строительства в рамках достижения национальных целей развития до 2030 года // Аналитические материалы // https://asros.ru/upload/iblock/461/Finansirovanie_zhilishchnogo_stroitelstva_na_sayt_.pdf.

E.S. KONDRATOVA

*Assistant to the Deputy the Chairman
of the Leningrad Region for Construction and Housing
and Communal Services, Saint Petersburg, Russia*

E.V. KERNOZHICZKAYA

*Postgraduate student of the Department of State and
Municipal Administration of the Northwestern Institute
management – a branch of the Russian Academy of People's
economy and public service under the President
of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia*

WAYS TO IMPROVE REGIONAL CONSTRUCTION MANAGEMENT (USING LENINGRAD OBLAST AS AN EXAMPLE)

The article is devoted to solving the problems of the most important direction of the state's internal policy – construction policy. The construction sector unites a large number of entities in a complex system of financial, legal, organizational, administrative and managerial relations. The federal structure of the state leaves many opportunities for the development of regions, including in the implementation of urban planning policy. In this sense, the content of construction policy in the region is an indicator of federalism. The subject area covered in the article includes a study of management mechanisms and the state of construction policy on the example of the Leningrad Region. The theoretical significance of research in this area is due to the fact that the category “construction policy” itself is not worked out in scientific discourse. Turning to the program-targeted approach, which today underlies state development and modernization programs, the concept of state construction policy at the federal level is not fixed in any way by a separate regulatory regulatory document, construction policy measures are regulated by the provision of several documents. Formally logical research methods, such as analysis, comparison, synthesis, in this case are supplemented by the interpretation of secondary data and statistics. When studying the mechanisms for the formation and implementation of the construction policy, its close relationship with the problems of regional management, complex problems of the socio-economic development of the regions is obvious. The applied importance of the construction policy from the point of view of political scientific knowledge lies in the need of state institutions of the federal and regional links to respond to the needs of citizens of the country, which, on the one hand, are not fully satisfied, on the other, are one of the basic needs of a person. The purpose of the study was to identify and describe the content, mechanisms and trends of the construction policy of the region.

Key words: *construction, construction policy, territory, complex development of territory.*

А.С. БУРОВ

аспирант факультета политологии

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

ОСНОВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (1) (ЧАСТЬ 2)

Статья представляет собой вторую часть исследования основных политтехнологий дестабилизации в регионах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а также существующих предпосылок, создающих благоприятные условия для реализации таких технологий. В первой части работы с теоретических позиций были рассмотрены вопросы политтехнологической дестабилизации в контексте проблематики коренных малочисленных народов Севера, а также их основные примеры. Во второй части статьи раскрываются предпосылки, способствующие развитию указанной деструктивной деятельности на региональном уровне, а также предложения по мерам стабилизации политической ситуации в указанных регионах. Данные материалы могут быть использованы при формировании рекомендаций для институтов публичной власти, в компетенцию которых входят вопросы реализации национальной и региональной политики. В качестве основных научных методов в данной работе использованы междисциплинарный и ситуационный методы исследования. Работа основана на анализе источников современной политологической науки, органов исполнительной власти, а также нормативных актов федерального и регионального уровня.

Ключевые слова: внутренняя политика, коренные малочисленные народы Севера, национальная политика, политические технологии, дестабилизация.

Введение. Проблематика технологических процессов дестабилизации политической обстановки в России сохраняет свою повышенную актуальность. Особое значение указанная тематика приобретает в контексте

эскалации военно-экономического противостояния России и коллективного Запада в условиях проведения специальной военной операции на Украине. «Национальный аспект» таких технологий, по мнению автора, является наиболее важным, так как имеет серьезный деструктивный потенциал и отличается высокой степенью непредсказуемости сопутствующих негативных последствий для политической системы России в будущем.

В связи с этим представляется целесообразным проанализировать особенности технологий политической дестабилизации в контексте проблематики коренных малочисленных народов Севера, а также существующие предпосылки, создающие благоприятные условия для реализации таких технологий.

В первой части работы были рассмотрены взгляды на проблематику *технологий политической дестабилизации* Т. Гугниной и А. Гугнина [9. С. 310], О.Е. Гришина [8], А.И. Соловьева [21; 22; 23], М.В. Бутбы [7. С. 35-36], М.Г. Анохина [1], Ю.С. Борцова, И.Д. Коротца, В.Ю. Шпака [4], В.В. Демидченко [10. С. 140-142], О.Ф. Шаброва [28], Д.В. Березко [3. С. 327-328], Ш.М. Султанова [24], а также самого автора [5. С. 31-46] и др. Также анализировались работы в сферах *дестабилизационных политтехнологий* А.И. Байгушкина, Н.В. Загладина [2] и А.С. Семченкова [20]. Обобщены научные наработки Л.В. Савинова [16. С. 71-78; 17; 18. С. 35-38; 19. С. 72-78], П.В. Чернова [27] и А. Лейпхарта [13] в контексте *этнополитической безопасности*. Также были приведены ценные комментарии к *региональным особенностям отечественной нацполитики* Еремкина А.И. [11] и В.Ю. Зорина [12].

Указанное исследование приобретает дополнительную актуальность в контексте председательства России в 2021-2023 годах в Арктическом совете и провозглашения ООН Международного десятилетия языков коренных народов (2022-2032 гг.).

Предпосылки. Проблемные вопросы этнобезопасности возможно подразделять по множеству специфических оснований, в частности, на «внутриполитические, внешнеполитические, экономические, социальные, культурные, религиозные, исторические, социально-психологические факторы, а также инерционные предпосылки, такие как факторы ответных реакций и автономизации инструмента этнополитики» [17. С. 47] и пр.

Однако, по мнению автора, будет уместно предложить стратифицировать проблемные вопросы в сфере КМНС на следующие виды: *естественные проблемы*, к которым относятся объективные причины, недостатки госполитики и смежные проблемы; *гибридные проблемы*, продуцируемые технологиями политической дестабилизации.

Объективные причины связаны с рядом масштабных событий, в частности, изменением климата, демографическим кризисом, сокращением популяции биологических ресурсов, загрязнением окружающей среды и др.

Особое значение на дестабилизирующий потенциал оказывают *недостатки государственной национальной политики в сфере КМНС*, в частности, такие как низкая эффективность государственной нацполитики в сферах защиты прав и законных интересов КМНС, занятий традиционными промыслам, удовлетворения объективных потребностей, доступа к социальным благам и услугам, медицинской помощи и качественному жилью, а также в связи с вытеснением представителей КМНС с территорий традиционного проживания, недостатком и плохим состоянием инфраструктуры (дороги, интернет), умиранием деревни, невозможностью получить в полном объеме материально-технические средства, низкой информированностью среди коренных народов о реализуемых инициативах господдержки и др.

Особо стоит отметить техногенное воздействие на экологию. «Одной из фундаментальных проблем публичной власти является то, что устойчивость развития КМНС необходимо достигать в условиях интенсивного промышленного освоения ценных ресурсов севера России, что, в свою очередь, оказывает негативное воздействие на ведение традиционных видов хозяйственной деятельности представителями КМНС» [6. С. 1422].

Определения «государственной политики устойчивого развития КМНС» не зафиксировано в документах стратегического планирования в области национальной политики. Однако, Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [15] под устойчивым развитием КМНС понимает «деятельность призванную к увеличению социально-экономического потенциала КМНС, сохранению исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей КМНС на основе целевой поддержки государства и мобилизации внутренних ресурсов КМНС в интересах нынешнего и будущих поколений, в том числе, объединению усилий органов госвласти и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества, включая объединения КМНС для решения вопросов устойчивого развития этих народов».

Безусловно, институты публичной власти являются приоритетными акторами, реализующими этнополитические процессы, «задачей которых является обеспечение как стабильности, так и этнобезопасности сложных социальных систем» [16. С. 72]. Устойчива точка зрения, что отечественная нацполитика преимущественно регулирует отношения представителей различных этносов, позиционируя их как «сумму межэтнических, межкультурных и межконфессиональных отношений, не придавая должного значения глубине общественных коммуникаций» [11. С. 75]. В перспективе, указанному фактору необходимо уделить более серьезное внимание со стороны институтов публичной власти. Дополнительным аргументом в пользу более внимательного отношения к формированию госполитики являются

негативные «последствия промахов в нацполитике советского периода», которые до сих пор оказывают существенное влияние на характер этнополитики и этнополитических процессов как на федеральном, так и региональном уровне» [17. С. 45].

В конечном счете, следует признать, что в России до настоящего времени не сформирована «подлинно демократическая и симметричная федерация, в которой максимально учитывались бы особенности и запросы всех российских этносов» [17]. Л.В. Савинов обращается к мнению А. Лейпхарта, согласно которому перспективы формирования этнополитических предпосылок как факторов социально-политической нестабильности наиболее актуальны «для полиэтничных обществ, на которые оказывают давление политические кризисы, вызванные противоречиями между сегментами их населения и отсутствием объединяющего консенсуса» [13. С. 24; 16. С. 77].

На *федеральном уровне* одной из сфер реализации государственной нацполитики Российской Федерации является предоставление субсидий

из федерального бюджета, которое декларирует реализацию государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации, в том числе поддержку экономического и социального развития представителей КМНС [14]. Базовым приоритетом Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года признает «устойчивое экономическое, социальное и культурное развитие КМН, защиту их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, а также защиту прав и законных интересов этих народов» [26]. По мнению В.Ю. Зорина, *региональный контекст* обусловлен тем, что между органами госвласти субъектов Российской Федерации и территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, «обеспечивающими социально-политическую безопасность в рамках границ региона, существует нерешенная проблема разграничения полномочий между собой, в том числе и в сфере национальной политики» [12. С. 25]. На местном уровне ответственность за обеспечение социально-политической безопасности возложена на органы местного самоуправления. Из-за незначительности у институтов местной власти финансовых, материальных, кадровых и иных механизмов влияния на социально-политические процессы роль муниципальных властей в поддержании политической и социальной безопасности объективно недостаточна, но имеет большие перспективы для потенциального развития в будущем.

К недостаткам госполитики, в том числе уместно отнести *недостаточную разработанность целевой проблематики в рамках российской политической науки*, о чем еще в 2010 году заявлял Л.В. Савинов [19. С. 72]. Указанный вопрос, безусловно, является «метапроблемой», которой стоит уделить наибольшее внимание, так как урегулирование кризисов и потенциальных угроз национальной безопасности, и этнобезопасности, в частности,

а также подготовка рекомендаций для институтов публичной власти, в компетенцию которых входят вопросы реализации национальной политики, «требует научно обоснованного эффективного социального управления в рамках государственной этнополитики» [19. С. 73].

К *смежным вопросам* относятся проблемы, которые обязаны своему появлению сочетанию объективных причин и недостаточности мер реагирования на них со стороны государственной нацполитики.

К таким вопросам относятся проблемы сохранения представителями КМНС собственной культуры, языка, национальных традиций и обычаев, слабость этнической и гражданской идентичности, проблемные ситуации, связанные с деятельностью промышленных компаний, локальная безработица, латентный конфликтный потенциал взаимоотношений представителей КМНС с мигрантами, негативные тенденции, связанные с сокращением рынков сбыта оленины и пушнины, высокий уровень алкоголизации населения, пересечение нескольких видов хозяйственной деятельности на одной локальной территории (охота, рыболовство, сельское хозяйство, недропользование и лесозаготовка) и др.

Гибридные проблемы, в отличие от перечисленных выше *естественных проблем*, являются искусственными и преимущественно продуцируются технологиями политической дестабилизации. В первом случае, политтехнологии дестабилизации эксплуатируют существующие естественные проблемы, которые обязаны своему появлению сочетанию объективных причин, недостаточных мер реагирования на них механизмов государственной нацполитики, а также их сочетания. На пример, актуальны систематические кейсы искусственного преувеличения масштабов изъятия масштабных территорий оленьих пастбищ и охотничьих угодий из традиционного хозяйственного оборота, а также факты вынесения в публичное поле (международную повестку) последствий негативного воздействия на экологию территорий традиционного природопользования КМНС интенсивного промышленного освоения ценных ресурсов добывающими компаниями. Во втором случае, политтехнологии дестабилизации формируют самостоятельную конфликтогенную повестку, которая создает альтернативную реальность и оказывает факультативное негативное воздействие на местное население, в особенности на представителей КМНС.

Таким образом, «кризисами этнической безопасности становятся обстоятельства, создающие как реальные, так и вероятные опасности этническим интересам личности, общества и государства, а также этнонациональным ценностям и этнонациональному образу жизни» [19. С. 73]. По мнению автора, частные острые кейсы и системные кризисные ситуации помимо своего самостоятельного негативного воздействия на политические процессы параллельно создают устойчивые предпосылки к реализации дестабилизационных технологий, становясь их первопричиной, а в гибридной форме

являются устойчивым «триггером», а также связующим звеном между искусственными политическими конструктами и реальной жизнью общества, на представителей которого направлено действие таких технологий.

Предложения. В контексте указанного исследования как нельзя наиболее точно звучат тезисы Н.С. Толкунова, в которых одной из причин социальных катастроф он называет «некорректные управленческие решения, угрожающие государственному строю», а «приоритетной задачей является заблаговременное выявление и превентивная нейтрализация дестабилизационных элементов» [25. С. 120].

В сложившихся условиях представляется целесообразным озвучить ряд предложений, направленных на противодействие политтехнологиям дестабилизации, эксплуатирующих дискурс коренных народов Севера. Институтам публичной власти от федерального до местного значения в рамках, возложенных на них полномочий требуется уделить повышенное внимание достижению реальной эффективности госполитики устойчивого развития КМНС. Основной задачей публичной власти является системное и продуманное устранение недостатков государственной нацполитики в сфере КМНС. Особенно, в сферах защиты прав и законных интересов граждан, борьбы с безработицей, доступа КМНС к водным биологическим ресурсам, занятий традиционными промыслами, доступа к социальным благам и услугам, сохранения самобытной культуры, языка, а также национальных традиций и обычаев КМНС.

Представляется необходимым уделить повышенное внимание решению проблем этнической и гражданской идентичности коренных народов, а также созданию идеологических концептов по формированию актуальной модели «объединяющего консенсуса».

Исходя из этого, в рамках перспективного предложения (на долгосрочную перспективу) государству представляется целесообразным рассмотреть возможность актуализации концепта конституционного строя, обеспечивающего переход к симметричной федерации, где одним из приоритетов станет более внимательный учет социальных и политических потребностей всех этносов России.

В интересах внутривнутриполитической стабильности России целесообразно урегулировать проблему разграничения полномочий между институтами госвласти регионального уровня и территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, особенно в сфере национальной политики. Также стоит рассмотреть возможность наделения местных властей большим объемом ресурсов и полномочий в указанной сфере.

Требуется оперативно разработать политико-правовой механизм по реализации промышленными компаниями принципиально нового стандарта социальной ответственности бизнеса в отношении представителей КМНС. Необходимо максимально снизить техногенное воздействие на экологию

в границах территорий традиционного природопользования КМНС, а также локальных мест их традиционного проживания.

В условиях реализации деструктивных информационных технологий особое значение имеет высокий уровень информирования граждан о реализуемых властью инициативах господдержки, без которого в массовом сознании общества создается впечатление о бездеятельности госинститутов, что формирует протестный потенциал, усиливающийся искусственными манипуляциями.

От органов публичной власти также требуется усилить роль инструментов мониторинга интернет-пространства и социальных сетей, а также способствовать развитию сильных аналитических центров по исследованию результатов такого мониторинга и формированию корректных рекомендаций для принятия взвешенных управленческих решений. Корректная и системная деятельность институтов публичной власти на площадках социальных сетей является одним из важнейших приоритетов при коммуникации с населением.

От представителей власти требуется более активное присутствие и участие на платформах социальных сетей в роли арбитра в межнациональных конфликтах. В целом, со стороны властей необходимо применение комплекса технологий по противодействию политической дестабилизации, которые могут носить как зеркальный (симметричный) характер, так и выходить за пределы «навязанных условий» и действовать превентивно на опережение политической обстановки.

Отдельно стоит остановиться на стратегической необходимости уделять повышенное внимание указанной проблематике в политической науке, так как она на сегодняшний день в достаточной степени не изучена.

Безусловно, вопросы, связанные с актуальными и перспективными технологиями политической стабилизации, а также механизмами противодействия политической дестабилизации в регионах проживания КМНС требуют самостоятельного глубокого анализа и будут рассмотрены в самостоятельных научных работах.

Выводы. Таким образом, в результате проведения исследования сделан ряд выводов, согласно которым особое значение на дестабилизирующий потенциал оказывают недостатки государственной нацполитики в сфере КМНС, в частности, такие как низкая эффективность государственной нацполитики. Технологии политической дестабилизации эксплуатируют существующие естественные проблемы, которые обязаны своему появлению сочетанию объективных причин и недостаточных мер реагирования на них механизмов государственной нацполитики, а также формируют самостоятельную конфликтогенную повестку, которая создает альтернативную реальность и оказывает факультативное негативное воздействие на местное население, в особенности на представителей КМНС.

Таким образом, «кризисами этнической безопасности становятся обстоятельства, создающие как реальные, так и вероятные опасности этническим интересам личности».

Частные острые кейсы и системные кризисные ситуации помимо своего самостоятельного негативного воздействия на политические процессы параллельно создают устойчивые предпосылки к реализации дестабилизационных технологий, становясь их первопричиной, а в гибридной форме являются устойчивым «триггером», а также связующим звеном между искусственными политическими конструктами и реальной жизнью общества. Политтехнологии дестабилизации преимущественно применяются в медийном интернет-пространстве. Большую роль играют технологии «мягкой силы», которые, в частности, транслируют населению социально и экономически привлекательные образы жизни в западных странах. Наибольший дестабилизационный потенциал несут технологии, которые реализуются в социальных сетях. Представляется необходимым уделить повышенное внимание решению проблем этнической и гражданской идентичности коренных народов, а также созданию идеологических концептов по формированию актуальной модели «объединяющего консенсуса». Требуется оперативно разработать политико-правовой механизм по реализации промышленными компаниями принципиально нового стандарта социальной ответственности бизнеса в отношении представителей КМНС.

В условиях реализации деструктивных информационных технологий особое значение имеет высокий уровень информирования граждан о реализуемых властью инициативах господдержки, без которого в массовом сознании общества создается впечатление о бездеятельности госинститутов, что формирует протестный потенциал, усиливающийся искусственными манипуляциями.

От представителей власти требуется более активное присутствие на платформах социальных сетей в роли арбитра в межнациональных конфликтах. Отдельно стоит остановиться на стратегической необходимости уделять повышенное внимание указанной проблематике в политической науке.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (КМНС).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Анохин М.Г. Современные технологии эффективной политики. М.: РУДН, 2008. Т. 239.

2. Байгушкин А.И., Загладин Н.В. Факторы и акторы дестабилизации: опыт прошлого и современность. Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2011.

3. Березко Д.В. Избирательные технологии как разновидность политических технологий. VII Машеровские чтения. 2013.

4. Борцов Ю.С., Коротец И.Д., Шпак В.Ю. Политология в вопросах и ответах. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

5. Буров А.С. Перспективные технологии формирования политической лояльной молодежи в современной России // PolitBook. 2021. № 4.

6. Буров А.С. Актуальные аспекты государственной политики устойчивого развития коренных народов Севера в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 4 (85).

7. Бутба М.В. Политические технологии как совокупность приемов и процедур целенаправленной деятельности // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2010. № 4.

8. Гришин О.Е. Технологии политической деятельности: сущность и потенциал применения: дис. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2001.

9. Гугнин А., Гугнина Т. Политические технологии и их применение. Москва, 2009.

10. Демидченко В.В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды // Власть. 2015. № 12.

11. Еремкин А.И. Влияние социальных сетей на межэтнические отношения (в современной России) // Юбилейный сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и магистрантов социологического факультета Самарского государственного университета. 2014.

12. Зорин В.Ю. Российская этнополитика на современном этапе: традиции и инновации // Вестник Российской нации. 2019. № 2.

13. Лейнхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. 1992. Т. 217.

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 января 2021 г. № 48 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета на поддержку федеральных национально-культурных автономий и иных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в сфере реализации государственной национальной политики Российской Федерации, и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2019 г. № 1783».

15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2009 г. № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

16. *Савинов Л.В.* Национальная политика и этнобезопасность // Вестник Российской нации. 2021. № 3.
17. *Савинов Л.В.* Региональная этнополитическая безопасность: пример Сибири // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 4.
18. *Савинов Л.В.* Смыслы и концепты этнополитической безопасности // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2010. № 1.
19. *Савинов Л.В.* Этнобезопасность: смыслы социосинергетического понимания // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2010. № 1.
20. *Семченков А.С.* Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России. М.: МГУ имени МВ Ломоносова, 2012.
21. *Соловьев А.И.* Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект-пресс, 2000.
22. *Соловьев А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебн. для студентов вузов. М., 2000.
23. *Соловьев А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2004.
24. *Султанов Ш.* Этноразвитие и этнобезопасность // Изборский клуб. 2014. № 1 (13).
25. *Толкунов Н.С.* Региональная этнобезопасность и стабильность // Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы. 2019.
26. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».
27. *Чернов П.В.* Россия: этногеополитические основы государственно-сти. Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
28. *Shabrov O.F.* Political technologies // Knowledge. Understanding. Skill. 2012. T. 4.

A.S. BUROV

*Postgraduate student, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

MAIN TECHNOLOGIES OF POLITICAL DESTABILIZATION AND CONDITIONS FOR THEIR IMPLEMENTATION IN THE REGIONS OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH (PART 2)

The article is the second part of the study of the main political technologies of destabilization in the regions of residence of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia, as well as the existing prerequisites that create favorable conditions to implement such technologies. In the first part of the work, from a theoretical standpoint, the issues of political technological destabilization were considered in the context of the problems of the indigenous peoples of the North, as well as their main examples. The second part of the article reveals the prerequisites that contribute to the development of this destructive activity at the regional level, as well as proposals on measures to stabilize the political situation in these regions. These materials can be used in the formation of recommendations for public authorities, whose competence includes the implementation of national and regional policies. The main scientific methods used in this work are interdisciplinary and situational research methods.

The study is based on the analysis of sources of modern political science, as well as executive authorities, regulations of the federal and regional levels.

Key words: *domestic policy, indigenous peoples of the North, national policy, political technologies, destabilization.*

В.В. ТИТОВ

кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме институциональной организации государственной политики идентичности в Российской Федерации с учетом особенностей развития политической системы постсоветской России и роста геополитических рисков. Анализируется опыт зарубежных стран по созданию институтов национальной памяти как специализированных государственных структур, деятельность которых ориентирована на формирование соответствующей модели национально-государственной идентичности на основе полномасштабной реструктуризации коллективного образа прошлого. При этом проведенное исследование позволяет утверждать, что указанный опыт в силу ряда исторических и социально-политических обстоятельств, связанных, прежде всего, с этнокультурным многообразием российского общества, не является приемлемым для современной России. Также отмечается, что важнейшими условиями совершенствования институционального профиля политики идентичности, контуры которой формируются в сегодняшней России, является ее дальнейшее смысловое наполнение, выработка и четкое формулирование целей ее реализации.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, государственная политика идентичности, институциональная организация, образ врага, институты национальной памяти, историческая политика.

Одной из важных проблем политической науки в современной России является комплексное осмысление феномена национально-государственной идентичности, его содержательных аспектов и механизмов формирования в условиях турбулентной социально-политической реальности XXI века. При этом речь идет не только о глобальных политических изменениях, геополитических вызовах и рисках, воздействующих на траекторию

российской национально-государственной идентичности, но и о трансформации социального фона ее формирования [3. С. 25-41; 4; 5. С. 89-96]. В связи с этим в поле зрения отечественных исследователей попадают такие «мегатренды» современности, как тотальная (и во многом – хаотическая, слабо регулируемая) цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества, становлении принципиально нового информационно-психологического ландшафта повседневности, возрастающая неустойчивость и, отчасти, дисфункция традиционных институтов социализации.

Безусловно, указанные процессы носят во многом транснациональный характер. Тем не менее, важно подчеркнуть, что их особая острота для нашей страны обусловлена как минимум двумя факторами. Во-первых, необходимо признать, что тотальный кризис национально-государственной идентичности 1990-х гг., ставший следствием распада СССР, последовавших за этим глубоких и болезненных социально-политических трансформаций, на сегодняшний день преодолен не до конца. Его последствия сказываются на состоянии политического сознания российских граждан и сегодня. Прежде всего, они проявляют себя в сохраняющейся аморфности символических контуров «матрицы» российской идентичности, внутренних мемориальных конфликтах (которые носят не столь резонансный и дисфункциональный характер, как в 1990-е и даже в начале 2000-х гг., но продолжают существовать в массовом сознании), разбалансированности системы общего исторического образования. Во-вторых, международно-политические события конца 2010-х – начала 2020-х гг. наглядно продемонстрировали, что вопрос формирования полномасштабной национально-государственной идентичности важен не только в политико-психологическом ракурсе, с точки зрения состояния общественного сознания, но и в его геополитическом преломлении. По существу, он сопряжен с проблемой полноценной геополитической субъектности России как одного из мировых центров силы, резистентности российского общества к внешним информационным и социокультурным вызовам современности.

Следует заметить: если в 1990-е – начале 2000-х гг. в центре внимания российской политической науки был вопрос «что есть российская идентичность?» и каковы ее наиболее важные условно константные и генетические характеристики, то сегодня особую актуальность приобретает осмысление государственной политики идентичности как многопрофильного инструмента ее целенаправленного формирования. Предваряя обсуждение проблем институциональной организации политики идентичности в современной России, необходимо зафиксировать, как именно она определяется в политической науке XXI столетия. Следует признать, что сегодня наблюдается известная полифония мнений и интерпретаций данного понятия. Она обусловлена как сложностью его концептуального становления, структурной операционализации (подразумевающей ответ на вопрос, какие именно

элементы входят в структуру политики идентичности?), так и известной его метафоризацией. Последняя вызвана разночтениями в трактовке понятия «национально-государственная идентичность» и склонностью ряда исследователей, опираясь на ранние зарубежные работы [9. Р. 765-773; 10. Р. 87-100], подразумевать под политикой идентичности борьбу разнообразных миноритарных групп за свои права. То есть, в центре такого подхода традиционно оказывается общественно-политическая активность разнородных меньшинств, протекающая в условиях, если не противостояния социальному большинству, то серьезной напряженности. В частности, именно о существовании такой – по существу, конфликтогенной и одномерной трактовке рассматриваемого понятия пишет В.А. Ачкасов. Он отмечает: термин «политика идентичности», утвердившийся в 1960-1970-х годах... употреблялся в значении «практики утверждения ущемленными в социальном статусе меньшинствами и группами... права на общественное признание и легитимность...» [1. С. 72].

В конце XX столетия на авансцену вышел и принципиально иной подход к осмыслению политики идентичности и роли государства в ней, который можно охарактеризовать как инструментальный. Согласно ему политика идентичности представляет собой целенаправленную деятельность власти по консолидации политического сообщества. Главным механизмом такой деятельности выступает историческая политика, понимаемая также весьма специфично – как селективное и, по большому счету, манипулятивное использование исторических фактов правящими элитами для достижения собственных политических целей. Важно отметить, что становление такого взгляда на проблему конструирования национально государственной идентичности и роль исторической политики (как, соответственно, функционального ядра политики идентичности) в этом процессе связано с постсоветским транзитом конца 1980-1990-х гг., происходившим тогда в странах центральной и восточной Европы. Наиболее ярко суть данного подхода выразил польский историк и бывший глава МИД Польши А. Ротфельд: «историческая политика» означает, что наше понимание прошлого должно формироваться современностью. Другими словами, историческая политика близка к инструментализации истории, состоящей в том, что одни факты извлечены на поверхность, а другие скрыты – в соответствии с нуждами тех, кто стоит у власти» [8].

По нашему мнению, сегодня наиболее оптимальным и взвешенным (с точки зрения развернутого, а не одномерного элитарно-ориентированного понимания государственной политики идентичности) для понимания государственной политики идентичности является третий – структурно-конструктивистский взгляд, основанный на симбиозе положений социального конструктивизма и структурного функционализма. Согласно ему национально-государственная идентичность представляет собой разновидность

идентичности макрополитической, специфическое представление о «нас» как о сообществе, формирующееся в массовом сознании. Репрезентациями указанного представления являются различные его проекции- массовые образы: образ «нашей» территории, образ «нашего» прошлого, образ будущего, образ «значимого другого». В этом случае политика идентичности представляет собой целенаправленную, долгосрочную и институционально оформленную деятельность государства по конструированию национально-государственной идентичности [1. С. 72-74]. В основе такой деятельности, по мнению О.В. Поповой, лежит «набор чаще всего закреплённых в юридических актах, но имеющих символическое и идеологическое наполнение политических проектов, практик и инструментов» [6. С. 92-94].

Справедливо полагать, что на сегодняшний день одной из ключевых проблем государственной политики идентичности в Российской Федерации является поиск ее, если не *оптимального, то хотя бы приемлемого институционального оформления*. Важно отметить, что, несмотря на присутствие термина «идентичность» в стратегических документах (например, в Стратегии государственной национальной политики РФ в редакции 2012 г.), политика по ее комплексному формированию не выделяется в качестве самостоятельного направления государственной деятельности, и тем более, не рассматривается как стратегический приоритет. В этом, пожалуй, состоит одно из заметных отличий современной России от ряда государств центральной и восточной Европы (Польши, Румынии, Чехии, Украина и др.), где в 1990-2000-е гг. были созданы Институты национальной памяти – специализированные структуры, фокус внимания которых сосредоточен не столько на вопросах сохранения исторического наследия (политике памяти в ее узком, первоначальном понимании), сколько на целенаправленном использовании исторических аргументов и образов в конструировании общенациональных ценностно-символических пространств самоидентификации. При этом характерная особенность деятельности всех этих зарубежных институтов состоит в акценте на условно «трагических» сюжетах национальной истории, активном использовании образа «врага». Общеизвестно, что наиболее часто в роли такого генерализованного «врага» рассматривается историческая Россия во всех ее государственно-политических формах: доимперской («Московия» как «наследница Орды»), имперской («тюрьма народов» и «жандарм» свободного мира), советской («тоталитаризм»), современной.

Показательно, что дискуссии о необходимости создания института национальной памяти развернулись и в России. При этом звучат различные части диаметрально противоположные точки зрения. С одной стороны, в последнее время весьма популярным является мнение, что «России необходим свой аналог института национальной памяти. Да, это должен быть крупный научно-исследовательский центр с функцией координации всей

исторической работы, надзора за состоянием исторического образования, с обязанностью проводить экспертизу всех произведений, в том числе художественных, создание которых обеспечивается при поддержке, в том числе и финансовой, государства... Он обязан вести активнейшую информационную и просветительскую деятельность, способствовать сохранению исторического наследия» [7].

С другой стороны, многие эксперты, критически воспринимающие данное начинание, указывают и на опасность «монополизации» исторических трактовок государством, и на, отчасти, псевдонаучный и конъюнктурный характер восточноевропейских институтов такого типа, и, что крайне существенно, на сложность функциональной адаптации такой структуры к уже существующим и весьма инерционным российским административным реалиям. Так, они ссылались на не вполне успешный опыт функционирования Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам РФ: «создавая особый политический орган для регулирования исторических проблем, мы поставили себя на одну доску с теми, кого осуждаем за использование истории в политических целях» [2].

Однако важно отметить, что зарубежный опыт институциональной организации государственной политики идентичности не исчерпывается относительно новыми восточноевропейскими и постсоветскими кейсами. На наш взгляд, сегодня к наиболее успешным примерам системной реализации государственной политики идентичности (подчеркнем – именно государственной, в которой механизмы государственного управления занимают центральное место) можно отнести опыт Израиля, КНР, Ирана и ряда других – преимущественно, неевропейских – государств, в которых соответствующие институты конструирования идентификационных нарративов весьма органично вмонтированы в политико-административные структуры культурной, информационной и, что крайне важно, научно-образовательной политики. Вместе с тем, указанный опыт, хотя и представляется весьма интересным с практической точки зрения, по понятным причинам также не может быть механически воспроизведен в российских реалиях, так как все же ориентирован на унифицирующие практики массовой макрополитической самоидентификации, как правило, с мощным религиозным или квазирелигиозным компонентом. Естественно, такая конфигурация не вполне отвечает реалиям российского полиэтничного и многоконфессионального социума, даже если рассматривать ситуацию упрощенно и ставить цель сформировать некую «зонтичную» идентичность – условного «гражданского» (на практике – преимущественно формально-декларативного) типа.

Следовательно, перед действующей властью, сотрудничающими с ней негосударственными структурами вырисовывается весьма объемная стратегическая задача, связанная с концептуализацией и детальной проработкой

российской национальной модели государственной политики идентичности. При этом, на наш взгляд, указанная модель не должна рассматриваться редуцированно – как набор транслируемых «сверху» концептов и мировоззренческих констант, «государственная идеология». Также представляется функционально ограниченным и противоположный по своей сути реактивный подход к решению данной проблеме: ситуация, когда стратегия формирования российской национально-государственной идентичности подменяется набором краткосрочных, по большому счету, локальных и тактических мер в сфере патриотического воспитания, культуры и молодежной политики.

Не претендуя на полномасштабный анализ всего круга проблем, стоящих перед государством в сфере выработки и реализации политики идентичности, представляется возможным выделить основные организационно-структурные задачи, которые, по нашему мнению, являются наиболее рельефными и актуальными в контексте современных политических вызовов:

- разработка нормативной базы реализации государственной политики идентичности с учетом уже существующего правового фундамента (Стратегии государственной национальной политики РФ, Стратегии национальной безопасности РФ, Стратегии государственной молодежной политики РФ, Закона РФ «О днях воинской славы и памятных датах» и др.).

- поиск приемлемого институционального дизайна политики идентичности, реализуемой государством – создание координационного центра ее реализации на различных уровнях публичной власти: общенациональном, межрегиональном (на уровне федеральных округов), субъектов федерации;

- преодоление все более отчетливого дисбаланса между ретроспективным и проективным компонентами в конструировании российской национально-государственной идентичности, что предполагает активизацию деятельности по проектированию развернутого общенационального образа будущего;

- создание эффективной системы мониторинга, социально-политической (в том числе, этнополитической) ситуации и соответствующих рисков в российских регионах, поскольку от указанного фактора напрямую зависит эффективность политики государства в области формирования общероссийской модели национально-государственной идентичности;

Резюмируя указанные выше задачи, необходимо подчеркнуть, что представленный перечень не является исчерпывающим. Речь идет лишь о репрезентации тех проблемных аспектов государственной политики идентичности, которые лежат преимущественно в организационно-управленческой плоскости, являются весьма злободневными и, следовательно, требуют оперативного реагирования со стороны властных институтов.

Таким образом, можно констатировать, что проблема институциональной организации государственной политики идентичности в современной России характеризуется остротой и многоплановостью. Ее решение подразумевает комплексный подход и не может быть сведено ни к механическому воспроизводству зарубежных практик, ни к созданию новых структур в системе государственного управления. Важно также подчеркнуть, что какая-либо продуктивная и системная деятельность по развитию институциональной конфигурации государственной политики идентичности в Российской Федерации возможна только при условии ее дальнейшего смыслового наполнения, подразумевает выработку соответствующих стратегических приоритетов и долгосрочных целей ее реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ачкасов В.А.* Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 4.
2. Для внутреннего употребления // Российская академия наук // <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=5961b0b7-d9c8-4e7c-a0d3-7c1ccaf7362e&print=1>.
3. *Лапкин В.В.* Метаморфозы идентичности в условиях глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 2.
4. *Левкина Ю.Ю., Алимтиева А.В.* Дискурсы идентификации и проблема конструирования идентичности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 12.
5. *Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2.
6. *Попова О.В.* О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4.
7. России необходим свой Институт национальной памяти // ИА Реалист // <https://realtribune.ru/news-authority-4527>.
8. *Ротфельд А.* Спрос на правду // Новая Польша. 2011. № 1 // <http://www.nowpol.ru/index.php?id=1422>.
9. *Anspach R.* From stigma to identity politics: political activism among the physical: disabled and former mental patients // Social science and medicine. medical psychology and medical sociology. 1979. Vol. 13.
10. *Ackelsberg M.* Identity Politics, Political Identities: Thoughts toward a Multicultural Politics // Frontiers: A Journal of Women Studies. 1996. № 16 (1).

V.V. TITOV
*PhD (Political Sciences),
Senior Researcher, Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

STATE IDENTITY POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE PROBLEM OF INSTITUTIONAL ORGANIZATION

The article is devoted to the problem of the institutional organization of the state identity policy in the Russian Federation, taking into account the specific of the political system of post-Soviet Russia and the growth of geopolitical risks. The article analyzes the experience of foreign countries in creating institutions of national memory as specialized state structures, which are aimed at forming an appropriate model of national-state identity based on a full-scale restructuring of the collective image of the past. At the same time, the conducted research shows that this experience, due to a number of historical and socio-political factors, related to the ethno-cultural diversity of Russian society, is not relevant for modern Russia. It is also noted that the most important conditions for improving the institutional profile of identity policy, the contours of which are being formed in today's Russia, are its further semantic content, development and a clear formulation of the goals of its implementation.

Key words: *national-state identity, state identity policy, institutional organization, enemy image, institutions of national memory, historical policy.*

М.Д. ОДИНОКОВ

*аспирант кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,
Россия, г. Москва*

А.Д. ТРИФОНОВ

*аспирант кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,
Россия, г. Москва*

ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУХПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В ПОСТРОЕНИИ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается актуальность запроса на идеологию внутри российского социума. Исследование данной темы происходит в рамках современной политической конъюнктуры. Основной акцент делается на перспективах консервативной идеологии, ключевым фактором для институционализации которой является реформирование партийной системы Российской Федерации и формирование двухпартийного парламента. В ходе анализа тезисно доказывается перспективность данной системы в условиях текущих геополитических трансформаций.

Ключевые слова: *партия, идеология, политика, двухпартийная система, консерватизм, государство, Россия.*

Российская Федерация сегодня является государством, перенесшим два коренных изменения общественно-политической формации менее чем за восемь десятилетий. Февральская и последовавшая за ней – Октябрьская революция, поставили крест на возможности следования мировой тенденции конца XIX начала XX века на переход к конституционной монархии, путем проведения реформ государственного аппарата. Напротив, произошел сильнейший раскол общества того времени, последствия которого можно наблюдать и сегодня.

Схожие процессы происходили и в конце XX века в ходе распада СССР и прихода к власти либерально-демократических сил.

Обе эти революции объединены, в первую очередь тем, что их идеологический фундамент зародился и был привнесен извне, то есть являлся плодом

западной политической культуры. Принципы построения взаимоотношений внутри социума, стратегические цели и задачи данных идеологий не являлись реализацией внутренней потребности российского (советского) общества, что в целом, противоречит культурологическому объяснению любой идеологии, о котором писал еще М. Вебер, согласно воззрениям которого, природу и содержание идеологии следует выводить из субъективных ценностей, актуализированных группой, индивидом и выступающих в качестве мотивов их деятельности [1. С. 17]. Обе эти идеологии несли в себе всеобъемлющее отрицание предыдущего государства и характерного для него пути развития, более того, политические силы новых идеологий старались всячески очернить и нивелировать значимость, происходивших историко-культурных и социальных процессов внутри государства-предшественника.

Те социально-экономические потрясения, произошедшие в молодой России 90-х годов XX века, разрушили мифы о быстром и беспрепятственном построении эффективной рыночной экономики, об обществе, фундаментом которого являются свобода слова и верховенство закона. Граждане, возлагавшие большие надежды на либерально-демократические преобразования, способные изменить социум на западный манер, столкнулись с небывалым разгулом бандитизма, дефолтом и повсеместным влиянием олигархата на принятие политических решений.

Первое десятилетие XX века можно назвать временем политического абсентеизма в России. Народ, сложно перенесший ряд происходивших преобразований, в массе своей старался абстрагироваться от политических процессов, происходящих в государстве. Так, значительно снизилось количество уличных демонстраций, теряли популярность реваншистские коммунистические партии, расформировывались прозападные, ультралиберальные политические объединения, формировалась нижняя палата парламента в том виде, котором она представлена сегодня.

Первая половина десятых, закончившаяся «Крымской весной», постепенно формировала в обществе запрос на новую идеологию. Различные слои населения нуждались в постановке конкретных целей и задач, которые могли бы служить мотивами их трудовой и общественной деятельности. Впервые за долгие годы, идеологический фундамент был заложен самим российским обществом, сформулирован и сформирован, исходя из его внутренних идеалов и социально-экономических потребностей, а не был навязан политическими силами извне.

Такой идеологией, для народа, пронесшего свою религиозную идентичность через десятилетия атеистического строя, становится новый русский консерватизм. Представляя собой реакцию общества на провальные попытки построения коммунизма, и неудавшиеся ультралиберальные преобразования, консерватизм становится третьей и ведущей силой на политической арене Российской Федерации, общественно-политическое поле

которой, в перспективе может базироваться на трех идеологических столпах: социализм, либерализм и консерватизм.

Одним из наиболее реальных способов институционализации консервативной идеологии в Российской Федерации может стать реформирование партийной системы государства.

Переход к двухпартийной системе, который видится возможным при синтезе умеренно либеральных движений, как с консерваторами (пример – Христианско-демократический союз Германии), так и с социал-демократами, (пример – партия Либеральных демократов Великобритании) является оптимальным вариантом решение задач по обновлению политического пространства России, а также реализацией запроса общества на идеологию. Формируя два противопоставляемых политических субъекта, российский социум получает широкую возможность для выдвижения и отстаивания своих политических требований, исходя из своей идеологической принадлежности.

Отдельно нужно сказать об идеологическом вопросе современного консерватизма.

Процесс де-глобализации, началом которого можно считать период пандемии коронавируса, возродил в социуме запрос на культурную самоидентификацию, самобытность. Закрытые границы, «культура отмены», радикализация ультралиберальных движений на Западе с их позицией по социокультурным вопросам внутри общества, способствовали утрате ряда сторонников западного варианта развития на территории Российской Федерации.

Тем не менее, несмотря на все вышесказанное, а также на кризис построения либерализма 90-х годов, в российском обществе не теряет актуальности запрос на фундаментальные принципы либерализма: сохранение частной собственности, свободы слова, демократических выборов, независимости ветвей власти. Отечественный консерватизм с его стремлением к сохранению многовековых традиций, культурной идентичности, духовной и бытовой самобытности, в синтезе с соблюдением принципов неприкосновенности частной собственности и свободы рынка видится здесь наиболее точным вариантом решения противоречий, назревших в ходе кризиса развития западной либеральной мысли.

Религиозный вопрос, как базовый элемент консервативной идеологии, также имеет значение в процессе ее институционализации на территории Российской Федерации. Несмотря на семь десятилетий построения государства, базировавшегося на принципах научного атеизма, российское общество не утратило своей религиозной идентичности, сохранив вековые традиции православных обрядов и праздников.

Таким образом, новая консервативная сила, обретя политическую субъектность, в перспективе находясь в постоянной конкуренции в рамках

двухпартийной системы, а также синтезировав в себе наиболее ценные достижения идеологий прошлого, способна стать локомотивом развития российского общества в будущем, позволив успешно преодолеть назревший кризис западного либерализма.

Для того чтобы ответить на современные запросы российского общества и проводить политику в интересах России, необходимо, как уже было сказано ранее, реформировать партийную систему РФ. Опираясь на исторический опыт, большинства ведущих западных стран можно сделать вывод о том, что двухпартийная система с присущими ей положительными элементами, является оптимальной формой парламентского устройства для построения суверенного государства. Двухпартийность способна обеспечить стабильность в политической сфере, не нарушая принципы демократии, что способствует наиболее эффективному функционированию исполнительной власти.

Двухпартийная система способствует поддержанию стабильности власти, поскольку одна партия может получить большинство в парламенте и нести ответственность за правительственный курс. Многопартийные системы чаще подвержены кризисам, ведь в них сложнее сформировать парламентское большинство. При двухпартийной системе политическая борьба носит более конструктивный характер, так как граждане, в случае невыполнения правящей партией своих обещаний, имеют здоровую альтернативу для выбора на следующий период правления [2. С. 241].

Зачастую в двухпартийной системе одна партия обычно больше склоняется к предпринимательскому сектору и лоббирует интересы национального капитала, в то время как другая партия склонна отдавать предпочтение рабочему населению и выступает за более широкое использование социального обеспечения и перераспределение доходов.

При двухпартийной системе в парламенте представлены две ведущие партии, но не исключено и присутствие в стране «иных партий», которые изредка способны оказывать какое-либо влияние и в редких случаях побеждают на выборах. В США, например, на уровне штатов и на национальном уровне кандидат с большей вероятностью победит на выборах как независимый, не связанный ни с какой партией, чем как представитель «иной партии». Найти отличия между ведущими политическими партиями Соединенных Штатов Америки непросто, потому что они представляют интересы крупного национального капитала. Ключевое различие между Демократической и Республиканской партиями заключается в двух аспектах:

- интересы каких отраслей, агентов крупного и среднего капитала они представляют;
- расхождение в риторике, целью которой является привлечение голосов различных слоев населения в избирательных кампаниях.

Во всем мире знакомы с американскими ценностями и какая бы партия ни пришла к власти, эти ценности не поменяются.

В Великобритании функционируют Консервативная партия, Лейбористская партия, Либеральные демократы, Шотландская национальная партия и ряд других политических организаций. Однако несмотря на такое разнообразие, Соединенное Королевство – страна с классической двухпартийной системой, где лейбористы и консерваторы, сменяя друг друга, проводят политику, обеспечивая национальные интересы страны.

В других ведущих западных странах в парламенте представлено от трех политических партий. Это один из видов двухпартийной системы, ее часто называют «системой двух с половиной партий», предполагающая помимо двух ведущих партий третью, которая менее сильная, однако имеет возможность оказывать влияние и бороться за власть.

Причина различных видов партийных систем состоит не в том, что некоторые страны обязательно менее идеологически разнообразны, а в том, что это следствие различных избирательных систем. Французский политический теоретик Морис Дюверже утверждал, что системы пропорционального представительства, как правило, приводят к многопартийным системам, в то время как избирательные системы, основанные на одномандатных округах и множественном голосовании, как правило, приводят к двухпартийным системам. Сейчас это называется законом Дюверже.

Категории являются одним из основных способов, с помощью которых люди осмысливают сложную окружающую среду. Для политической среды партии представляют собой такие категории. Упрощая политическую жизнь, партийные категории позволяют людям разобраться в политике. Фундаментальной характеристикой партийных категорий является то, что они сводят к минимуму воспринимаемые различия между членами внутри партии (например, два демократа) и максимизируют воспринимаемые различия между членами разных партий (например, республиканец и демократ). В двухпартийных системах политики из «левых» партий часто будут восприниматься антагонистами по отношению к политикам из «правых» партий и наоборот. Однако в многопартийных системах существует большая сложность и заложен потенциал для путаницы, поскольку часто сосуществуют несколько партий слева и/или справа. Пространственные модели политической конкуренции предсказывают, что идеологически близкие партии будут восприниматься как похожие, однако категорическая перспектива свидетельствует о том, что общественность будет воспринимать партии, находящиеся по одну сторону идеологического барьера, как непохожие.

В серии научных статей американские ученые применяют результаты исследований категоризации к тому, как люди воспринимают политические партии. Воспользовавшись пониманием того, как люди максимизируют

воспринимаемые различия между членами различных категорий, ученые обнаружили, что чем больше человек (например, Барак Обама) воспринимается как типичный представитель одной партии (например, демократ), тем меньше он или она воспринимается как типичный представитель другой партии (например, республиканец). В исследовании партийных категорий в США респонденты оценивали общественных деятелей, используя два типа: либо демократ, либо республиканец. Связь между двумя наборами оценок была сильной, отрицательной и линейной, с корреляцией $-0,9957$ [3. С. 283]. Мы можем наблюдать между двумя партиями компромисс: в той мере, в какой политик был менее типичен для одной партии, тот же политик был в равной степени более типичен для другой партии. Действительно, поляризация была настолько сильной, что к демократической и республиканской партиям относились как к зеркальным противоположностям.

Таким образом, данное исследование показало, что в двухпартийной системе США избиратели имеют высоко структурированное и систематическое представление о Демократической и Республиканской партиях; действительно, одна партия воспринимается как зеркальное отражение другой. Даже на беспартийных выборах, избиратели способны точно определить принадлежность к партии на основе демографической и тематической информации и проголосовать в соответствии с партийной линией. Поэтому в двухпартийной системе партии, поддерживающие различные политические суждения и принимающие отличные решения, хорошо описываются как категории.

Таким образом, чтобы ответить на запрос общества и государства в консервативной идеологии, необходимо реформировать политическое устройство, а в частности переходить на двухпартийную систему. Чтобы артикулировать интересы практически всех социальных групп, нужны две партии: Консервативная и Социалистическая. Эти партии должны обладать внятной и понятной программой, главное требование к которым – быть принципиально одинаковыми, находить понимание и поддержку подавляющего большинства населения страны. А различие должно заключаться лишь в тактике реализации единой национальной стратегии.

Консервативная и Социал-демократическая партии в своих идеологических основах и политических установках прямо затрагивают все сферы жизни общества, предлагая различные способы решения насущных проблем, а также выдвигая альтернативные пути развития государства [2. С. 244].

Обе эти партии должны опираться и финансироваться крупным и средним частным капиталом и, в первую очередь, представлять интересы структурообразующих концернов, производителей дорогих, технически сложных товаров потребления населением. Именно этот капитал создает рабочие места, именно этот капитал более всего заинтересован

в расширении среднего класса и в росте его доходов. Социалисты представляют и отстаивают в парламенте интересы беднейших слоев населения и рабочих. Консерваторы – более зажиточной части населения.

Двухпартийная система не только не исключает существенных перемен, но и предлагает различные варианты развития общества и государства исключительно в рамках национальных интересов, не допуская смены существующего экономического и политического уклада, при этом сохраняя демократические принципы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Галанина Н.В., Золкин А.Л.* Национальная культура как основа права в доктрине русского консерватизма и формирование современной цивилизационной концепции развития общества // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4.

2. *Одинокоев М.Д., Трифонов А.Д.* Перспективы консерваторов и социал-демократов в условиях гипотетического формирования двухпартийной политической системы в Российской Федерации / Общественные науки в современном мире (юридические, социально-политические, философские науки): сборник статей аспирантов по материалам IV Международного научного форума аспирантов / под общ. ред. Ю.И. Щербакова. Академия труда и соц. отношений. АТиСО, 2021.

3. *Nicholson S.P., Carman C.J., Coe C.M., Feeney A., Fehér B., Hayes B.K.* et al. The nature of party categories in two-party and multiparty systems // *Political Psychology*. 2018. Vol. 39.

M.D. ODINOKOV

*Postgraduate student of the Department
of Philosophy and Sociology, Academy of Labor
and Social Relations, Moscow, Russia*

A.D. TRIFONOV

*Postgraduate student of the Department
of Philosophy and Sociology, Academy of Labor
and Social Relations, Moscow, Russia*

PROSPECTS OF A BIO-PARTY SYSTEM IN BUILDING A CONSERVATIVE IDEOLOGY IN MODERN RUSSIA

The article discusses the relevance of the request for ideology within the Russian society. The study of this topic is conducted within the framework of the modern political environment. The main focus is on the prospects of conservative ideology, the key factor for the institutionalization of which is the reform of the party system of the Russian Federation and the formation of a two-party parliament. In the course of the analysis theses prove the prospects of this system in the context of current geopolitical transformations.

Key words: *party, ideology, politics, two-party system, conservatism, state, Russia.*

Е.А. ЧИБИРКИН

Научно-исследовательский институт
гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия,
Россия, г. Саранск
<https://orcid.org/0000-0002-8306-7723>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Введение: в условиях глобализации перед российским государством встает задача по укреплению основ консолидации общества, а также поддержанию стабильности и безопасности государства. Решение этой задачи связано с поиском наиболее эффективного механизма реализации стратегий политики в духовной сфере общества, в том числе в сфере патриотического воспитания. **Цель:** оценка современной государственной политики патриотического воспитания граждан и формирование оптимального механизма ее регулирования и контроля. **Методы:** системный, институциональный, аналитический, концептуальный и сравнительный подходы, а также неформализованный анализ документов органов государственной власти, анализ вторичных данных. **Результаты:** проанализированы особенности формирования государственной политики патриотического воспитания и выделены основные проблемы ее реализации и эффективности, предложены меры совершенствования. **Выводы:** в текущей ситуации необходим пересмотр действующих государственных программ в области патриотического воспитания в целях повышения их эффективности. Осуществить это возможно путем комплексного подхода к постановке целей и задач в рамках данного и сопутствующих направлений, оптимизации деятельности компетентных органов и ведомств. Согласование действий общества и государства позволит сформировать эффективную модель патриотического воспитания в стране.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, патриотизм, государственная политика, государственные программы, молодежь, Российская Федерация.

Введение. На сегодняшний день актуальной проблемой государственной политики Российской Федерации является развитие патриотического воспитания. Будучи одним из важнейших направлений государственного управления, оно представляет собой не только идеологию и движущую силу общества, но и гарант национальной безопасности, целостности страны. Бесконечная череда конфликтов в международных отношениях, информационная война и множество иных факторов могут поставить под сомнение выбранную государством политическую стратегию. В этих обстоятельствах значимость патриотического воспитания неоспорима: полноценное функционирование общества в государстве невозможно без системы ценностей, гарантирующей высокий уровень патриотического самосознания и четкость гражданской позиции, достойное отношение к своему Отечеству.

Государство, взяв на себя исключительную роль в проведении мероприятий, связанных с воспитанием патриотизма, формирует довольно внушительную нормативно-правовую базу, включая в нее разноплановые программы и проекты, претворение которых в жизнь закономерно приводит к возникновению многочисленных недочетов. Это вызвано как объективными причинами (законодатель не всегда способен предугадать направление социально-экономических или политических преобразований), так и субъективными (неограниченное количество актов, принимаемых на различных уровнях, и пр.). Ситуация, кроме того, осложняется многонациональностью и поликонфессиональностью состава Российской Федерации, а значит, необходимостью проведения в регионах и на местах работы, направленной на формирование ответственности за единство страны, развитие «диалога культур» [10. С. 181-185; 11. С. 84-93].

В настоящем исследовании мы оцениваем нынешнее состояние государственной политики в области патриотического воспитания граждан. Установление первоначально выдвинутых задач и соотнесение их с полученным результатом государственных программ позволит определить эффективность проводимых мероприятий и предложить пути совершенствования механизма регулирования и контроля в сфере патриотического воспитания.

Методология (теоретические основы) исследования. В научной литературе встречается большое количество подходов к определению понятия «патриотизм». По мнению одних исследователей, патриотизм представляет собой национальную идею [7. С. 213-218; 18. С. 46-58]; с точки зрения других – компонент политических процессов [4. С. 55-60; 6. С. 46-55]; третьи считают, что это явление политического сознания [1. С. 183; 9. С. 258-273] и пр. Таким образом, патриотизм затрагивает множество сфер развития общества, тем самым предопределяя интерес к этой теме ученых различных направлений и использование сопоставительно-институционального

метода исследования, для которого «характерно построение теоретических выводов на основе интерпретации фактического материала» [21. С. 76].

Интерес для целей настоящего исследования представляют работы, предметом изучения которых являются отдельные аспекты патриотического воспитания как направления государственной политики [19. С. 78-82; 20. С. 87-96], в том числе затрагивающие порядок ее формирования, особенности становления и развития [22. С. 210], итоги реализации [32. С. 9-12] и пр. Такое понимание патриотического воспитания позволило нам применить системный подход, подразумевающий исследование направления в целом и его структурных элементов, а также обозначить комплекс проблем патриотического воспитания на основе единой государственной политики [8. С. 65-67; 9. С. 258-273] и гражданского сознания [34. Р. 253-261; 36. Р. 15-36; 37. Р. 596-627].

Патриотическое воспитание как направление государственной молодежной политики в России [12. С. 116-119; 30. С. 568-576] и за рубежом [35. Р. 189; 38. Р. 17-31] также занимает важное место в научной литературе. При изучении указанных работ мы отдельно остановились на проблемах формирования патриотического сознания и гражданской позиции, поддержания и развития активного участия в социально-политических процессах страны молодежи как особой социальной группы, наиболее подверженной внешнему влиянию, и лиц дошкольного и школьного возраста [5. С. 22-39; 13. С. 80-90; 31. С. 75-83]. Детальное исследование государственной политики патриотического воспитания невозможно без изучения регионального опыта. Особенности отдельных субъектов Российской Федерации позволяют более глубоко и всесторонне проанализировать качество и эффективность реализации государственных программ в сфере патриотического воспитания [14. С. 54-60; 17. С. 198; 29. С. 10-14].

Результаты исследования. Толчком для реализации государственной политики в области патриотического воспитания послужило изменение ценностных ориентиров в 90-х годах XX века, вызванное дискредитацией социалистической идеологии. Тогда было принято решение отказаться от применения советского опыта в качестве основополагающего. Как следствие, преимущество между прежней моделью воспитания и нынешней была утрачена: Россией был избран путь формирования совершенно нового духовно-нравственного потенциала граждан.

По мнению К.Ю. Колесникова, возникший конфликт был обусловлен не столько отказом от коммунистического прошлого, сколько содержанием самой либеральной идеологии того времени [16. С. 28]. Объявленный приоритет прав и свобод личности и гражданина обернулся индивидуализацией любых форм общественного развития, в том числе и опирающихся на принцип «Родина – это мы»; прежние основы духовной культуры подлежали ликвидации. Неблагоприятные последствия такой политики не заставили

себя ждать: ценность и значимость патриотизма, необходимые для воспитания целого поколения, были утрачены, уровень патриотического сознания населения упал. Перед властями встала задача сформировать «новый патриотизм», способствующий сохранению национальной идентичности в условиях глобализации и утверждению национальной идеи, защите интересов государства и стабилизации общества. Для этого государству необходимо было отказаться от прежнего курса и определить систему ценностных ориентиров.

К концу 1990-х годов властям удалось определить цели и задачи формирования национально ориентированных взглядов, патриотического сознания и духовных потребностей граждан. Безусловно, предшествующие события не могли пройти бесследно. Однако к началу 2000-х, несмотря на утрату прежних ценностей и политико-правовой культуры в ходе проведения реформ, ситуация стабилизировалась. Государство смогло заложить фундамент системы патриотического воспитания, направив на достижение поставленной цели силы практически всех федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, ведущих общественных объединений, в основном ветеранских и молодежных [15. С. 121].

Первая государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» [23] четко зафиксировала неотложность решения «острейших проблем системы воспитания патриотизма как основы консолидации общества и укрепления государства» [23]. Первоначально главной задачей был назван анализ организационно-технического состояния системы патриотического воспитания и вовлеченности в нее образовательных учреждений, патриотических центров и объединений. Несмотря, однако, на основополагающий характер разработанных мероприятий, их направленность на формирование фундамента федеральной и региональной систем патриотического воспитания, из федерального бюджета было выделено всего 130 млн рублей. Минимальное финансирование привело к стагнации в этой сфере, а также к дефициту специалистов (кадрового состава) и научных разработок. И хотя подпрограмма Министерства образования Российской Федерации предусматривала выделение средств на повышение квалификации организаторов (4,75 млн рублей) и подготовку кадров (1 млн рублей), их размер был несопоставим с масштабом предстоящей работы. А обеспечение условий для активизации научно-исследовательской и методической работы по проблемам патриотического воспитания и вовсе было возложено на региональный бюджет и внебюджетные источники [24].

Следующая принятая программа, на 2006-2010 годы [25], основная цель которой была определена как совершенствование сформированной системы патриотического воспитания, получила уже 497,8 млн рублей, в том числе 378,05 млн из федерального бюджета. Новая программа в целом

учла недостатки прошлых лет, особое внимание в ней было уделено научно-теоретическим и методическим основам патриотического воспитания. Финансирование их разработки (30,9 млн рублей) государство возложило на себя. В итоге в период с 2006 по 2010 год наблюдался резкий рост публикаций по данной тематике: по сравнению с предшествующим пятилетием их количество возросло примерно в шесть раз [9. С. 260].

Спустя десять лет после завершения первой программы цели государственной политики в сфере патриотического воспитания уже не звучали столь категорично. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» в качестве основополагающей цели предусматривала не разрешение старых проблем, а создание новых благоприятных условий на основе накопленного опыта. Между тем многие проблемы продолжали накапливаться «заочно», несмотря на отсутствие ярко выраженных последствий.

Основным объектом патриотического воспитания выбирается молодежь, что предопределило одно из направлений государственной молодежной политики. Вместе с тем молодежь, как объект патриотического воспитания не ограничивается социально-демографическим признаком. Сущность вектора патриотического воспитания в стране состоит в том, что оно направлено не только на подростков и молодежь, но и на других граждан страны. При этом цели и задачи различаются несущественно. Исключение составляет лишь образовательный аспект патриотического воспитания детей и молодежи [4. С. 65].

Особого внимания заслуживает реализация военно-патриотического компонента воспитания молодежи. Его наиболее активным представителем является Всероссийское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия», созданное в 2016 году в целях совершенствования государственной политики в области воспитания подрастающего поколения. Согласно последним данным (на сентябрь 2021 года), «Юнармия» объединяет более 861 тыс. детей в возрасте от 8 до 18 лет в 85 регионах страны [26]. Ежегодно организуются мероприятия, посвященные значимым датам, например, Дню Победы, вахты памяти, военно-спортивные игры («Зарница»), оборонно-спортивные лагеря и др. Все перечисленное позволяет говорить о достаточно разработанной системе мероприятий, проводимых для школьников и молодежи. Согласно данным федерального проекта «Патриотическое воспитание» в рамках национального проекта «Образование», общее число граждан, вовлеченных в систему патриотического воспитания посредством мероприятий данного проекта, к 2024 году составит не менее 24% от населения страны [33].

Имеется статистика, полученная исследователями в регионах и на местах. Так, при опросе старшеклассников регионов Сибирского федерального округа о том, как они оценивают эффективность программ патриотического

воспитания, С.Ю. Асеевым и Д.А. Качусовым были получены следующие данные. Половина учащихся 8-11-х классов отнеслась к идее обязательного патриотического воспитания «положительно» (33%) или «скорее положительно» (26,4%). «Непатриоты» высказали противоположное мнение (53,2%). Как было отмечено исследователями, школьники, относящие себя к патриотам, намного чаще посещают тематические мероприятия и являются членами патриотических объединений, однако даже указанная группа не в полной мере охвачена системой патриотического воспитания [2. С. 102].

В России ведение и мониторинг деятельности в области гражданско- и военно-патриотического воспитания были возложены на ряд государственных и негосударственных органов, в основном министерств и правительственных комиссий. Однако ученые отмечают отсутствие должной координации в работе данных учреждений [23. С. 125]. Это не раз признавали, и сами представители федеральных органов исполнительной власти – например, при проведении круглого стола на тему «Опыт субъектов Российской Федерации по военно-патриотическому воспитанию молодежи», организованного комитетами Совета Федерации [27]. Существующая проблема объясняется разнообразием отраслей, в которых патриотическое воспитание заложено как основное или вспомогательное направление, а также большим количеством федеральных и региональных органов, чьи полномочия и по сей день четко не разграничены. Недостаточная системность работы министерств и ведомств, задействованных в реализации отдельных положений нормативных актов, оборачивается низкой эффективностью и отсутствием каких-либо достижений, что снижает кумулятивный эффект от проводимой политики патриотической направленности.

На реализацию программы патриотического воспитания на 2016-2020 годы были выделены рекордные 1,66 млрд рублей, в том числе 1,57 млрд из средств федерального бюджета, что объясняется наличием огромного количества отдельных направлений, сформированных в единый проект. Это и Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО), и акции «Георгиевская ленточка», «Вахта памяти», «Мы – граждане России!», и многочисленные фестивали, конкурсы, литературные издания, киноленты и пр. Сегодня патриотическое воспитание не ограничивается словом «патриотизм», а выходит далеко за его рамки и охватывает воспитание молодого гражданина в целом.

Формирование патриотизма в общественном сознании должно происходить через вовлечение граждан в культурно-исторические, социально-экономические, политические и другие процессы. Это позволит в полной мере учитывать текущее состояние общества и видеть основной вектор его изменения. В нашем понимании выделение патриотического воспитания в качестве отдельного направления государственной политики необходимо

лишь в том случае, когда объектом патриотического воспитания выступает молодежь. В иных случаях патриотическое воспитание должно быть сопутствующим направлением.

При выборе конкретного механизма реализации политики патриотического воспитания молодежи стоит отталкиваться от ее нынешнего состояния. В поэтапном виде патриотическое воспитание может быть осуществлено по мере социализации и зрелости личности. На уровне дошкольного и школьного звена необходимо изучение истории страны и родного края, исторического развития, проведения общешкольных мероприятий, изучение памятных дат и т.д. В период обучения в средних специальных и высших учебных заведениях требуется закрепление полученных патриотических навыков, чтобы изначальная цель обучения была не только понятна, конкретизирована, но и закреплена и развита в будущем. Формирование патриота своей страны является не просто декларативной задачей, необходимо попытаться донести до молодежи важность любви к Родине, служение ей для процветания и развития.

Как известно, долгосрочные программы не всегда могут спрогнозировать тенденции в отношении общества к тем или иным вопросам, в том числе связанным с патриотическим воспитанием. В повседневной жизни патриотизм находится в латентном состоянии, его рост наблюдается в периоды обострения внутригосударственной и внешнеполитической обстановки [4. С. 64]. При формальном подходе и декларативности мер эффективность мероприятий, реализуемых в рамках государственных программ, может значительно снижаться. Поэтому мы считаем необходимым ставить практико ориентированные задачи, которые в перспективе позволяют добиваться результата вне зависимости от препятствующих факторов.

Несомненно, столь многогранная категория как «патриотизм» не ограничивается определенной сферой жизнедеятельности общества и предполагает формирование целой системы патриотического воспитания, состоящей из ряда аспектов: социальных, культурных, образовательных и прочих. Каждый из них имеет свою специфику, что не позволяет ставить единые задачи для получения необходимого результата (а зачастую государственные программы закрепляют целые массивы неструктурированных задач). В рамках формирования механизма регулирования государственной политики патриотического воспитания мы считаем необходимым обеспечить комплексный подход к постановке целей государственных программ в рамках патриотического и сопутствующих направлений (соответственно социально-экономического, культурно-духовного, просветительского и др.).

Заключение. Патриотическое воспитание наших сограждан выступает основополагающей задачей единения нации. При такой постановке вопроса возникает необходимость, во-первых, переосмыслить накопленный за последние двадцать лет опыт реализации государственной политики

патриотического воспитания и выработать новую стратегию в этой области; во-вторых, сформулировать общую национальную идею, которая позволит объединить цели и задачи различных отраслей и тем самым заложить основу формирования национальной идентичности и политической культуры.

Конфликт, связанный с выбором концепции патриотического воспитания в постсоветской России, так и остался неразрешенным, и негативные последствия этого мы наблюдаем до сих пор. В нынешних условиях особенно очевидно отсутствие четкой стратегии патриотического воспитания, системности и координации при реализации долгосрочных программ. Однако постепенно научно-методическое, информационное, материально-техническое и финансовое обеспечение становится одной из приоритетных целей российского государства и регионов. За последние годы было выделено более 2 млрд. рублей, в том числе из средств федерального бюджета на цели патриотического воспитания. Особая значимость системы воспитания молодежи обозначена на высшем государственном уровне после начала специальной военной операции вооруженных сил РФ на Украине, когда наша страна столкнулась с информационным давлением на нее от прозападных источников. Подростки и молодежь оказались на передовой информационной войны, которая требует дополнительных усилий государства для противодействия антироссийским настроениям за счет объяснения цели и задач специальной военной операции, которые при поверхностном изучении не так очевидны при невысоком уровне критического мышления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абрамов А.В.* Российский патриотизм: история и современность. М.: ИИУ МГОУ, 2016.
2. *Асеев С.Ю., Качусов Д.А.* Оценка эффективности программ патриотического воспитания старшими школьниками регионов Сибирского федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1 // <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-97-106>.
3. *Багрецов Д.Н., Ширинов В.Д.* Патриотизм: современные вызовы и перспективы // Педагогическое образование в России. 2016. № 5 // <https://doi.org/10.26170/po16-05-11>.
4. *Байрамов В.Д.* Общероссийский патриотизм – основа безопасности и развития России // Российский патриотизм: основы и приоритетные направления развития: сб. материалов / под ред. Н.П. Комарова. М.: Моск. дом национальностей, 2014.
5. *Бароненко Е.А., Райсвих Ю.А., Бароненко А.С.* Проблемы патриотического воспитания молодежи в современных условиях // Вестник

Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2020. № 7 // <https://doi.org/10.25588/CSPU.2020.160.7.002>.

6. Бахлова О.В., Бахлов И.В. Патриотизм как компонент политики национализма (опыт стран ЕАЭС) // Современная Европа. 2020. № 7 // <http://doi.org/10.15211/soveurope720204655>.

7. Богатырева С.Н. Патриотизм: старое и новое в консолидирующей идее объединения российского народа // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3.

8. Бурганова И.Н. Патриотическое воспитание в системе государственной политики РФ: состояние и проблемы // Сурский вестник. 2019. № 3.

9. Голунов С.В. Патриотическое воспитание в России: за и против // Вопросы образования. 2012. № 3 // <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-3-258-273>.

10. Дедов Е.Г., Владыченкова Н.Д., Дедова Е.Е. Нормативно-правовые основы реализации государственной политики в сфере гражданско-патриотического воспитания молодежи // Смоленский медицинский альманах. 2018. № 3.

11. Елисеев А.Л., Кретов А.Ю. Патриотическое воспитание как составляющая государственной молодежной политики (на материалах Орловской области) // Гражданско-патриотическое воспитание молодежи: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 23-25 нояб. 2017 г. / под ред. Г.В. Ковалевой. СПб.: СПбГУПТД, 2017.

12. Елисеев А.Л., Рукина Е.В. Патриотическое воспитание как одно из направлений государственной молодежной политики // Молодежная политика России в контексте глобальных мировых перемен: матер. Междунар. науч.-практ. конф., 22-24 нояб. 2018 г. / под ред. Г.В. Ковалевой. СПб.: СПбГУПТД, 2018.

13. Ерошенкова Е.И., Маширова Е.И., Сечина Л.И. Инновационная деятельность дошкольной образовательной организации в патриотическом воспитании дошкольников // Вестник Белгородского института развития образования. 2019. Т. 6. № 1.

14. Казиев Н.Э., Магаррамов М.Д., Юсупова Г.И. и др. Опыт реализации программно-целевого подхода к патриотическому воспитанию молодежи как условие обеспечения духовной безопасности государства // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2018. Т. 12. № 4 // <https://doi.org/10.31161/1995-0659-2018-12-4-54-60>.

15. Квятковский Ю.П. Национальная безопасность страны и патриотическое воспитание молодежи // Народное образование. 2010. № 4.

16. Колесников К.Ю. Особенности политики патриотического воспитания граждан России в условиях партийно-идеологического плюрализма: дис. ... канд. полит. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2015.

17. *Кусмарцев М.Б.* Патриотическое воспитание: проблемы инновационного развития. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2013.

18. *Липатников А.Г., Григорьев В.Н.* О научных подходах к формированию государственной политики в области патриотического воспитания молодежи // Военная мысль. 2017. № 8.

19. *Магаррамов М.Д., Багандов М.Г., Курбанов М.А.* Патриотическое воспитание современной молодежи как фактор обеспечения национальной безопасности России // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2017. Т. 11. № 4.

20. *Нигматуллина Т.А.* Патриотическое воспитание молодежи в системе государственной политики: идеологическое многообразие // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 3.

21. *Нисневич Ю.А.* Метод сопоставительно-институционального анализа // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 5 // <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2011-5-76-84>.

22. *Омельченко Е.А.* Патриотическое воспитание в современной России. Новосибирск: ООО Агентство «Сибпринт», 2013.

23. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы». Постановление Правительства Рос. Федерации от 16.02.2001 № 122 // <https://docs.cntd.ru/document/901781482>.

24. Об утверждении подпрограммы Министерства образования Российской Федерации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы». Приказ М-ва образования Рос. Федерации от 23.09.2002 г. № 3352 // <https://docs.cntd.ru/document/901806364>.

25. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы». Постановление Правительства Рос. Федерации от 11.07.2005 г. № 422 // <https://docs.cntd.ru/document/901941206>.

26. О Движении «Юнармия» // Офиц. сайт Всерос. детско-юношес. воен.-патриот. обществ. движения «Юнармия». 1 сент. 2021 // <https://yunarmy.ru/headquarters/about/>.

27. Опыт субъектов Российской Федерации по военно-патриотическому воспитанию молодежи // Офиц. сайт Совета Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации. 25 мая 2015 // <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/56831/>.

28. *Парфенова С.Р.* К вопросу о патриотическом воспитании молодежи в рамках реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации // Евразийский союз ученых. 2015. № 5-7.

29. *Петрикова А.В.* Государственная политика в области патриотического воспитания молодежи (на примере Северо-Западного федерального

округа) // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 37-4 // <https://doi.org/10.18411/lj-04-2018-86>.

30. Радченко А.Ф. Современные проблемы развития государственной молодежной политики современной России // Актуальные проблемы и перспективы развития государственного управления: сб. науч. ст. по матер. ежегодной Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 23 нояб. 2013 г. / под ред. С.Е. Прокофьева, О.В. Паниной, С.Г. Еремина. М.: Юстицинформ, 2014.

31. Ростовцева Л.И., Гельфонд М.Л., Мирошина Е.Ю. Патриотическое воспитание глазами экспертов и школьников // Социологические исследования. 2019. № 8 // <https://doi.org/10.31857/S013216250006163-2>.

32. Толмачева Т.М., Трифонов Ю.Н. Государственная политика по патриотическому воспитанию граждан РФ и особенности ее реализации на современном этапе // Политическое управление: науч. информ.-образоват. электрон. журн. 2017. № 1 // <http://www.xn--80aejaldqtdkdn0ap.xn--p1ai/архив/2017/01/Tolmacheva.html>.

33. Федеральный проект «Патриотическое воспитание» // Официальный сайт М-ва просвещения Рос. Федерации. 2021 // <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>.

34. Coussée F., Williamson H., Verschelden G. Youth work, an oxymoronic practice between service and association // The history of youth work in Europe. Relevance for today's youth work policy / Ed. by F. Coussée, H. Williamson, G. Verschelden. Paris: Council of Europe Publishing, 2012. Vol. 3.

35. Curren R., Dorn Ch. Patriotic education in a global age. Chicago and London: University of Chicago Press, 2018 // <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226552422.001.0001>.

36. Dibou T. Towards a better understanding of the model of EU youth policy // Studies of Changing Societies: Youth under Global Perspective. 2012. Vol. 1. № 5.

37. Law W.-W. Globalization, national identity, and citizenship education: China's search for modernization and a modern Chinese citizenry // Frontiers of Education in China. 2013. Vol. 8. № 4 // <https://doi.org/10.3868/s110-002-013-0039-2>.

38. Zentner M., Ord J. European youth work policy context // The impact of youth work in Europe: A study of five European countries / Ed. by J. Ord, M. Carletti, S. Cooper et al. Helsinki: Juvenes Print – Suomen yliopistopaino Oy, 2018.

E.A. CHIBIRKIN
Research Institute of the Humanities
by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8306-7723>

STATE POLICY OF PATRIOTIC EDUCATION IN MODERN RUSSIA: SPECIFICS OF FORMATION AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Introduction: *in the context of globalization, Russia as a state faces the need to strengthen the foundations for consolidating society, as well as to maintain the stability and security of the state itself. In this regard, there is a need to find the most efficient mechanism for implementing policy strategies in the spiritual realm, including patriotic education. Objectives:* to analyze the modern state policy in the field of patriotic education and form an optimal mechanism for its regulation and control. **Methods:** *system, institutional, analytical, conceptual and comparative approaches, as well as non-formalized analysis of official government documents, analysis of secondary data. Results:* the specific features of the Russian Federation state policy in patriotic education were analyzed, the main problems of its implementation and effectiveness were highlighted; an improved mechanism for implementing the patriotic education policy was proposed. **Conclusions:** *in the current situation, there is a need to review the existing state programs in order to increase their effectiveness by providing an integrated approach to setting goals and objectives within the area in question and related ones (socio-economic, cultural, spiritual, educational, etc.); to streamline the activities of competent authorities and departments; to coordinate the government and the public efforts and activities in patriotic education. The coordination of the state and public sectors in the process of forming and implementing state policy will make it possible to build an efficient model of patriotic education in the country.*

Key words: *patriotic education, patriotism, state policy, state programs, youth, the Russian Federation.*

Е.В. ДРОЗДОВА

*аспирант кафедры политологии
и политического управления Школы политических исследований
Института общественных наук Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, г. Москва*

**ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТЕРМИНА
«ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»
В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Автором рассматриваются основные термины, используемые для характеристики образовательной политики в отечественных и англоязычных исследованиях. Дается краткий этимологический анализ терминов, а также приводятся основные различия в использовании терминологии при переводе с английского на русский. Для семантического анализа термина государственная образовательная политика автором рассматриваются более общие категории, которые составляют данное понятие: политика, государственная политика, образование, образовательная политика, политика государства в области образования, глобальная образовательная политика. Необходимо заметить, что современное рассмотрение этого понятия не может быть раскрыто полностью без интерпретации соответствующих иноязычных терминов (policy/policies, politics, education, education policy/politics, politics of education).

Ключевые слова: *образование, государственная образовательная политика, политика государства в области образования, глобальная образовательная политика.*

В первой четверти XXI века стремительно изменяющиеся экономические, политические, технологические, социальные и другие преобразования коснулись всего мирового сообщества и привели к необходимости радикальных изменений всех сфер общественной жизни.

Актуальные требования к современным подходам в государственной образовательной политике продиктованы коренными изменениями, происходящими как в нашей стране, так и во всем мире.

Различные профильные и междисциплинарные исследования, как отечественных, так и зарубежных авторов, свидетельствуют о том, что образование, возникшее с появлением общества, и по сей день является социально-значимым элементом общественной жизни. Видится необходимым отметить, что политика в области образования, всегда отвечала запросам общества и должна была осуществляться организованно для обеспечения систематического и поступательного прогресса в развитии, как социума, так и государства.

Государство, одной из основополагающих и социально значимых целей которого, является выработка стратегий совершенствования общества, постепенно стало не только направлять и контролировать образование, но и определять ключевой вектор направления его развития [7]. С течением времени тотальное влияние государства на траекторию развития образования привело к формированию системной государственной образовательной политики, которая трансформировалась в соответствии с потребностями общества и условиями его развития [12].

Образовательная политика не сводится только к передаче профессиональных умений и навыков. Сегодня образование является основным условием конкурентоспособности государства, его устойчивого комплексного развития, фундаментом для повышения качества жизни его граждан [3. С. 129]. Система образования играет ключевое значение для сохранения и дальнейшего совершенствования национального, культурного, идеологического, научного потенциала страны, служит основой национальной безопасности государства, гарантией демократических преобразований и повышения политического имиджа [1]. Сегодня, система образования, качество ее построения, развитость и векторальность, и есть показатели зрелости социально-экономических, общественно-политических и прочих, необходимых современному государству конструкций, позволяющих не только сформировать активного гражданина, профессионала своего дела, но и заложить прочный фундамент полноценного человеческого капитала, направляя и поддерживая его в духе прогрессивных демократических преобразований [24].

По мнению реформатора отечественного образования Э.Д. Днепров «в ретроспективном плане образовательная политика представляет собой политическую историю образования, которая строится в системе трех координат – образование, общество, власть. Это история формирования и реализации политических и социальных идей (доктрин, концепций), политического и социального курса, определяющих цели, характер и направленность развития образования. Она имеет свой специфический объект изучения:

задачи и функции в сфере образования разных политических режимов и их властных структур; политическая и социальная деятельность в этой сфере институтов власти различных политических и социальных групп, общественно-педагогического движения; законодательство в сфере образования; идеологические и политические истоки и механизмы принятия решений; роль образования в политических, социально-экономических, социокультурных процессах, происходящих в обществе» [10. С. 30].

В общем виде определение государственной образовательной политики дано в исследованиях политолога И.А. Калиева, который утверждает, что это: «совокупность целей, задач, приоритетов, стратегических программ и плановых мероприятий, которые разрабатываются и реализуются органами государственной власти с привлечением институтов гражданского общества» [11. С. 5].

Сравнив данные дефиниции, мы можем прийти к выводу о том, что единицы *policy* и *politics* не являются взаимозаменяемыми. Однако они в равной мере используются в сочетаниях *education policy* и *education politics*.

По утверждению политолога И.А. Калиева, политика и управление «на протяжении истории по-разному соотносились друг с другом в зависимости от стадии развития социума» [11. С. 11]. В период постиндустриализма деятельность государства стала пониматься в более широком смысле, и включает в себя «органы власти», «институты государственного управления», «профессиональную общественность» [11. С. 5]. В приведенном понимании политики прослеживается акцент на политико-управленческую деятельность институтов государства, которые осуществляют разработку и реализацию государственной политики.

По природе своей «политика» – есть явление общественного характера, поскольку, с одной стороны, ее миссия состоит в удовлетворении общественных запросов и потребностей, при этом к ее разработке причастны не только институты гражданского общества, но и общество в целом, включая обособленное участие индивида, а с другой стороны, она воздействует на эти самые запросы, тем самым формируя общественные интересы и взаимоотношения [2].

В англоязычной литературе это понятие выражено с помощью сочетаний *public policy/public administration*, а также *governance*. Профессор Л.В. Сморгун, анализируя западную политико-социологическую литературу, обращает внимание на тот факт, что выражение «*public policy*», в них, демонстрирует содержательную сущность феномена «государственная политика», через наличие в ней политико-административной деятельности различных акторов политической системы, от институтов до организаций [13]. Профессор В.С. Комаровский, давая интерпретацию понятию «*governance*», подчеркивает, что, при всей неоднозначности перевода на русский, оно

означает «руководство», «общее управление», «политическое управление», «управление на высших уровнях организации» [17. С. 32].

Детальное исследование понятия, позволило В.И. Якунину определить «государственную политику» как разработку и реализацию стратегических целей в виде программ и плановых мероприятий кратко-, средне- и долгосрочного характера, воплощающих нормы, ценности и подходы правящего режима к социальным процессам, выработанных при содействии гражданских (экспертных, а в ряде случаев международных) структур в целях устойчивого развития общества» [26. С. 80].

Категория «образование» также имеет неоднозначные трактовки. Это понятие впервые введено швейцарским педагогом-гуманистом И.Г. Песталоцци, его сущность он понимал, как формирование образа. В «Толковом словаре живого русского языка» лексикографа и этнографа В. Даля рассматривается происхождение термина образование от глаголов образовать, образовывать, отобразить, что значит давать вид, образ, просвещать [9]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера раскрывается этимология слова «образование» и подчеркивается, что она «связана со словом «разить»: разить возвышая, образовывать (создавать образ), преобразовывать (изменять образ), образовываться (создавать свой образ), преображаться (изменять свой образ) [25].

В русском языке термин «образование» тесно связан с понятиями обучение, просвещение, учение, то есть получение знаний, процесс образования означал «придание желаемого образа». Л.Н. Толстой, в своих лингвокультурологических исследованиях, рассматривает оттенки значений французского «*éducation*», английского «*education*», немецкого «*erziehung*», и приходит к выводу, что «образование же есть понятие, существующее только в России и отчасти в Германии, где имеется почти соответствующее слово – «*wildung*». Во Франции же и Англии, это понятие и слово вовсе не существует. «*Civilisation*» – есть просвещение, «*instruction*» – есть понятие европейское, непереводаемое, по-русски, означающее богатство школьных научных сведений или передачу их, но не есть образование, включающее в себя и научные знания, и искусства, и физическое развитие» [21]. Большой энциклопедический словарь дает следующее современное определение термину: «Образование – процесс развития и саморазвития личности, связанный с овладением социально значимым опытом человечества, воплощенным в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к миру; необходимое условие сохранения и развития материальной и духовной культуры. Основной путь получения образования – обучение и самообразование» [6].

Анализируя значение понятия «*education*» в современном английском языке, и соотнесение его значения с соответствующим эквивалентом в русском, философ образования О.А. Берегова подчеркивает, что «В английском

языке слово «education» (от лат. «education» – воспитание, разведение, выращивание) тоже охватывает весь процесс приобщения человека к культуре общества, как это было и в русском языке во времена В.И. Даля» [23. С. 41].

Реализация государственной образовательной политики находит отражение в современных официальных документах. Впервые это понятие встречается в тексте «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года», этот термин также используется в других государственных документах [8; 14; 15; 18; 22].

Так, существует несколько подходов к определению образовательной политики в исследованиях как отечественной, так и зарубежной науки. В отечественной науке этот термин появился в конце 1980-х гг. в ходе подготовки реформы образования. Э.Д. Днепров подчеркивает, что «образовательная политика – это: общенациональная система социальных приоритетов в образовании и целенаправленная деятельность по их претворению в жизнь» [10. С. 28].

Профессор философии, общественный деятель О.Н. Смолин утверждает, что «образовательная политика – это: одно из ключевых направлений внутренней политики государства, имеющее целью создание экономических, институциональных и духовно-идеологических условий для осуществления основных функций образования, включая формирование определенного типа (или типов) личности, воспроизводство кадрового потенциала общества и воспитание граждан государства в соответствии с принятой системой ценностей» [19. С. 52-53].

Под политикой в области образования О.Н. Смолин понимает «комплекс мер, предпринимаемых либо программируемых государством, его органами, политическими партиями и другими субъектами политического действия в отношении образования как социального института». Говоря об образовательной политике, исследователь утверждает, что образовательная политика также «включает в себя образовательные компоненты и образовательное воздействие других направление внутренней политики государства (экономической, социальной, информационной и т.д.)» [20. С. 17].

В официальных документах международных организаций используется термин «education policy» [29]. В международных журналах по образовательной политике на английском языке, а также научных англоязычных сайтах, посвященных образовательной политике, есть публикации, в которых дается современное понимание данного термина.

Американский исследователь в области образования Д. Аньон считает, что в определении образовательной политики необходимой и главной составляющей является экономическая политика государства. Без достаточного финансирования учебных заведений, повышений зарплат педагогов, да и материального достатка семей, говорить о развитии образования не приходится [27]. Скандинавские исследователи А. Арнесен и Л. Лундахл

проводят анализ образовательной политики северных стран «с точки зрения государства всеобщего благосостояния» [28], подчеркивая, что в образовательной политике большая роль отводится социальным аспектам, а само образование рассматривается как политика социального обеспечения.

В современном мире процессы глобализации, интеграции и развития мирового сообщества находятся в тесной взаимосвязи, определяя вектор его дальнейшего развития во всех сферах жизнедеятельности. Е.Н. Антюхова утверждает: «К числу видов деятельности, подвергшихся наибольшему влиянию со стороны общемировых тенденций, следует отнести и образование» [4. С. 158]. Современные процессы глобализации, а также развитие новых информационных и коммуникативных технологий, цифровизация, изменения, вызванные COVID-19, придали новый импульс развитию глобальной образовательной политики. Как отмечает Е.Н. Антюхова: «Экспоненциальное нарастание изменений уже вышло за рамки национальных стратегий образования и достигло уровня глобальной политики, создав новый тип международного взаимодействия – глобальную образовательную политику» [4. С. 161]. Е.Н. Антюхова определяет понимание глобальной образовательной политики как «целеориентированной системы мер, обеспечивающей получение образования, необходимого для устойчивого развития современной цивилизации» [4. С. 162].

При этом исследователь уточняет, что данная система «обеспечивает взаимодействие неправительственных организаций с государством» [4. С. 162]. Дополняя определение, данное Е.Н. Антюховой, Ю.П. Байер считает, что «глобальная образовательная политика» это «целенаправленная деятельность ряда национальных и наднациональных акторов по формированию единой глобальной образовательной повестки, единых правил и стандартов» [5. С. 72].

Таким образом, проанализировав информационный массив научных исследований, в области государственной образовательной политики, мы можем сделать заключение, что несмотря на наличие ряда терминов и неоднозначность их трактования в отечественной и англоязычной научной литературе, можно выделить общие черты, которые характеризуют государственную образовательную политику, а именно:

- направлена на совершенствование социально-экономических условий развития общества;
- осуществляется в интересах граждан;
- в ее формировании участвуют как государственные, так и общественные организации (включая международные), а также все заинтересованные граждане;
- используется для сохранения и дальнейшего совершенствования национального, культурного, научного потенциала страны, а также служит основой государственной безопасности страны;

– видоизменяется в соответствии с мировыми изменениями с учетом интересов страны;

– базовыми составляющими являются: нормативно-правовая, экономическая, социальная, финансовая и культурно-идеологическая политика.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Авцинова Г.И., Аршинова А.И., Беспалов С.В., Гришин О.Е., Давыдов В.Н., Донай Л., Липинский А., Нестерчук О.А., Шукуралиева Н. Современные угрозы государству и обществу: радикализм, терроризм, информационные войны, «цветные революции». Москва: РУДН, 2018.

2. Актуальные проблемы политики и политологии в России: сб. ст. / под общ. ред. В.С. Комаровского. М.: РАГС при Президенте РФ, 2005.

3. Алексеев С.В., Арефьев А.М., Бочанов М.А., Бурда М.А., Гришин О.Е., Давыдов В.Н., Жалнин В.А., Иванова Е.А., Кинг Ж.А., Попов С.И., Рудакова А.Э., Скиперских А.В., Шевченко Е.С., Шуленина Н.В. Политическая стабильность в современном мире / под ред. М.А. Бурды, О.Е. Гришина. М.: Кнорус, 2022.

4. Антюхова Е.А. Акторные модели глобальной образовательной политики // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. DOI 10.17976/jpps/2020.03.11.

5. Байер Ю.П. Акторный подход к исследованию глобальной образовательной политики // Управленческое консультирование. 2019. № 3 (123). DOI 10.22394/1726-1139-2019-3-72-78.

6. Большой энциклопедический словарь // <https://gufo.me/dict/bes/95>.

7. Глебов В.А., Давыдов В.Н. Законодательный процесс и развитие образования // Религия и образование: социально-политический контекст. сборник научных материалов, подготовленных по итогам круглого стола «Религия в координатах нового мирового порядка» / под ред. М.М. Мчедловой. М.: РУДН, 2017.

8. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2019-2025 годы // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/cf742885e783e08d9387d7364e34f26f87ec138f/.

9. Даль В. Толковый словарь живого русского языка // http://slovardalja.net/view_search.php.

10. Днепров Э.Д. Образовательная политика как предмет исследования // Историко-педагогический журнал. 2015. № 1.

11. Калиев И.А., Нефедова Н.В. Государственная политика: учебное пособие. Павлодар: Изд. Кереку, 2016.

12. Лаптев Л.Г., Нестерчук О.А. Проблемы формирования толерантной личности в государственной образовательной политике России // Педагогическое образование и наука. 2009. № 4.

13. Меркулов П.А. Государственная молодежная политика: к вопросу о категориально-понятийном аппарате исследования проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 12 (84).

14. Национальная доктрина образования в РФ до 2025 года // <http://edu.gov.ru/national-project>.

15. Национальный проект «Образование» // <https://edu.gov.ru/national-project/>.

16. Политико-административное управление / под ред. В.С. Комаровского, Л.В. Сморгунова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021.

17. Политическая энциклопедия // <https://politike.ru/termin/gosudarstvennaja-politika.html>.

18. Распоряжение Правительства РФ «О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» №1756-р от 29.12.2001 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388954/.

19. Смолин О.Н. Национальный проект «образование»: системные проблемы и возможные решения // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 217. № 3.

20. Смолин О.Н. Образование – для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство. М.: Проспект, 2006.

21. Толстой Л.Н. Воспитание и образование // <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/553432-2-lev-tolstoy-polnoe-sobranie-sochineniy-tom-8-pedagogicheskie-stati-1860-1863-gg-vozpitanie-i-obrazovanie.html#book>.

22. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

23. Философия образования в современном мире: учебник для вузов / О.А. Береговая и др.; отв. ред. О.А. Береговая. Москва: Издательство Юрайт, 2022.

24. Чернышов Г.С. Государственная политика в сфере школьного образования России: история, опыт, проблемы (1970-е – 1990-е гг.): автореф. дис. ... д.и.н. М.: МГСУ, 2003 // http://irbis.gnpbu.ru/Aref_2003/Chernyshov_G_S_2003.pdf.

25. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера // <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BE/%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7>.

26. Якунин В.И. Процессы и механизмы формирования государственной политики в современном российском обществе: дис. ... д. полит. н. М., 2007.

27. Anyon J. What «Counts» as Educational Policy? Notes toward a New Paradigm // Harvard Education.al Review. 2005. № 75 // <http://www.jeananyon.org/docs/anyon-2005.pdf>.

28. Arnesen A.-L., Lundahl L. Still Social and Democratic? Inclusive Education Policies in the Nordic Welfare States // Scandinavian

Journal of Educational Research, 2006 // https://www.researchgate.net/publication/248962019_Still_Social_and_Democratic_Inclusive_Education_Policies_in_the_Nordic_Welfare_States.

29. Council of Europe // <https://www.coe.int/en/web/education/education-policies>.

E. V. DROZDOVA

*Postgraduate Student, Department of Political
Science and Political Administration, School of Political Studies,
Institute of Social Sciences of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

OPERATIONALIZATION OF THE TERM «EDUCATIONAL POLICY» IN RUSSIAN AND ENGLISH RESEARCH

The author examines the main terms used to characterize the educational policy in domestic and English-language studies. A brief etymological analysis of the terms is given, as well as the main differences in the use of terminology when translating from English into Russian. For the semantic analysis of the term state educational policy, the author considers more general categories that make up this concept: politics, state policy, education, educational policy, state policy in the field of education, global educational policy. It should be noted that the modern consideration of this concept cannot be fully disclosed without interpreting the corresponding foreign language terms (policy/policies, politics, education, education policy / politics, politics of education).

Key words: *education, state educational policy, state policy in the field of education, global educational policy.*

К.М. УТЕСИНОВ

*соискатель Института государства и права,
Кыргызская Республика, г. Бишкек*

О ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье выделены методологические посылки для выделения категории «контроля», охватывающего все уровни власти и этапы управленческой деятельности, вбирая в себя элементы: проверки законности и их целесообразности выполнения органами власти. Контроль – относительно самостоятельный элемент политико-правовой системы общества, который осуществляется госорганами, должностными лицами и уполномоченными общественными объединениями, направленный на достижение целей с использованием стимулов и ограничений и ориентированный на удовлетворение интересов социума. Итогом проведенного анализа является актуализация принятия ряда законов о контрольной деятельности в КР.

Ключевые слова: *государственное управление, государственный контроль, Конституция, концепция, прерогатива, государственный орган, реформирование, власть, взаимодействие, соподчинение.*

В текущих условиях в Кыргызской Республике актуальное значение приобретает функционирование механизмов контроля. Так, контрольная деятельность придает динамизм преобразованиям в социуме, становясь фактором демократизации и построения правового государства в Кыргызской Республике.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 6; 9; 10; 11; 13; 14; 15].

Однако проблему совершенствования государственного контроля для постсоветских государств нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Уже признано, что слабые эффективные средства в осуществлении контроля являются основными факторами нарушения прав и тормозом реформ. Так, ослабление госконтроля повлекло рост оборота контрафактной

алкогольной и табачной продукции, что составило около половины от всей продукции.

В этом же ряду стоят проблемы, когда выделяемые государством субсидии на строительство объектов вследствие слабого контроля превратились в «долгострой». Также большое количество предприятий, нарушают требования по производству продукции, что актуализирует социальную значимость и необходимость контроля в разумных формах, чтобы не возвратиться к процессам этатизации.

Между тем, недостатки органов контроля, отсутствие системных разработок по оказанию научно-обоснованной и иной помощи контролирующим органам, и как следствие, слабое кадровое обеспечение, размытость сфер деятельности, объема полномочий и функций субъектов контроля напрямую оказывают воздействие на эффективность госуправления в Кыргызской Республике, что сказывается на режиме законности в масштабах всего государства.

Необходимость сравнительного политологического исследования проблем контроля вызывается и рядом других причин, в числе которых:

- изменение социально-политической ситуации в деятельности контрольных органов в связи с проводимыми реформами в Кыргызской Республике;
- необходимость комплексного анализа сущностного наполнения контроля и функционального содержания;
- необходимость деятельности органов контроля в Кыргызской Республике.

Так, увеличение объема операций, осуществляемых органами контроля в различных сферах административно-политического и социального развития требуют принятия Концепции контрольной деятельности в Кыргызской Республике. Полагаем, что в ее содержание следует представить общетеоретические аспекты, а также обосновать предложения в части механизма действия контроля.

В контексте продолжающейся административно-правовой реформы, концепция, по нашему убеждению, должна стать базой для принятия закона «О государственном контроле в Кыргызской Республике». Актуальность усиливается в связи с обновлением системы органов исполнительной власти в Кыргызской Республике, созданием служб контрольно-надзорного характера, а также объективными нуждами реформирования их деятельности.

Взяв во внимание общность теоретико-методологического посыла, обосновывается положение о том, что суть контроля зиждется на соответствии результатов предполагаемым параметрам, а содержание – в деятельности подконтрольных объектов поставленными перед ними задачами, что нашло закрепление в Конституции Кыргызской Республике [7].

В указанной связи, выявлены следующие необходимые для анализа аспекты:

- *признаки контроля* на уровне оптимальности, оперативности, власти и вариативности, применимой к реалиям Кыргызской Республики;
- *цели контроля*, имеющей миссией охрану конституционного строя, обеспечение прав, повышение эффективности госуправления, стабильности и целостности государственного устройства.
- *функции контроля* в социальной превенции, воспитательной и иных функциях.

Систему госконтроля в зависимости от состава следует подразделять на президентский, парламентский, конституционный, а также контроль органов исполнительной власти и судебный.

Так, к примеру, в целях повышения эффективности парламентского контроля в Кыргызской Республике, считаем целесообразным создание основы для института парламентского расследования, дополнения законодательства, регламентирующего контрольную деятельность парламента и принять закон «О парламентском контроле в Кыргызской Республике».

Полагаем, что в КР также актуальна оптимизация системы органов общественного контроля, наделение их полномочиями по осуществлению контроля за самими органами госконтроля.

В Кыргызстане регламентация отношений в процессе осуществления контроля, имеет определенные недочеты. К примеру, не регламентирована их функциональная принадлежность и компетенция этих органов.

На законодательном уровне не определены организационно-правовые меры, а также меры их правовой защиты, равно как и критерии ответственности (политической, парламентской, административной, дисциплинарной) за допущенные нарушения. В указанной связи обосновывается принятие закона «О государственном контроле в Кыргызской Республике», оптимизации законодательства в деятельности служб в части уточнения их функций, координации и контрольных полномочий.

Можно также полагать, что для эффективности контроля в Кыргызской Республике следует усилить координацию и взаимодействие контролируемых структур, что обуславливает создание специального органа власти. Так, верно мнение Нурдиновой Ж.Т., что недостаточно разработан понятийный аппарат, тезаурус смежных отраслевых проблем, предметное поле, являющихся средством познания сложных правоотношений, целей, функций, видов контроля и также требует дальнейшего научного осмысления их процессуальная форма [12. С. 55].

Верным представляется мнение Э.Э. Дуйсенова, который отмечает: «Управление создано в целях саморегуляции жизнедеятельности и имеет в обеспечении их интересов непреложное значение» [5. С. 60]. Анализ государственных контрольных функций будет немислим без анализа теории

управления. Так, в научных трудах управление характеризуется как отношение, входящее в систему общественных отношений. Отмечается, что управление – это особое отношение в иерархической структуре, более того, вертикальное по характеру и связано со способностью властно осуществлять волю.

Эволюция управления усматриваются в социальной структуре кыргызстанского социума, сущности и опредмеченного содержания функций управления. Действительно, управление представляется в виде отношения, поскольку оно формирует их между людьми, как «по вертикали», так и «по горизонтали».

В указанной связи уместно отмечается, что своеобразным импульсом служат знания, мысли и воля индивида. Следовательно, управление – это целеполагающее, регулирующее воздействие на общественную жизнедеятельность, осуществляемое в формах самоуправления, а также через государство, общественные объединения, предприятия, союзы и т.д. [2. С. 34].

В научных исследованиях управление подразделяется на различные виды по самым разнообразным основаниям, с присущими только ему свойствами. Так, определяющее влияние на характер организующих воздействий, оказывает его субъект – государство.

Так, дифференциации трактовки государства и многообразии его проявлений, резонно выделить, что практически многие исследователи выделяют заложенную в управлении властную силу. К примеру, с позиций политических наук имеет весомое значение мнение М. Вебера, который отмечал, что государство – это отношение господства, опирающееся на легитимное насилие.

В поддержку данного тезиса можно выделить позицию российского исследователя из курса теории политических наук Гаджиева А., что в процессе управления осуществляется воздействие на людей, объединенных в коллективы, организации. Управление воздействует и на материальные объекты. Отсюда необходимость поиска наиболее действенных методов, т.е. способов управления [4].

Полагаем, что сформировавшаяся теоретизация о государстве как структуре, властно определяющей мотивации и их достижения посредством принуждения имеет под собой должную основу, поскольку в нем сосредоточена и реализуется власть.

Также власть предстает как взаимосвязь, в процессе которой люди добровольно признают верховенство воли, и сообразно требованиям, совершают действия. Причем власть имеет в источнике легитимность, а в реализации – силу госаппарата.

Именно поэтому в госуправлении, как отмечается в одном из исследований, его воздействия опираются на власть. Государственная власть – это

давление, которое ведет к тому, что организационные цели и нормы должны быть достигнуты.

Уместно полагать, что государство невозможно без системы разделения власти, где власть судебная выступает гарантом подчинения власти, а конституционный контроль – один из элементов механизма, позволяющего воздействовать на функционирование властей.

В продолжение обоснования, определяя власть как социокультурный феномен, возникновение которого приходится на поздние стадии социогенеза, Г.В. Мальцев пишет: «Осуществление власти – это функции развитых организаций, пытающихся, исходя из поставленных целей, и рациональных программ, активно воздействовать на отношения в социуме, выстраивать и перестраивать их, придавать им нужное направление» [8. С. 21].

Рассмотрим государство, как многомерное образование, которое можно рассматривать в теоретическом понимании. С одной стороны, государство – это совокупность людей (население, нация), проживающих на одной территории и объединенных публичной властью. В другом ракурсе – государство, та властная организация, которая отличается от остальных институтов наличием аппарата. С позиций же теории политических наук, государство – это система госинститутов, взаимосвязанных между собой [16. С. 43].

Таким образом, по итогам предпринятого анализа можно сделать несколько выводов:

- приоритизируется вопрос о необходимости разработки закона Кыргызской Республики «О государственном контроле», что обеспечит оптимальное разграничение контрольных полномочий;
- представлены теоретические позиции относительно природы госконтроля, требующего концептуализации в Кыргызской Республике;
- государство не тождественно публичной власти и аппарату. Государство в теоретическом преломлении более широкая категория, которая конгломерует в себе население и территорию. Аппарат же государственной власти включает в себя законодателя, правительство, суд, вооруженные силы и др. институты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ардзинба Д.К.* Концептуальные основы принятия решений органами государственной власти // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2 (83).
2. *Атаманчук Г.В.* Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). М., 2000.
3. *Белюсов П.Н.* Становление модели государства как цифровой платформы на примере Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86).

4. *Гаджиев Г.С.* Политическая наука // <http://all-politologija.ru/knigi/politicheskaya-nauka-gadzhiev/vlast-i-monopoliya-na-zakonnoe-nasilie>.

5. *Дуйсенов Э.Э.* Правовые проблемы реформирования госуправления (РК и КР) / Дис... докт. юрид. н. Алматы, 2003.

6. *Имамов М.М., Семенихина Н.Б.* Бюджетные критерии формирования и контроля реализации приоритетных национальных проектов и федеральных целевых программ развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).

7. Конституция КР. Принята референд. 11 апреля 2021 г. (Введ. в действие Законом КР от 5 мая 2021 г.) // Нормативные правовые акты // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru>.

8. *Мальцев Г.В.* Легитимация власти в РФ // http://liliyakaza.my1.ru/news/skachat_legitimacija_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossijskoj_federacii_voprosy_teorii_sklifus_stanislav_vitalevich_besplatno/2014-08-09-2082.

9. *Маслов К.В.* Проблема понятия «государство» в политической науке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 6 (87).

10. *Матвеев И.Н.* Место и роль президентского контроля в системе государственного контроля в Российской Федерации // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 1 (23).

11. *Медведев В.Н.* Некоторые аспекты реформы государственного управления в России: состояние и перспективы // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2015. № 1-2.

12. *Нурдинова Ж.Т.* Из истории политико-правовых концепций Казахстана и Кыргызстана (конец XX – начало XXI вв.). Алматы, 2012.

13. *Равочкин Н.Н.* Трансформация практик политического управления в реалиях цифровизации (часть 3) // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 5 (81).

14. *Хаманева Н.Ю., Медведев В.Н.* Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: 20 лет спустя // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2020. № 4 (22).

15. *Юсупов В.А.* Государственное управление как объект административно-управленческого права // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 1 (23).

16. *Яблонская А.Б.* Контрольно-надзорная функция власти в РФ / Дисс... канд. юрид. н. М., 2009.

K.M. UTESINOV

*Competitor of the Institute of State and Law,
Bishkek, Kyrgyz Republic*

ON DIFFERENTIAL FEATURES OF STATE CONTROL IN KYRGYZSTAN: A COMPARATIVE POLITICAL ASPECT

The article highlights the methodological assumptions for highlighting the category of “control”, covering all levels of government and stages of management activity, incorporating elements: checking the legality and expediency of their implementation by the authorities. Control is a relatively independent element of the political and legal system of society, which is carried out by state bodies, officials and authorized public associations, aimed at achieving goals using incentives and restrictions and focused on meeting the interests of society. The result of the analysis is the actualization of the adoption of a number of laws on control activities in the Kyrgyz Republic.

Key words: *public administration, state control, Constitution, concept, prerogative, state body, reform, power, interaction, subordination.*

И.В. СУРМА

кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой государственного управления
во внешнеполитической деятельности Дипломатической
академии МИД РФ; член-корреспондент РАЕН,
профессор Академии Военных Наук,
Россия, г. Москва

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА КАК ОСНОВЫ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

В статье показано, что традиционный миропорядок стоит на пороге исторической трансформации и «взаимопонимание», в основе которого лежат не международное право и законы, а осознание соотношения сил и интересов, определяющих для большинства стран границы возможного и доступного, все активнее продвигается коллективным Западом как новая система мировых связей. Подчеркивается, что Североатлантический альянс, который подразумевался как основной инструмент реализации желаемого миропорядка, как силовая структура с этой функцией не справился. Отмечается, что сейчас происходит борьба за разделение сфер влияния основными геополитическими игроками, а ведущие международные организации, такие как ООН или ОБСЕ, потеряли свой авторитет, а международные переговорные площадки используются большинством стран, главным образом, для решения своих узкопрофильных интересов, но при этом остается огромное стремление к разрядке международной напряженности через диалог и сотрудничество в рамках различных объединений. Представлены возможные варианты реализации системы обеспечения международной безопасности.

Ключевые слова: международная безопасность, НАТО, G20, США, международные отношения, ЕС, Россия, Турция, международное право, ОБСЕ, Китай, Иран, миропорядок, геополитика.

С окончанием холодной войны и крушением однополярного мира человечество столкнулось с нарастанием конфликтности в межгосударственных

отношениях, вызванной борьбой за передел сфер влияния, появлением новых вызовов и угроз, новых политических и экономических субъектов и акторов. Конец прошлого века ознаменовался деформацией традиционного миропорядка, что вызвало необходимость в новых стратегиях межгосударственного взаимодействия. И если после окончания Второй мировой войны в международных отношениях реально или декларативно упор делался на отказ от применения силы, то к 90-ым годам, с нарастанием однополярности, США и их союзники приняли доктрину военно-политического экспансионизма как одну из актуальных форм межгосударственного противоборства и стали применять насильственное изменение мирового политического ландшафта. В этих условиях стоило бы многим вспомнить о прощальном обращении к нации президента Д. Эйзенхауэра [11], в котором не только говорилось о подъеме военно-промышленного комплекса Америки и его постоянном укреплении, но и подчеркивалась опасность утверждения власти денег, при которой вполне реальна перспектива окончательного подчинения американских ученых государственному диктату выделения средств под определенные проекты, которые зачастую оказываются абсолютно провальными.

Американский истеблишмент после окончания Второй мировой войны настолько утвердился в представлении о США как о безусловном мировом гегемоне, что отклонение от этой установки вызывало и вызывает яростное сопротивление. Хотя объективно для многих в американских коридорах власти было ясно, что долго так продолжаться не может. Поэтому возникла навязчивая имитация твердости амбиций и неизбежности идейных устоев, что не позволило снизить бремя «мирового гегемона» управляемым путем. В результате изумленный мир увидел ужасающие кадры бегства из кабульского аэропорта и все, что их сопровождало. Это было олицетворение конца эпохи. Президент Байден в своем выступлении, последовавшем за этими событиями, заявил, что Америка будет заниматься своими проблемами, обеспечивая свою безопасность в противостоянии со своими стратегическими соперниками – Россией и Китаем. Но менять мир США больше не собираются, хотя рецидивы еще возможны.

Выдвинутая Байденом задача «вернуться в привычное русло» [12], о которой он повторяет постоянно, на деле, как мы видим, означает не новый стратегический выход на глобальную арену, а «возвращение к решению домашних проблем». Тем не менее, Збигнев Бжезинский, известный американский стратег и автор внешнеполитического курса США в 1980-х годах, характеризует нынешний период как «стадию пост-гегемонии». А Ян Сюэтун (Yan Xuetong) – эксперт-международник, сторонник реализма в теории международных отношений – и ряд других специалистов по вопросам геополитики убеждены в наступлении новой реконструкции гегемонии, при которой определяющим значением будет обладать уже взаимодействие

интересов России, Китая, Ирана, Турции и США [7]. В этот период реконструкции гегемонии весь мир нуждается в новой архитектуре безопасности. И она может быть основана только на политическом, культурном, экономическом и географическом плюрализме.

Путин В.В. заявил о стремлении ряда стран подменить существующую архитектуру безопасности. «В интересах сохранения своего доминирования некоторые страны последовательно стремятся подменить действующую глобальную архитектуру, опирающуюся на центральную роль ООН, неким порядком, основанным на правилах. Каких правилах? Кто эти правила придумал, непонятно» [10], – сказал он на заседании в формате BRICS+.

Президент России отметил, что попытки сдержать развитие государств, не готовых жить по таким придуманным кем-то правилам, безрассудное применение нелегитимных санкционных инструментов, усиленное во много раз последствиями пандемии коронавируса, лишь обострило кризисные явления в мировой экономике и в мировой политике. Поэтому в этих условиях разбалансировки системы международных отношений резко возросла потребность и актуальность сотрудничества и взаимодействия между странами, разделяющими общие ценности. Причем так или иначе это стало неизбежным итогом деятельности коллективного Запада по установлению, так называемого, либерально-демократического миропорядка и проведению планомерной политики по подрыву основ международного права и размыванию роли многосторонних институтов. Примером также может служить глобальная торговля и экономические споры, не учитывающие нормы и принципы ВТО. «Мы знаем, как развивалась ситуация в рамках этой организации в последние годы. Расшатывается вся международная валютно-финансовая система, рвутся производственные логистические и инвестиционные цепочки», – отметил В.В. Путин [10].

С другой стороны, порядок, основанный на правилах, как основной бренд коллективного Запада в последние годы [9], предполагает наличие и субъекта, кто их формулирует и контролирует исполнение. В годы холодной войны с ее четко структурированной конфронтацией эта функция лежала на двух сверхдержавах, после исчезновения одной из них она вроде бы перешла к оставшейся. Дальше случилось неизбежное – сил для утверждения правил, как их видел гегемон, в общемировом масштабе не хватило, институты, предназначенные для другой системы, перестали работать или стали давать

сбой.

НАТО подразумевалась как основной инструмент реализации желаемого порядка, но с этой функцией эта структура не справилась. Отсюда и возвращение к изначальной миссии – сдерживание Москвы, что придает некоторую стройность Североатлантическому альянсу. Китай, который до начала российской специальной операции на Украине предполагалось сделать

проблемой, столь же значимой, как и Россия, совершенно уже не тот и с ним все сложнее. Необходимый в таком случае уход в глобальное измерение у многих членов блока вызывает отторжение. Да и насущность китайской угрозы далеко не для всех стран очевидна. Идеологически НАТО базируется на противостоянии «свободного мира» авторитарным режимам, что безусловно требует включить Пекин в категорию противников. Геополитически альянс не готов распространяться на весь мир, то есть выходить за традиционную сферу ответственности. Как следствие, все более активные действия США по формированию иных структур на Индийском и Тихом океанах, наиболее перспективная из которых *AUKUS*. Сугубо неформальное объединение, которое исходит не из норм, а из «понятий», но, поскольку в него включены только страны очень близкой культуры (англосаксонские), понятия есть, и они работают. Взаимопонимание, в основе которого – не законы, а осознание соотношения сил и интересов, определяющих для стран-партнеров границы возможного, все больше выглядит как новая система мировых связей.

Так вот как раз такая система, основанная на подобном «взаимопонимании», все больше продвигается Западом как новая система мировых связей. Например, Британия предложила новую архитектуру мировой безопасности, соответственно, без Российской Федерации. Лиз Трасс – глава МИД Великобритании – заявила, что «свободным странам» требуется объединить военную мощь и экономическую безопасность, создать новую архитектуру мировой безопасности, при этом, исключив Россию из группы G20 [4] и усилив на нее санкционное давление. По словам Лиз Трасс, архитектура безопасности, которая должна была гарантировать мир и процветание не сработала на Украине, а прежние структуры в области экономики и безопасности потеряли форму, а G20 «не может функционировать в качестве эффективного экономического органа, пока Россия находится за столом» [4] и нужен «новый подход, который объединит безопасность, обеспечиваемую боевой мощью, и экономическую безопасность, при котором будут созданы глобальные союзы, свободные страны будут более напористыми и более уверенными в себе, который признает, что геополитика вернулась» [4].

Президент США Джо Байден ранее подтвердил, что выступает за исключение России из группы «Большой двадцатки», но признал, что некоторые страны с ним в этом вопросе могут не согласиться: «G20 – это главный форум международного экономического сотрудничества. Ни один член «двадцатки» не имеет права лишать членства другую страну» [2]. На это со стороны России было заявлено, что США оказывают давление на страны G20 [5].

Поистине, прав Сергей Викторович Лавров подчеркивающий, что международные отношения сегодня переживают сильнейшие потрясения и происходит это «в результате неустанного стремления Запада всеми правдами

и неправдами, а скорее неправдами, сохранить свое доминирование в международных делах, подчинить себе все и вся и вернуть однополярный мир» [8]. А ситуация, в которой основное бремя и издержки конфликта, триггером которого стала Украина, несут на себе, прежде всего, Российская Федерация и ЕС, для США является наиболее благоприятной. Еще совсем недавно предполагалось, что относительно будущего мироустройства решающее слово будет Вашингтоном произнесено Пекину, поскольку США и КНР рассматривались как ключевые определяющие международные игроки. Но Россия, условно говоря, показала свои права на участие в данном процессе, фактически инициировав его основной раунд. Китай при этом, естественно, никуда не делся, но он в своей традиции предпочитает выждать окончания такого своеобразного российско-американского «общения». При этом Пекин, не стремясь к конфронтации с Соединенными Штатами и их союзниками, твердо отстаивает свои собственные национальные интересы и продолжает реализовывать ранее выдвинутые КНР глобальные инициативы. В этих условиях кризиса западноцентричного мироустройства Китай рассчитывает на усиление связей с развивающимися странами при сохранении и укреплении роли ООН и ооноцентричной модели миропорядка.

Тем не менее, ни Россия, ни Китай, ни Индия и ни Иран, например, не готовы связывать себя жесткими обязательствами в составе формальных союзов. А объединения и союзы, в которых небольшие страны просто следуют фарватеру крупного партнера, в современном неструктурированном и геополитически и геоэкономически нестабильном мире вряд ли могут соответствовать интересам этих самых небольших государств. Как показывает история, готовность крупных игроков на международной арене выполнять свои обязательства перед такими странами неочевидна, и никакая из этих стран не может быть в этом уверена.

Встреча трех глав государств России, Ирана и Турции, в том числе, является однозначным сигналом, что Запад обретает конкурента и теряет влияние в важных геополитических вопросах.

Эрдоган последовательно показывает, что, формально находясь в объединяющем Североатлантическом блоке, можно вести себя так, будто его не существует. Анкара прекрасно понимает, что разрыв с НАТО окажется крайне болезненным для обеих сторон. Для альянса потерять вторую по численности армию в наиболее важной и чувствительной части мира, возможно, даже хуже, чем для самой Турции утратить институциональную поддержку Североатлантического альянса. Поэтому Турция может позволить вести себя так, но, в конечном итоге, не провоцируя выход из блока. При этом НАТО возмущается, но всякий раз старается минимизировать конфликт. Возможность сохранять самостоятельные отношения с важными для Ближнего Востока и Средней Азии странами, к которым относится,

в том числе, и Россия, для Турции принципиально важна. С этой же точки зрения, можно рассматривать и отношения Владимира Путина с Реджепом Тайипом Эрдоганом или же, например, Биньямином Нетаньяху. Эти политические лидеры не являются единомышленниками, их не объединяют почти никакие общие интересы (зачастую их интересы, напротив, противоположны). Однако все они мыслят о политике в единых схожих категориях – например, сила, паритет интересов, понимание возможного ответного ущерба, возможно нестратегические, но крайне важные в данный конкретный момент договоренности, чей срок действия может быть краткосрочен. И, как ни странно, но это работает и работает достаточно эффективно. Например, Астанинский формат действует уже несколько лет, хотя его участники порой преследуют совершенно разные цели в Сирии, а российско-израильские отношения сохраняются, несмотря на следующие один за другим кризисы в этих отношениях.

В своем интервью госсекретарь США Энтони Блинкен заявил, что: «Если позволить России делать то, что она делает, это будет означать, что мы возвращаемся в мир, где кто сильнее, тот и прав, где большие страны могут запугивать маленькие» [3]. Здесь, прежде всего речь идет, как раз о кризисе того самого «порядка, основанного на правилах», на место которого приходит силовой беспредел и, который, собственно говоря, в традициях самих Соединенных Штатов по отношению к небольшим государствам. Вызывает озабоченность уверенность США и его партнеров и желание вернуть мир в прежнее состояние под свое влияние и в рамках собственных альянсов и объединений, что, в общем-то будет невозможно уже даже по политико-экономическим структурным причинам. Нежелание признать этот факт, влечет за собой не выравнивание и стабильность в мировой политике, а, наоборот, затягивает и усугубляет кризис международной безопасности. Со всеми этими железными аргументами и важными аспектами, которые справедливо отметил и подробно изложил в своей недавней публикации главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов [9] стоит согласиться.

Так или иначе нынешний миропорядок подлежит концептуальному реформатированию, так как международная архитектура безопасности уже разрушена, об этом справедливо заявил госсекретарь Совета безопасности Беларуси Александр Вольфович на открытии выставки «Национальная безопасность. Беларусь-2022» [6], и подчеркнул, что сейчас идет борьба за разделение сфер влияния основными геополитическими игроками, а ведущие мировые структуры, такие как ООН, ОБСЕ и др., существенно потеряли свой авторитет, при этом все международные переговорные площадки используются некоторыми странами, главным образом, для решения своих узкопрофильных интересов, но стремление стран к разрядке

напряженности посредством диалога и сотрудничества в рамках различных объединений остается фактом.

Исходя из современных тенденций, можно выделить, как минимум три возможных варианта реализации системы обеспечения международной безопасности [1]. Сторонники первого, считают невозможным создание аналога Европейского союза или Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Во втором варианте предполагается, что возможно создание (или развитие уже имеющейся) интеграционной группы в качестве лидирующей, включающей основных акторов. Последователи третьего варианта считают, что сначала необходимо развивать интеграцию и способствовать установлению устойчивой обстановки в рамках отдельных субрегионов, а далее развивая диалоги в масштабах всего региона, постепенно продвигаться к формированию многополюсной региональной и в конечном итоге глобальной архитектуры безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аникин В.И., Абдеев Р.Ф., Сурма И.В. Философские аспекты информационной цивилизации и современные проблемы управления в ракурсе глобальной безопасности // Вопросы безопасности. 2017. № 2.

2. Байден выступил за исключение России из G20 // <https://vz.ru/news/2022/3/24/1150302.html>.

3. Блинкен утверждает, что РФ и КНР бросили вызов существующему миропорядку // <https://news.rambler.ru/world/48980806-blinken-utverzhdает-что-rf-i-кнр-бросили-вызов-suschestvuyuschemu-miroporyadku/>.

4. Британия предложила новую архитектуру мировой безопасности без России // <https://news.rambler.ru/conflicts/48564746-britaniya-predlozhila-novuyu-arhitekturu-mirovoy-bezopasnosti-bez-rossii/>.

5. В Кремле заявили о поддержке России рядом стран G20 // <https://vz.ru/news/2022/3/23/1150018.html>.

6. Вольфович: архитектура безопасности в мире разрушена, растет число угроз // <https://sputnik.by/20220622/volfovich-arkhitektura-bezopasnosti-v-mire-razrushena-rastet-chislo-ugroz--1063950074.html>.

7. Кривохиж С., Соболева Е. Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 11.

8. Лавров назвал иллюзиями попытку стран Запада вернуть однополярный мир // <https://iz.ru/1310478/2022-03-25/lavrov-nazval-illuziiami-popytki-stran-zapada-vernut-odnopolarnyi-mir>.

9. Почему сегодня невозможно создать похожие на НАТО альянсы // <https://globalaffairs.ru/articles/pohozhie-na-nato-alyansy/>.

10. Путин заявил о стремлении ряда стран подменить архитектуру безопасности // <https://iz.ru/1354890/2022-06-24/putin-zaiavil-o-stremlenii-riada-stran-podmenit-arkhitekturu-bezopasnosti>.

11. Dwight D. Eisenhower. Farewell Address Обращение к Нации // <https://www.americanrhetoric.com/speeches/dwightdeisenhowerfarewell.htm>.

12. Joe Biden's plan to "build back better" for American workers // Сайт «Байден-Харрис» // <https://joebiden.com/joe-bidens-plan-to-build-back-better-for-american-workers/>.

I.V. SURMA

*Candidate of Economic Sciences,
Head of the Department of Public Administration
in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation; Ph.D. Corresponding
Member of the Russian Academy of Natural Sciences;
professor of the Academy of Military Sciences,
Moscow, Russia*

FORMATION OF GEOPOLITICAL PLURALISM AS THE BASIS OF A NEW WORLD ORDER

The article shows that the traditional world order is on the verge of historical transformation and "mutual understanding", which is based not on international law, but on the awareness of the correlation of forces and interests that determine the boundaries of the possible and accessible for most countries, is increasingly being promoted by the collective West as a new system of world connections. It is emphasized that the North Atlantic Alliance, which was meant as the main instrument for the implementation of the desired world order, as a power structure failed to cope with this function. It is noted that now there is a struggle for the division of spheres of influence by the main geopolitical players, and leading international organizations, such as the UN or the OSCE, have lost their authority, and international negotiation platforms are used by most countries, mainly to solve their narrow interests, but at the same time a great desire to defuse international tension through dialogue and cooperation within the framework of various associations. Possible options for implementing the international security system are presented.

Key words: *International security, NATO, G20, USA, international relations, EU, Russia, Turkey, international law, OSCE, China, Iran, world order, geopolitics.*

Б. ВАНКОВСКА

профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия, Македония, г. Скопье

НАТО 2022: В ПОИСКАХ ДРУЗЕЙ И ВРАГОВ

В статье анализируется положение Североатлантического альянса (НАТО) в меняющемся многополярном мире и особенно события, связанные с Украиной. Основное внимание уделяется предполагаемой внутренней сплоченности и перспективам после встречи на высшем уровне в Мадриде, состоявшейся в конце июня 2020 года. Основная предпосылка состоит в том, что НАТО находится в постоянном поиске (новых или старых) врагов больше, чем друзей, поскольку существование «врага» делает его функционирование законным и необходимым. «Новая» Стратегическая концепция в этом отношении расширяет список «врагов», добавляя Китай в качестве потенциального противника. С другой стороны, изменившийся международный порядок делает более очевидным, чем когда-либо, тот факт, что охват и миссия Североатлантического союза зависят исключительно от создавшего его гегемона, то есть от США. Риторика усиленного и объединенного НАТО по отношению к России пуста, поскольку трудно скрыть «трещины», которые она дает. Союзники расходятся во мнениях относительно идеи о том, чтобы НАТО (США) сосредоточилось на Европе, и предложения о «глобальной НАТО». Основное предположение состоит в том, что НАТО (и США) страдают от чрезмерно амбициозных планов глобального господства, что является всего лишь новой формой ремилитаризации мира. На бумаге это может звучать убедительно, по крайней мере, для широкой публики на Западе, но на деле таит в себе непосредственную опасность бумерангового эффекта на социальном и экономическом уровне. Следовательно, в свое время западная общественность должна будет определиться, хочет ли она больше масла (и тепла) или больше оружия и военной безопасности.

Ключевые слова: НАТО, Стратегическая концепция, Мадридский саммит, Украина, Россия, Китай.

B. VANKOVSKA

*Professor of political science and international relations,
Faculty of Philosophy, Ss. Cyril and Methodius University,
Skopje, Macedonia*

NATO 2022: A SEARCH FOR FRIENDS AND FOES

The article analyses the position of North-Atlantic Alliance (NATO) in the changing multipolar world, and especially the developments related to the Ukraine. The focus is on the alleged internal cohesion and the prospects after the Madrid Summit held in late June 2020. The basic premise is that NATO has been in a constant search for (new or old) foes more than friends, because the existence of an ‘enemy’ makes it legitimate and necessary. The ‘new’ Strategic Concept in that respect offers more of the same, by adding China on the horizon as a potential enemy (a systemic challenge, as it is said). On the other hand, the changed international order makes it obvious more than ever that the Alliance’s reach and mission depends solely on the hegemon that created it – i.e. the USA. The rhetoric of strengthened and united NATO vis-à-vis Russia is an empty one as the fractures is hard to hide. The allies are divided over the idea of having NATO (USA) focusing on Europe and the proposition of a ‘global NATO’. The basic proposition is that NATO (and USA) suffer from overambitious visions of global dominance, which is just a new form of re-militarization of the world. On paper it may sound convincing at least for the general public in the West, but in reality it bears an imminent danger of a boomerang effect on the social and economic level. Hence in due time the Western public will have to make up its mind if they want more butter (and warmth) or more weapons and military security.

Key words: *NATO, Strategic Concept, Madrid Summit, Ukraine, Russia, China.*

NATO in the Multipolar World: A Struggle for Preserving the Alliance’s Relevance. The multipolar world has been in making for quite some time. Yet NATO – “the mightiest military alliance in human history” (as it usually wants to dub itself) – has been lulled into the dreams of the West’s eternal superiority over the rivals. The Ukraine military conflicts (2) have been a wake-up call and a catalyst for the ongoing global re-arrangements. [4] They only display what has been ongoing for quite some time: the UN is paralysed and irrelevant, i.e. the global security governance is non-existent. The same (and even more) applies to the so-called European security architecture, which served as a façade for the US presence on the continent since the end of WWII.

Since (the alleged) end of the Cold War, (1) [13; 19] NATO has been in quest for a credible mission. It is nothing unusual since all organizations tend to extend their existence by finding new legitimacy grounds. In a nutshell, it means that as a major organization (bureaucracy) NATO has been doing anything to prove itself indispensable in order to preserve its existence and regular financing (the so-called 'iron law of oligarchy'). Posen agrees: "organizations don't like going out of business, and NATO was a 'good brand,' making it useful for other projects. So NATO took on a new goal: banishing security competition from all of Europe and its periphery and bringing liberal democracy to former subjects of the Soviet empire. Instead of being re-evaluated, NATO got bigger." [11]

The quest for *raison d'être* was led on two tracks: the eastward democracy promotion (enlargement) and military interventionism, both with not quite successful fallouts. The first mission evolved around the idea of transforming NATO into a political organization and even a 'peace movement'. [1] Merje Kuus deconstructed brilliantly the practices through which military force and military solutions have been associated with moral good. [7] These processes normalized military institutions/NATO through narratives of global cooperation – a phenomenon that Kuus dubs cosmopolitan militarism. [8] NATO uses globalist spatial imaginaries to frame military approaches to political problems as enlightened and good (as well as necessary because the 'Others' are aggressive and malevolent). NATO's militarism has worked by promising cosmopolitan subjectivity and through the teleological narrative of a natural progression in which political actors gradually transcend their national contexts and come to see NATO as well as themselves as promoters of cosmopolitan peace. [8. P. 559] But despite all efforts, NATO's 'soft power' has shown its limits both within the NATO area and elsewhere. More importantly, the idea of a global NATO has been built at the expense of the UN system of collective security.

As for the second track, Washington-led NATO could never give up the interests of its military-industrial complex. Therefore, the new democracies had to equip better and more against the enemy (whoever it was/is). The issue of the enemy is crucial for a military alliance, so sometimes it was found in small dictators and their regimes, and in other times in a more elusive form (such as Al-Qaeda and the so-called global war against terrorism). In the latest case, the enemy was created against a US president (Trump and Russiagate). They are defined in terms of values: the Western ones against the Others who know of no values whatsoever or want to impose non-democratic ones. The enemy has always been portrayed as a villain and demon, i.e. dehumanized to such a degree to keep the mobilization spirit up and military shopping intensive. Eventually, the military interventionism accompanied by the alleged 'nation-building' endeavour exploded in NATO's face in Afghanistan. The situation is not much rosier in post-Saddam Iraq, a fractured and non-functional state. Libya is the ultimate proof of NATO's disastrous policy and behavior in the so-called rules-based order. The

enemies were always militarily and economically inferior states/governments (or even non-state actors), so USA/NATO leadership could boast its posture of an efficient military force. The war in Ukraine is the first war – albeit a proxy one – with a deserving rival. However, NATO witnessed its first real military defeat in Afghanistan in the summer of 2021. It is questionable what would be the result of a direct (conventional) fight with a mighty military. Formally, NATO remains on the sideway while Ukrainian forces are struggling for the “Euro-Atlantic values and defending Europe” (as the official narrative goes).

NATO’s eastward enlargement was promoted as an unquestionable march of peace and democracy. Until it reached a great power’s red line. Paradoxically, in the NATO’s and EU’s periphery (i.e. Ukraine), the membership prospects have directly led to a military and humanitarian disaster for the respective country, but also endangers international peace and security. Today NATO is being haunted by its own ghosts, especially the ones from the 1999 military intervention in FR Yugoslavia. All the precedents committed then and during the subsequent events (in the post-9/11 era and during the Arab Spring), are in place in Ukraine. Russia uses the same excuses as legitimization ground for its actions. The causes and the consequences of the Ukraine wars should be sought in the US geopolitical rivalry towards Russia and even more towards China.

On NATO’s Cohesion and Global Reach. The question of unity and internal cohesion has been on the NATO summits’ agenda for quite some time. There was a repeated need to prove that the Alliance is united and functional despite the internal disagreements and rifts (the USA vs other allies, Old Europe vs New Europe, etc.). It may sound paradoxical, but it is the US administration has needed NATO in place despite all grumbling over European allies’ lack of enthusiasm for military and financial investments.

It is a bare fact that NATO’s founding mission (i.e. collective self-defence) has been replaced with unsuccessful misadventures thanks to the US hegemonic thinking and national interests. Posen was right in arguing that NATO helps make American military action abroad too easy. In other words, NATO may be seen as a legitimacy factor for the military interventionism and helps sell an operation to American voters. [11] In short, during the era of full Western domination, NATO itself did not need to engage directly but served as a pretence of “international community” when the Americans were marching across the globe. The issue of self-defence has been pushed aside to the degree of president Macron saying (in the already mentioned 2019 interview) bluntly: “I don’t know what Article Five will mean tomorrow.” A year earlier Donald Trump said that “the NATO mutual defense compact is confusing, particularly the question of why an American would have to defend a small country like Montenegro, which is more than 5,000 miles away.” [17] Turkey asked for activation of Article Five on the eve of the 2019 London summit but did not get support because the issue of

the terrorist threat was defined differently by Erdogan and the others (primarily, France).

John Cheriau reminds us that NATO plans to increase its military budget to \$240 billion by 2024. The alliance has pledged more missile deployments in Eastern Europe targeting Russia and increased surveillance on China. Already, NATO's military budget is 20 times that of Russia's and five times that of China's. He concludes that "the military-industrial complex has the most to gain from the continuing existence of NATO, not ordinary people." [2]

The latest NATO enlargement involved the Republic of Macedonia, a very unlikely ally due to its military incapability, territorial size and international irrelevance. Nevertheless, the USA needed to close the mosaic and include the last puzzle in the southern Balkan flank. Actually, it was at the onset of the so-called 'Second Cold War' (i.e. after the annexation of Crimea) in February 2015 that the US State Secretary John Kerry told the Senate's foreign affairs committee that 'Serbia, Kosovo, Montenegro and Macedonia are the new front line between Russia and the West'. [3] Ever since, and especially after the increase of China's economic influence, the region has become a multipolar microcosm or one of the global fault-lines of colliding imperial interests. Having been on a front line has never been a particularly safe and pleasant position. However, the Macedonian authorities have been sticking to the official mantra about a safe haven in NATO and downplaying all regional signals. After the immense concession that the respective country made to its neighbour Greece (changing its name and losing constitutional sovereignty) in March 2020 Macedonia (now known as North Macedonia) joined the Alliance. [20; 21] Macedonia's membership fits the trend of intensified military build-up in the region as a part of a broader tug-of-war for strategic advantage around the Mediterranean Sea. Some authors believed that "hybrid war and military competition divides the region into two security zones: one under the Russian umbrella (Serbia and Republika Srpska) and the second with the Euro-Atlantic aspirations (Albania, Kosovo, Macedonia and Montenegro)". [12]

The Ukraine developments seemingly granted NATO (un)expected gift: in May 2022 both Sweden and Finland applied for formal membership in the Alliance. NATO Secretary-General Jens Stoltenberg hoped that the applications of the two (so far neutral) countries from northern Europe could serve as a foundation for an atmosphere of strength and optimism amidst the war crisis. However, the Madrid Summit will not welcome two (potential) members due to the Turkish veto. The abortive membership applications however do not mean that NATO (or better, the US) influence has decreased. On the contrary. As many experts have been warning since long ago, the transformative influence of US neoliberalism and militarism has been in effect in both countries. According to a leading expert, the Nordic model of welfare capitalism and peace-oriented internationalism had started changing since the fall of the Berlin wall. It appeared however that Sweden

and NATO had already had intimate Cold War ties, a fact that became known in the 1990s. In the post-Cold era, Sweden was leading (and Finland following) a path that definitely drifted away from the original Nordic model. The process of getting on the 'winning (Western) side' was crowned by EU membership in 1995. De facto, both countries have been already under the NATO umbrella: they have participated in NATO's Partnership for Peace program since 1994; in the 2000s and 2010s, both countries have participated in NATO's 'peace-support' operations and concluded NATO host nation support agreements. The Finnish armed forces have been matched with the NATO systems, culminating in a recent decision to buy 64 nuclear-weapons compatible F-35 fighters from the US. In the. According to Heikki Patomäki, the formal request for joining NATO is just a logical extension of their previous defence policy shifts. [10] The shift toward NATO (for the sake of nuclear deterrence) spells the end to Nordic progressive internationalism, and instead of being "bridge-builders" between East and West, now both countries side with the US and NATO. The new frontline is now being drafted even though it is not officialised yet.

On the eve of its allegedly historic summit in Madrid, NATO's internal cohesion has apparently strengthened and new states (Sweden and Finland) want to join the Alliance due to the Ukraine war. The narrative strongly supported by the Western establishment and the media is largely false. The fact that Turkey vetoed Sweden's and Finland's applications for NATO membership is just one aspect of the story of a failing alliance. Apparently, the door is now open, but Erdogan still leads the parade.

The existing fractures are deepening among the member-states and within the states (*citizens vs governments* with respect to the Ukraine war and stand towards Russia (3)). NATO has never managed to assist its own members' mutual disputes, and the Turkish-Greek conflict is the most visible example. However, behind the scenes there are other competing national interests (such as, for example, between USA and Turkey in Syria. Due to Turkey's veto, the Madrid summit won't celebrate the prophesied new enlargement to Finland and Sweden for quite some time. But in general, this fact does not change the fact that under Brussels' and Washington's influence the formally neutral countries that have become NATO's satellites for quite some time. The case of Sweden, but also Ukraine (to mention just a few), show that NATO has worked both on a formal and informal level. A country could be a part of the Alliance as a *de facto* member, i.e. through acceptance of NATO ideology, working on training and equipment of its military forces toward interoperability, etc. (4) On some occasions *de facto* members (with no formally determined status) proved to be more useful than formal NATO member states. For instance, it could be proved in the case of countries' contributions to the Afghanistan mission.

The overview of NATO's achievements since the 1990s could be judged only through the prism of the correlation between its wishes (spelled out in its strategic

concepts) and the factual outcomes. The democracy promotion project is to be evaluated through the state of democracy starting from the USA and its closest ally the United Kingdom (i.e. the core) to the Euro-Atlantic periphery (for instance, Hungary and Macedonia). Democracy and militarism do not go well together. In terms of 'out of area' operations, the rise of Islamophobia goes hand in hand with Russophobia and Sinophobia. The world is on the brink of nuclear disaster due to Western expansionism at all costs. For instance, according to the 2021 Global Nuclear Weapons Spending Report, the US spent \$44.2 billion, more than \$ 84,094 per minute, on nuclear weapons in 2021, more than all other nuclear-armed nations combined on its nuclear weapons in the same year, which is an increase of \$5 billion from 2020 (the pandemic year). [15]

What's New in the New Strategic Concept? The new Strategic concept has been announced for quite some time. Its basic features and elements are to be found in the 2020 expert report entitled "NATO 2030", an endeavor that followed the 70th anniversary and the gloomy NATO summit in London. [9] The expert group (made of former politicians, ministers and experts) envisioned its work as "Forward-Looking Reflection Process". The end result showed that while the Alliance would be looking forward, it would continue seeing enemies behind every corner. In essence, it seems that the world is changing but the Alliance remains a 'force for good' and tries to preserve the international *status quo*.

In 2019 the organization was in its deepest existential crisis ever. Even the French president Macron spelled NATO's 'brain death'. [16] Thus an urgent action was necessary to prove NATO's viability and usefulness. Bearing in mind that the Alliance was born out of fear (from the East) and that it has been preserving its legitimacy through fear-mongering and exaggeration of the security threats, it is no wonder that the main focus of the creators of the new Strategic Concept has been on detecting and defining new enemies. As said, NATO's 'math' does not take into account its own contribution to increased global insecurity – the enemy is always the 'Other'. The created security dilemma on a global scale produces unprecedented arms race and even nuclear risks. The new Strategic Concept is not being made out of honest soul-searching and self-evaluation but on the ground of the strategic projections (mirror images) of the expansionist West. There has never been a quest for peaceful coexistence and cooperation regardless of the rhetoric used by the officials or in the documents. It has always been about *Pax Americana* – i.e. the world according to the USA's liking and undisputed dominance.

Concerning the Madrid document (which is not still publicly presented at the time this analysis is being written), one should keep in mind that the Strategic concept is just a framework of what will have to be operationalized. The experience shows that many elements may just remain empty rhetoric as things in reality differ from NATO's wishful thinking. Also, such documents are usually aimed at different audiences. Therefore the language used is rather vague, and

the phrases are meant to reach the general public, media, the expert community and power centers abroad. It also assumes the use of buzz-words. One of the most popular ones currently is the word *resilience*. It has repeatedly been used by various experts and officials but only a few honest ones admit that its meaning is unclear and maybe even misleading. It also shows that NATO oversteps its boundaries creating confusion with the EU's key missions (as the EU also refers to resilience as its priority).

According to US officials and pundits, the Strategic Concept is a 'big deal'. They find the old one from Lisbon 2010 obsolete, especially after the 2014 Crimea episode and seek new priorities far on the east. The new Concept is expected to widen the horizon in terms of geopolitical rivalry. What was already assumed in the "NATO 2030" Report is now to become official: Russia and China become rivals – and consequently, enemies. Allegedly the Ukraine war sent shock waves that awakened the brain-dead NATO, and made it clear to the general public that the Alliance is needed more than ever. The eastern flank of NATO is becoming a top priority vis-a-vis Russia but that's a piece of old news.

For some time, NATO has been criticized for doing nothing to fulfil the core missions. The acronym NATO was translated as 'No Action Talk Only'. In each new strategic concept, NATO has been trying to prove its legitimacy and efficiency. The Alliance has actually lost its compass trying to balance between military and non-military threats by adopting the so-called 360-degree attitude (meaning, an ambition to deal with all threats, to deter and defend at the same time – and from all sides of the world). It is hard to believe that it will abandon this approach but it is obvious that the collective self-defense (and deterrence, including the nuclear one) is coming back on the main door.

Despite the Alliance's wish to anticipate the regional and global developments and find adequate responses and solutions for the new threats, the Ukraine war intensifies NATO's frustrations. Instead of preventing military conflict(s), NATO is about to adopt a Strategic Concept amidst a war in which it is deeply involved. According to many analysts, most notably John Mearsheimer, Ukraine's war is the West's fault – and the famous Chicago professor anticipated it long ago. Such an alliance is incapable of detoxification from its addition from war (war for the war's sake). [22] It is militarism, both in mental and material terms, which pushes NATO to an extension of the war to the (expected) final defeat of Russia. The problem with the Western thinkers, even the ones critical to the US foreign policy and militaristic exapades, is that they still argue that China is the West's main threat. [6]

China will indeed be mentioned in an official NATO document for the first time (in a rather vague way, probably not as a direct military adversary). We agree with the scholars who argue that NATO is unlikely to play a substantial role in US-led efforts to balance China in the Indo-Pacific region, but disagree with the thesis that China would not be designated as a 'threat' in the North Atlantic

area. [5] The hostile language and mind-set have been unleashed in the Western public for a long time, and now in the wake of the Ukrainian crisis, it only gets more evident in the statements of the top US officials. [18] An eventual clear-cut geographic division of labour between the US and European partners would harm the Alliance through weakening its cohesion.

The Madrid Summit is going to be held amidst ongoing war, but obviously, the Alliance and its key players haven't had enough of it. Some experts argue that NATO should focus on better integrating the 'China factor' into its military planning, in anticipation of the knock-on effects that a crisis in Asia could have on the European theatre. [5] This kind of thinking raises the dilemma among the European partners: is NATO (USA) going global or should remain Euro-Atlantic even more than before? Europeans fear that in the first scenario the USA would pay more attention to its Indo-Pacific interests than to the European affairs. NATO is ill-suited to respond to what it defines as a 'China threat' although the puppet government wants to widen the war instead of putting the fire down at home. [14] Thus various security arrangements in Asia and Indo-Pacific region are expected to fill the gap. Obviously, the USA is the key player in both arrangements. The bottom line is, however, that the military drive and assertiveness come from Washington rather than from other Western power centres.

Not much differently from Donald Trump, US President Joe Biden expects Europeans to invest more in their security. In the US view, 'Europeans' means both European countries that are members of NATO, EU and candidate countries. The EU's militarization has been a long and gradual process since 1999. Namely, the US-led NATO carried out the military campaign against FR Yugoslavia and presented the European allies with their military impotence. Ever since the EU has been transforming from 'Venus' into a Tom-boy – but not strong enough to gain its strategic independence. As of today, the EU is more of an economic/financial department of NATO. It seems Europe will continue to do the dishes behind NATO/US' military mess is done.

Tentative conclusions. Right after the Madrid summit of NATO, there is an impression that the new Strategic Concept does not offer any new vision of the Alliance. Its image is being embellished on the surface in order to reflect the enthusiastic narrative rather than to deal with the grim reality. NATO is a surrogate (alter ego) of the USA and it has never been clearer to any internal and external observers. The adopted framework that is supposed to allocate the next capabilities is work in progress, and its outlook will depend mostly on the developments on ground, i.e. on the military outcome in Ukraine. The latest view of NATO Secretary-General is that the war in Ukraine could last for years, so the Western countries should brace themselves to provide long-term support to Kiev. However, the European and American citizens are gradually showing impatience, while the media are also losing interest in the artificially prolonged and unnecessary (and devastating) war in Ukraine.

Regardless of the official rhetoric, NATO is internally split over its role in Ukraine and the following steps. Diplomacy has been ruled out, which makes this conflict a most dangerous end-game. Any peace proposal, i.e. proposal for a negotiated peace, is immediately labelled as a pro-Putin stand. Mearsheimer is right on one point: NATO (or better, the USA) is already at war with Russia, while China is next. What makes things highly explosive is that neither side in the current proxy war has the luxury of losing the war. The traditionally neutral countries (including Switzerland) and the ones that used to restrain themselves from military interventions due to their inglorious past (such as Germany and Japan) are on a fast-track militarization. The concept of non-military security and human security have already been abandoned. Military security dominates the debate and the scene.

Hence, the Madrid Summit has brought more of the same – more militarism, more weapons, more permanent military bases close to Russia and China, and weaponization of literally everything (from energy to finance, food and culture). NATO is de facto preparing for war – and puts the blame for it on the others who disobey the US hegemony.

Yet the original NATO is struggling for preserving its relevance. But instead of being a “military arm of liberal hegemony” in the multipolar world order, the imagined unipolar hegemony is unsustainable. The ambition is to keep Americans in, the Russians down and Chinese out. The West (or its leading power, the USA) is now trying to fight on different fronts, and new variants of NATO (such as QUAD, ‘Asian NATO’) or NATO surrogates are seen as a possible solution. At least on paper... NATO is not able to fight a war because it does not have ready troops or logistics, and even the Ukraine war has emptied the member-states’ military reserves. The war in Ukraine has demonstrated the level of devastation for any warring party, as for instance shows the figure of death toll on the Ukrainian side as big as the total number of ground soldiers of a country like United Kingdom. NATO’s logic of rearranging military battalions is a logic of desperation: they are de facto losing war in Ukraine, and have lost credibility among its member-states and partners. As Scott Ritter correctly argues, the more Ukrainians will die and the weaker NATO will become. To keep Ukraine competitive on the battlefield, NATO is being asked to strip its own defence down to literally zero.

Many NATO member-states joined the alliance with a hope to be protected – and now they are expected to sacrifice their human and military resources for the sake of non-member state and its mentor (USA). The EU has totally lost its image of force for peace and good (soft power) because it is almost impossible to delineate where NATO ends and the EU begins, and vice versa. NATO is surrogate for USA, and the EU once created out of the US Marshall Plan is now being totally dependent on the falling Empire. It is a matter of time when the European citizens will wake up against their governments.

All powers are hawks, more or less, but some are more hawkish and dangerous than the others, to paraphrase Orwell. Therefore, one should not seek peace and coexistence on the side that is directly responsible for the current mess in Europe and elsewhere. The West and its institutions are rapidly becoming a pariah actor – but they are still unable to see the world that has just been re-ordered.

Finally, this world has a huge security problem – and the name of this problem is the United States of America. It is THE most violent state on earth, in all possible senses of the concept of violence: physical, structural and cultural. Having no alternative for a radical (positive) change from within, it seems that the others simply cannot live with a hope that the Americans themselves will transform their polity and demilitarize the society. Therefore, the responsibility for keeping the mankind safe is on the others.

REFERENCES:

1. *Ash Timothy Garton*. Love, Peace and NATO // The Guardian, 28 November 2002 // <https://www.theguardian.com/world/2002/nov/28/nato.comment>.

2. *Cherian John*. NATO: Losing relevance // Frontline, 3 January 2020 // <https://frontline.thehindu.com/world-affairs/article30336835.ece>.

3. *Dérens J.-A.* and *L. Geslin*. No holds barred in revived cold war. Balkans are the new front line // Le Mond Diplomatique, July 2015 // <https://mondediplo.com/2015/07/04balkans>.

4. *Falk A. Richard*. Complexities of the Ukraine War // 15 April 2022 // <https://richardfalk.org/2022/04/15/complexities-of-the-ukraine-war/>.

5. *Haroche Pierre and Martin Quencez*. NATO Facing China: Responses and Adaptations // Survival, 64:3, 2022.

6. *Mearsheimer John*. The Inevitable Rivalry: America, China, and the Tragedy of Great-Power Politics // Foreign Affairs, 100/48, 2021.

7. *Kuus Merje*. Geopolitics Reframed. Security and Identity in Europe's Eastern Enlargement, Palgrave Macmillan, NY, 2007.

8. *Kuus Merje*. Cosmopolitan militarism? Spaces of NATO expansion // Environment and Planning. Vol. 41, 2009.

9. NATO 2030 – United for a New Era, 25 November 2020 // https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf.

10. *Patomäki Heikki*. The end of the Nordic ideal: Finland and Sweden joining NATO // Le Monde Diplomatique, 2 June 2022 // <https://patomaki.fi/en/2022/06/the-end-of-the-nordic-ideal-finland-and-sweden-joining-nato/#more-3665>.

11. *Posen Barry*. Trump Aside, What's the U.S. Role in NATO? // The New York Times, 10 March 2019 // <https://www.nytimes.com/2019/03/10/opinion/trump-aside-whats-the-us-role-in-nato.html>.

12. *Reka Blerim*. A new military build-up in the Balkans // Emerging Europe, 10 January 2019 // <https://emerging-europe.com/voices/a-new-military-build-up-in-the-balkans/>.

13. *Sakwa Richard*. Russia against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order, Cambridge University Press, 2017.

14. *Rogin Josh*. Zelensky calls for international support for Taiwan before China attacks // Washington Post, 11 June 2022 // <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/06/11/zelensky-calls-for-support-taiwan-before-china-attacks-ukraine-russia/>.

15. Squandered: 2021 Global Nuclear Weapons Spending, International Campaign to Abolish Nuclear Weapons Report, June 2022 // https://assets.nation-builder.com/ican/pages/2873/attachments/original/1655145777/Spending_Report_2022_web.pdf?1655145777.

16. The Economist, “Emmanuel Macron in his own words (English)”, transcript of the interview with the French president as of 21 October 2019 // <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-in-his-own-words-english>.

17. The New York Times, “Trump Questions the Core of NATO: Mutual Defense, Including Montenegro”, 18 July 2018 // <https://www.nytimes.com/2018/07/18/world/europe/trump-nato-self-defense-montenegro.html>.

18. *Thomson Alex and Camille Gijis*. Biden vows to defend Taiwan with US military if China invades // Politico, 23 May 2022 // <https://www.politico.eu/article/us-would-intervene-militarily-if-china-invaded-taiwan-biden/>.

19. *Vankovska Biljana*. The Cold War II: Just Another Misnomer? // Contemporary Macedonian Defense, vol. 14, no. 26, 2014.

20. *Vankovska Biljana*. NATO Membership: On the Frontline? Skopje: Faculty of Philosophy, 2020.

21. *Vankovska Biljana*. Geopolitics of the Prespa Agreement: Background and After-Effects // Journal of Balkan and Near Eastern Studies, 22(3), 2020.

22. *Wiberg Hakan*. The Afghanistan War in a Comparative Perspective // Security Dialogues, 1(1), 2010 // [http://periodica.fzf.ukim.edu.mk/sd/SD%2001.1%20\(2010\)/SD%2001.1.05%20Wiberg,%20H.%20-%20The%20Afghanistan%20War%20in%20a%20Comparative%20Perspective.pdf](http://periodica.fzf.ukim.edu.mk/sd/SD%2001.1%20(2010)/SD%2001.1.05%20Wiberg,%20H.%20-%20The%20Afghanistan%20War%20in%20a%20Comparative%20Perspective.pdf).

О.В. ДУБРОВИНА

*доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политологии и
политического управления РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Москва*

О.Ю. ДУБРОВИНА

*кандидат политических наук, доцент,
координатор Национального союза
политологов России,
Россия, г. Москва*

И.В. ЛИВАНОВА

*кандидат политических наук, доцент
кафедры мировой экономики,
международных отношений и права
Новосибирского государственного университета
экономики и управления «НИНХ»,
Россия, г. Новосибирск*

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Данная статья посвящена исследованию миграционных процессов, происходящих в мире. Цель статьи – показать необходимость правового и политического регулирования миграции.

Регулирование миграции происходит в правовой, политической и экономической плоскостях. Большую роль в данном вопросе играет ООН и МОМ. В статье проанализированы основные международные документы по защите прав мигрантов, а также рассмотрены миграционные волны, охватившие мир в настоящее время, показаны основные причины миграции, представлены основные тенденции, характеризующие миграционные процессы, проанализированы российские документы, регулирующие миграционные процессы.

Ключевые слова: *миграция, миграционные процессы, ООН, МОМ, регулируемая миграция, тенденции развития миграции.*

Исследование процессов миграции, которые в настоящее время выступают постоянно действующим геополитическим фактором, является весьма актуальной задачей и требует проведения анализа политических и правовых институтов, их регулирующих.

На международном уровне важное институциональное положение занимает ООН и Международная организация по миграции (МОМ), созданная в 1951 г.

По мнению МОМ миграцию необходимо регулировать на всех уровнях – международном, региональном и государственном, и именно такой подход принесет пользу и мигрантам, и обществу, в котором они адаптируются, даст возможность сотрудничать с правительственными, межправительственными и неправительственными организациями.

Стратегически деятельность МОМ направлена на людей, нуждающихся в международной миграционной помощи, которая оказывается через предоставление различных надежных и эффективных услуг. По мнению МОМ необходимо управлять миграцией и соблюдать права мигрантов. Механизм управления может включать в себя сбор информации, исследование данной проблемы, разработку и реализацию программ, связанных с миграцией, изучение лучших практик, обмен опытом и др. [14].

На уровне ООН в разное время были приняты документы, носящие универсальный характер, целью которых является защита прав человека [24; 1; 15; 16; 5; 6; 10; 11; 12; 13].

Что касается проблемы защиты прав мигрантов, то здесь важно выделить следующие документы: «Повестку дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г.» [37], «Нью-Йоркскую декларацию о беженцах и мигрантах» 2016 г. [30], «Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции» [31]. Данным документам предшествовали «Декларация по вопросу о международной миграции и развитии» 2013 г. [32] и «Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают» 1985 г. [33].

Что послужило причиной принятия данных документов? Главная причина – возрастание численности мигрантов в мире.

Данную тенденцию можно проследить на примере Европы, которую захлестнуло несколько миграционных волн.

Первая волна мигрантов приходится на 60-70-ые годы XX в. и связана с крушением колониальной системы. Многие жители бывших колоний хлынули в Европу, уходя от гражданских войн, разрухи, голода и нищеты. Самыми крупными метрополиями были Великобритания, Франция, Италия и Нидерланды, именно эти страны и приняли первый поток беженцев и мигрантов.

Вторая волна связана с внутриконтинентальной миграцией, начавшейся в 80-е гг. XX в., когда жители южноевропейских государств стали переселяться в страны Западной Европы. Причины – низкий уровень жизни населения.

Третья волна мигрантов приходится на 90-ые г. XX века и связана с распадом «мировой системы социализма» и Советского Союза. Причины – привлекательность западного образа жизни, поиск хорошо оплачиваемой работы. Западная Европа приняла мигрантов с распростертыми объятьями, т.к. нуждалась в высококвалифицированных специалистах и рабочей силе.

По оценке Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), «в 1970-е гг. в Европу прибывало примерно по 30 тыс. беженцев и мигрантов в год, в начале 1980-х гг. – по 100 тыс., в 1986 г. их было уже 200 тыс., а в 1989 г. – 317 тыс. В 1992 г. на континенте было зарегистрировано около 700 тыс. мигрантов, что стало максимальным показателем для послевоенной Европы» [3].

Четвертая волна миграции в Европе приходится на конец 90-х– начало 2000 годов и связана с военными действиями НАТО в Югославии (Косовский конфликт), гражданскими войнами в Афганистане и Ираке и ближневосточными вооруженными конфликтами. И, если в 2000 г. в Европе насчитывалось более 25 млн беженцев [3], то в 2010 г. их численность уже составляла 33 млн человек [4].

Пятая волна миграции приходится на десятки годы XXI века и связана с «Арабской весной», когда по арабскому миру прокатились вооруженные мятежи, восстания, антиправительственные протесты (1).

И, если в 2000 г. в мире было 173 млн мигрантов, в 2010 г. – 221 млн, то в 2020 г. их насчитывалось уже 281 млн человек [17].

Шестая волна была вызвана украинским кризисом и конфликтом. В марте 2022 года, по данным ООН около 5 млн украинских беженцев покинули территорию Украины, из них примерно 112 тысяч человек являются гражданами третьих стран [36].

Каковы основные **причины миграции**? К ним можно отнести: войны, безработицу, голод, нищету и другие экономические причины, преследование по различным причинам и др.

Какие основные **тенденции** прослеживаются в процессах миграции? Их несколько.

1. По данным ООН в 2020 году более 75% мигрантов были выходцами из стран с низким и средним уровнем жизни населения [17].

2. Мигранты в основном направляются в развитые страны. Так, в 2020 г. они составляли 15% от численности населения в развитых странах и только 2% они составляют от численности стран со средним уровнем доходов [17]. Таким образом, 75% причин вынужденной миграции приходится на экономические причины.

3. Страны, в которые в основном, стремятся мигранты, это США, где проживает 51 млн мигрантов (18% от общего числа мигрантов в мире), Россия (16,5 млн мигрантов) [34], Германия (16 млн), Саудовская Аравия (13 млн), Великобритания (9 миллионов) и др. [17].

4. Следует отметить и такую тенденцию, характерную для Европы и Африки, мигранты в пятидесяти процентах случаев, остаются в пределах регионов своего проживания. А вот мигранты из Азии проживают, как правило, за пределами своих регионов и стремятся, в основном в Северную Америку [17].

Когда мы говорим о миграции, мы должны понимать, что миграция связана с «перемещением больших групп людей», которое затрагивает много аспектов: политических, экономических, религиозных, социальных, языковых, культурных, географических и т.д. Необходимо оценивать всесторонние возможности принимающих стран, предвидеть последствия миграции, определять возможные сроки миграции и т.д.

Важно понимать, что миграция имеет не только региональный, но и глобальный характер, и значит требуются глобальные подходы и решения для урегулирования этой проблемы. Глобальность связана с тем, что процесс массового перемещения людей затрагивает государства, из которых уезжают люди, государства, куда прибывают беженцы и мигранты, перемещение затрагивает соседние страны, страны транзита и т.д., и здесь важную роль может сыграть сотрудничество, в том числе между странами происхождения миграции, государствами назначения и транзита.

Существуют значимые связи между миграцией и развитием. Миграция влияет и на общество, и на государства. Важно, чтобы она не превращалась в хаос, а для этого необходимо ею управлять. В этом случае она положительно повлияет и на развитие стран исхода, и стран, принимающих мигрантов.

Именно об управляемой миграции и сказано в следующих документах ООН и МОМ.

В «Повестке дня в области устойчивого развития» [21] в 16 цели (ЦУР) там, где говорится о миграции, особое внимание уделяется необходимости сокращения распространения всех форм насилия. В документе рассмотрены пути уменьшения насилия: прекращение и недопущение вооруженных конфликтов и войн, решение всех международных и внутригосударственных споров мирным путем, путем переговоров, выборов, достижения консенсуса, уступок и т.д. Второй путь – восстановление разрушенных войной или конфликтом территорий и возвращение населения к мирной жизни. Третий путь – борьба с бедностью, голодом, нищетой, экономическое развитие территорий, улучшение жизни населения. Необходимо разорвать замкнутый круг, когда нищета приводит к вооруженному конфликту, а война

к бедности населения, что заставляет большие массы перемещаться с одной территории на другую, уезжать в более благополучные страны.

В *Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах 2016 г.* проанализированы причины миграции: экономические проблемы, вооруженные конфликты, нищета, голод, терроризм, стихийные бедствия и др. В документе рассмотрены возможные отрицательные последствия миграции: лишение крова, когда люди вынуждены жить в палатках, в лагерях для беженцев; отсутствие работы, усиление нищеты, насилия, торговля людьми, эксплуатация, которой подвергаются люди, находящиеся в уязвимом положении.

В Декларации указывается на то, что мировые и региональные проблемы создает «вынужденная нерегулируемая миграция», а, если ее упорядочить, то миграция может сыграть положительную роль в достижении целей устойчивого развития [35].

В *Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (ГДМ) (2)*, были прописаны и утверждены принципы защиты прав мигрантов – «принцип недопустимости регрессии и принцип недискриминации» [2], а также поставлена задача – «ликвидировать все формы дискриминации, включая расизм, ксенофобию и нетерпимость, в отношении мигрантов и членов их семей» [2].

В Договоре был представлен механизм обеспечения безопасной, упорядоченной и легальной миграции: сбор и анализ информации о проблемах, связанных с миграцией; принятие необходимых решений, выработка миграционной политики; обеспечение мигрантов необходимыми документами; предоставление мигрантам работы, места жительства, социальных и медицинских услуг; розыск мигрантов, пропавших без вести; противодействие незаконной миграции; искоренение торговли людьми. Этот механизм должен способствовать развитию безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

Для уменьшения отрицательного отношения к мигрантам, ООН вместе с МОМ создали платформу «Я – мигрант». Эта платформа, по мнению организаций, должна помочь мигрантам интегрироваться в новое для них общество [14].

В 2020 году МОМ выступила с инициативой о необходимости разработки единой терминологии при описании проблем миграции.

Эти актуальные вопросы активно обсуждались в январе 2021 года на Глобальном форуме по миграции и развитию, состоявшемся в Объединенных Арабских Эмиратах. Форум стал площадкой для проведения международной дискуссии по вопросам миграции, партнерами мероприятия выступили ЮНИСЕФ, МОМ и профильные программы ООН.

На основе данных международных документов государства разрабатывают свою миграционную политику, нацеленную на содействие упорядоченной и безопасной миграции.

Национальное регулирование миграционных процессов зависит от целей, которые государство стремится достигнуть, используя миграционные потоки. В настоящее время сформировались и реализуются на практике следующие модели государственной миграционной политики: политика изоляции; политика сегрегации; политика селекции; политика ассимиляции; политика интеграции и политика мультикультурализма.

Российская Федерация придерживается политики интеграции, что подтверждают документы, регулирующие миграционные процессы в стране [7; 23; 25; 26; 27; 28; 29; 22; 9; 18; 19].

Основным документом в данной сфере является «Концепция государственной миграционной политики России на 2019-2025 гг.» [8]. В ней представлены цели, задачи, принципы, направления и механизм осуществления миграционной политики.

Основная цель – при осуществлении миграционной политики обеспечить безопасность государства.

Что касается **принципов**, то важно выделить следующие: учет регионального, религиозного, национального и культурного многообразия страны; распределение предметов ведения между федеральными и региональными органами власти в сфере миграции и координация их деятельности [8].

Как было показано выше, в РФ насчитывается порядка 16,5 млн мигрантов, и, безусловно, вопрос регулирования миграции имеет большое значение для страны и народа в ней проживающего. Учитывая, что сама Россия является многонациональной, многоконфессиональной и много региональной страной, одной из целей ее миграционной политики является формирование такой социальной атмосферы, которая позволит решить экономические проблемы страны, и даст возможность развиваться ее регионам. Как известно, 3/4 населения России проживает в ее европейской части, до Урала, хотя само это пространство занимает только 1/3 часть государства. Поэтому важной задачей миграционной политики является расселение прибывающих в страну мигрантов в регионы, расположенные за Уралом. Такая политика способствует пространственному и демографическому развитию России, «создает условия для снижения диспропорции в размещении населения в России» [8].

Кроме того, т.к. мигранты, прибывающие в РФ, имеют разное вероисповедание, их расселение по регионам России осуществляется с учетом данного фактора. Так, например, людям, исповедующим ислам, предлагаются для проживания регионы с преимущественно мусульманским населением, что дает им возможность легче адаптироваться в стране проживания, а также поддерживать межнациональное и межрелигиозное согласие и мир в российском обществе.

Большое внимание в миграционной политике России уделяется повышению качества жизни ее населения, поэтому при расселении мигрантов по территории страны важное значение имеет защита национального рынка труда, а значит обращается внимание на такой важный фактор, как профессия и образование, которые имеют мигранты. Учет данных факторов дает возможность направлять мигрантов в те регионы страны, которые нуждаются в тех или иных специалистах, а также в людях, владеющих определенными рабочими профессиями (строители, фермеры, высококвалифицированные токари, слесари и т.д.) [8].

«С целью защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода, в миграционной политике большое внимание уделено добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом» [8]. Что касается других мигрантов, то речь идет только о тех лицах, «которые способны успешно интегрироваться в российское общество» [8]. В России запрещено создавать этнические анклав, и пространственные сегрегации.

Для реализации Концепции была создана специальная рабочая группа, а также разработаны методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» [20].

Выводы: рост миграции на современном этапе привел к необходимости политической и правовой институционализации и регулированию данных процессов на всех уровнях – мировом, региональном и государственном. Инициатором и организатором регулирования миграции в мире выступила ООН и МОМ.

Для регулирования миграционных процессов был принят целый ряд международных документов, которые стали основой для деятельности государств в данной сфере.

Политическая и правовая институционализация процессов миграции позволила упорядочить и, по возможности, обезопасить данные процессы, создать систему регулирования миграции в виде триады, на вершине которой находится ООН и документы, принятые Организацией в данной сфере, а в основании лежат региональные и государственные структуры и документы, регулирующие процессы миграции в Европе, Азии, Африке, Латинской Америке и в государствах, расположенных в данных регионах мира.

Российская Федерация, придерживаясь политики интеграции в сфере миграции, приняла целый ряд документов, регулирующих процессы миграции, определила цели, задачи, принципы и направления государственной миграционной политики, распределила полномочия и предметы ведения

в данной сфере между разными уровнями власти, стремясь к главной цели – обеспечить безопасность страны и народа в ней проживающего.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Произошли революции в Тунисе, в Египте и в Йемене; гражданские войны в Ливии (привела к смене власти), в Йемене и в Сирии (продолжаются); гражданское восстание в Бахрейне, массовые протесты в Алжире, в Ираке, в Иордании, в Марокко и в Омане; и менее значительные протесты в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане, Джибути и Западной Сахаре.

(2) Принят на межправительственной конференции по миграции в Марокко 10 декабря 2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Всеобщая декларация прав человека 1948 г.
2. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (ГДМ) // <https://www.ohchr.org/ru/migration/global-compact-safe-orderly-and-regular-migration-gcm>.
3. Данные Международной организации по миграции (МОМ) // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2259836>.
4. Данные Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, ОЭСР // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2259836>.
5. Декларация об укреплении международной безопасности 1970 г.
6. Европейская конвенция по правам человека 1950 г.
7. Конституция Российской Федерации.
8. Концепции государственной миграционной политики России на 2019-2025 годы. п. 14 // <http://kremlin.ru/events/president/news/58986>.
9. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы, утвержденная Указом Президента России от 31 октября 2018 г. № 622.
10. Конвенция о статусе беженцев 1950 г.
11. Конвенция Международной организации труда № 97 о правах мигрантов 1949 г.
12. Конвенция Международной организации труда № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения 1975 г.
13. Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1970.
14. Международная организация по миграции: Миссия // <https://www.iom.int/mission>.
15. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.

16. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

17. Основными странами экспортёрами иммигрантов (легальных и нелегальных) были в этот период Сирия, Афганистан, Ливии и Ирак, Эритрея, Судан, Южный Судан, ДР Конго, Сомали, Мавритания, Марокко, Тунис, Алжир, Мали, Нигерия, Камерун, Габон // Основные показатели международной миграции на 2020 год // https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_ru_1.pdf.

18. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

19. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 октября 2017 г. № 1312 «О государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций».

20. Приказ Федерального агентства по делам национальностей от 17.11.2020 № 142.

21. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. // <https://www.un.org/ru/chronicle/article/22046>.

22. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666.

23. Трудовой кодекс Российской Федерации.

24. Устав ООН 1945 г.

25. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

26. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

27. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

28. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

29. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

30. <https://refugeesmigrants.un.org/ru/declaration>.

31. <https://www.ohchr.org/ru/migration/global-compact-safe-orderly-and-regular-migration-gcm>.

32. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/migrationdevelop.shtml.

33. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/decl_nationality.shtml.

34. <https://migrantvisa.ru/russia/migraciya/statistika/4>.

35. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/283/52/PDF/N1628352.pdf?OpenElement>.

36. <https://news.un.org/ru/story/2022/04/1422242>.

37. <https://www.un.org/ru/chronicle/article/22046>.

O.V. DUBROVINA

*Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Professor of the Political Science and Political Management Department,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, RANEPА,
Moscow, Russia*

O.Y. DUBROVINA

*Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor,
coordinator of the National Union of Political
Scientists of Russia, Moscow, Russia*

I.V. LIVANOVA

*Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor,
Department of World Economy, International Relations and Law,
Novosibirsk State University of Economics
and Management, Novosibirsk, Russia*

MIGRATION PROCESSES: POLITICAL AND LEGAL REGULATION

The article is devoted to the study of migration processes taking place in the world. The purpose of the article is to show the need for legal and political regulation of migration processes.

Migration is regulated in the legal, political and economic fields. The United Nations and The International Organization for Migration play an important role in this matter. The article analyzes the main international documents on the protection of the rights of migrants, and also considers the migration waves that have swept the world at the present time, shows the main reasons for migration, presents the main trends characterizing migration processes, and analyzes Russian documents regulating migration processes.

Key words: *migration, migration processes, UN, IOM, regulated migration, migration development trends.*

А.А. ТУШКОВ

*доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и права Владивостокского
государственного университета экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

Д.А. ЖИВОТОВА

*бакалавр кафедры международных отношений
и права Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕАЛИЗАЦИИ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Актуальность данной темы обусловлена современным состоянием российско-японских отношений, характеризующейся обострением, вызванных санкционной политикой коллективного Запада. Но, тем не менее, в России интерес к культуре Японии не угас и, парадоксально, возрастает к ее уникальным особенностям. Это объясняется тем, что глобализация и интеграция культур наблюдается и в наши дни, несмотря на обострение межгосударственных отношений. Поэтому, достаточно интересно изучать данные процессы в разных временных промежутках. Данная тема мало изучена и требует исследования проблематики. Целью данной статьи является исследование интереса российского общества к японской культуре, традициям и обычаям.

Ключевые слова: Япония, Россия, вестернизация японской культуры, японский язык, аниме и манга.

Японская культура является самой экзотической и многогранной, особенно, если сравнивать ее идентичность с западным миром. Речь, в данном случае, идет не только о европейских странах, но и о России. Культуры данных государств колоссально отличаются, однако, во многих японские традиции и обычаи вызывают бурный интерес. С чем же это все-таки связано?

Истоки этого явления связаны с тем, что социально-политическая и культурная системы Японии были практически закрытой, вплоть до реставрации Мейдзи во второй половине XIX века. Почти полностью изолировав Японию

в 1639 году и ограничив контакт с внешним миром, торговлей с Китаем и Голландией через порт Нагасаки, сёгун Иэмицу добился главного – благодаря изоляции, значительно укрепился внутренний рынок страны и уже в эпоху Эдо и, особенно, период Гэнроку (1688-1703) наблюдался расцвет культурной жизни. В этот период государство считало себя достаточно большим, обладающим богатыми ресурсами. Эта теория хорошо прослеживается в произведениях великого художника Кацусика Хокусай (1760-1849), а именно его иллюстрациях к антологии «Сто стихотворений ста поэтов». Однако закрытость государства влияла на его восприятие другими странами. Например, даже в близко расположенном Китае, Япония считалась варварской. По мнению китайцев, японские варвары перенимали письменность, религию и некоторые другие этнические атрибуты с целью стать более цивилизованными и занять центральную позицию в Азии, вытеснив Поднебесную. Однако после признания эволюционного поражения, Япония не оставила идею занять ведущую позицию. Вероятнее, это было связано с осознанием эволюционного застоя государства.

Несмотря на закрытость системы, с XVII века, т.е. с развитием торговых отношений, страна восходящего солнца начинает открываться для западных стран. В условиях экономических и, в последующем, политических процессов, интенсивного взаимодействия стран значимость внешних факторов и условий, повлиявших на вестернизацию Японии, значительно возросли. При проведении данного исследования авторы полагают, что важным является необходимость учитывать внешнее воздействие. Опираясь на утверждение президента Королевского антропологического института Великобритании Гэлтона, который в 1889 г. при обсуждении методологии кросс-культурного анализа, предложенного Тэйлором, высказал предположение о значительном влиянии на культуры внешнего фактора, авторы исходят, во-первых, из данного утверждения, вошедшего в классику компаративистики. При этом в основе лежит **стратегия анализа влияния мировой системы на внутреннее развитие стран**, при котором экономическая, политическая и культурная системы страны рассматриваются в качестве открытой для внешнего воздействия и в этом смысле зависимой. Во-вторых, полагая и то, что теория мировой системы исходит из предпосылки мирового системного баланса, при котором повышение мобильности в одной единице системы приводит к понижению мобильности в другой, и регулирование мобильности осуществляется всей стратифицированной системой, Япония уже с середины XIX века была активно вовлечена в модернизационные процессы, характеризующиеся эндогенно-экзогенным типом. Для Запада японская культура была чем-то новым и неизведанным, что делало ее более привлекательной. В свою очередь, для Японии процессы вестернизации стали одним из основных факторов интеграционных процессов. Именно в тот момент, когда началась популяризация Японской культуры в мире,

после полного открытия государства в 1853-м году, можно говорить о начале глобализационных процессов [1].

В России интерес, в том числе и научной общественности, к восточной культуре возник в начале XIX века. В последующем данное явление плавно перешло в самобытное течение, которое со временем закрепились под названием «японизм». В основе данного явления лежит проблема интерпретации, суть которой состоит в том, что существует множество смыслов одного и того же политического феномена. Уже при выборе исходных концептов и переменных в количественных исследованиях она появляется в виде ценностной склонности исследователя. В качественных исследованиях она становится центральной. Несмотря на то, что практически российское общественное мнение о Японии связывалась с наличием ценностной мотивации, верований, присущих национальному характеру идеалов и убеждений японцев, самобытной народной культуре, тем не менее для многих из них данное понятие стало символом обобщенной характеристики всего субъективного контекста представлений о стране восходящего солнца.

Однако при этом возникла существенная проблема, которая заключалась в том, что взаимная заинтересованность культур обусловила проникновение западных традиций на территорию России и Японии. Это, в свою очередь, вызывало немалое количество конфликтов. Считалось, что внедрение культурных устоев других стран способно уничтожить индивидуальность государственных ценностей. В России, как и в Японии, существовали многовековые культурные устои, согласно которым приоритет отдавался собственной идентичности.

В стране восходящего солнца после окончания политической и экономической изоляции постепенно появлялись изменения в различных сферах. В результате больших финансовых затрат в стране прослеживался высокий скачок налогов, которые должны были выплачиваться простыми крестьянами. Более того, поступление на японский рынок иностранных тканей и пряжи ставило под угрозу существование местного национального производства. За модернизацию приходилось платить золотом что подрывало финансовое состояние. Все это вызвало массовое недовольство бедных слоев населения. Однако, несмотря на существование мнения об уничтожении японских традиций влиянием иностранцев, интеллигенция понимала, что Япония слишком сильно отстает в развитии от западных стран. В связи с этим, со временем отношение к внедрению европейских культурных норм, традиций, идей и обычаев стало менее критичным, т.е. произошло плавное слияние европейской и азиатской составляющей. Вестернизация больше представляет собой процесс так называемого **культурного кроссинг-вера** – обмена культурными традициями, характерными для многих стран. В Японии даже появился лозунг «Восточная мораль европейская техника».

В России ситуация складывалась менее радикально, так как европейское влияние не было насильственным, в отличие от Японии, не имело корыстных целей стать ближе к Китаю. Таким образом формирование взаимодействия культур Японии и России осуществлялась путем влияния третьих стран. Россия рассматривалась в качестве потенциального противника, так как существовало мнение об угрозе независимости Японии. Однако государство не предполагало такого рода манипуляции, а лишь препятствовало агрессии в Азии во избежание войны из-за варварского портрета Японии в других странах. После русско-японской войны обострилось мнение о препятствовании экспансии Японии. Однако, анализируя появление японской культуры в России, стоит отметить, что именно данное явление послужило стартом культурной интеграции. До этого момента о Японии было мало что известно. Однако, после столкновения в военных действиях, привилегированные слои населения, более грамотные, стали изучать информацию о Японии в газетах, произведениях зарубежной литературы, что также свидетельствует о формировании образа путем влияния третьих стран [2].

За весь период русско-японских отношений произошло множество заимствований в различных отраслях культуры. Изменения в политической и социально-экономической сферах жизни влияют на множество различных факторов, в том числе и языковую систему, так как любой процесс предполагает коммуникацию. Следовательно, начало внедрения японских слов в русскую речь закрепилось во времена Петра I, когда в 1697-м году был создан указ о налаживании торговых отношений между Россией и Японией. На данный момент количество японских заимствований невелико, так как бытует мнение о негативном влиянии чужой культуры, которая порочит оригинальный характер нации, выраженный в языке государства. Важно отметить, что консервативное влияние выполняет ключевую роль, поскольку контролирует баланс между заимствованными словами и языком, регулируя его функционирование. Большинство японских слов существующих русском языке отражают культурное наследие государства. К таким словам можно отнести аниме, оригами, сакура, ниндзя и так далее. Однако, существуют также некоторые вещи, названия которых произошли иначе. Например, слово «вата» считается заимствованным с немецкого («watte» с нем. «хлопок»). С другой стороны, в японском есть слово «вата» (綿 с яп. «хлопок»), которое больше похоже на русское. В XXI веке среди молодежи стали популярны следующие слова: тян (ちやん с яп. «девочка»), кун (くん с яп. «мальчик»), кawaii (かわい с яп. «милый») и другие. Объяснение их популярности достаточно банально.

Подростки хотят быть современнее своих родителей, обособиться от них. Поэтому данный слэнг – секретный язык, который понятен ограниченному количеству людей, распространен среди подростков, желающих произвести впечатление. Исходя из вышеперечисленного, возникает вопрос:

почему все-таки японские слова? Японский язык, согласно характеристике, мелодичен, что делает его нежным и привлекательным. Однако, это не главная причина существования японских заимствований в русской речи.

Плавно переходя к следующим аспектам популярности японского языка – аниме и манга, стоит отметить, что они также оказывают влияние на лексическую составляющую. В связи с распространением японской анимации, лексика оттуда внедрилась во многие языки, в том числе и русский. Это связано с особой подачей информации: как правило, герои очень эмоциональны в любом настроении, поэтому, слова быстро запоминаются, а затем закрепляются в обычной речи. Что касается манги, то какие-то реплики персонажей, придающие особую красочность описываемой ситуации, выделяются среди основного текста отличным стилем и размером шрифта. Это также помогает зрительно зафиксировать в памяти слова, что впоследствии повлияет на их дальнейшее существование в языке в роли сленга.

Аниме, как и манга, также привлекательны по следующим причинам: сюжет, рисовка, отличная от мультипликационных произведений других стран, в целом иная картина мира, отличающаяся от реальной. Японская анимация представляет собой нетипичную куртину для мультипликации. Это характеризуется наличием взрослых мотивов. В европейских мультиках прослеживается одна и та же идея – борьба добра и зла. В аниме же такая сюжетная линия не видна так явно. В частности, упор идет на описание более серьезных проблем. Например, в знаменитой картине в стиле киберпанк «Акира» (1988 г.) рассматриваются вопросы фашизма, экспериментов над людьми, взаимоотношения разных слоев населения, что является нетипичным для классической мультипликации, которая популярна в России. Особое внимание уделяется и рисовке, выполненной в стиле «просто и со вкусом». 2D картины не демонстрируют ничего лишнего, заставляя задуматься глубже над сюжетом нежели над деталями изображения.

Если говорить о внешности персонажей, то она также отлична от героев мультфильмов других стран. Обычно глаза изображаются очень большими, большое внимание уделяется их детализации. Как известно, глаза – зеркало души, поэтому это помогает намного быстрее прочесть персонажа и выявить его роль. Необычные прически разных цветов и форм также очень привлекательны и помогают идентифицировать героя. Эмоции персонажей нереалистично подчеркиваются различными дополнительными атрибутами – штрихи, выделяющиеся вены, изменение формы глаз, рта более графичным способом. Фигуры непропорциональны: большая голова, худое тело, узкая талия и длинные тонкие ноги – типичные черты персонажей японской анимации. Следовательно, индивидуальный образ культуры, нигде не встречающийся в мире, привлекает внимание молодежи в России [3].

Японская кухня представляет собой особую культуру, сопровождается особой эстетикой питания, что привлекает внимания русских.

Во-первых, в Японии существует культ потребления пищи – необычная подача, посуда, приборы. Это связано с отношением самих японцев к еде. Из-за множества ограничений, с которыми сталкивались жители страны восходящего солнца в давние времена, приходилось во многом себе отказывать, например, в употреблении мяса. Поэтому, японцы сейчас чуть ли не боготворят еду, относятся к ней с почтением и считают, что все должно быть идеально даже во время ее потребления.

Во-вторых, японская кухня – это быстро и вкусно. Большинство блюд подаются комнатной температуры, что не требует траты времени на охлаждение пищи перед потреблением. Более того, имбирь, который принято есть между разными блюдами, позволяет обновить вкусовые рецепторы и испробовать все многообразие японской кухни.

В-третьих, традиционная еда очень полезна. Морепродукты насыщены полезными микроэлементами, а рис, выступающий в качестве углевода, придает сытность, несмотря на небольшой размер порций [4].

Таким образом, японская культура действительно не похожа на какую-либо другую. Ее экзотичность и многогранность – основная причина, по которой она привлекает внимание жителей России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Жеренко Е.С.* Причины популярности японской культуры в России // https://upload.pgu.ru/iblock/9ac/uch_2009_xii_00018.pdf.
2. Новый образ старого соседства. Русско-японские отношения // <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/novyj-obraz-starogo-sosedstva-russko-yaponskie-otnosheniya.html>.
3. Особенности аниме // https://aminoapps.com/c/russkii-anime/page/item/osobennosti-anime/QXba_jRfYI35nloQQk7vgoE81bk5r1lMm1.
4. Причины популярности японской кухни у отечественного потребителя // <https://m.business-gazeta.ru/amp/316954>.

A.A. TUSHKOV
*Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of International Relations and Law
of the Vladivostok State University of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

D.A. ZHIVOTOVA
*Bachelor of the Department of International
Relations and Law of the Vladivostok State University
of Economics and Service, Vladivostok, Russia*

ON THE QUESTION OF THE IDEALIZATION OF JAPANESE CULTURE IN RUSSIA

The relevance of this issue is caused by the modern condition of Russian-Japanese relations. Nowadays they are exacerbated by the sanctions of the Western countries. However, the interest in Japanese culture in Russia increases paradoxically because of its unique traits. It is also explained by the globalization and integration of the cultures? despite the escalation in international relations. That's why it is curious to discover this processes in various time periods. Moreover, this issue is not fully researched and needs to be studied more detailed. The aim of this article is to explore the interest of Russian society in Japanese culture, traditions and customs.

Key words: *Japan, Russia, westernization of Japanese culture, Japanese language, anime and manga.*

М.Е. РОДИОНОВА

кандидат социологических наук, доцент, Ph.D.
доцент Департамента политологии
Факультета социальных наук и массовых коммуникаций
Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва

И.В. ЕРЕМЕНКО

кандидат философских наук
старший преподаватель Департамента массовых
коммуникаций и медиабизнеса Факультета социальных
наук и массовых коммуникаций Финансового университета
при Правительстве РФ, Россия, г. Москва

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ ЗА РУБЕЖОМ НА ПРИМЕРЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ВЕБ-САЙТОВ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

Материал представляет сопоставительный анализ практик реализации коммуникативной стратегии партиями правого, левого и центристского толка стран скандинавского блока. В ходе работы анализируются веб-сайты партий, их страницы в социальных сетях, а также библиографический материал по теме, привлекается статистический материал. Посредством изучения особенностей конструирования и ведения веб-сайтов и страниц в социальных сетях зарубежными политическими партиями выделены общие и специфические черты. Особый интерес представляет выполнение подобного анализа на материале нескольких партий, придерживающихся схожих политических позиций, но представленных в разных странах одного региона, в частности на примере Финляндии, Швеции и Норвегии.

Ключевые слова: PR-технологии, коммуникативная стратегия, избирательные технологии, Финляндия, Швеция, Норвегия.

В настоящее время партии разных стран самым тесным образом взаимодействуют со своими избирателями, делают они это во многом благодаря

широкому распространению сети интернет. Возможность создания веб-сайта, а также страницы в той или иной социальной сети обеспечила партийных деятелей полем для реализации коммуникативной стратегии. Посредством изучения особенностей конструирования и ведения веб-сайтов и страниц в социальных сетях зарубежными политическими партиями, можно выделить общее и специфическое. Особый интерес представляет выполнение подобного анализа на материале нескольких партий, придерживающихся схожих политических позиций, но представленных в разных странах одного региона, в частности на примере Финляндии, Швеции и Норвегии – трех стран Северной Европы. Рассмотрение реализации коммуникативной стратегии при этом следует осуществлять с отслеживанием динамики показателей коммуникативной активности в зависимости от фазы избирательного цикла, интенсивности взаимодействия с лидерами и центрами общественного мнения, а также с описанием цифровой инфраструктуры и социальной базы информационных потоков (их половозрастных и геолокационных характеристик).

Реализация коммуникативной стратегии партиями Финляндии. Политическая история Финляндии насчитывает более двухсот лет. За это время политический ландшафт не раз претерпевал изменения. В настоящий момент в Финляндии существуют семнадцать основных политических партий, из которых восемь представлены в парламенте – Эдускунте. Также в стране существует целый ряд политических ассоциаций. Кроме того, особый статус региона Аландских островов предопределил появление локальных политических партий. В рамках данной работы рассмотрим три крупнейшие партии Финляндии, традиционно представленные в парламенте: Финляндский центр (центристы), Национальная коалиционная партия (правые) и Левый союз (левые).

Финляндский центр. Центристская партия Финляндии в русскоязычных СМИ носит название Финляндский центр (фин. Suomen keskusta – KESK). Председателем партии является Юха Сипиля. Партия умеренно реформистская и поддерживает социальные идеалы и ценности, иными словами, поддерживает социальный либерализм. Центристская партия защищает интересы финского сельского хозяйства и считает важным, чтобы как услуги, так и рабочие места оставались безопасными и доступными по всей Финляндии. Партия проводит экологическую политику по защите природных ресурсов. Стремится к миру и сотрудничеству. Равенство также является важной ценностью партии. Центристы стремятся продвигать гуманность и свободу с ответственностью через образование и культуру. Согласно им, общество должно быть инклюзивным и поддерживать предпринимательство. Партия хочет помочь облегчить компаниям трудоустройство людей. Около половины членов выступают против членства Финляндии в ЕС [5].

Веб-сайт Финляндского центра выполнен в зеленых и белых цветах, традиционных для партий, поддерживающих аграрную повестку. На сайте представлены разделы: О нас, Наша политика, Примите участие, Новости, Выборы, Участки, Медиа, Организационные материалы, Контакты. Пользователям дают возможность подписаться на новостную рассылку, задать партийным представителям вопрос в специальной форме. На сайте присутствуют фото простых людей – избирателей, инфографические элементы, рисунки. Есть возможность менять размер шрифта на сайте, также доступны версии на трех, наиболее распространенных в стране языках: финском, шведском и английском [10].

Финляндский центр представлен в целом ряде соцсетей, включая Фейсбук, Инстаграм (здесь и далее в работе упоминаются информационные продукты компании Мета, которая признана в России экстремистской организацией и запрещена), Твиттер, Ютуб, Спотифай. Странички во всех социальных сетях, заявленных, также как и сайт изобилуют публикациями в зеленом цвете. На платформе Ютуб представлены видеоролики встреч с избирателями, выступлений членов партии, агитационные ролики. На платформе Спотифай публикуются подкасты на социально-политическую тематику. Ведущие соцсети по количеству публикаций и подписчиков – Твиттер, Фейсбук и Инстаграм. В этих трех соцсетях представлена одна тематика, это публикации о мероприятиях прошедших и планирующихся, беседы с членами партии, новости партии и страны.

Национальная коалиционная партия. Политические взгляды правой политической направленности в Финляндии представляет Национальная коалиционная партия (фин. Kokoomus – КОК). Председателем партии является Юрки Катайнен. Партия умеренно либеральная и реформистская, поддерживает либеральный консерватизм. Ее основополагающими ценностями являются: свобода, ответственность, демократия, равные возможности, образование, поощрение, уважение к другим и забота. Поощряются индивидуализм и предпринимательство. Партия пропагандирует бережное отношение к национальному наследию, языку и культуре Финляндии. Она работает на образование и культурное развитие людей. В частности, партия стремится поощрять предпринимательство и улучшать условия ведения бизнеса. В программе партии подчеркивается социальная ответственность людей и компаний. Согласно ей, следует уважать природу, окружающую среду и других людей.

Сайт партии представлен в синем и белом цветах, которые, помимо прочего, являются цветами финского флага. Есть возможность выбора финского или шведского языка, кнопка для людей с ограниченными возможностями, которая облегчит им пользование сайтом исходя из типа ограниченной возможности. На сайте есть множество фотоматериалов. Основные разделы:

Партия, Выборы, Участие, Организации-партнеры, Активности, Контакты. Есть активная кнопка для того, чтобы стать членом партии [6; 5].

Соцсети Национальной коалиционной партии – это Фейсбук, Твиттер, Инстаграм, Ютуб. На Ютуб представлены интервью с членами партии, агитационные ролики, вопросы-ответы, есть формат коротких вертикальных видео. По количеству подписчиков и публикаций среди соцсетей данной партии лидируют Твиттер, Фейсбук и Инстаграм. В них представлена сходная информация о встречах с избирателями, планирующихся и прошедших мероприятиях партии и т.п. Активно используется формат «сторис». По всем соцсетям присутствует синий цвет, но менее броского, кричаще яркого оттенка, чем тот, который использован на сайте.

Левый союз. Политические силы левого толка в Финляндии представлены Левым союзом (фин. Vasemmistoliitto – VAS). Председателем партии является Пааво Архинмяки. Идеологией партии является левый зеленый социализм. Она поддерживает исключительно основополагающие социальные ценности, включая равенство, демократию, свободу и устойчивое развитие. Партия стремится сочетать либерализм с социализмом. Феминистская повестка и экологическая осведомленность очень важны. Партия работает на благо справедливой мировой экономики и демократии. Левый союз считает, что финское государство всеобщего благосостояния должно быть развито, а капитализм должен находиться под контролем. Условия найма не могут быть ухудшены. Необходимо предотвращать спекуляции с краткосрочными трудовыми контрактами. Профсоюзы должны иметь сильную позицию. Каждый должен иметь право на труд и доход. Люди не могут подвергаться дискриминации по признаку пола, сексуальной ориентации или религии. Иммигрантов следует поощрять, и они должны пользоваться теми же правами, что и другие люди в Финляндии. Партия не поддерживает социалистический тоталитаризм. Его сторонники довольно критически относятся к ЕС. По их мнению, в процессе европейской интеграции следует уделять больше внимания социальным вопросам. Экономика не должна диктовать все события.

Сайт выполнен в розовом и белом цветах, которые иногда оттеняются ультрамариновым. Есть возможность просматривать сайт на финском, шведском и английском. Есть кнопка для пожертвований, а также кнопка для вступления в партию и для подписки на новостную рассылку. На сайте присутствует множество фотографий, на которых доминируют женщины. Фотографии в начале главной страницы не статичны, а находятся в режиме непрерывного слайд-шоу. Основные разделы: Выборы, Темы и ценности, Новости, Интернет-магазин, Контакты [13].

Данная партия имеет профиль в таких соцсетях, как Фейсбук, Твиттер и Инстаграм. В социальных сетях доминирует та же цветовая гамма, что и на сайте. Все из названных соцсетей достаточно популярны и имеют

большое количество подписчиков. В тематическом наполнении соцсетей представлена актуальная политическая повестка, мероприятия партии, интервью и цитаты членов партии. Фотоматериалы в ряде случаев отличает неформальный подход, призванный сократить дистанцию власти между депутатами и избирателями.

Реализация коммуникативной стратегии партиями Швеции.

В Швеции, как и в подавляющем большинстве стран мира, политическая система многопартийна. В стране насчитывается несколько сотен политических партий и объединений. При этом не все из них имеют большое влияние на политический курс государства, не все представлены в Риксдаге – парламенте Швеции. В данный момент в парламент входят восемь из существующих в стране крупнейших партий. Помимо этого, большое количество малых партий представляет крайне разнородные интересы малых социальных групп (например, профессиональных сообществ). Ряд партий, к примеру, Феминистская инициатива, представляют Швецию в Европейском парламенте. В данной работе в фокусе нашего внимания следующие крупнейшие партии, входящие в парламент: Партия центра (центристы), Умеренная коалиционная партия (правые) и Левая партия (левые).

Партия центра. Основанная в 1910 году как Аграрная партия, Центристская партия получила свое нынешнее название «Партия центра» (швед. Centerpartiet – С) в 1958 году. Лидер партии – Анни Лёф. Партия представляет интересы сельских жителей и пытается перестроиться в альтернативную центристскую партию, выступающую за экологические проблемы и поддерживающую тесные связи с сельской Швецией, с социально-либеральным профилем, ориентированным на экологическое, социальное и прогрессивное развитие и децентрализацию [12].

Сайт изобилует темно-зеленым и белым цветами. Возможность просматривать сайт на других языках осуществляется только посредством сайта Google Translate. Есть кнопка для озвучивания сайта, что может послужить подспорьем для людей с нарушением зрения. Кроме того, на сайте есть кнопка для того, чтобы вступить в партию и подписаться на новостную рассылку. Основные разделы: Наша политика, Наша партия, Лидер, Пресса, Участие, День партии, Организации-партнеры, Контакты. На сайте много фотографий, в особенности на которых изображена лидер партии [2].

У шведской Партии центра большое представительство в соцсетях. Они имеют страницы в Фейсбук, Твиттер, Ютуб, Инстаграм, Flickr, LinkedIn. На Ютуб много записей интервью и выступлений лидера партии, используется формат коротких видео. На Flickr представлены фотографии членов партии. LinkedIn партия использует для поиска и установления деловых контактов. Страницы в Твиттер, Фейсбук и Инстаграм являются наиболее популярными у данной партии, они выполнены в темно-зеленом цвете.

Содержательное наполнение соцсетей представляют актуальные новости, мероприятия и выступления с участием лидера партии.

Умеренная коалиционная партия. Основанная в 1904 году как Консервативная партия, а в 1969 году переименованная в Умеренную коалиционную партию (швед. Moderata Samlingspartiet или Moderaterna – М). Выступает за рыночную экономику, снижение налогов и уменьшение роли правительства в экономике. С 1980-х годов, когда экономика Швеции пострадала, данная партия последовательно набирала силу, выступая за налоговую реформу и сокращение государства всеобщего благосостояния [12].

Сайт в цветовом отношении представляет собой сочетание белого, синего и голубого, с вкраплениями розового и фиолетового. Сайт моноязычен. Он лаконичен и не изобилует большим количеством фотографий. Для людей с нарушением зрения есть специальная кнопка для озвучивания содержания сайта. Здесь есть интерактивный опрос о том, что пользователи сети знают о партии. Кроме того, есть кнопка для подписки на рассылку и для того, чтобы стать членом партии. Основные разделы: Участие, Лидер, Наша политика, Наши политики, Новости, Пресса, О партии, Контакты [7].

У данной партии есть страницы в следующих социальных сетях: Фейсбук, Твиттер, Инстаграм, Ютуб, LinkedIn. На Ютуб представлены постановочные ролики с участием политиков, выполненные в рамках агитационной кампании, видео выступлений, интервью и т.д. Короткие видео вертикального формата представлены в меньшей степени. LinkedIn используется как платформа для формирования рабочих отношений, но там также формируется аудитория. Фейсбук, Твиттер и Инстаграм-аккаунты у данной партии крайне популярны. На этих площадках в цветовом оформлении обязательно присутствует синий цвет. Примечательно, что даже на изображениях в соцсетях зачастую превалирует текстовая информация.

Левая партия. Основанная в 1917 году как Шведская левая социал-демократическая партия после раскола среди социал-демократов, в течение многих лет она была известна как Шведская коммунистическая партия. Сейчас носит название Левая партия (швед. Vänsterpartiet – V). Нынешний лидер партии – Нуши Дадгостар. Несмотря на отход от коммунистической идеологии, политика левых по-прежнему сосредоточена вокруг трех основных столпов: социализма, феминизма и окружающей среды. Данная партия также отстаивает позиции, касающиеся гендерного равенства [12].

Сайт Левой партии Швеции характеризуется классическими цветами, а именно черным и белым, небольшими акцентами выделяются красные элементы. Фотографий на сайте не так много, но они разнообразны по своему содержанию. Нет возможности просматривать сайт на других языках, кроме шведского. Есть кнопка для подписки на новостную рассылку, выступления в ряды партии и для пожертвований. На главной странице сайта есть

алфавитный указатель. Основные разделы: Наша политика, Лидер, Участие, Контакты [3].

Заявлены страницы партии в следующих соцсетях: Твиттер, Инстаграм, Фейсбук, Ютуб. На Ютуб-канале партии можно найти видео выступлений членов партии, интервью, видео формата вопрос-ответ, образовательные постановочные видео. Фейсбук, Твиттер, Инстаграм – наиболее популярные соцсети у данной партии. В этих соцсетях много контента самого разного плана: объявление, цитаты, выступления политиков, интервью и т.д. При этом в оформлении соцсетей не доминирует какой-то единый стиль или цветовое решение.

Реализация коммуникативной стратегии партиями Норвегии. Для Норвегии в течение длительного времени была характерна политическая система, где доминировала одна партия. Однако в настоящее время в данной стране нет подобного перекаса. Политическая система многопартийна, по итогам последней избирательной компании в парламент, который носит название Стортинг, входят девять крупных партий, представляющие весь спектр политических позиций и идеологий. Подобно другим странам региона Северной Европы и Скандинавским странам как таковым, в Норвегии имеется большое количество не крупных неправительственных партий, какие-то являются недействующими и получившими статус «исторических». В рамках данного исследования целью нашего рассмотрения являются Партия Центра (центристы), Партия прогресса (правые) и Социалистическая левая партия (левые).

Партия Центра. Лидером данной партии является Трюгве Слагсвольд Ведум. Несмотря на название (норв. Senterpartiet – Sp), норвежскую центристскую партию трудно определить современными политическими терминами. За время своего существования они присоединялись как к левым, так и к правым лидирующим коалициям. Они начинали свой политический путь как фермерская партия и по сей день проводят кампанию в основном по вопросам протекционизма и децентрализации. По их словам, хорошие услуги, близкие к людям, обеспечивают безопасность и предсказуемость в повседневной жизни. Центристская партия считает, что их основная ценность близости – это решение, а не проблема, ведь Норвегия – это страна, где плотная социальная сеть сыграла важную роль. Это, в свою очередь, создало динамичные местные сообщества на севере, юге, востоке и западе и стало историей успеха для страны [8].

Сайт данной партии оформлен с использованием белого цвета и различных оттенков зеленого. Текстовый материал на сайте сопровождается незначительное количество фотографических изображений. Интерес представляет раздел с постерами, где находятся постеры партии с лозунгами и членами партии и избирателями. Люди с нарушением зрения могут озвучить сайт с помощью специальной кнопки. Основные разделы сайта: Наша

политика, Наши люди, О нас, Новости, Лидер, Локальные команды партии, Активности, Участие, Сотрудничество со школьниками. Версий сайта партии на других языках, кроме норвежского нет, но есть краткое изложение деятельности партии на английском [9].

Партия Центра Норвегии имеет аккаунты в Фейсбук, Твиттер, Инстаграм, Ютуб, Flickr. На Ютуб мы находим видео выступлений членов партии, интервью, постановочные видео, выполненные в рамках выборных кампаний. Аккаунт на Flickr полон фотографий членов партии, как сделанных во время специальных фотосессий, так и во время выступлений и пресс-конференций. Фейсбук, Твиттер и Инстаграм-аккаунты данной партии более популярны, чем аккаунты в других соцсетях. В Твиттере доминируют текстовые сообщения. Что касается содержания Фейсбук и Инстаграм, то оно крайне разнообразно и включает цитаты, выступления, отчеты и т.п. Цветовое оформление в зеленых оттенках сохраняется в соцсетях партии.

Партия прогресса (норв. Fremskrittspartiet – FrP) – самая правая партия Норвегии, набиравшая обороты на протяжении 2000-х и в начале 2010-х годов. В 2013 году данная партия впервые вошла в правительство в составе первой коалиции Эрны Сольберг. Лидером партии в настоящий момент выступает Сильви Листхёуг. Как заявляют представители данной партии, Партия прогресса – это либертарианская партия, которая верит в свободу личности, снижение налогов, процветание и ограниченное правительство, которое расширяет возможности людей [8].

Сайт Партии прогресса характеризуется преобладанием белого и разных оттенков синего. На общем фоне крупно выделяются лозунги партии, размещенные на сайте. Есть специальные кнопки для того, чтобы вступить в партию и пожертвовать деньги. На сайте много фотографий разного плана и содержания. Основные разделы сайта: Наши люди, Наша партия, О партии, Участие, Локальные представительства, Национальное собрание 2022, Основная брошюра, Программа партии на 2021-2025 годы, Устав ассоциации 2022, Этические и организационные принципы, Пресса, Контакты [4].

Основные соцсети данной партии: Фейсбук, Инстаграм, Ютуб, Snapchat. На Ютуб загружены как постановочные видео, так и записи выступлений политиков, представляющих данную партию. На Snapchat информация о партии скудна, ее мало. Страничка партии на Фейсбук крайне популярна, количество подписчиков насчитывает 155 тысяч человек. На Фейсбук и в Инстаграм представлена схожая информация: предвыборные обещания, встречи с избирателями, актуальные вопросы социальной и политической повестки. В оформлении в тех или иных проявлениях неизменно присутствует синий цвет.

Социалистическая левая партия. Нынешний лидер Социалистической левой партии (норв. Sosialistisk Vensterparti – SV) – Аудун Лисбаккен. Сформированная из коалиции небольших социалистических и ряда

независимых партий, данная партия является основной демократической социалистической партией, которая позиционирует себя слева от лейбористов. Их кампании, как правило, вращаются вокруг сильного государственного сектора, более сильных программ социального обеспечения и все чаще в их рядах звучат призывы к защите окружающей среды. По их словам, различия между финансово привилегированными и большинством обычных людей продолжают увеличиваться в наше время. В то время как те, кто обнищал или заболел, страдают от сокращения социального обеспечения, а доступная помощь сокращается, правые политики постоянно сокращают налоги, которые платит элита. Если этим несправедливым различиям будет позволено продолжаться, общество завтрашнего дня станет более «холодным», безразличным местом. Своей задачей партия ставит борьбу против социальной несправедливости.

Цветовое оформление сайта данной партии – комбинация белого, насыщенного зеленого, красного и бордового. На главной странице мало текста, он лаконичен, но для большей наглядности презентуется в крупном шрифте. Другие языки и специальные возможности отсутствуют (есть лишь краткое описание деятельности партии на английском). Представлены немногочисленные фотографии и инфографика. Есть кнопка для онлайн-вступления в партию и для поиска локальных представительств партии. Возможность пожертвовать деньги и подписаться на рассылку новостей также есть, но она не выделена в архитектуре сайта. Основные разделы: Политика, Партия, Партия и я, Банк ресурсов, Новости, Другое, Контакты, Раздел для школьников [11].

Из социальных сетей партия представлена в следующих: Фейсбук, Твиттер, Ютуб, Инстаграм. На Ютуб можно обнаружить записи выступлений, интервью, просветительские видео, в том числе на языке жестов, есть немногочисленные вертикальные короткие видео. В Инстаграме, помимо фотографий с подписями, много графических материалов. Фейсбук, Твиттер и Инстаграм в содержательном наполнении зачастую дублируют друг друга. В оформлении соцсетей присутствуют цвета, отмеченные ранее на сайте партии.

Сопоставление реализаций коммуникативной стратегии. Проведя описание веб-сайтов и страниц в социальных сетях каждой из партий в Финляндии, Швеции и Норвегии, избранной нами для анализа, мы можем перейти к сопоставлению практики реализации коммуникативной стратегии данными партиями, объединив их при этом по политической направленности.

Критериями для сопоставления на основе описанных выше параметров будут являться следующие:

1) полезность: наличие на сайте / в социальной сети информации, полезной для посетителей;

2) взаимодействие: наличие сервисов взаимодействия с пользователями;

3) софт: корректность работы сайта / страницы в социальной сети и удобство его использования;

4) широта охвата: численность аудитории сайта / соцсети.

Оценку реализации партиями коммуникативной стратегии в интернете будем осуществлять бинарным способом с наделением их от 0,00 до 1,00 баллов. Максимальное количество баллов, которое может набрать партия, будет составлять 4,00. Показатель больше 2,00 будем оценивать, как эффективное присутствие партии в сети интернет.

При сведении описанных выше параметров в критерии оценки мы получим следующие результаты: центристские партии всех рассматриваемых стран получают 3,00 баллов, так как одинаково демонстрируют недостаток широты охвата аудитории (наиболее низкие количественные показатели среди рассматриваемых партий одной страны). Правые партии Финляндии и Швеции получают 4,00 балла, в то время как Норвегия в данной категории получает 3,00 балла из-за недостатка в качественно содержательном наполнении интернет-ресурсов. Левые партии Финляндии и Швеции получают 4,00 балла, в то время как норвежские левые получают 3,00 в силу отсутствия языкового разнообразия и специальных возможностей на интернет-ресурсах партии.

Таким образом, как видно, все из рассмотренных нами партий Финляндии, Швеции и Норвегии имеют показатель выше 2,00, что позволяет говорить об их достаточно эффективном присутствии в сети интернет. Примечательно, что партии Норвегии показали наименьших средний показатель среди партий рассмотренных стран. Безусловно, показатели, примененные в данной работе, являются усредненными и в недостаточной степени детализированными, однако данное обстоятельство определяет актуальность и необходимость проведения дальнейших исследований в данной тематической области.

Подводя итог, можно сказать, что партии, рассмотренные в данной работе, демонстрируют эффективность присутствия в сети интернет. Нельзя отрицать, что описание сайтов и страниц в социальных сетях избранных партий и анализ, проведенный нами, является далеко не исчерпывающим. Однако он дает представление о том, что реализация коммуникативной стратегии осуществляется партиями успешно, функциональный аспект используемых партиями интернет-ресурсов находит свое подтверждение.

Проведение подобных исследований позволит избирателям получить более четкое представление о политическом ландшафте собственной или зарубежной страны, а партии, в свою очередь, смогут найти почву для совершенствования своих интернет-ресурсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Электоральные процессы в современном мире: монография / кол. авторов; под общ ред. М.Е. Родионовой, С.Ю. Белоконева, П.С. Селезнев, Д.А. Ежов. Москва: КНОРУС, 2020.
2. Centerpartiet // <https://www.centerpartiet.se/>.
3. Ett Sverige för alla – inte bara för de rikaste // <https://www.vansterpartiet.se/>.
4. Fremskrittspartiet – FrP // <https://www.frp.no/>.
5. Information campaign of the European Parliament in Finland. Mosaiikki (ry) // <https://europarlamenti.info/en/>.
6. Me olemme Kokoomus / Kokoomus.fi // <https://www.kokoomus.fi/>.
7. Moderaterna – Nu får vi ordning på Sverige // Moderaterna // <https://moderaterna.se/>.
8. Political Parties in Norway. Life in Norway // <https://www.lifeinnorway.net/political-parties/>.
9. Senterpartiet – Nær folk i hele Norge! // <https://www.senterpartiet.no/>.
10. Suomen Keskusta – In the middle of life // <https://keskusta.fi/en/>.
11. SV – Sosialistisk Venstreparti // <https://www.sv.no/>.
12. Swedish Political Parties. Nordstjernen // <http://www.nordstjernen.com/news/sweden/6824/>.
13. Vasemmistoliitto // <https://vasemmisto.fi/>.

M.E. RODIONOVA

*Candidate of Science in Sociology, Associate Professor, Ph.D.,
Associate Professor of the Department of Political Sciences,
Faculty of Social Science and Mass Communication
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

I.V. EREMENKO

*PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department
of Mass Communications and Media Business, Faculty of Social
Sciences and Mass Communications, Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

IMPLEMENTATION OF THE COMMUNICATIVE STRATEGY OF POLITICAL ACTORS ABROAD ON THE EXAMPLE OF COMPARATIVE ANALYSIS OF WEBSITES AND SOCIAL NETWORKS OF SCANDINAVIAN COUNTRIES

The material presents a comparative analysis of the practices of implementing the communicative strategy by the parties of the right, left and centrist persuasion of the countries of the Scandinavian bloc. In the course of the work, the websites of the parties, their pages on social networks, as well as bibliographic material on the topic are analyzed, and statistical material is involved. By studying the features of designing and maintaining websites and pages in social networks by foreign political parties, general and specific features are highlighted. Of particular interest is the implementation of such an analysis on the material of several parties that adhere to similar political positions, but are represented in different countries of the same region, in particular, on the example of Finland, Sweden and Norway.

Key words: *PR-technologies, communication strategy, electoral technologies, Finland, Sweden, Norway.*

ВАН ЦЗЮНЬТАО

кандидат политических наук,

доцент Высшей школы международных отношений

Гуманитарного института СПбПУ,

Россия, г. Санкт-Петербург

SPIN-код: 8807-3660

Scopus ID: 57220010433

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2315-1138>

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ» И «ПЛАН НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

В данной статье сравнивается и анализируется китайская инициатива «Экономический пояс Шелкового пути» и американская инициатива «Новый шелковый путь» с точки зрения цели, программы, масштаба, мотивации, положения в их соответствующей стратегической системе, степени открытости, а также отношения к России и Монголии. Целью исследования является анализ и выявление существенных различий и сходств между китайской инициативой «Экономический пояс Шелкового пути» и американской инициативой «Новый шелковый путь». В работе использовались эмпирические методы исследования, поиск и анализ информации из средств массовой информации, анализ и сравнение данных, сопоставление и обобщение.

Результаты. В статье выявлено, что китайская инициатива «Экономический пояс Шелкового пути» руководствуется точкой зрения справедливости и выгоды, которая заключается в достижении общего развития и равной ответственности. Это делает инициативу Китая «Экономический пояс Шелкового пути» принципиально отличной от инициативы страны-гегемона «Новый шелковый путь», глубинной целью которой является контроль над экономическими жизненными путями других стран, изменение политических систем других стран и обслуживание собственной геополитики.

Выводы. Хотя китайский «Экономический пояс Шелкового пути» и американская инициатива «Новый Шелковый путь» имеют схожие названия и в целом могут быть классифицированы как дипломатические инициативы, которые пересекаются в Центральной Азии с целью экономического развития и улучшения условий жизни людей, между ними существует пространство для интеграции и сотрудничества.

Ключевые слова: Экономический пояс Шелкового пути, План Нового Шелкового пути, Китай, Соединенные Штаты.

Предложенный Китаем «Экономический пояс Шелкового пути» привлекает все больше внимания как внутри страны, так и за рубежом. Сам по себе «Шелковый путь» – древняя тема. После холодной войны на основе него было предложено много других планов международного сотрудничества. Среди них наиболее влиятельной является «Инициатива Нового шелкового пути» Соединенных Штатов (именуемая «Новый шелковый путь»). Учитывая нынешнее важное влияние Китая и Соединенных Штатов в Центральной Азии и других регионах, сравнение этих двух инициатив имеет определенное практическое значение.

1. Предложение «Экономического пояса Шелкового пути» и «Плана Нового шелкового пути». В начале XXI века мирный подъем Китая был очень быстрым, с каждым годом он поддерживал довольно высокие темпы экономического роста, а его ВВП стал вторым по величине в мире. Соединенные Штаты проводят политику «возвращения в Азиатско-Тихоокеанский регион» и последовательно предлагают План ТТП (Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве) и План Нового Шелкового пути, активизируя систему американо-японского альянса и формируя С-образное окружение Китая «Четыре моря» (Восточно-Китайское море, Южно-Китайское море, Тайваньское море, Желтое море). Китайско-американские отношения пережили перипетии, конфликты между двумя сторонами усилились, а торговые трения продолжались. В 2012 году во время своей предвыборной кампании на пост президента России В.В. Путин выдвинул идею Евразийского экономического союза, который должен быть усовершенствован на основе первоначального таможенного союза Россия-Беларусь-Казахстан и сформировать более тесную интеграционную организацию в рамках СНГ. Рост экономической мощи и статуса Китая заставил соседние страны – страны Центральной Азии и Россию – очень охотно развивать экономическое сотрудничество с Китаем и продолжать расширять его вширь и вглубь. Мелкомасштабная торговля, которая уже существует, больше не может удовлетворять потребности развития. Китаю также нужны ресурсы, энергия и рынки Центральной Азии и России. Часть высококачественных производственных мощностей должна быть выведена. Сотрудничество с развитыми странами с точки зрения производственных мощностей близко к насыщению, а экспорт на Запад значительно сократился. На этом фоне председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул стратегическую концепцию «Экономический пояс Шелкового пути» в своем выступлении в Казахстане в сентябре 2013 года. Он отметил, что для того, чтобы сделать экономические связи стран Евразии более тесными, углубить

взаимное сотрудничество и расширить пространство для развития, инновационные модели сотрудничества могут быть использованы для совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» [2].

Соединенные Штаты подверглись нападению международного терроризма в начале XX века, а затем более десяти лет вели глобальную войну с терроризмом, включая войны в Афганистане, Ираке и Ливии. В 2008 году они попали в финансовый кризис в качестве инициатора. Столкнувшись с подъемом Китая, администрация Соединенных Штатов Обамы и Хиллари Клинтон скорректировала свою внешнюю стратегию, чтобы вывести вооруженные силы США из Центральной Азии и Ближнего Востока, «вернуться в Азиатско-Тихоокеанский регион» и продвигать ТТП, чтобы сформировать тенденцию сдерживания и сдерживания против Китая. В то же время, чтобы способствовать установлению ТТИР («Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство», Transatlantic Trade and Investment Partnership) с европейскими союзниками, Евразия была зажата с запада. «План Нового шелкового пути» впервые был разработан профессором Фредериком Старром из Университета Джона Хопкинса. Первоначально он предложил план экономического развития, направленный на соединение Индии и Европы и пересечение Афганистана и Центральной Азии, надеясь сформировать новый Шелковый путь, подобный Шелковому пути, который исторически соединял Китай и Европу. Позже он был заимствован правительством США и изменил свою природу, став геоэкономическим, политическим и эксклюзивным. Соединенные Штаты уже давно терпят поражение в Афганистане, и выгоды не стоят потерь. «С одной стороны, если мы хотим вывести войска из Афганистана и избавиться от этого бремени, нам нужно, чтобы международное сообщество, особенно соседние с Афганистаном страны, такие как Индия, «подняли фонды»; с другой стороны, мы надеемся сохранить доминирующее положение Соединенных Штатов в регионе «Большая Центральная Азия» и исключить влияние Китая и России в этом регионе» [6]. В июле 2011 года тогдашний госсекретарь США Хиллари Клинтон впервые четко предложила «План Нового шелкового пути» во время участия Индии во Втором американо-индийском стратегическом диалоге. Его главная цель – воспользоваться выгодным географическим положением Афганистана, превратить Афганистан в региональный транспортный и торговый центр, а также содействовать экономической интеграции и межрегиональной торговле Южной и Центральной Азии, соединить и развивать «Большую Центральную Азию» и добиться устойчивого развития экономики Афганистана [6].

2. Различие между «Экономическим поясом Шелкового пути» и «Планом Нового шелкового пути». Китайский «Экономический пояс Шелкового пути» имеет глубокое историческое наследие и уходит корнями в традиционные исторические, культурные и религиозные связи

между Китаем и Евразией. Соединенные Штаты не имеют ничего общего с «Шелковым путем» в истории и географии, и предлагаемый ими «Новый шелковый путь» далек от «Экономического пояса Шелкового пути».

Во-первых, существуют очевидные различия в целях, планировании и масштабах этих двух проектов.

Основной целью «Экономического пояса Шелкового пути» является стимулирование экономического развития центральных и западных регионов Китая, снижение зависимости от морских торговых путей и создание стабильного стратегического пространства на западе. Согласно этому, «Экономический пояс Шелкового пути» – это большой сухопутный канал, который охватывает Евразию и связывает транспорт и торговлю между Китаем и Западом. Он проходит с востока на запад, из Китая через Центральную Азию и Западную Азию в Европу.

«Новый шелковый путь» был предложен Соединенными Штатами для решения афганской дилеммы. Соединенные Штаты надеются воспользоваться выгодным географическим положением Афганистана, превратить его в региональный транспортный и торговый центр, а также содействовать экономической интеграции и межрегиональной торговле в Южной и Центральной Азии, чтобы стабилизировать внутреннюю и внешнюю ситуацию в Афганистане и решить проблемы выживания и развития Афганистана после ухода Соединенных Штатов. Конечно, усиление зависимости Центральной Азии от Соединенных Штатов и отчуждение России и Китая также является важной целью плана. Таким образом, «Новый шелковый путь», как правило, проходит с севера на юг, из стран Центральной Азии через Афганистан в Пакистан и Индию, исключая Китай и Россию.

По географическим и транспортным причинам, принимая во внимание стоимость и другие факторы, «Новый Шелковый путь» в Соединенных Штатах не включает Цинхай-Тибетское плато, а идет на юг вдоль Цинхай-Тибетского плато. Китайский «Экономический пояс Шелкового пути» включает в себя шесть основных прилегающих экономических коридоров, а именно: экономический коридор Китай-Россия-Монголия, экономический коридор Китай-Центральная Азия, экономический коридор Китай-Центральная Азия – Персидский залив, экономический коридор Китай-Пакистан, экономический коридор Китай-Бангладеш-Индия-Мьянма и экономический коридор Китай-Юго-Восточная Азия. Плато Цинхай-Тибет также включено, что не выходит за рамки национальной стратегии развития, хотя его конкретная политика все еще несколько расплывчата.

Очевидно, что «Экономический пояс Шелкового пути» является более амбициозным по планировке, более широким по охвату, более богатым и конкретным по содержанию и большим национальным инвестициям. Как национальная стратегия Китая она связана с внутренним развитием Китая. Его цель – соединить Евразию, общее развитие, взаимную выгоду

и беспроигрышную ситуацию. Это также больше соответствует первоначальному замыслу «Шелкового пути», а «Один пояс – один путь», «Морской шелковый путь XXI века», вторит ему и обеспечивает взаимное сотрудничество. В нем основное внимание уделяется экономике и торговле, а также культуре, безопасности и политике. «Новый шелковый путь» фокусируется на безопасности, а также экономике и средствах к существованию людей. Это региональная и национальная стратегия управления Соединенных Штатов. Ее целью является решение региональных проблем борьбы с терроризмом и безопасности. Ее продвигают дипломатические службы и службы безопасности США. Она не имеет никакого отношения к внутреннему развитию Соединенных Штатов. Это не национальная стратегия Соединенных Штатов.

Во-вторых, мотивы этих двух инициатив отличаются от их положения в национальной стратегической системе.

Продвижение Китаем «Экономического пояса Шелкового пути» в основном обусловлено его собственными внутренними потребностями, которые отражаются на уровне экономики и безопасности. На экономическом уровне Китаю необходимо решить внутренний дисбаланс развития «богатых востока и бедных запада». Если западная часть Китая будет связана с Центральной Азией, Западной Азией и даже Европой, западная часть окажется в центре торговли и транспорта на Евразийском пути, что неизбежно будет в значительной степени способствовать экономическому росту западной части и поможет сбалансировать развитие востока и Запада. На уровне безопасности Китаю необходимо создать процветающее и стабильное внешнее стратегическое пространство на западе, чтобы защитить свою собственную безопасность. В частности, регион Синьцзян всегда сталкивался с угрозой со стороны «трех сил», а «три силы» имеют тесные контакты с экстремистскими силами в Центральной Азии и других зарубежных регионах. Только путем достижения общего и стабильного развития прилегающих районов можно будет полностью устранить почву, на которой размножается экстремизм, и угрозы безопасности, с которыми сталкивается Синьцзян, могут быть в корне устранены.

«Новый шелковый путь» Соединенных Штатов в основном базируется на внешних потребностях и призван решить афганскую проблему. Это стратегическое действие в борьбе за гегемонию и носит несколько спекулятивный характер. Соединенные Штаты стремятся избавиться от трясины войны в Афганистане, но не желают отказываться от своего влияния в Афганистане и Центральной Азии, поэтому они пытаются достичь этих двух противоречивых целей с помощью плана «Новый шелковый путь». Независимо от того, будет ли «Новый шелковый путь» успешным или нет, Соединенные Штаты выведут войска из Афганистана в соответствии с установленным планом, который показывает, что этот план является не более чем попыткой

Соединенных Штатов максимизировать свои собственные интересы. Он не имеет реального стратегического значения и носит весьма спекулятивный характер. С этой точки зрения американский «План Нового шелкового пути» имеет «экзогенную природу», а китайский «Экономический пояс Шелкового пути» имеет «эндогенную природу» [7].

Таким образом, позиции «Экономического пояса Шелкового пути» и «Нового Шелкового пути» в стратегических системах Китая и Соединенных Штатов различны. Первый лежит в основе национальной стратегии Китая и связан с внутренним развитием Китая; второй находится на краю стратегической системы США и не связан с внутренним развитием Соединенных Штатов. В результате Китай обязан проявлять большую активность и стойкость, чем Соединенные Штаты, в продвижении проекта «Шелковый путь», кроме этого, готов заплатить за это большую цену.

В-третьих, у них разная степень открытости внешнему миру.

«Экономический пояс Шелкового пути» – это открытый и неисключительный план экономического сотрудничества, который в основном отражается в двух аспектах. Прежде всего, участники открыты. Китай приветствует страны вдоль маршрута, которые готовы участвовать в сотрудничестве, чтобы активно присоединиться к ним и совместно создать процветающий экономический пояс. Во-вторых, выступает за совместное сотрудничество между многими странами для взаимной выгоды и взаимовыгодной ситуации. Китай не считает, что он должен возглавлять этот экономический пояс, но приветствует совместную роль всех стран.

«Новый Шелковый путь» является относительно закрытым и эксклюзивным. «Новый шелковый путь» возглавляется Соединенными Штатами, и участники отбираются исключительно исходя из их собственных потребностей. Он четко ограничил свое членство пятью странами Центральной Азии, Афганистаном, Индией и Пакистаном, и решительно исключил такие важные державы, как Китай и Россия. Хотя некоторые официальные лица США заявили, что они хотят подключиться к Экономическому поясу Шелкового пути [8].

В процессе строительства «Экономического пояса Шелкового пути» Китай был искренним и терпимым и сформировал сообщество, основанное на концепции общего развития и равной ответственности. Стратегии развития Китая и соседних стран взаимосвязаны и идут рука об руку. Это в корне отличается от «Нового Шелкового пути», продвигаемого странами-гегемонами, цель которого контролировать жизненную силу экономик других стран, изменять политические системы других стран и служить геополитике [3].

В-четвертых, у них разное отношение к России и Монголии, и их отношения с Евразийским союзом тоже разные.

И планы «Экономического пояса Шелкового пути», и планы «Нового шелкового пути» сосредоточены на сердце Евразии, а Россия является бывшим сюзереном центра Евразии, а теперь ведущей страной евразийской интеграции. Это должно быть фактором, который необходимо учитывать. Но в настоящее время, похоже, у них очень разное отношение к России.

Китай и Россия являются всеобъемлющими стратегическими партнерами сотрудничества. В связи с этим председатель КНР Си Цзиньпин сказал президенту В.В. Путину, присутствующему на зимних Олимпийских играх в Сочи: «Китай и Россия – хорошие соседи, хорошие партнеры и хорошие друзья» [7]. Китай полностью признает исторические связи, практические интересы и проблемы между Россией и Центральной Азией, уважает и признает особый статус России в Центральной Азии и приветствует присоединение России к совместному строительству стабильного и процветающего экономического пояса через Евразию, который может не только принести значительные экономические выгоды двум странам, но и также создать стабильный и надежный периферийный пояс обоюдной стратегической поддержки, что чрезвычайно выгодно как для Китая, так и для России. Поэтому, откровенно говоря, китайский «Экономический пояс Шелкового пути» с самого начала оставлял много места для России. В мае 2015 года главы государств Китая и России приняли совместное заявление о стыковке и сотрудничестве между «Экономическим поясом Шелкового пути» и Евразийским экономическим союзом.

Самым важным объектом предотвращения и неприятия «Нового шелкового пути» в Соединенных Штатах является Россия. Транспортировка центральноазиатских нефтегазовых ресурсов в Индию через Афганистан в значительной степени должна открыть новый канал для экспорта энергоносителей из Центральной Азии без прохождения через Россию и снизить транспортную зависимость стран Центральной Азии от России. Соединенные Штаты пытались оторвать страны Центральной Азии от России и разорвать связи между ними. Это все еще не отошло от парадигмы превентивного сдерживания Советского Союза времен холодной войны.

Очевидно, что «Новый шелковый путь» пока не включает Монголию, и нет официального консенсуса и договоренности о стыковке сотрудничества между ней и Евразийским экономическим союзом. «Экономический пояс Шелкового пути» не только соединяется с Евразийским союзом, но и охватывает Монголию. Три страны – Китай, Россия и Монголия – соединены горами и реками, окружающая природная среда схожа, а географические, исторические, экономические и культурные связи тесны. Монголия является трансграничной страной среди трех стран. «Один пояс, один путь» и Монгольская степная дорога сформировали экономический коридор Китай-Россия-Монголия. Он включает в себя два канала: первый берет

Уланчаб, Автономный район Внутренней Монголии нашей страны, в качестве узла и входит в Монголию через Эрлианхот «Пастбищная дорога», прибывает в Улан-Батор и попадает в Россию через монгольский пограничный город Сухбатол, где пересекается с Транссибирской магистралью в Улан-Удэ, и идет непосредственно в Европейскую часть России; второй проходит через северо-восточный проход нашей страны, от Даляня, Шэньяна, Чанчуня, Харбина до Маньчжурии, и соединен с Российской Транссибирской магистралью через Читу в России [4]. Экономическая дипломатия, подключение объектов, местное сотрудничество, энергетическая дипломатия и культурное сотрудничество соединены для создания экономического коридора Китай-Россия-Монголия. При этом Монголия может использовать это, чтобы получить доступ к морю и избежать недостатков ландшафта. Китай и Россия также являются крупнейшими соседями Монголии.

3. Сходство между «Экономическим поясом Шелкового пути» и «Новым шелковым путем». Различия между «Экономическим поясом Шелкового пути» и «Новым Шелковым путем» значительны и очевидны, но есть также определенные точки соприкосновения, все они названы в честь «Шелкового пути». Кроме того, есть сходства в следующих аспектах.

Прежде всего, общим является географический охват, а именно Центральная Азия. Хотя оба плана имеют направление восток-запад и направление север-юг, оба рассматривают Центральную Азию как чрезвычайно важный составной регион плана. Его основная сфера охвата находится в самом сердце Евразии, а его географическое и стратегическое положение является выдающимся. Например, Китай предложил коридор развития Китай-Центральная Азия-Западная Азия, а также Китайско-Пакистанский экономический коридор, экономический коридор Китай-Бангладеш-Индия-Мьянма и особенно Китайско-Пакистанский экономический коридор. Существует много конкретных проектов и практических действий. По сравнению с «Новым шелковым путем» в Соединенных Штатах китайский вариант гораздо более конкретен и прагматичен.

Во-вторых, стратегической целью обоих является содействие улучшению ситуации в области региональной безопасности посредством экономического и торгового развития. Китай надеется создать хорошую стратегическую зону поддержки для безопасности китайского региона Синьцзян и западных регионов за счет экономического процветания и развития Центральной Азии и других стран, в то время как Соединенные Штаты надеются создать хорошие региональные условия для безопасности, стабильности и процветания Афганистана за счет экономического развития Центральной Азии. На данный момент в фокусе внимания этих двух компаний есть что-то общее.

В-третьих, с точки зрения конкретного содержания сотрудничества все они придадут большое значение строительству инфраструктуры и сотрудничеству в области энергетики. И Китай, и Соединенные Штаты, очевидно, осознают ограничения отсталой инфраструктуры в Центральной Азии на развитие сотрудничества, и они также осознают важную ценность огромных энергетических запасов, содержащихся в Центральной Азии и других регионах. Поэтому как в планах «Экономического пояса Шелкового пути», так и в планах «Нового Шелкового пути» подчеркивается необходимость энергичного усиления строительства региональной инфраструктуры, включая железные дороги, автомобильные дороги и авиацию, и подчеркивается важность экспорта нефтегазовых ресурсов из Центральной Азии и других регионов.

В-четвертых, все они продвигаются силой великих держав, и все они требуют жертв или даже жертвоприношений. План «Новый шелковый путь» продвигается исключительно Соединенными Штатами; «Экономический пояс Шелкового пути» выступает за совместное строительство и совместное использование. Его совместно продвигают Китай и Россия, и он связан с Евразийским экономическим союзом. Индия сыграла важную роль в обоих аспектах [1].

Наконец, разработка и того и другого нелегка, существует много ограничений и существует неопределенность. Например, Соединенные Штаты первоначально планировали вывести войска из Афганистана в 2014 году, но позже объявили о задержке вывода из-за развития ситуации. Кризис на Украине и изменения в ситуации на Ближнем Востоке также оказали негативное влияние на строительство Китаем «Экономического пояса Шелкового пути».

Выводы. Несмотря на некоторые сходства, две инициативы сильно отличаются друг от друга по своим историческим предпосылкам, регионам, которые они охватывают, а также по их специфическому содержанию и направленности, характеристикам, характеру, состоянию и перспективам. Для Китая, сосредоточенного на Азии, Европе и на Центральной Азии, это не только внутренняя и внешняя связь, которая проистекает из потребностей внутреннего развития, но и национальная стратегия, которая подчеркивает сотрудничество и взаимовыгодность; Соединенные Штаты основное внимание уделяют Афганистану, исключая Китай и Россию. За исключением Монголии, нет внутренней и внешней связи, но это всего лишь региональная дипломатическая стратегия, соединяющая Центральную Азию и Южную Азию. Она вытекает из потребностей геостратегии Азии и является второстепенным компонентом стратегии глобальной гегемонии Соединенных Штатов, которая является довольно эксклюзивной и закрытой. Хотя в «Экономическом поясе Шелкового пути» также есть относительно ключевые страны, ключевые регионы и ключевые проекты, его

пространственный охват больше, чем у «Нового Шелкового пути», включая страны вдоль древнего Шелкового пути, поэтому легче заручиться поддержкой своей собственной страны и соседних стран. В январе 2017 года кандидат в президенты США от Республиканской партии Трамп победил кандидата в президенты от Демократической партии Хиллари Клинтон. По сравнению с «интернационализмом» Хиллари, Трамп больше фокусируется на Соединенных Штатах, и не желает брать на себя международные обязательства. «Экономический пояс Шелкового пути» в основном продвигается китайским правительством и набирает обороты. Он все еще требует долгосрочной напряженной работы, и остается открытым вопрос, сможет ли он, наконец, укорениться в Азии и Европе и стать устойчивым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ли Син李兴, Чэн Чжицзе成志杰. Чжуньэинь – Яоу цзиньчжуан гоцзя ши туйдун сычоу чжилу цзинцидай цзяньшэдэ гуаньцзянь лилян中俄印—亚欧金砖国家是推动丝绸之路经济带建设的关键力量 [Страны БРИКС Китай-Россия-Индия-Азия-Европа являются ключевыми силами в продвижении строительства Экономического пояса Шелкового пути] // Жэньвэнь цзачжи人文杂志 [Журнал гуманитарных наук]. 2015. № 1.

2. Си Цзиньпин习近平. Чуансинь хэцзо моши гунтун цзяньшэ «Сычоу чжилу цзинцида» 创新合作模式共同建设“丝绸之路经济带” [Инновационная модель сотрудничества для совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути»]. 07.09.2013 // <http://politics.people.com.cn/n/2013/0907/c1024-22840801.html>.

3. «Сычоучжилуцзинцидай» Гоусяндэбэйцзин, цяньцзайтяочжаньхэвэйлайцзоуши “丝绸之路经济带”构想的背景、潜在挑战和未来走势 [Предпосылки, потенциальные проблемы и будущие тенденции концепции «Экономического пояса Шелкового пути»] // Оуяцзинци欧亚经济[Евразийская экономика]. 2014. № 4.

4. Цзян Чжэньцзюнь姜振军. Чжуньэ гунтун цзяньшэ «Идай илу» Юй шуанбянь цзинмао хэцзо яньцзю中俄共同建设“一带一路”与双边经贸合作研究 [Исследование совместного китайско-российского строительства «Пояса и пути» и двустороннего экономического и торгового сотрудничества] // Элосы дуньюу чжунья яньцзю俄罗斯东欧中亚研究 [Российские исследования по Восточной Европе и Центральной Азии]. 2015. № 4.

5. Чжао Цзянлин赵江林. Чжунмэй сычоучжилу чжаньлюэ бицзяо яньцзю – Цзяньлунь мэйгосиньсычоучжилу чжаньлюэ дуй чжунгодэ тэшуи中美丝绸之路战略比较研究—兼论美国新丝绸之路战略对中国的特殊意义 [Сравнительное исследование китайско-американской стратегии Шелкового пути и особого значения Стратегии Нового Шелкового пути]

США для Китая]. Бэйцзин北京 : Шэхуэйкэсюэвэньсяньчубаньшэ社会科学文献出版社, 2015. № 10.

6. Чжао Чжэнь赵臻. Мэйго «Синь сычоучжилу» Чжаньлюэ цзяньси 美国 «新丝绸之路» 战略简析[Краткий анализ стратегии США «Новый шелковый путь»] // Цзямусы цзяюй сюэюань сюэбао佳木斯教育学院学报 [Журнал Института образования Цзямуси]. 2012. № 10.

7. Чэнь Чжи陈贇, Цянь Тун钱彤. Сицзиньпин хуэйцзянь элосы цзунтун пуцзин习近平会见俄罗斯总统普京 [Си Цзиньпин встречается с президентом России Владимиром Путиным]. 06.02.2014 // <http://politics.people.com.cn/n/2014/0206/c1024-24285729.html>.

8. Antony J. Blinken. Anenduring Visionfor Central Asia. 31.03.2015 // <http://www.state.gov/s/d/2015/240013.htm>.

WANG JUNTAO
Political Candidate Sci., Associate Professor
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
Saint Petersburg, Russia

«SILK ROAD ECONOMIC BELT» AND «NEW SILK ROAD PLAN»

This article compares and analyzes the Chinese Silk Road Economic Belt Initiative and the American New Silk Road Initiative in terms of purpose, program, scale, motivation, position in their respective strategic system, degree of openness, as well as attitudes towards Russia and Mongolia. The aim of the study is to analyze and identify significant differences and similarities between the Chinese initiative «Silk Road Economic Belt» and the American initiative «New Silk Road». Empirical research methods, search and analysis of information from mass media, analysis and comparison of data, comparison and generalization were used in the work.

Results. This article reveals that the Chinese Silk Road Economic Belt Initiative is guided by the point of view of justice and benefit, which is to achieve common development by giving more and taking less, and sharing the sacrifices. This makes China's Silk Road Economic Belt initiative fundamentally different from the hegemon country's New Silk Road initiative, whose deep purpose is to control the economic life paths of other countries, change the political systems of other countries and serve their own geopolitics.

Conclusions. Although the Chinese Silk Road Economic Belt and the American New Silk Road Initiative have similar names and can generally be classified as diplomatic initiatives that intersect in Central Asia with the aim of economic development and improving people's living conditions, there is space for integration and cooperation between them.

Key words: *Silk Road Economic Belt, New Silk Road Plan, China, United States.*

И.В. КОЛОСОВА

кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии и политической философии
Дипломатической академии МИД России,
Россия, г. Москва

ДАЛАЙ-ЛАМА ТЕНЗИН ГЬЯЦО – ПОСОЛ МИРА И МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО СОГЛАСИЯ

В статье рассматриваются основные вехи биографии и деятельности буддийского духовного лидера далай-ламы XIV Тензина Гьяцо. Исследуется позиция далай-ламы по тибетскому вопросу, которая основана на политике ненасилия. В 1989 г. за усилия по мирному урегулированию тибетской проблемы далай-лама был удостоен Нобелевской премии мира. Вслед за Джавахарлалом Неру, опираясь на принцип «ахимсы», далай-лама развивает культуру мира как необходимую основу для урегулирования международных конфликтов. 11 марта 2011 г. далай-лама снял с себя политические полномочия, сосредоточившись на духовной миссии и четырех основных обязательствах своей жизни: защите общечеловеческих ценностей; межрелигиозном согласии и гармонии; решении экологических проблем; сохранении и восстановлении древнеиндийского философского и культурного наследия. Как посол мира и межрелигиозного согласия буддийский духовный лидер вносит важный вклад в формирование глобального мышления с опорой на общечеловеческие ценности.

Ключевые слова: далай-лама XIV Тензин Гьяцо, буддизм, Тибет, ахимса, Нобелевская премия мира, общечеловеческие ценности, межрелигиозный диалог.

6 июля 2022 г. буддийскому духовному лидеру, всемирно известному общественному деятелю, нобелевскому лауреату премии мира далай-ламе XIV Тензину Гьяцо исполнилось восемьдесят семь лет. День рождения далай-ламы широко отмечается буддистами по всему миру. Во всех буддийских храмах России прошли торжественные молебны. В Москве в Доме Кино по случаю дня рождения Его Святейшества прошел торжественный вечер, в котором приняли участие представители буддийского сообщества России [1].

Тензин Гьяцо родился на северо-востоке Тибета в крестьянской семье. В возрасте двух лет, в соответствии с традицией, он был признан реинкарнацией далай-ламы XIII. Согласно верованиям тибетцев, буддийские духовные лидеры, признанные воплощением внеличностного совершенного потенциала ума просветленных существ, постоянно перерождаются с целью продолжить свою духовную работу. В связи с этим в Тибете сложился институт тулку (лам-перерожденцев), не имеющий аналогов в других культурах. Он является альтернативой институту кровно-родственного наследования и выборам при выдвижении политических и религиозных лидеров [7. С. 71-80].

Когда мальчику исполнилось четыре года, он был торжественно возведен на «Львиный трон» – престол тибетского далай-ламы. В шесть лет он начал получать монашеское образование, а в 1959 г. завершил его со званием доктора буддийской философии. Достигнув совершеннолетия, Далай-лама принял на себя полноту политической власти Тибета, существовавшего автономно *de facto* в период гоминьдановского Китая.

После прихода к власти коммунистов в КНР ситуация в корне изменилась. Построение социалистического Тибета в рамках унитарного китайского государства стало основной целью стратегического курса центрального правительства КНР. В 1951 г., в соответствии с соглашением с пекинскими властями, Тибет вошел в состав КНР на правах автономного района. Однако силовое внедрение чуждой Тибету цивилизационной модели, повлекло за собой длительный конфликт на этнокультурной почве, который остается неразрешенным по сей день.

В 1959 г. в Лхасе развернулись массовые антикитайские восстания, которые были подавлены армией Пекина. Сам далай-лама и многие его сторонники были вынуждены бежать горными тропами в Индию, где в Дхарамсале образовали тибетское «правительство в изгнании» [8. С. 584]. Тибет в плане духовного и политического руководства оказался разделенным между центральным правительством КНР, осуществляющим управление тибетской автономией, и «правительством в изгнании», возглавляемым далай-ламой.

Позиция далай-ламы по тибетскому вопросу всегда характеризовалась умеренностью. В отличие от радикально настроенных тибетских кругов, призывающих к самостоятельности Тибета, далай-лама, являющийся приверженцем мирного решения тибетского вопроса, предложил «срединный путь», заключающийся только в расширении автономии Тибета в составе КНР.

В сентябре 1987 г. он провозгласил политическую программу, получившую название «зона ахимсы», или «зона мира». Ахимса (санскр. «непричинение вреда», «ненасилие») представляет собой один из ключевых принципов дхармических религий, предполагающий отказ от причинения вреда всем живым существам словом, делом или намерением. Принцип ахимсы

был положен в основу политики Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру. Руководствуясь принципом ахимсы, Махатма Ганди разработал политико-философское учение, получившее название «сатьяграха» (санскр. «стояние в истине», «упорство в истине») [9. С. 272-276]. Целью сатьяграхи является ненасильственное сопротивление, цель которого превращение враждующих сторон в союзников. В соответствии с теорией Ганди, ненасилие прерывает спираль зла, в то время как насилие приводит лишь к увеличению насилия. Махатма Ганди подчеркивал, что сатьяграха – это не оружие слабых, а напротив путь сильных духом.

Далай-лама предлагает рассматривать тибетский вопрос с позиции экологии, культуры и прав человека. Богатый полезными ископаемыми и урановыми рудниками Тибет как «зона мира» должен быть освобожден от любых видов оружия и стать местом гармоничного сосуществования человека и природы. Программа далай-ламы заключается в расширении «полностью демилитаризованной зоны ненасилия» [14. Р. 123-153]. Выступив перед Конгрессом США, он предложил план урегулирования, состоявший из пяти пунктов: превращение Тибета в «зону ахимсы»; отказ от политики культурной ассимиляции; уважение к правам человека; восстановление и охрана окружающей среды, включая отказ от использования территории Тибета для производства ядерного оружия и захоронения атомных отходов; начало китайско-тибетских переговоров о статусе Тибета. Годом позже со своей политической программой далай-лама выступил в Европарламенте в Страсбурге. Выступая на различных международных площадках, он добился привлечения внимания мировой общественности к тибетскому вопросу. В последующие годы популярность тибетского духовного лидера значительно возросла.

В 1989 г. за предложенную далай-ламой программу ненасильственного решения тибетской проблемы он был удостоен Нобелевской премии мира. Нобелевский комитет отметил, что далай-лама является преемником ненасильственного подхода, провозглашенного Махатмой Ганди. Руководствуясь принципом «ахимсы», далай-лама развивает культуру мира, выдвигая «конструктивные и дальновидные предложения для разрешения международных конфликтов, вопросов прав человека и экологических проблем» [6].

10 марта 2011 года далай-лама принял беспрецедентное в истории тибетского народа решение – отказался от своего политического статуса, передав полномочия выборному должностному лицу – старшему министру тибетского правительства в изгнании, оставив за собой лишь духовное руководство Тибетом и буддийской сангхой.

На сегодняшний день тибетский духовный лидер является общественной фигурой мирового значения. Он много путешествует, выступает на различных международных площадках. Далай-лама получил более восьмидесяти наград, почетных докторских степеней и премий, опубликовал

более семидесяти книг, среди которых всемирно известный труд «Этика для нового тысячелетия» [12. С. 238], представляющий собой нравственно-этическое послание для человечества. В марте 2012 г. Фондом Джона Темплотона далай-лама был объявлен лауреатом премии «за исключительный вклад в укрепление духовности».

Далай-лама провозгласил четыре основные обязательства, исполнять которые он считает долгом своей жизни. Первое обязательство – это защита общечеловеческих ценностей, таких как любовь, сострадание, доброта, умение прощать и довольствоваться малым. Опираясь на учение Будды, далай-лама подчеркивает равенство всех живых существ и их стремление к счастью.

Вторым обязательством своей жизни буддийский лидер считает необходимость установления гармонии и взаимопонимания в отношениях между крупнейшими религиозными традициями.

Согласно буддийской философии счастье – это результат просветленного ума, тогда как страдание – удел существ, которые не видят истинной реальности. Будучи ограниченными своими собственными представлениями об этой реальности, люди страдают, лишив себя способности испытать счастье. Каждое действие, которое является результатом ограниченного ума, находится в дисгармонии с реальностью. Сегодня в разных уголках планеты продолжает раздуваться пламя конфликта под флагом религии, когда люди готовы брать в руки оружие во имя религии вследствие искаженного восприятия, которое не позволяет им постичь истинный смысл исповедуемых ими верований. Далай-лама подчеркивает, что, если всерьез рассмотреть конфликты, возникшие на религиозной почве, в большинстве случаев обнаруживается, что в их основе лежат не религиозные разногласия, а стремление к обретению экономического влияния и политической власти [15]. Особую опасность представляет искажающая догматику традиционных религий политизированная религиозность. Религиозно мотивированный экстремизм и терроризм не должны бросать тень на религиозную традицию в целом. Выступая на встрече с мусульманским сообществом в Лехе в июле 2014 г. далай-лама отметил: «Будучи буддистом, я должен попросить у Вас прощения за бирманских буддистов, а также буддистов Шри-Ланки, которые причинили вред мусульманам. Мне очень стыдно. Когда я впервые услышал, что буддийские террористы учинили мусульманские погромы, я... обратился к ним со словами: «Пожалуйста, представьте лик Будды. Если бы Будда был там, он встал бы на защиту мусульман. Я в этом уверен»» [2].

Далай-лама подчеркивает необходимость формирования основных принципов диалога религий. Культура диалога предполагает открытость и доверие, которые на практике нередко подменяются протокольной имитацией диалога. В межрелигиозном диалоге очень важно создать атмосферу доверия, чтобы каждый участник смог раскрыться навстречу другому.

Несмотря на различия в догматике и философских воззрениях, традиционные религии в равной степени способны содействовать воспитанию общечеловеческих ценностей. Послание любви и сострадания проходит красной нитью через все традиционные религиозные учения. Диалог и открытое заинтересованное общение позволит представителям религиозных конфессий преодолеть отчуждение и страх перед иной культурой и религией, руководствуясь любовью и состраданием ко всему человечеству.

В 2014 г. вышла в свет книга Далай-ламы «Мое путешествие в мир духовных традиций» [3]. Его Святейшество делится собственным опытом исследования духовных традиций и предлагает личное осмысление христианства, ислама, индуизма и иудаизма. Личное общение участников диалога является наилучшим источником получения знаний. Далай-лама предлагает посещать святые места различных религий, чтобы глубже понять основы данных традиций.

Третье обязательство Его Святейшества связано с экологией и окружающей средой. Согласно буддийскому учению, природная среда и обитающие в ней живые существа находятся в тесной связи между собой. Далай-лама глубоко убежден, что «людям от природы свойственна доброта». Поэтому «следует поддерживать миролюбивые взаимоотношения не только с подобными себе человеческими существами, но также, и это очень важно, распространять такое отношение на всю природную среду. Наш нравственный долг – позаботиться об окружающей среде в целом... Сохранение окружающей среды – это не просто вопрос морали, но и вопрос нашего собственного выживания» [4], поскольку современный мир оказался на грани экологической катастрофы в связи с негативными последствиями человеческой деятельности. Далай-лама подчеркивает важность воспитания чувства всеобщей ответственности, базирующегося на любви, сострадании и осознанности.

26 октября 2020 г. далай-лама выступил с официальным обращением в связи ратификацией Договора ООН о запрещении ядерного оружия. Он отметил: «Сейчас мир сделал первый уверенный шаг к более мирному будущему, но нашей конечной целью должно стать разоружение всей планеты... В интересах каждого человека жить в мире, свободном от ядерного оружия. Сегодняшняя действительность такова, что для разрешения конфликтов нам нужно проявлять взаимопонимание и вести диалог» [10].

Четвертое обязательство далай-ламы связано с необходимостью сохранения и восстановления древнеиндийского философского и культурного наследия. По мнению Его Святейшества, в силу исторических причин у Индии есть уникальная возможность сочетать богатейшие древние методы познания и достижения современной науки. Созерцательные практики и методы интроспекции могут стать объектом исследования академической науки, что в дальнейшем принесет пользу современному обществу.

Одним из таких проектов стал Институт «Ум и жизнь» в США [11], представляющий собой первую в истории международную площадку диалога академической науки и буддийских созерцательных традиций.

Далай-лама последовательно воплощает в жизнь философию мира, основанную на глубоком уважении ко всем живым существам. Как посол мира и межрелигиозного согласия буддийский духовный лидер вносит важный вклад в формирование глобального мышления с опорой на общечеловеческие ценности. В своих выступлениях далай-лама подчеркивает необходимость для каждого прилагать усилия по преобразованию своего внутреннего мира, вследствие чего происходит раскрытие истинной природы человека. Общечеловеческие ценности, такие как: добро, любовь, сострадание и прощение, являются краеугольным камнем устойчивости личности. Важнейшую роль в воспитании людей на основе общечеловеческих ценностей играют традиционные религии, представители которых призваны претворять эти ценности в жизнь. Формирование нравственно-этических основ в обществе должно стать одной из важнейших задач межрелигиозного диалога и сотрудничества.

Ключевой характеристикой реальности, в которой существует человечество, является взаимозависимость и взаимная ответственность. Применение силы в условиях взаимозависимости является самым нежелательным способом решения проблем: «стоит вам встать на путь насилия, как дальнейший ход событий становится непредсказуемым», – подчеркивает Далай-лама [5]. Принцип «ахимсы» представляет собой взаимосвязь «внутреннего и внешнего разоружения» [13], необходимого для построения прочного и стабильного мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. В Москве отпраздновали день рождения Далай-ламы // <http://savetibet.ru/2022/07/07/dalai-lama-birthday-moscow.html>.
2. *Далай-лама*. Обращение к мусульманскому сообществу в Лехе, 16 июля 2014 г. // <http://savetibet.ru/2014/10/16/dalailama.html>.
3. *Далай-лама*. Мое путешествие в мир духовных традиций. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2014.
4. *Далай-лама*. Экология и человеческое сердце // <https://dalailama.ru/messages/624-ecology-and-the-human-heart.html>.
5. *Далай-лама*. Больше чем религия. Этика для всего мира. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2020.
6. День далай-ламы: свобода в изгнании // <https://radiosputnik.ria.ru/20210706/dalay-lama-1739592456.html>.
7. *Колосова И.В.* Проблемы сохранения культурного наследия Тибета // Мир и политика. 2011. № 6.

8. Кузьмин С.Л. Скрытый Тибет. М., 2020.
9. Михель Д.В., Михель И.В. Упорство в истине: философия и политика Махатмы Ганди // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 3.
10. Обращение Далай-ламы в связи с Договором ООН о запрещении ядерного оружия. 26.10.2020 // <https://ru.dalailama.com/news/2020/statement-on-the-un-treaty-on-the-prohibition-of-nuclear-weapons>.
11. Официальный сайт Института «Ум и жизнь» // <https://www.mindandlife.org/>.
12. Тензин Гьяцо. Этика для нового тысячелетия. Москва: Центр тибетской культуры и информации, 2001.
13. Этика для нового тысячелетия. Публичная лекция Его Святейшества Далай-ламы в Лондонском королевском Альберт-холле 10 мая 1999 г. // http://savetibet.ru/2009/08/22/dalai_lama.html.
14. Thurman R.A. Middle Way for China and Tibet //Why the Dalai Lama Matters: His Act if Truth as the Solution for China, Tibet and the World. Simon and Schuster, 2008.
15. Virtual Talk Series on His Holiness the Dalai Lama's Four Principal Commitments: Russian Panel // https://www.youtube.com/watch?v=6Jznw6_dRnI.

I.V. KOLOSOVA

*PhD (history), Associate professor of Politology
and Political Philosophy Department, Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

DALAI-LAMA TENZIN GYATSO – AMBASSADOR OF PEACE AND INTERRELIGIOUS COHESION

The article considers the main milestones of biography and activities of the Buddhist spiritual leader the 14th Dalai-Lama Tenzin Gyatso. It explores the position of Dalai-Lama regarding the Tibetan issue, which is based on non-violence policy. In 1989 for advocating peaceful solutions of the problem of Tibet the Dalai-Lama was honored with the Nobel Peace Prize. Following Jawaharlal Nehru, Dalai-Lama develops on the principle of “ahimsa” the culture of peace as the main base for settlement of the international conflicts. On March 11, 2011 Dalai-Lama relinquished the reins as political leader, concentrating on spiritual mission and the four main commitments of his life: protection of universal values; interreligious cohesion and harmony; solution of ecological issues; maintenance and restoration of the ancient Indian philosophical and cultural heritage. As the ambassador of peace and interreligious cohesion the Buddhist spiritual leader makes an important contribution to the development of global thinking based on the universal human values.

Key words: *the 14th Dalai-Lama Tenzin Gyatso, Buddhism, Tibet, ahimsa, Nobel Peace Prize, universal values, interreligious dialogue.*

МЕХМЕТ УРПЕР

старший преподаватель кафедры международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ ЧАСТЬ 1

Данная статья посвящена вопросу о роли и значимости исламского фактора во внешней и внутренней политике государства Турции, в начале XXI столетия. Помимо этого, в центре внимания находится концепция мировосприятия Исламского фактора, который является чрезвычайно важным и актуальным понятием, в качестве основного источника развития конфликтных событий конфессионального характера глобального и регионального масштаба. В данной статье пытаемся анализировать концепцию исламского фактора в качестве политического инструмента при формировании и развитии внутренней и внешней политической деятельности Партии Справедливости и Развития, в период после 2002 года. Кроме того, стараемся продемонстрировать влияние религии Ислама на измерение отношений между государствами Ближневосточного региона. В этой связи предметом нашего исследования является раскол между представителями государственного аппарата приверженцев кемализма и представителями исламского политического движения с традиционным наследием Османского периода в современной политике Турции XXI века. Наша цель представить целостную картину политической активности ПСР, через призму исламского популизма внутри политической динамики Турции и данного региона. Помимо этого, предпринята попытка провести анализ влияния исламских религиозных ценностей на политическую динамику государства, а именно, какие из них ведут к появлению «Империализм 2.0.», как конечной основы внешней политики Турции, с целью формирования новой государственной «Нео-республиканской модели», особо важно, отметить, что на международной арене отношения между субъектами отчасти развиваются в условиях присутствия религиозного фактора в начале XXI века.

Ключевые слова: Турция, религиозный фактор, международные отношения, Ислам, Ближний Восток.

Введение. Общество в современном мире, разочаровавшиеся как в сегодняшних социумах, так и в проекте развития модернизации, включая пост-модернизацию, чем дальше, тем больше начинают обращать внимание на факторы, которые в разных контекстах являются альтернативными по отношению друг другу. Помимо таких явлений, как культура и цивилизация, значительную роль играет и религиозный фактор, который в разных контекстах может иметь свое абстрактное или конкретное отражение в социальной жизни различных обществ. Между тем, характер отношения современного мирового сообщества к вопросам религиозного фактора в жизни разных обществ весьма многогранен и неоднозначен как для полноценно развитых стран, так и для развивающихся стран на оси современной цивилизации. Следовательно, религиозная, или также сектантская дифференциация может стимулировать формирование основополагающих течений и террористических актов международного характера. Наряду с этим, существует факт, что для обеспечения защиты прав человека от угроз международного масштаба, международной системе необходимо учитывать то, что религия может предложить для урегулирования конфликтов, предотвращения и разрешения проблем, выходящих за рамки государств. Далее, можем отметить, что на данный момент, растущая значимость и актуальность концептуальной основы религии постепенно оказывает глубокое влияние на направление развития системы международных отношений. Однако при этом главным связующим звеном для направления международных отношений является государство-нация, и в связи с этим данная область науки в значительной степени опирается на светский и секулярный характер общества.

Можем наблюдать также, что в период, начиная с момента завершения Холодной войны, распространяемы аргументы о том, что идеологии постепенно будут заменены процессом интеграции или конфликтами в рамках системы цивилизации, которая базируется на религиозных ценностях, либо, что, в роли объединяющего звена будет выступать именно, западная цивилизация. Однако на сегодняшний момент невозможно утверждать, что существует конкретное определение понятия цивилизации. Так к примеру, западная техногенная цивилизация в отличие от восточной цивилизации, не базируется на культурных или религиозных ценностях. Следовательно, чтобы западная цивилизация могла быть всеохватывающей в жизни мирового сообщества, то должны полностью вытесняться такие понятия как религиозная идентичность, культурная идентичность и другие моральные ценности разных обществ, в разных регионах мира. Однако, если в условиях развития глобализации – это отчасти возможно,

то напротив в условиях развития деглобализационной концепции – это просто невозможно. Кроме того, система международных отношений до сих пор пытается воздержаться от необходимости открывать новые перспективы перед мультикультурной, многоконфессиональной и полицентричной глобальной системой. Это обусловлено тем, что в данном направлении науки, открытые новых перспектив могут привести к необходимости пересмотра границ разделения государств и определения их политических характеристик, а также к необходимости использования других аналитических систем [4]. Особенно в религиозном контексте, поскольку множество различных религий в мире имеют различные точки зрения [10. Р. 192-208], которые безграничны, и непонятно, как их можно привести в соответствии с теорией дисциплинарных аспектов.

В области предмета дисциплины международных отношений наблюдается традиция развития светского толкования этических ценностей и анализа событий в соответствующих рамках с целью, обеспечения возможности для удобного исследования комплексной сущности влияния религиозных факторов на развитие политических процессов и на жизнь человека. Тем не менее, при реализации этого метода наблюдается отрицательная тенденция в способности религиозных факторов, чтобы оказывать влияния не только на развитие системы международных отношений с учетом их положительных и отрицательных коннотаций, но и также, на формирование в контексте культуры уникальной системы морально-этических ценностей, а именно, на формирование той системы, какая может быть сформирована на основе религиозных, исторических и географических ценностей, которыми может обладать любое общество. Следовательно, по мнению Петтмана можем говорить, что с точки зрения дисциплины международных отношений важно не то, как определяется понятие религии и не то предположение, которое заключается в сравнении одной религии с другой или в том, что все точки зрения, которые основаны на религиозных мотивах, должны приниматься без критики [15. Р. 159]. Однако необходимо, чтобы в процессе исследования и анализа мировых событий религия была вовлечена в процесс разработки теории международных отношений. Поскольку религия отражает мировосприятие народа, выступает в качестве составляющего компонента идентичности личности и является источником легитимности общества, а также может воздействовать на политические и социальные структуры. Как в целом, на уровне аналитического подхода по изучению различных аспектов внешнеполитического характера, особенно в плане исследования религиозных факторов, можем отметить, насколько ограниченным оказывается западно-центричное понимание тех или иных вопросов для формирования общественного миропонимания [17].

Следовательно, если рассматривать текущую академическую картину развития истории и теории современных международных отношений,

то можно констатировать, что концептуальные основы теории и истории международных отношений базируются на европоцентристском секулярном мировоззрении, фундаментальные основы которого были заложены 350 лет назад. В рамках этого подхода к вопросу о роли и значении религиозной тематики в сфере политологии, особенно в системе международных отношений можно предположить, что роль религии была весьма ограничена, поскольку, с точки зрения теории политического анализа, религиозные убеждения не могли бы занимать важное место в политологии. Это обусловлено тем, что, согласно утверждениям исследователей в области международных отношений, начиная со второй половины XX века, в мировом сообществе в основном формируется идея, что якобы, религия начинает оказывать меньшее влияние на жизнь общества, поэтому в начале XXI века религиозные ценности окончательно отмирают, и религия уходит из жизни общества. Однако на рубеже XXI века появлением религии в различных формах, в том числе, религиозное влияние различными способами на международные отношения, возникновение ситуаций и событий, которые можно назвать религиозным возрождением, также свидетельствуют о крахе доктрины XX века о том, что с развитием образовательных процессов, модернизации и обновления, индустриализации, урбанизации, феномена мировой интеграции и социальной дифференциации, религия, духовность и культуры в обществе постепенно теряют свою актуальность и значимость [9. Р. 190-191]. Следовательно, в настоящее время, особенно после распада СССР и террористических атак в США одиннадцатого сентября 2001 года, все чаще ведутся дискуссии о решающей важной на сегодняшний день роли религиозной составляющей для формирования поведенческих моделей отдельных государств и неправительственных организаций. На волне террористических атак в США в сентябре 2011 года, военной интервенции США в Ираке и Афганистане и «Арабской Весны» на Ближнем Востоке религиозные вопросы вновь стали предметом академических и аналитических исследований, привлекая все большее внимание экспертов в системе международных отношений.

Между тем, по своей природе, религиозная составляющая не может удовлетворить всем требованиям общества мира, чтобы считаться полноценным и самостоятельным субъектом мировой политики, и поэтому она вынуждена действовать в тесной связке с имеющими свою политическую повестку акторами. Среди таковых акторов особо отмечаем проводников концепции «Империализма 2.0», понятие которой можно трактовать как политику государства, основывающую идеологическую составляющую, в качестве расширения власти на другие народы и страны с целью достижения экономического и политического господства, обеспечения доступа к материальным и властным ресурсам на этих территориях, посредством оказания силового давления. Политическая концепция, которая традиционно применяла

военную силу, а на современном этапе для своего применения находит новые формы силового воздействия, которые могут объясняться в русле концепции «мягкой силы». Именно, что и наблюдается в ареалах, где данная концепция уже приобрела определенный размах и создает возможности для актуализации религиозного фактора как необходимой для сопровождения такой политической повестки нормативно-ценностной основы в религиозно-политических событиях регионального или глобального масштаба.

Роль религии и ее значимость в отношениях между государствами на международной арене. С момента формирования государственных объединений в ходе исторического развития особое значение приобрели взаимоотношения государства и религии. Помимо этого, можем констатировать факт, что до возникновения первых государственных формирований, общества общинного строя объединялись преимущественно на основе семейно-родственных отношений, тогда как в общинах с более развитой и комплексной структурой их объединения определялись совокупностью общих в материальном или моральном смысле общественных интересов. По мнению многих исследователей, можно отметить, что религия имела двоякий способ влияния на структуру политического устройства в обществах государственного характера. Первый способ, это делегитимизация роли государства в обществе в общем плане во всех отношениях, а второй связан с национализацией положения религиозной деятельности в стране. Формирование бюрократической структуры, непосредственно связанной с влиянием религиозной деятельности, особенно по мере зарождения монотеистических течений, также в значительной степени влияет на важнейшую по своей значимости для государства роль религиозных ценностей в политической деятельности общества. Далее, существует мнение многих авторов, что взаимоотношения между разными по своей природе центрами власти (государством и религией), которые ориентированы на решения актуальных задач в рамках функций управления, когда одна из этих властных структур ориентирована на решение актуальных для общества задач, а другая структура власти стремится, чтобы формировать в общественной жизни отношения индивидов к установлениям «Бога» и контролирует их. Эти центры в историческом плане обусловлены тем, что обе эти властные структуры периодически пытаются добиться превосходства друг над другом. Временами подобные попытки заканчивались большими и даже во многом серьезными столкновениями вплоть до возникновения военных конфликтов, обусловленных, преимущественно, намерением трансформировать каждой из этих двух составляющих структуру системы государственности. В данном контексте ключевую позицию занимает концепция трансформации с точки зрения развития событий для каждого конкретного объекта исследования.

В современных реалиях, несмотря на то, что религиозность и государственная власть разделены на институциональном уровне, однако при этом, религия и государство определенным образом способны поддерживать взаимоотношения между собой при условии, что религия остается в современном мире самостоятельной силой. В противовес распространенному в рамках теории о секуляризации тезису о том, что в современном мире усиливается тенденция роста секулярных ценностей, вследствие которой религию все больше вытесняют на периферийной полосе, и сфера влияния религии становится все более тесной и ограниченной, однако, на самом деле в начале XXI века можно констатировать факт все более широкого возрастания религиозных ценностей и религиозного возрождения, в результате которых происходит новое становление и развитие религиозной идентичности общества. В целом можно утверждать, что данный фактор в основном выражается в форме использования государством религиозных ценностей в качестве инструмента в решении тех или иных задач наряду с обращением к религиозной составляющей в качестве основного механизма легитимации [7. Р. 15-16].

Помимо развития таких процессов, как индустриальная промышленность, а также тенденций роста модернизации и глобализации в современных обществах и обществах западной постмодернистской ориентации, наблюдается параллельный относительный рост духовности и даже рост различных традиционных форм проявления духовного развития. Это стало актуальным преимущественно в семидесятые годы прошлого века, когда как в мире, так и внутри мусульманских государств, стала активно обсуждаться тенденция роста религиозных ценностей в обществе, а точнее, возвышения и пробуждения ислама. В результате некоторых всемирно значимых событий, произошедших в мусульманском мире, пристальное внимание всего мира было привлечено по отношению в макро-плане к проблеме взаимоотношений между религией и обществом, а также к взаимоотношениям между исламом и обществом в совокупности всех аспектов данной религии. В частности, например, растущая сила групп исламского движения на территории стран Европейского Союза, равно и как «не менее активные по своей сути боевые столкновения исламских группировок» на территории государств Палестины и Ливана, «набирающие с дня на день все большую силу исламские группировки и боевые столкновения», которые возникли в разных уголках пространства распространения религиозного культа Ислама», сформировавшиеся во время распада Советского Союза Механизмы движений за независимость» и так далее. В связи с событиями такого плана моментально и актуально встал на повестку дня феномен взаимоотношений между конфессиями и обществами, а также между государством и религией [12. Р. 107-112]. Поэтому следует утверждать, что, несмотря на масштабы взаимоотношений между религией и обществом, а также

государством и религией, влияние на всю структуру социума по-прежнему остается достаточно сильным и настолько эффективным, что в политической жизни современного мира его трудно не принимать во внимание. Однако, в качестве универсального явления, как в недалеком прошлом, так и на сегодняшний день, религия занимает важное и динамическое место в современной общественной жизни и в международных отношениях.

Далее, обстоятельство в начале XXI века во многом может вызвать вопросы в отношении таких концепций, как государственный авторитет и национальный суверенитет, роль которых постепенно теряет свою актуальность. Далее, многими учеными утверждается факт, что в настоящее время международные объединения и международные транснациональные структуры выполняют многие важные для государственных систем, функции по управлению государством. Помимо этого, определяющую важную роль для международных отношений, начали занимать различные транснациональные или межправительственные структуры на международной арене.

Как и в прошлом, религия, которая служила на благо развития общества в эпоху феодального господства и в период развития абсолютной монархии, также была часто использована в качестве инструмента обоснования государственных и общественно-политических моделей, появившихся в последующие этапы развития цивилизации. На протяжении своего исторического прошлого социальные структуры воспользовались эффективным влиянием религиозного компонента, как при формировании и реализации национальных государств, также и при трансформации в более высокую степень народного волеизъявления, на котором основываются государства с демократической ориентацией. Следовательно, можем отметить, что в истории мировой политики, фактически не встречается ни одна трактовка о том, что имеются государства, которые могли бы обосновать свое существование на основе религиозной самобытности и принадлежности. В рамках современных ценностей религия, которую можно считать едва ли не самым старинным историческим инструментом государственной легитимности, также по-прежнему продолжает сохранять свою актуальность в современном обществе на базе актуальных моральных и нравственных установок. На сегодняшний день, хотя по сравнению с прошлым уменьшилось количество государственных структур, которые опираются в своей деятельности на религиозную составляющую, однако религиозные ценности по-прежнему являются актуальными и значимыми для общества. По словам Бергера, в историческом контексте религия является наиболее широким, основательным и продуктивным механизмом по обеспечению легитимности государств [14]. В международной политической практике можно привести множество убедительных случаев применения религиозных ценностей в качестве инструмента достижения легитимного статуса

в политике государства в прошлом и настоящем. В частности, например, в Османской империи оправдывали религиозными мотивами политику завоевательного захвата, заявляя, что завоевательные действия осуществляются по велению Всевышнего Аллаха. Взглянув на новейшую историю, можем наблюдать, как религия служит в качестве ориентиров во внешней политической позиции Соединенных Штатов, в политике Исламской Республики Иран и в политике государства Израиль. Далее приводим еще несколько примеров этого факта, когда Президент США Рональд Рейган однажды назвал СССР «империей зла», а Джордж Буш считает Северную Корею, Иран и Ирак «осью зла».

Эволюция развития Ислама во внутренней политике Турции. Если говорить об истории формирования и развития Турецкого государства, то можно отметить, что в Турции сохраняется осязаемый раскол в отношениях светской кемалистской элиты и приверженцев исламского политического движения. Можно говорить, что, несмотря на наличие в стране светских настроений, в государственном образовании, доминирует турецкий национализм и лаицизм, сформированный в ходе создания республики кемалистской властью. Однако, в противовес этому, существует движение, направленное на возрождение ислама в качестве социальной и политизированной составляющей идентичности, которое является противодействием реализации проекта кемализма. Важную функцию в обеспечении принятия обществом Кемалистского исламского восприятия, а также в установлении государственной защиты религиозной деятельности выполняет Управление по делам религии (УРД). Если рассматривать процесс эволюции толкования исламского мировоззрения в деятельности Управления по делам религий в рамках конфликта между кемализмом и исламизмом, то здесь следует сделать небольшое пояснение, что здесь происходит переход от кемалистской версии ислама, которую Республика стремилась распространить с момента своего основания, к исламу нового направления в виде политизированного ислама, представляемого политикой Партии Справедливости и Развития. Причиной данного перехода является «десекуляризация» Управления Религиозных Дел в период правления партии ПСР. Особенно, после консолидации своей власти в политике Турции на референдуме конституции 2010 года [13. Р. 119]. На протяжении всей истории государства довольно заметным фактором было существенное расхождение между светскими кемалистами и исламистами. Согласно оценкам многих авторов, таких как на пример Andrew Davison [6. Р. 39], Ersin Kalaycıoğlu [8], также и Sherif Mardin [16. Р. 12], можно отметить, что история данного расхождения в современной Турции начинается примерно со второй половины XIX века – начало XXI века, в период, когда были зарожжены новые исламские идеологии. Данная разновидность концепции ислама в Турции основана на различном акценте, который был сделан на исламе как на движущей

силе политического и социального характера, также и на разные способы и методы применения и использования ислама с целью объединения и управления мобилизацией мусульманского общества на территории Турецкой республики. Тут важно отметить, что с одной стороны существовала форма исламской конфессии, которая демонстрировала собой отказ ислама в форме традиционного наследия периода Османской Империи, а именно ислам, который был национализирован Турецкой Республикой с целью формирования наилучшего светского и модернизированного образа идентичности социальной правящей элиты в Турции. Однако данная идентичность поддержала ислам, до момента, пока форма существования ислама могла соответствовать требованиям турецкого национального государства, так как ислам не являлся самостоятельной силой, которая могла бы объединить народ Турции [5. Р. 3-15]. Следовательно, данную идею идентичной поддержки ислама приняли и левые политические партии Турции. Напротив этого, с другой стороны, ислам демонстрировал собой форму политической идентичности, в виде определенной реакции на проводимую политику модернизации и секулярного характера, почему и данная идентичность могла отчасти характеризоваться как процесс возрождения наследия ислама в период новой Турции. Данная форма Ислама принята была многими политическими партиями правового взгляда [8. Р. 4-20]. Исходя из этого, можем отметить, что ислам в политике Турции представлял два вида, первый вид, который с поддержкой правящей элиты мог бы отказаться от традиционного наследия Османской империи, а второй вид ислама это тот, который мог бы отчасти демонстрировать идею возрождения ислама османской эпохи.

В начале 2000 годов раскол между светскими кемалистами и исламистами стал заметным, особенно после закрытия Партии благоденствия (Refah Partisi), когда ПСР начинает принимать наследие османской традиции политического ислама. Однако, до формирования ПСР, партии добродетели (Fazilet Partisi), и Партии Счастья (Saadet) не могли быть надежными претендентами для ведущей роли движения политического Ислама, из-за идеологии в виде борьбы, которая была антисистемного характера, и также жесткой и непримиримой риторики ислама. В отличие от этих партий, ПСР позиционировала себя в качестве консервативной партии с правоцентристской идеологией. Несмотря на новый проявленный образ возрождения ислама Партией Справедливости и Развития, деятельность данной партии не осталась незамеченной республиканской кемалисткой элитой. Однако вначале ПСР не представляла собой какой-либо угрозы лаицизму, поскольку она после прихода к власти в мае 2004 году пыталась формировать программы высших образовательных учреждений, как по религиозным, так и по нерелигиозным предметам, после окончания религиозных школ (İmam Hatip Liseleri) [11. Р. 7]. Как утверждает в своей статье, профессор университета Билкент Метин Хепер, по мнению представителей военной

интеллигенции Турции, рассматривающих выпускников религиозных школ в качестве сторонников движения политического ислама, данный шаг был расценен ими именно в качестве попытки проникновения в аппарат государственного управления изнутри, так как выпускники подобных религиозных учреждений в дальнейшем имели бы возможность получения высшего образования, позволяющего в перспективе получить соответствующие государственные иерархические должности [11]. Кроме военной элиты, в то же время еще одним действующим лицом, представляющим одну из лаицистских опор государства, является президент Ахмет Недждет Сезер, который фактически наложил вето на это предложение, которое в конечном итоге было реализовано в 2011 году. Несмотря на то, что еще в 2008 году шла дискуссия о возможности закрытия ПСР, на самом деле все оказалось иначе, в 2010 году ПСР провела ряд реформ и судебных разбирательств, например, в Конституционном Суде, в связи с чем турецкой военной элите пришлось столкнуться с фактом ослабления своих полномочий, что в конечном итоге привело за собой к ослаблению господства кемалистской модели государственного устройства. В связи с этим становится заметным факт, что форма возрождения традиционного ислама эпохи Османской империи становится основным постулатом во внутренней политике ПСР. Однако ПСР, которая, в то время являлась новой политической партией, поставила в центр своего развития образ социально консервативной партии, которая одновременно придерживалась принципов либерального подхода в экономической сфере, а также соблюдала основы и принципы развития Демократической системы и демонстрировала, в отличие от своих предшественников, повышенную готовность к диалогу с Западом. Также автор Элигюр, как и некоторые другие авторы утверждают, что из-за жесткой реакции светских институтов на жесткую антигосударственную политику предыдущих партий движения политического ислама, ПСР проводил политику «Такийе», разрешенное поведение маскировки с целью продвижения и развития ислама [3. Р. 253-255]. Однако, в более позднее время ПСР, демонстрируя собой характеристики конкурентного авторитаризма, переходит к более авторитарному пониманию демократизации. Именно по этой причине можно утверждать факт, что в период после 2011 года в идеологической основе ПСР произошли значительные изменения. Главным фактом является то, что ПСР провела ряд политических мер, о которых мы выше шла речь, в виде референдума, например, что и затрудняло вмешательство военных в политику власти. Следовательно, это ослабило полномочие опекунских акторов республиканцев, в то же время, не позволяя этим акторам защищать светские основы и идеи классического республиканизма Ататюрка в Турции. То обстоятельство, что ПСР воспринимает представителей светской части общества в качестве угрозы для ее политического режима, стало заметно в трактовке протестных акций по поводу парка Гези в 2013 году [1], которые,

по словам Эрдогана, были попыткой светского меньшинства подорвать религиозные свободы, полученные в эпоху ПСР [18. Р. 36]. В целях укрепления своих полномочий ПСР внесла соответствующие изменения, как в состав Конституционного суда, так и в состав Верховного Совета Судьей и Прокуроров, кроме того, устранила власть попечителей в государственном аппарате после борьбы с организацией «Движение Гюлена» [2], которая обладала значительным влиянием в аппарате вплоть до 2013 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Загорец Я.* «Власти ничего не смогут с нами сделать». Что происходит в Стамбуле после разгона демонстраций: репортаж «Ленты.ру». 11 Июня 2013 // <https://lenta.ru/articles/2013/06/11/istanbul/>.

2. *Крючков И., Зориле Д.* Политика «Ссора расколовшая Турцию: Почему личный конфликт между Эрдоганом и Гюленом вылился в военный переворот?» // Газета. Ру. 25 Июля 2016 // https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/23_a_9707429.shtml.

3. *Banu Eligür.* “The mobilization of political Islam in Turkey”, Cambridge University Press, 2010.

4. *Buzan Barry and Albert Mathias.* Differentiation: a sociological approach to international relations theory // European journal of international relations. 2010. No 16 (3) // <https://eprints.lse.ac.uk/29487/1/Differentiation%20%28LSERO%29.pdf>.

5. *Dov Waxman.* “ISLAM AND TURKISH NATIONAL IDENTITY: A REAPPRAISAL”, 2000. VOL. XXX // <http://file.setav.org/Files/Pdf/islam-and-turkish-national-identity--ankara-univ.-year-book-2000.pdf>.

6. *Davison A.* Secularism and Revivalism in Turkey: A Hermeneutic Reconsideration. New Haven, CT and London: Yale University Press, 1998.

7. *Ejder Okumus.* “MODERNIZATION, SECULARIZATION AND RELIGION”. Dicle Üniversitesi İlahiyat Fakültesi, March 2007 // <https://kutuphane.dogus.edu.tr/mvt/pdf.php>.

8. *Ersin Kalaycıoğlu.* Political Culture. The Routledge Handbook of Modern Turkey. New York: Routledge, 2013.

9. *Featherstone M.* Consumer Culture and Postmodernism. London, 1991.

10. *Gertjan.* “When Geopolitics and Religion Fuse: A Historical Perspective”. Geopolitics, 2006. No 11 (2) // <http://indiachinainstitute.org/wp-content/uploads/2010/10/When-Geopolitics-and-Religion-Fuse.pdf>.

11. *Metin Heper.* “The Justice and Development Party Government and the Military in Turkey” // Turkish Studies. 2005 // http://repository.bilkent.edu.tr/bitstream/handle/11693/49523/The_Justice_and_Development_Party_Government_and_the_Military_in_Turkey.pdf?sequence=1.

12. *Oliv'ye Rua.* «Proval politicheskogo islama» // Editions du Seuil. 1992.

13. *Osman Öztürk*. “Spiritual Support Practices in Hospitals and its Legal Basis” *Toplum ve Hekim*. March-April 2018, cilt 33, sayı 2 // https://app.trdizin.gov.tr/dokuman-goruntule?ext=pdf&path=CrnWZGRsXTjRjLjWxD978OSUAL2jXitizhVYmCxNvH7fwoDdmyiD4lyi9_twZ7qSuljgC-ChF8iZS0gU0cUtm6uVkXh1rL5tbgSPg6FfsB1ogwDPDSH7w56H9LA6ep4CjKhJIVJ3ppYrjvp_EyWSYV2P0Av5xhd8hM_3QhdZYeHQhvr9eI5rXZfO11JuZI515TYyHmW4tiOoFjI5MzWJR0mahVW4g27ZWBqkJRfAtII=&contentType=application/pdf.

14. *Piter Lyudvig Berger*. «Sotsial'naya real'nost' religii» // <https://www.sites.google.com/site/piter0berger/home/socialnaa-realnost-religii>.

15. *Ralph Pettman*. “Reason, Culture, Religion THE METAPHYSICS OF WORLD POLITICS”. 2004 // [https://pdf.zlibcdn.com/dtoken/2264ea102eecd999ceb0ea4f00380fc7/Reason,_Culture,_Religion_The_Metaphysics_of_Worl_846825_\(z-lib.org\).pdf](https://pdf.zlibcdn.com/dtoken/2264ea102eecd999ceb0ea4f00380fc7/Reason,_Culture,_Religion_The_Metaphysics_of_Worl_846825_(z-lib.org).pdf).

16. *Serif Mardin*. “Religion, Society and Modernity in Turkey”. 2006.

17. *Timothy Shah, Monica Duffy Toft*. “Religion’s Flame Burns Brighter Than Ever”. 20.08.2006 // <https://berkeleycenter.georgetown.edu/publications/religion-s-flame-burns-brighter-than-ever--2>.

18. *Ziya Öniş*. “Monopolizing the Center: The AKP and the Uncertain Path of Turkish Democracy” // *International Spectator*. 2015. Vol. 50. No. 2.

MEHMET URPER

*Senior Lecturer at the Department of International
Humanitarian relations of St. Petersburg
State University, St. Petersburg, Russia*

THE INFLUENCE OF THE ISLAMIC FACTOR ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL POLICY STRATEGY OF TURKEY PART 1

This article is devoted to the question of the role and significance of the Islamic factor in the foreign and domestic policy of the state of Turkey at the beginning of the XXI century. In addition, the focus is on the concept of the worldview of the Islamic factor, which is an extremely important and relevant concept, as the main source of the development of conflict events of a confessional nature on a global and regional scale. In this article, we are trying to analyze the concept of the Islamic factor as a political tool in the formation and development of the internal and external political activities of the Justice and Development Party, in the period after 2002. In addition, we are trying to demonstrate the influence of the religion of Islam on the measurement of relations between the states of the Middle East region. In this regard, the subject of our study is the split between representatives of the state apparatus of Kemalism adherents and representatives of the Islamic political movement with the traditional legacy of the Ottoman period in the modern politics of Turkey in the 21st century. Our goal is to present a holistic picture of the political activity of the AKP, through the prism of Islamic populism within the political dynamics of Turkey and the region. In addition, an attempt was made to analyze the influence of Islamic religious values on the political dynamics of the state, namely, which of them lead to the emergence of “Imperialism 2.0.”, As the ultimate basis of Turkey’s foreign policy, in order to form a new state “Neo-Republican model”, It is especially important to note that in the international arena, relations between subjects are partly developing in the presence of the religious factor at the beginning of the 21st century.

Key words: *Turkey, religious factor, international relations, Islam, Middle East.*

ЧЭНЬ ХАНЬЧЖИ

*стажер Китайского института
международных исследований, Китай*

ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА КПК В ПОДГОТОВКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Китай избрал уникальный путь модернизации и демонстрирует высокие достижения в экономическом, политическом, военно-техническом развитии. По этим причинам научный интерес к политическим элитам только возрастает.

Данная статья посвящена анализу одного из аспектов формирования политических элит Китая – обучению партийных и руководящих кадров, рассматривается специфика системы партийной школы КПК КНР. Созданная масштабная система образования соединяет теорию и практику, способствует формированию стратегического мышления, охватывает все уровни и звенья. Подготовка партийных руководящих кадров, которые играют важную роль в процессе достижения успехов в развитии Китая, является приоритетной задачей КПК.

Ключевые слова: *политические элиты, КПК, Китай, руководящие кадры, политическая стабильность, партийная школа.*

В связи с юбилеем Коммунистической партии КНР, которая была создана в 1921 году, усилилось внимание исследователей к различным сферам ее деятельности. Конечно, особое внимание привлекает идеологическая составляющая, которая формирует политический курс страны, который учитывает все происходящие изменения в развитии страны. Для поддержания политической стабильности в стране с учетом новых внутренних условий развития и меняющегося миропорядка КПК решает внутренние и внешние задачи, определяющие современный политический курс: идея о «великой китайской мечте о возрождении китайской нации» и о «социализме с китайской спецификой новой эпохи». К 2049 г., юбилейному году, Китай должен стать богатым, могущественным, демократическим, цивилизованным и гармоничным модернизированным социалистическим государством [2]. Также принят план к 2035 году осуществить модернизацию вооруженных сил КНР, к 2060 г. экономика КНР должна стать углеродно-нейтральной. Реализация

обозначенных задач происходит в условиях жестко обострившейся в настоящее время международной ситуации.

Развитие Китая продолжает удивлять современников своим уникальным примером сочетания рыночной экономики с принципами марксистско-ленинской идеологии в китайской трактовке. КПК КНР сохраняет в современном китайском обществе правящую роль и основу политической системы страны. Решения партийных съездов являются идеологической основой решений ВСНП – Всекитайского собрания народных представителей. По-прежнему заслуживает внимания позиция КПК не «импортировать» чужие модели и не «экспортировать» китайскую модель развития, что доказывает правильность стратегического мышления китайской элиты.

Коммунистическая партия Китая является самой многочисленной политической партией в мире, насчитывает более 95 миллионов человек.

Отмечая эволюционный характер идеологии КПК, и в целом, развития КПК КНР, следует сказать, что динамика преобразований в государстве, различные этапы в развитии самой партии и новые «руководящие идеи» выдвигают новые требования к членам КПК КНР и прежде всего к руководящему составу. В этой связи представляется актуальным рассмотрение роли партийной школы КПК как инструмента формирования политических элит.

Под воспитанием и подготовкой кадров в партийных школах понимается процесс, в котором политические партии оказывают целенаправленное влияние на членов партии и кадры посредством создания специализированных школ, помогая им ознакомиться с партийной идеологией и освоить ее, и как следствие – повышение эффективности деятельности организации.

В мировых партийно-политических организациях марксистские политические партии придают большое значение роли партийных школ, посредством которых воспитываются и обучаются члены КПК и кадры. Управление кадрами является одним из способов, с помощью которых КПК контролирует государство и влияет на общество в целом. Таким образом, подготовка и воспитание кадров имеет большое значение для обеспечения преемственности власти партии. По мнению зарубежных ученых, политика Китая в будущем будет определяться политическими элитами Китая [3], а не силами глобализации и не изменяться в соответствии с логикой маркетизации.

Как правящая партия, Коммунистическая партия Китая всегда придает большое значение подготовке политической элиты, то есть партийных и административных кадров. Образование и подготовка кадров является основным и стратегическим проектом для создания высококачественных кадров.

Партийная школа как важная составная часть в структуре партии является основным каналом для подготовки руководящих кадров партии

и основным каналом подготовки руководящих кадров партии на всех уровнях, а также является важным инструментом идейно-теоретического строительства партии. Партийная школа решает важную задачу подготовки выдающихся талантов для партии и страны. В том числе, Центральная партийная школа (中共中央党校) Коммунистической партии Китая, также известная как Центральная партийная школа, расположенная в Пекине, является высшим учебным заведением, которое специально готовит кадры *Коммунистической партии* Китая (КПК). Центральная партийная школа при ЦК КПК – это «кузница партийных кадров» высшего эшелона в КНР. Китайское руководство всегда признавало важную роль школы в разработке стратегии партии в процессе реформ, что подтверждает факт назначения в 1993 году ректором Центральной партшколы Ху Цзиньтао, рекомендованного Дэн Сяопином. Си Цзиньпин также был ректором Центральной партийной Школы перед вступлением в должность Генерального секретаря КПК и Председателя КНР.

История партийной школы. Партийная школа была основана как школа коммунизма Маркса ЦК КПК (中共中央马克思共产主义学校;) в Жуйцзинь, Цзянси в 1933 году. Она прекратила существование, когда Красная Армия ушла на «Длинный марш», и возобновила деятельность, когда руководство КПК прибыло и обосновалось в Шэньси на северо-западе Китая зимой 1936 г. Затем она была переименована в Центральную партийную школу. Ее директором был и Мао Цзэдун, который сформулировал школьный девиз: «искать правду в фактах, а не в пустых разговорах». Перед образованием Нового Китая в 1949 году партийная школа переехала в Пекин при ЦК Коммунистической партии Китая и начала широкомасштабный процесс по подготовке и воспитанию кадров.

В 1955 году школа была реорганизована таким образом, что перешла непосредственно под юрисдикцию Центрального комитета Коммунистической партии Китая. В 1966 году, во время Культурной революции, школа была упразднена. Затем в марте 1977 года была восстановлена. В период реформ и открытости под руководством центрального комитета во главе с Дэн Сяопином, Центральная партийная школа проделала большую работу по инициированию обсуждения «Вопросы о стандарте истины». Ее деятельность содействовала восстановлению и развитию идеологической линии партии, а также внесла важный вклад в процесс воспитания кадров – «революционизация, омоложение, повышение образовательного и профессионального уровня кадров». С 1989 года школу возглавляет высокопоставленный секретарь Секретариата, по совместительству член Постоянного комитета Политбюро.

Также необходимо уточнить, что в 1994 году была создана Национальная школа управления. Система школы управления является самостоятельным механизмом и дополнением к системе партийных школ. В основном она

готовит государственных служащих старшего и среднего звена, управленческие таланты высокого уровня и таланты в области политических исследований. Хотя в функциях подготовки кадров есть некоторое совпадение, имеют место существенные различия в учебных программах между школой управления и системой партийной школы. Учебная программа партийной школы имеет большую направленность политического и идеологического содержания, в то время как в школе управления больше внимания уделяется теоретическим и практическим вопросам социального управления и государственной службы.

После 18-го съезда Коммунистической партии Китая под руководством ЦК партии во главе с товарищем Си Цзиньпином, решаются задачи преобразований в КНР, социализм с китайской спецификой вступил в новую эру. В целях всемерного укрепления руководства партии по подготовке кадров, комплексному планированию подготовки кадров, координации и руководства работой партийных школ (административных школ) всех ступеней в стране, ЦК КПК решила объединить деятельность Центральной партийной школы и Национальной школы управления. На третьем пленуме ЦК КПК 19-го созыва в 2018 году ЦК КПК принял общие меры по углублению реформы партийных и государственных институтов и принял решение о создании новой Партийной школы ЦК Коммунистической партии Китая (Национальная школа управления) [1].

Функции и структура партийной школы. Система партийных школ КПК имеет большое значение для подготовки членов партии и руководящих кадров, для пропаганды марксизма-ленинизма и его теории китаизации. В общей системе партийных школ Центральная партийная школа на национальном уровне имеет особый статус. В функции Центральной партийной школы в основном входят три аспекта: обучение, управление и научные исследования: именно, – подготовка руководящих кадров старшего и среднего звена и выдающихся кадров молодого и среднего возраста по всей стране, исследование и пропаганда последних достижений марксизма и его китаизация и продвижение идейно-теоретического строительства Коммунистической партии Китая. Согласно «Положению о работе партийной школе Коммунистической партии Китая (Школы управления)», которое было принято ЦК КПК в 2019 году, основными задачами Партийной школы (Школы управления) определены:

1. Подготовка партийных и государственных деятелей всех уровней, государственных служащих, руководителей государственных предприятий, руководителей общественных учреждений, молодых кадров, а также систематическая подготовка учителей для партийных школ.

2. Усиление исследования базовой теории марксизма, сосредоточив внимание на исследовании и продвижении идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры.

3. Проведение исследований по основным теоретическим и практическим вопросам, оказание консультационных услуг по принятию решений партийными комитетами и правительствами [4].

Что касается структуры партийной школы, необходимо отметить, что ЦК партии и местные комитеты всех уровней соответственно учреждают Центральную партийную школу (Национальную школу управления), партийную школу при провинциальном (автономной области, городе) комитете партии, партийную Школу при городском и уездном комитете, что обеспечивает широту и фундаментальность системы подготовки кадров в партийной школе. Партийная школа ЦК КПК состоит из 26 учреждений, среди которых восемь являются преподавательскими, одно учреждение – научно-исследовательское – Международный институт стратегических исследований, имеется несколько образовательных отделов. Так, например, работают несколько образовательных отделов: стажерский занимается подготовкой кадров провинциального, уездного уровня; формирование кадрового резерва из специалистов молодого и среднего возраста отнесено к функциям отдела подготовки; работают отделы кадров Тибетского автономного района и Синьцзян-Уйгурского автономного района; также в структуре школы действуют аспирантура и докторантура. Выпускники школы получают степень магистра по 14 специальностям, докторские степени присваиваются в восьми предметных областях. Четыре филиала в структуре Центральной партийной школы действует для органов, непосредственно подчиненных ЦК КПК, для государственных учреждений, для Комитета контроля и управления государственным имуществом и для военных. Одним из наиболее представительных учреждений является Международный институт стратегических исследований, который занимается основными международными стратегическими вопросами и исследованиями внешней политики Китая, а также проводит преподавательскую работу в школе по международной политике, национальной безопасности, мировой экономике, международным отношениям, дипломатии, международной политической экономии и другим дисциплинам.

Общая система партийной школы в КНР насчитывает примерно 3000 школ провинциального, окружного и уездного уровней, руководство которыми осуществляют местные партийные комитеты в тесном взаимодействии с Центральной партийной школой.

Надо отметить, что учеба в Центральной партийной школе в большой степени гарантирует продвижение по службе. Обучение в партийной школе является необходимым требованием и условием для продвижения на важную должность, но необходимо отметить, что это не обозначает неременный стремительный карьерный рост. Но значительно повышает потенциал кадрового резерва провинциального и министерского уровней. Что касается содержания обучения в школе, представляется возможным выделить

четыре основные направления: по социалистической теории с китайской спецификой, чтобы учащиеся овладели знаниями фундаментальных теорий и изучили инновации, международного характера, партийного воспитания и стратегического мышления. В настоящее время в ней обучаются около 1300 руководящих кадров высшего и среднего звена. Некоторые российские вузы имеют с центральной партийной школой договоры о сотрудничестве.

Таким образом, Партийная школа КПК (школа управления), является ведущим высшим учебным заведением, выступает в качестве основного инструмента в процессе подготовки руководящих кадров партии и правительства, играет ключевую роль в формировании необходимых компетенций политических элит Китая, влияет на внутриэлитный процесс в стране, ротацию политических элит.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. История партийной школы ЦК Коммунистической партии Китая (Национальная школа управления) // https://www.ccps.gov.cn/xygk/xsyg/201812/t20181230_127652.shtml.

2. *Ли Хуэй*. XVIII съезд КПК и направления развития внутренней и внешней политики Китая (Доклад Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ г-на Ли Хуэя в Дипломатической академии МИД РФ) // Сайт посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации // <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t998823.htm>.

3. *Ни Син, Юань Чао*. От двойственности к разнообразию: обзор исследований политической элиты Китая за рубежом // Журнал Университета Сунь Ятсена (издание по общественным наукам). 2011 г. Выпуск 6.

4. Положение о работе партийной школы Коммунистической партии Китая (школы управления) // https://www.ccps.gov.cn/xtt/201911/t20191103_135421.shtml.

CHEN HANZHI

*Intern at the Chinese Institute
of International Studies, China*

THE CPC PARTY SCHOOL IN THE PREPARATION OF POLITICAL ELITES

China has chosen a unique path of modernization and demonstrates high achievements in economic, political, military-technical development. For these reasons, scientific interest in political elites is only increasing.

This article is devoted to the analysis of one of the aspects of the formation of China's political elites – the training of party and leadership personnel, the specifics of the party school system of the CPC of the People's Republic of China are considered. The created large-scale education system combines theory and practice, contributes to the formation of strategic thinking, covers all levels and links. The training of party leadership personnel, who play an important role in the process of achieving success in China's development, is a priority task of the CPC.

Key words: *political elites, CPC, China, leadership cadres, political stability, party school.*

ХАНЬ ВЭНСИНЬ

аспирант факультета мировой политики
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ГОНКОНГА ПОСЛЕ ВНЕСЕНИЯ ПОПРАВОК В ЗАКОН О ЗАПРЕТЕ ЭКСТРАДИЦИИ¹

Британская и американская политика касаясь Гонконга является важной частью их политики в отношении Китая. В марте 2019 года возникло Движение за внесение поправок в закон о запрете экстрадиции вокруг предложения правительства. Правительство Специального административного района Гонконга внесло поправки в Постановление о скрывающихся от правосудия преступников и Постановление о взаимной правовой помощи по уголовным делам. Великобритания и США используют беспорядки для вмешательства во внутренние дела Китая, поддержки оппозиции в Гонконге, сепаратистских сил и участников беспорядков в Гонконге, нарушения общественного порядка в Гонконге и ограничения развития Китая. Таким образом, изучение британской и американской политики в отношении Гонконга имеет большое значение для поддержания принципа «одна страна, две системы», а также для процветания и стабильности Гонконга, наряду с реализацией мирного воссоединения страны и великого омоложения китайской нации.

Ключевые слова: *Движение за внесение поправок в закон о запрете выдачи, «гибкая политика» Британии, «политика интервенции» США, причины различий в политике.*

Политика, проводимая Соединенным Королевством и Соединенными Штатами по гонконгскому вопросу для достижения долгосрочных или краткосрочных национальных интересов, или целей в конкретной международной среде, была принята после разумных расчетов, основанных на изменениях международной ситуации. Временные рамки ограничены окончанием президентского срока Трампа в январе 2021 года после того,

¹ Данная статья подготовлена при поддержке Стипендиального совета Китая (CSC).

как правительство Специального административного района Гонконга приняло решение внести поправки в Постановление о скрывающихся от правосудия преступниках в июне 2019 года, что привело к шквалу поправок. В этот период международная система сохраняла статус-кво, а руководители правительств Китая, Великобритании, США и Специального административного района Гонконга не менялись. Для сравнительных исследований удалось избежать неопределенности нескольких параметров.

1. Великобритания не хочет отказываться от Гонконга.

Глобальный упадок Соединенного Королевства является побочным продуктом подъема Соединенных Штатов и Китая, и этот процесс необратим. В 1979 году валовой национальный продукт (ВВП) Соединенных Штатов был в 5,99 раза больше, чем в Соединенном Королевстве, а ВВП Китая составлял лишь около 41% ВВП Соединенного Королевства. После 40 лет развития ВВП США в 2019 г. в 5,72 раза превышал ВВП Соединенного Королевства, который практически не изменился; в то время как ВВП Китая стал в 5 раз больше, чем в Соединенном Королевстве. Проблема, отраженная в приведенных цифрах, заключается в том, что Великобритания все еще имеет определенное преимущество и находится в центре принятия решений в международной политике, но ей необходимо найти «новый» способ влиять на международные дела. «Глубокие исторические связи и дружба», которые остались после колониального периода с Гонконгом, обеспечили основу для дальнейших действий Соединенного Королевства.

(1) Великобритания должна поддерживать свои первоначальные политические и экономические интересы в Гонконге.

Соединенные Штаты быстро заполнили вакуум власти после того, как Великобритания покинула Гонконг. Однако если британское влияние будет полностью лишено распространения на Гонконг, это не только не оправдает надежд британского народа на национальную гордость, но и будет сильно нарушать британский дипломатический стиль. Будучи бывшим сюзереном Гонконга, Соединенное Королевство также обеспокоено своим влиянием в Гонконге в то время, когда его национальная власть ослабевает. Первоначальные политические и экономические интересы Великобритании в основном включают три аспекта: во-первых, контроль за соблюдением универсальных ценностей и международных правил в Гонконге и влияние на демократический процесс; во-вторых, сохранение степени сцепления с экономической областью Гонконга; и в-третьих, резервация места для будущего китайско-британского сотрудничества [2].

Прежде всего, после возвращения суверенитета Гонконга Китаю, в соответствии с положениями Основного закона, Специальный административный район Гонконга гарантирует права и свободы жителей и других граждан Специального административного района Гонконга. Таким образом, права и свободы жителей Гонконга после 1997 года намного превысили

права и свободы, предоставленные им во время британского правления, и с тех пор постоянно укреплялись на протяжении более чем 20 лет. Однако Соединенное Королевство продолжало сохранять свое влияние в постколониальный период Гонконга, осуществляя так называемую «надзорную власть» над Основным законом и Китайско-британской совместной декларацией. Великобритания имеет небольшую территорию, и ее экономическое развитие зависит от стабильной, открытой, регулярной и упорядоченной международной среды. Предыдущая резкая критика Китая со стороны Соединенного Королевства в основном была сосредоточена на разрушении китайским правительством основ верховенства права в Гонконге.

Соединенное Королевство пыталось использовать роль «толкователя международного права», чтобы утвердить статус Соединенного Королевства как крупной державы в вопросе Гонконга в будущем и получить более весомое право голоса в этом вопросе, тем самым влияя на демократическую политику Гонконга. Во-вторых, Гонконг изначально был стратегической базой Соединенного Королевства для раскрытия делового потенциала Китая. Бывшие британские финансовые группы с многовековой историей, такие как Jardine Matheson, HSBC и Swire, по-прежнему занимают важное место в гонконгском экономическом сообществе. После того, как Великобритания покинет Европейский Союз, британские компании будут агрессивно выходить на новые рынки за пределами Европейского Союза. В 2017 году Институт экономических и торговых исследований Совета по развитию торговли Гонконга опубликовал данные опроса, показывающие, что 37% респондентов в Соединенном Королевстве выбрали Гонконг как идеальное место для получения профессиональной поддержки, что соответствует зарубежному целевому рынку британских компаний [3]. В настоящее время около 650 британских компаний открывает учреждения в Гонконге каждый год, более половины из которых принадлежат региональным штаб-квартирам или региональным отделениям. В-третьих, политику Великобритании в отношении Гонконга необходимо анализировать в контексте внутренних дел Великобритании и китайско-британских отношений. Согласно данным опроса YouGov, видно, что большинство британцев в глубине души знают, что Китай превзойдет США в будущем. Это стало известным фактом. Сохранение пространства для сотрудничества с Китаем, и стабилизация китайско-британских отношений отвечает не только интересам Китая, но и реальным интересам Соединенного Королевства.

Однако Соединенное Королевство представляет собой «консервативное и прогрессивное единство». С одной стороны, британцы знают, что относительная сила Соединенных Штатов снизилась, особенно после вспышки новой коронавирусной эпидемии, Соединенные Штаты показали слабую активность, что подорвало их международный авторитет и ослабило их лидерство в мировых делах.

Роль США в мировых делах. С другой стороны, Великобритания не проявила должного уровня сотрудничества с Китаем, чтобы сыграть более конструктивную роль в региональных делах. Таким образом, будет преднамеренно подчеркнута, так называемая, лидирующая позиция Соединенного Королевства по гонконгскому вопросу, с целью сохранить существующие политические и экономические интересы в Гонконге.

(2) Консервативная партия нуждается в поддержке политических достижений.

Британское правительство Джонсона не испытывает давления со стороны избирателей, но ему необходимо накопить политические достижения по гонконгскому вопросу и заручиться поддержкой населения.

С 2019 года основная работа правительства Джонсона заключалась в том, чтобы завершить Brexit Великобритании, а «иммиграция» является одним из основных вопросов в процессе выхода из ЕС. Стоит отметить, что внутри Консервативной партии, которая долгое время выступала против иммиграции, поддержка помощи гонконгцам в натурализации в Великобритании достигла 90%. Опросы общественного мнения показывают, что 64% британцев поддерживают помощь правительства гражданам Гонконга, а 22% – нет, соотношение близко к 3:1. Доля поддержки мер правительства по гонконгскому вопросу со стороны различных политических партий Соединенного Королевства, включая Народную партию, Лейбористскую партию, Консервативную партию и Демократическую либеральную партию, очень сбалансирована и составляет около 70%. Это, несомненно, повысило уверенность британского правительства в построении своей политики в отношении Гонконга со стороны.

С момента начала новой коронавирусной эпидемии количество зараженных в Великобритании опережает средний показатель по Европе. По состоянию на 29 июля 2020 г. в Соединенном Королевстве зарегистрировано более 300 000 случаев нового вида коронавируса и из них 45 961 случаев со смертельным исходом, что превышает показатели Италии и Испании, где были наиболее сконцентрированы предыдущие вспышки, и становится страной с наибольшим числом зафиксированных случаев заражения коронавирусом [4. Р. 57-59].

Ситуация в Европе. В июле 2019 года, когда премьер-министр Джонсон вступил в должность, уровень недовольства правительством достиг 71%. После этого он постепенно снижался, достигнув 26% в мае 2020 года. С тех пор недовольство продолжает расти, оказывая давление на консервативное правительство.

Правительство Джонсона не добилось очевидных успехов во внутренних делах и дипломатии, и необходимо принять меры, чтобы заручиться поддержкой народа. Поиск тем по проблемам Гонконга и обнаружение политических достижений правительства – хороший способ успокоить

недовольство британцев и отвлечь внимание от внутреннего политического хаоса [5].

2 Углубление структурных противоречий между Китаем и США.

После окончания «холодной войны» биполярная модель распалась, международная система претерпела глубокие изменения, образовав сверхпрочную мировую модель. В качестве «сверхдержавы» США имеет абсолютное доминирование в различных областях экономики, культуры, военного дела, науки и техники, тогда как Китай является лишь составной частью «сверхдержавы». За последние десять лет общая сила Китая значительно увеличилась. Независимо от национальной стратегии, размера экономики, развития военной мощи или скорости модернизации и реформ, она поставила под угрозу глобальную гегемонию Соединенных Штатов. Структурные противоречия между Китаем и США стали важнейшим фактором при построении внешней политики США. В отчете администрации Трампа о стратегии национальной безопасности за 2017 год, Китай рассматривается как «стратегический конкурент» и «ревизионистская держава», а администрация Байдена называет Китай «самым серьезным конкурентом США». Таким образом, Соединенным Штатам крайне необходимо сохранить свой статус гегемона и не допустить, чтобы Китай опережал их развитие.

(1) Соединенные Штаты используют проблему Гонконга для сдерживания Китая.

Чтобы использовать Гонконг для сдерживания Китая, Соединенные Штаты игнорируют свои экономические интересы в Гонконге.

Соединенные Штаты имеют огромные экономические интересы в Гонконге. Более 1300 американских компаний ведут бизнес в Гонконге, и многие крупные транснациональные компании имеют свои штаб-квартиры в Азиатско-Тихоокеанском регионе в Гонконге. За последние 10 лет Соединенные Штаты накопили положительное сальдо торгового баланса в размере десятков миллиардов долларов через Гонконг. Только с точки зрения объема торговли Гонконг является «лучшим партнером» Соединенных Штатов в мире [5. Р. 30]. До шквала поправок 2019 года политика США в отношении Гонконга была сосредоточена на экономическом уровне, дополненном другими приоритетами, такими как культура, антитеррористическая безопасность и установление идеологических ориентиров. Конечно, политические цели нельзя игнорировать, но важнейшим звеном в отношениях между США и Гонконгом всегда были экономические интересы. В последние годы Китай накопил силу, которая может конкурировать с западными странами в силу своих преимуществ постразвития, что считается большим вызовом устойчивости и необходимости «либерального порядка». Акцент политики США в отношении Гонконга сместился с экономического уровня на политический [6].

Внешняя политика страны в основном делится на три типа: политику сохранения статуса-кво, политику империализма и политику престижа. «Политика статуса-кво направлена на сохранение распределения прав, существовавшего в определенный исторический момент». Такое распределение прав является эксклюзивным. С самого начала президентской кампании Трампа он не жалел усилий для продвижения любыми способами. С определенной точки зрения поведение Трампа является не столько нелиберальным и антиглобалистским, сколько необходимыми мерами для сохранения глобальной гегемонии и влияния США. Под лозунгом «Америка прежде всего», Трамп успешно вошел в Белый дом. После этого Соединенные Штаты последовательно вышли из Транстихоокеанского партнерства (ТТП), Иранского ядерного соглашения, ДРСМД, Парижского климатического соглашения, Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры и Всемирной организации здравоохранения. 24 сентября 2019 г. Трамп выступил с речью на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, заявив, что будущее принадлежит патриотам, а не глобалистам. На уровне китайско-американских отношений Трамп принял ряд мер, которые ухудшили двусторонние отношения с момента его прихода к власти: вмешательство во внутренние дела Китая, продажа передового американского оружия Тайваню и подписание Закона о поездках на Тайвань для укрепления тайваньско-американских отношений, использование Синьцзяна, Тибета, Гонконга и других этнических меньшинств с целью оказать давление на Китай по вопросам демократии и прав человека. Что касается экономики, на том основании, что дефицит торгового баланса слишком велик, Китай в одностороннем порядке снизил тарифы на американские товары, экспортируемые Китаем, что классифицировало Китай как валютного манипулятора и заставило юань укрепиться. Идеологически «Вашингтонский консенсус», сформировавшийся после окончания «холодной войны», сталкивается с вызовом так называемого «Пекинского консенсуса». По сути, это средство, с помощью которого Соединенные Штаты хотят вырваться из оков, сдерживающих их развитие, и сохранить глобальную гегемонию и мировое лидерство Соединенных Штатов.

На этом фоне постепенно вырисовывалась геополитическая ценность Гонконга. После длительного периода колониального господства гонконгское общество по-прежнему питает тонкий комплекс восхищения Западом. В сочетании с «двойственностью» политики и идентичности, сформировавшейся за долгий период колониального правления, Гонконг стал идеальной границей для идеологического проникновения западного мира в материковый Китай. Американская газета «Вашингтон пост» от 24 июля 2019 года опубликовала статью о том, что «США проигрывают идеологическую борьбу с Китаем», что неприемлемо для США, отстаивающих

ценности «свободы и демократии». После бури поправок ряд политиков в США публично заявили, что Гонконг – это новый Берлин и станет точкой конфликта в рамках мировой политической системы в XXI веке, искусственно установив противоположность двух стран. Рассматривая Китай как наиболее опасного соперника Запада в будущем, основные ценности демократии, свободы, прав человека и права частной собственности, которыми лелеют западные страны, будут затронуты коммунизмом. В этом случае США должны создать своих союзников для налаживания системы сотрудничества и оказания давления на Китай. В мае 2020 года Белый дом обнародовал «Стратегический подход США к Китаю». Соединенные Штаты осознают, что Китай и Соединенные Штаты будут иметь долгосрочные стратегические конкурентные отношения. Соединенные Штаты должны вернуться к принципиальному реализму, чтобы защитить интересы США и усилить глобальное влияние США. И здесь Гонконг является важным транспортным узлом для усиления своего влияния.

(2) Внутривнутриполитические нужды США.

С 2019 года Соединенные Штаты постоянно используют Гонконг для подавления Китая, подталкивая китайско-американские отношения к краю пропасти. Администрация Трампа решила продолжать подавлять Китай в вопросе Гонконга по следующим двум основным причинам.

Во-первых, соображения о выборах в США. Из-за глобальной эпидемии COVID-19 глобальный экономический рост в 2020 году был значительно ослаблен. Противозидемические меры правительства США подверглись критике. Более половины американцев выразили недовольство реакцией администрации Трампа на эпидемию. И такая слабая реакция на эпидемию сильно ударила по экономике США. Согласно данным, ВВП США в 2020 году сократился на 3,5%. В то же время проблема дискриминации национальных меньшинств и чрезмерного разрыва между богатыми и бедными также раздрают американское общество. Проблема Гонконга дала предвыборной команде Трампа возможность продолжать придумывать такие аргументы, как «теория китайской угрозы» и «Китай не уважает демократию и права человека в Гонконге», чтобы дискредитировать Китай и отвлечь внимание американского народа к слабому экономическому росту США и провалу противозидемической стратегии.

Во-вторых, политические элиты обеих партий в США хотят использовать Гонконг для подавления Китая и втягивания Китая в «новую холодную войну». Фактически, президент Трамп всегда избегал чрезмерного вмешательства в первые дни беспорядков вокруг конституционных поправок в Гонконге. Он не раз публично заявлял, что Гонконг является частью Китая и что происходящее в Гонконге – это личное дело Китая. Однако дискурс «стратегических конкурентов» и «ревизионистской силы» отражает мейнстримное мышление американской политической элиты, а Китай в целом

понимается как «главный конкурент США в мировом лидерстве». В условиях резкого политического раскола в США создание «внешнего врага» из воздуха является наиболее эффективным способом интеграции внутренних ресурсов и накопления центростремительной силы.

3 Рост нестабильности в торгово-экономических отношениях/

(1) Китайско-британское экономическое и торговое сотрудничество неуклонно ухудшается.

Со стороны Китая и Соединенного Королевства, а также региона Гонконга и Соединенного Королевства после обсуждений вокруг поправок две страны часто обменивались мнениями по гонконгскому вопросу на дипломатическом уровне, что в некоторой степени повлияло на торговый обмен между двумя странами, особенно в торговле Великобритании с Китаем. В 2018 году Великобритания импортировала 4,2997 млрд фунтов китайских товаров, что увеличилось до 4,7032 млрд фунтов в 2019 году. За первые 11 месяцев 2020 года объем импорта достиг 4,8779 млрд фунтов, что на 174,7 млн фунтов больше, чем в предыдущем году, но объем экспорта составляет всего 1,6185 млрд фунтов, что на 1,0665 млрд фунтов меньше, чем за первые 11 месяцев 2019 года. Хотя импорт Великобритании в Китай увеличился, ее экспорт сократился, а общий объем торговли между двумя странами снизился. Что касается торговли между Соединенным Королевством и Гонконгом, то как импорт, так и экспорт сократились по сравнению с предыдущим периодом, но это снижение не было значительным. Можно видеть, что на торговлю между Соединенным Королевством и Гонконгом не повлияло большое количество поправок и политика Соединенного Королевства в отношении Гонконга. Напротив, китайско-британская торговля стала более несбалансированной, и профицит Китая продолжит расти в 2020 году.

Вне сферы торговли Великобритания открыта для инициативы «Один пояс, один путь». Британские технологические и сервисные компании считают, что они могут создать большое количество рабочих мест для Великобритании, расширить экспорт и усилить глобальное влияние, поддерживая развитие Китая [7]. В июне 2019 года Ланкастерский университет в Соединенном Королевстве учредил Исследовательский институт «Один пояс, один путь» для изучения возможностей сотрудничества между двумя сторонами в новых областях. Внимание Великобритании также привлекает план «Большой район залива». 18 февраля 2019 года Питер Эстлин из лондонского Сити выразил свое волнение по поводу перспектив района Большого залива, и выразил надежду, что Великобритания укрепит экономику и торговые обмены с Гонконгом и Шэньчжэнем, чтобы помочь британским компаниям выйти на рынок материкового Китая. 11 октября 2019 года Гонконгская корпорация научных и технологических парков и британское министерство международной торговли подписали меморандум о сотрудничестве. Фактически, уже в 2017 году, Гонконг подписал соглашение о «мосте

финансовых технологий» с Соединенным Королевством для содействия сотрудничеству в области финансовых инноваций между двумя странами.

Таким образом, с численной точки зрения, экономические секторы Китая, Соединенного Королевства, региона Гонконга и Соединенного Королевства не сильно пострадали от британской политики в отношении Гонконга. С точки зрения намерений сотрудничества ни одна из сторон не отказалась от расширения будущего пространства сотрудничества и активно расширяла общий разделитель в сфере экономики и торговли.

(2) Ухудшение экономических и торговых отношений между Китаем и США, а также регионом Гонконга и США.

Прежде всего, под влиянием таких факторов, как китайско-американские торговые трения и санкции США против Гонконга, торговый обмен между Китаем и США и регионом Гонконга и США сократился по сравнению с прошлыми пятью годами. С 2018 по 2020 год дефицит торгового баланса США с Китаем сокращался из года в год с 418,9 млрд долларов США в 2018 году до 2283,5 млрд долларов США в 2020 году, то есть на 135,4 млрд долларов США. Аналогичным образом, общий объем торговли между США и Гонконгом в 2020 году составил 2293,125 млрд долларов США, а общий объем двусторонней торговли между США и Гонконгом в 2019 году составил 3355,173 млрд долларов США по сравнению с 435,844 млрд долларов США в 2018 году [8. Р. 97]. Что касается положительного сальдо США с Гонконгом, то в 2018 году оно составило 3310,373 млрд долларов США, а в 2020 году – 1138,555 млрд долларов США, что означает снижение более чем на 50% за два года. Несмотря на это, Соединенные Штаты по-прежнему являются вторым по величине торговым партнером Гонконга. Как международный финансовый центр и порт свободной торговли, основная конкурентоспособность Гонконга заключается в свободном движении капитала и связанной системе обменных курсов. Хотя Соединенные Штаты отменили режим «особого статуса» Гонконга, независимый тарифный статус Гонконга признан ВТО и не влияет на обычную торговлю Гонконга с другими странами. Что касается оттока финансовых средств, это в основном зависит о том, изменилась ли основная конкурентоспособность Гонконга «Действия» Соединенных Штатов не могут поколебать положение Гонконга в международной финансовой системе.

Во-вторых, санкционная политика США в отношении Гонконга, в основном, повлияет на уверенность внешнего мира в будущем Гонконга, что приведет к пессимизму многонациональных компаний в отношении долгосрочного развития Гонконга. В настоящее время санкционная политика США в отношении Гонконга действует только на уровне импорта и экспорта. Если его постепенно распространить на финансовую отрасль, это нанесет ущерб Гонконгу и даже экономике Китая. «Чэнь Вэйсинь, адъюнкт-профессор кафедры глобальных исследований Школы социальных наук Китайского

университета Гонконга, назвал эту неопределенность самым большим ударом по Гонконгу в настоящее время. В долгосрочной перспективе, когда прогноз невозможно предсказать, он обязан осуществлять контроль рисков» [11].

4 Влияние Соединенного Королевства и Соединенных Штатов на политику Гонконга.

(1) Китайско-британские отношения ухудшились из-за гонконгского вопроса.

Разногласия по гонконгскому вопросу являются «прямым пусковым механизмом» для ухудшения китайско-британских отношений.

При сравнении реальных сил «одной сверхдержавы, одного сильного и одного слабого государств» Соединенных Штатов, Китая и Соединенного Королевства, политика Соединенного Королевства в отношении Гонконга продемонстрировала различные характеристики. Очевидно, что после Брексита Соединенное Королевство должно не только искать место на китайском рынке для замены европейского рынка, но и продолжать осуществлять прагматичное сотрудничество с Китаем для получения выгоды; она также должна превратиться в незаменимую силу в мире для защиты демократии и прав человека. Что касается отношений с Соединенными Штатами, администрация Джонсона всегда проявляла инициативу сотрудничества с Соединенными Штатами по вопросу Гонконга, используя многосторонние платформы, такие как Организация Объединенных Наций и Конференция «Большой семерки», для поддержки гонконгской оппозиции, «для демонстрации ее значения в качестве глобального партнера безопасности Соединенных Штатов. Несмотря на это, переговоры между Соединенным Королевством и Соединенными Штатами в области экономики и торговли продвигаются не так гладко, как ожидал премьер-министр Джонсон. Для Соединенного Королевства в его национальных интересах поддерживать свободное, открытое и международное сообщество, основанное на действующих международных правилах. Односторонняя политика Соединенных Штатов и относительно инклюзивная стратегия «Глобальной Британии» Соединенного Королевства отклоняются от дипломатической концепции [9].

Великобритания не ожидала такого рода ставок в попытке хеджировать риски. Китайско-британские отношения могут продолжать поддерживать тенденцию к сотрудничеству, не подвергаясь влиянию негативных событий. Наоборот, после шквала поправок китайско-британские отношения оказались на краю пропасти, и отношения между двумя странами заметно ухудшились. В феврале 2021 года британская газета «Гардиан» опубликовала статью, в которой говорилось, что премьер-министр Великобритании Джонсон заявил, что он является «ярким поклонником Китая» и пытался таким образом преодолеть разногласия с Китаем, но без особого успеха.

Что касается непоследовательного поведения с британской стороны, позиция китайского правительства очень ясна: восстановление китайско-британских отношений может быть основано только на предпосылке того, что Лондон знает, как построить взаимное доверие и уважение с Пекином.

Из этого видно, что британская «гибкая политика» в отношении Гонконга достигла лишь цели не вызывать серьезных трений с Китаем и Гонконгом в экономической сфере. Британско-китайские отношения пострадали от британской политики в отношении Гонконга и упали до низкого уровня, что подорвало механизм взаимного доверия, который обе страны кропотливо культивировали. Благосклонность жителей Гонконга к британскому правительству также упала до рекордно низкого уровня. Наиболее важные двусторонние отношения между Соединенным Королевством и Соединенными Штатами, англо-американские отношения, не изменились, поскольку Соединенное Королевство сотрудничает с Соединенными Штатами по вопросу Гонконга. Если обобщить, то британская «гибкая политика» в отношении Гонконга оказалась неэффективной в поддержании отношений между крупными державами.

(2) Взаимное доверие между Китаем и США постепенно снижается.

После ажиотажа вокруг поправок в Гонконге Соединенные Штаты приняли политику и меры, такие как законодательное вмешательство в дела Гонконга, политики, поддерживающие гонконгскую оппозицию, и воспитание молодых людей в Гонконге. Они продолжали сеять споры на тему «прав человека в Гонконге», дискредитируя выполнение «Гонконгского закона о национальной безопасности» в Гонконге и налагая санкции на должностных лиц из материкового Китая и Гонконга. Китай выразил решительное несогласие с этим и ввел санкции против официальных лиц США, и конфликт между двумя странами постепенно расширялся. Гонконгский вопрос существенно повлиял на политическое взаимное доверие между Китаем и США. Во время Стратегического диалога на высоком уровне между Китаем и Соединенными Штатами в марте 2021 года Китай по-прежнему призывал Соединенные Штаты «прекратить вмешиваться в дела Гонконга и внутренние дела Китая и прекратить поддерживать силы «независимости Гонконга». Госсекретарь Помпео занял жесткую позицию в отношении политики США в отношении Гонконга. Ранее он уже сделал множество подобных замечаний.

23 апреля 2020 года на пресс-конференции он раскритиковал Пекин за частое совершение провокационных действий во время глобальной эпидемии, нарушение высокой степени автономии Гонконга и арест деятелей гонконгской оппозиции, таких как Ли Чжумин и Лай Чи Ин. 29 апреля он также заявил, что Вашингтон будет продолжать обращать внимание на вмешательство Пекина в автономию Гонконга и выступать против принятия Основного закона Гонконга из 23 статей. Он указал, что любой шаг

по введению в Гонконге строгого законодательства о национальной безопасности не будет соответствовать обязательству Пекина «одна страна, две системы» и нанесет ущерб интересам США. На пресс-конференции 6 мая Помпео упомянул, что Государственный департамент отложит представление своего ежегодного отчета по Гонконгу в Конгресс, чтобы посмотреть, примет ли Пекин дополнительные меры против Гонконга. После обнародования в Китае «Закона о национальной безопасности Гонконга» Соединенные Штаты внимательно следили за обнародованием «Закона об автономии Гонконга» и наложили санкции на соответствующих должностных лиц материкового Китая и Гонконга «в соответствии с законом».

Что касается санкций США против официальных лиц материкового Китая и Гонконга, Китай напрямую принял контрсанкционные меры. 10 августа 2020 года пресс-секретарь Министерства иностранных дел Чжао Лицзянь заявил на очередной пресс-конференции, что санкции будут введены в отношении «США». Сенаторы Руби, Круз, Хоули, Коттон, Туми, конгрессмен Смит и президент Национального фонда демократии США Фишман, президент Американской ассоциации за демократию в международных отношениях Мидуэй, президент Американского института международных исследований Твининг, исполнительный председатель по правам человека наблюдали как Росс и президент Freedom House Абрамовиц ввели санкции», всего 11 человек. Правительство Специального административного района Гонконга также выступило с торжественным заявлением, решительно выступив против подписания законопроекта США о Гонконге и опровергнув различные ложные заявления США.

Помимо заявлений и взаимных санкций против официальных лиц, отсутствие взаимного доверия находит свое отражение и в военном сотрудничестве. 2 декабря 2019 года Китай объявил, что приостановит посещение Гонконга американскими военными кораблями и самолетами, а также объявил, что введет санкции в отношении различных неправительственных организаций США, заявивших о поддержке гонконгских беспорядков. В число организаций, которые могут быть подвергнуты санкциям, входят «Freedom House», «Human Rights Watch», «Американский институт международных республиканских исследований», «Американская демократическая ассоциация по международным делам» и «Национальный фонд за демократию». Фактически Гонконг был важным окном, соединяющим Китай и внешний мир в колониальный период. После начала холодной войны одним из важных этапов для Запада стало осуществление военных угроз материковому Китаю. «После того, как Китай восстановил суверенитет Гонконга в 1997 году, визит американских кораблей в Гонконг стал деликатным военным и дипломатическим взаимодействием, а также «барометром» для внешнего мира для наблюдения за отношениями между Китаем и Соединенными Штатами. В 1990-х годах Закон о политике США и Гонконга от 1992 года,

принятый Конгрессом США, требовал, чтобы Государственный совет регулярно отчитывался перед Конгрессом о прибытии военных кораблей США в Гонконг. Когда отношения между двумя странами функционировали хорошо, Китай напрямую не препятствовал заправке военных кораблей США в Гонконге.

Таким образом, Соединенные Штаты приняли «политику вмешательства» после целого ряда поправок. Хотя они и нанесли экономический ущерб Гонконгу и Китаю, следуя цели сдерживания объединения Китая, на самом деле США добились права манипулирования демократическим процессом Гонконга и общественным мнением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Diamond L.* The End of China's Reaceful Rise // <https://www.the-american-interest.com/2020/07/17/the-end-of-chinas-peaceful-rise/>.
2. *Elliott E.* Global Britain? Assessing Boris Johnson's Major Changes to National Security and Foreign Policy // E. Elliot, S. Goodman // <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/johnson-natsec-and-fp/>.
3. *Harold S.* U.S. Policy Options for Hong Kong // <https://www.rand.org/blog/2019/12/us-policy-options-for-hong-kong.html>.
4. *Jin K.* What are America's Interests in Hong Kong? // <https://thediplomat.com/2020/05/what-are-americas-interests-in-hong-kong/>.
5. King's College London. Towards a UK Strategy and Policies for Relations with China // <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/research-analysis/towards-a-uk-strategy-and-policies-for-relations-with-china>.
6. *Ross J.* Brexit Explains why Britain has Played Such a Provocative Role in Hong Kong // https://www.guancha.cn/LuoSiYi/2019_07_24_510682_4.shtml.
7. *Storey I.* The United Kingdom and Southeast Asia after Brexit // <https://think-asia.org/handle/11540/9990>.
8. *Summers T.* British policy towards Hong Kong // <https://theasiadialogue.com/2019/12/04/british-policy-towards-hong-kong/>.
9. *Benqiu S., Shixiong N.* 沈本秋、倪世雄. Meiguo jieru xianggang "yiguoliangzhi" de xianzhuang yu qushi. 美国介入香港“一国两制”的现状与趋势. Lanzhou Academic Journal. 2009. V. 3.
10. *Ting H.* 胡婷. Meiguo'quan zhengfu'dui hua zhanlue zhong de xianggang celue: Bianhua yu tezheng 美国'全政府'对华战略中的香港策略：变化与特征. United Front Studies. 2020. V. 2.
11. *Zhang Jian.* 张健. Hou tuo ou shi dai yingguo dui hua zhengce qianzhan, zai guoji jingji pinglun 后脱欧时代英国对华政策前瞻, 载国际经济评论. 2020. V. 2.

HAN WENXIN

*Ph.D. student, Faculty of World Politics,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

A COMPARATIVE ANALYSIS OF BRITISH AND U.S. POLICY TOWARD HONG KONG AFTER THE EXTRADITION PROHIBITION AMENDMENT²

British and U.S. policy toward Hong Kong is an important part of their policy toward China. In March 2019, an Extradition Prohibition Amendment Movement emerged around a government proposal. Hong Kong Special Administrative Region government amended the Fugitive Offenders Ordinance and the Mutual Legal Assistance in Criminal Matters Ordinance. The U.K. and U.S. use the riots to interfere in China's internal affairs, support the opposition in Hong Kong, separatist forces and rioters in Hong Kong, disrupt public order in Hong Kong, and restrict China's development. Thus, a study of British and American policies toward Hong Kong is essential for maintaining the principle of "one country, two systems" and for the prosperity and stability of Hong Kong, along with the realization of the peaceful reunification of the country and the great rejuvenation of the Chinese nation.

Key words: *Anti-extradition amendment movement, Britain's "flexible policy", U.S. "intervention policy", reasons for policy differences.*

² This article was prepared with the support of the China Scholarship Council (CSC).

Л.М. ЦАХИЛОВА

аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ В СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Вопросы международной безопасности являются одними из самых приоритетных в современных геополитических условиях. А политика безопасности международных организаций привлекает особое внимание экспертов в данной области. В статье рассматривается роль Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе на современном этапе мировой политики, а также ее место в становлении европейской и международной безопасности, а также перспективы ее развития.

Ключевые слова: ОБСЕ, международная безопасность, международные организации, европейская безопасность.

На современном этапе международных отношений, вопросы, касающиеся процесса трансформации политики безопасности, в частности международной безопасности, все чаще выносятся на стратегическую повестку государств-участников мировой политической арены.

Следует отметить, что в последние годы вопросы международной безопасности, широко освещаются в работах отечественных и зарубежных исследователей [6; 9; 11; 13; 19; 27; 28; 29].

Особенно актуальными становятся проблемы безопасности в Европе в научном и практическом плане в связи с событиями в Украине и проведением Российской Федерацией специальной военной операции. В работах российских авторов сегодня освещается широкий спектр вопросов близких к этой предметной области [1; 5; 8; 10; 12; 14; 15; 16; 20; 26].

Современные процессы трансформации и поиск новых путей поддержания политики международной безопасности требуют детального изучения роли международных организаций, позиционирующих себя ключевыми игроками в сохранении стабильности в данной области.

Одной из таких организаций по праву можно считать Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, созыв которой в 1975 году

должен был стать новым витком в построении новой архитектуры европейской безопасности.

От СБСЕ к ОБСЕ: этапы развития. *В годы холодной войны, когда Европа раскололась на два блока, отношения между которыми были весьма напряженными, СБСЕ стало одним из главных инструментов, позволявших не только усаживать всех игроков европейского политического поля за стол переговоров, но и добиваться разрядки напряженности и компромиссных решений по многим ключевым вопросам. Иными словами, СБСЕ в течение нескольких десятков лет оставалось той платформой, на которой строились межгосударственные отношения [21].*

Именно подписание Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе можно по праву считать фундаментом, ставшим источником нормативных правовых основ современной системы европейской безопасности.

Бесспорно, на момент созыва СБСЕ, мало какая международная организация в Европе могла составить конкуренцию СБСЕ

по представительству стран. Состав Совещания был представлен главами стран и правительств всех европейских государств. Нормализация отношений Федеративной Республики Германия с соседскими государствами, частичное закрепление нерушимости послевоенных границ на Европейском континенте послужило одной из причин успеха Совещания.

Созыв Совещания имел беспрецедентный характер и имел огромное международное значение, а также подвел политический итог, резюмировавший нерушимость послевоенных европейских границ. Огромный вклад СБСЕ внесло в расширение компонентов сферы обеспечения европейской безопасности. Так наряду с военными, важную роль стали играть такие как – политические, экономические, гуманитарные. Одновременно с этим, весомым вкладом Совещания, вне всякого сомнения, можно считать развитие прав и свобод человека и гражданина.

В ходе подписания Хельсинкских соглашений были созданы три так называемые «корзины» СБСЕ: военно-политическая, экономико-экологическая и гуманитарная, что стало прорывом в традиционной концепции международной безопасности.

Что касается истории становления организации, то ее можно условно разделить на несколько этапов. Первоначальным принято считать проходивший в Хельсинки с 3 по 8 июля 1973 года этап совещания при участии министров иностранных дел тридцати пяти государств. Второй этап совещания проходил в Женеве с 18 сентября 1973 по 21 июля 1975, и проводился турами продолжительностью от 3 до 6 месяцев на уровне делегатов и экспертов, назначенных государствами-участниками. И наконец третий этап был ознаменован подписанием Заключительного акта в августе 1975 года в Хельсинки. Каждый из этапов становления Организации охарактеризован

как успехами, так и определенными сложностями. Так именно на первоначальном этапе сложилась система «трех корзин» о которой упоминалось выше, и именно в этот период основной акцент сместился в сторону третьей корзины, что с одной стороны выгодно отличало СБСЕ от других международных организаций, которые придерживались принципа соблюдения «классической» безопасности, а с другой стороны привело к проблемам и обострившемуся в будущем кризису.

Следующий этап включает временный отрезок с августа 1975 по январь 1989 г. Именно в этот период проявились значительные проблемы с «корзиной» человеческого измерения.

Третий период становления организации затрагивает начало 1990-х годов. В это время на передний план вышла институционализация организации и преобразование СБСЕ в полноценную организацию, с присущими международной организации функциями. На Будапештском саммите СБСЕ 1994 года было принято решение о переименовании Совещания в Организацию. Уже на тот момент обсуждение затрагивало миротворческие функции в рамках Организации. Именно тогда и выдвигается нежизнеспособная, как оказалось спустя годы, идея о превращении СБСЕ в своего рода «европейскую мини-ООН» [6. С. 16].

Крупным достижением в процессе совершенствования организации можно считать специальную встречу глав государств и правительств стран-участниц СБСЕ 19-21 ноября 1990 г. в Париже. Хартия, подписанная в Париже, которая в будущем будет именоваться не иначе как, Парижская Хартия, открыла новую эпоху Организации. Спустя два года в Хельсинки был принят итоговый документ, который стал вектором дальнейшего развития организации со всем тем новым инструментарием, который должен был отличать ее от всех международных организаций.

Хронология взаимодействия ОБСЕ и России. Хронология взаимодействия России и ОБСЕ ведет свое начало с момента возникновения самой Организации, ведь Российская Федерация как государство продолжатель СССР, является одним из инициаторов «хельсинкского процесса». Наша страна всегда была заинтересована в укреплении роли этой организации на международной арене и в системе европейской безопасности, в укреплении ее международно-правового статуса. Данный подход был обозначен в Концепции внешней политики, которая была утверждена в 2016 году Президентом Российской Федерации [17]. В доктрине международного права до сих пор остается открытым вопрос, является ли ОБСЕ международной организацией или нет. Существует множество взглядов на эту проблему. Хотя характер обязательств СБСЕ и статус его учреждений остались неизменными, несмотря на изменение названия, продолжались усилия по оснащению ОБСЕ правоспособностью, а также привилегиями и иммунитетами, необходимыми для ее эффективного функционирования.

В 1993 году состоялось обсуждение вопроса о том, должен ли решаться этот вопрос путем разработки международного юридически обязательного документа, который должен быть ратифицирован государствами-участниками, или путем предоставления общего правового потенциала, привилегий и иммунитетов, которые должны осуществляться каждым государством-участником в рамках его национальной правовой системы

[25]. По сей день данный вопрос остается одним из самых острых. Прийти к консенсусу по данному вопросу не удалось ни на Стамбульском саммите в 1999 году, когда был разработан документ «Правоспособность ОБСЕ и ее привилегий и иммунитетов», ни в 2006 году, когда попытки неофициальной рабочей группы на уровне экспертов в рамках Постоянного совета (1) не увенчались успехом.

Несмотря на многочисленные попытки, включая разработку конвенции, которая наделила бы Организацию международной правосубъектностью, правоспособностью, привилегиями и иммунитетами, правовой статус ОБСЕ остается нерешенным до сегодняшнего дня.

Несмотря на то, что деятельность России и ОБСЕ была всегда тесно переплетена, не всегда их отношения были ровными и бесконфликтными. Открытый конфликт с Организацией ведет начало с 2004 года, с момента принятия заявления стран Содружества Независимых Государств, обвиняющих организацию в практике двойных стандартов. Тогда же было выражено недовольство Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), а год спустя и вовсе произошло блокирование принятия бюджета российской стороной, обосновываясь нежеланием финансировать проекты, которые идут вразрез с интересами страны. А годом позднее и вовсе прозвучало заявление о возможности выхода Российской Федерации из организации, озвученное Министром иностранных дел России

Сергеем Лавровым [7]. В Мюнхенской речи Владимира Путина также прозвучала резкая критика организации, а именно организация была охарактеризована как «вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран» [4].

Одной из кульминационных проблемных точек в отношениях ОБСЕ

и России стало предложение проекта Договора о европейской безопасности (ДЕБ), представленного Медведевым Д.А. Стало предельно ясно, что Российская Федерация больше не рассматривает ОБСЕ как единственную площадку для решения вопросов в сфере так называемой «жесткой» безопасности. Дальнейшие события на политической арене, а именно грузино-югоосетинский конфликт только усугубил кризисную ситуацию в отношениях России и ОБСЕ. В свою очередь резолюция Парламентской ассамблеи «О воссоединении разделенной Европы» получила также нелицеприятную характеристику главы российской делегации Александра Козловского, и была охарактеризована как «надругательство над историей».

На саммите ОБСЕ в 2011 году, на котором Россия наряду с группой других стран не допустила принятия «Декларации о фундаментальных свободах в цифровой век», С.В. Лавров высказал мнение, что ОБСЕ находится в критическом состоянии [18].

В отличие от данной ситуации, украинский кризис 2014 года послужил стремительному усилению значимости ОБСЕ, которая практически взяла на себя роль единственной международной организации и была признана всеми сторонами конфликта в качестве заслуживающего доверия наблюдателя. Однако данные надежды, возлагавшиеся на организацию, с течением времени рухнули.

Выводы. На сегодняшний день многие эксперты выражают разочарование во многих многосторонних международных организациях.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) не является исключением. Все чаще можно услышать утверждения о бесполезности и даже беспомощности ОБСЕ в решении ключевых вопросов европейской безопасности. До сих пор остаются открытыми вопросы, касающиеся международно-правового статуса организации, и его двусмысленности, тематического перекоса в деятельности, что повлекло за собой излишнее внимание отдельным аспектам в деятельности – например проблематике прав человека, и оставление без должного внимания других направлений, которые составляли изначальный мандат. Много критики также касается географического вопроса в деятельности организации, так как организация принимала большее участие в проблемных вопросах на постсоветском пространстве, тогда как меньшее внимание уделялось западному направлению.

Так какие перспективы ожидают Организацию в современных условиях?

Укрепление роли ОБСЕ и повышение ее эффективности невозможно без фундаментальных реформ и трансформации ее в полноценную организацию.

Рост геополитической напряженности ввиду последних событий на политической арене, а также упадок, в который пришла система соглашений

в сфере контроля над вооружениями и многие другие проблемы в этой области только подтверждают факт актуальности вопроса о роли ОБСЕ в системе международной безопасности.

Главное противоречие состоит в том, что совокупности всех возможных ресурсов данной организации предостаточно: они включают в себя огромное количество результативных и действенных механизмов и инструментов, которые способны внести изменения, и даже в какой-то мере реформировать текущее положение в сфере европейской и в целом международной безопасности. Тем не менее, вследствие недостатка политической воли участников, о чем в последние годы высказывается подавляющее количество экспертов в области безопасности и международных отношений,

большинство из этих механизмов и инструментов используются не со всей полнотой, а возможности ОБСЕ часто остаются не осуществимыми.

Не вызывает сомнений, что одним из главных шагов на пути к укреплению Организации, станет принятие учредительного документа, споры о котором не утихают несколько десятилетий.

Вместе с тем, большое количество направлений в деятельности ОБСЕ требуют выявления приоритетов и согласованности в ходе их воплощения в жизнь, что в свою очередь бы позволило избежать возможности возникновения дублирования функций, которые уже входят в полномочия других международных организаций.

Также целесообразной будет проработка вопросов, касающихся вызовов и угроз нового времени. Вдобавок требует укрепления направление организации, касающееся области разрешения конфликтов и реформирование громоздкого института единогласного одобрения всеми государствами-участниками – создания миссий.

В конце XX века ОБСЕ с помощью системы комплексной концепции безопасности задала вектор развития данной области на много лет вперед. Сможет ли вернуть организация прошлые позиции и разрешить разногласия? Во многом это будет зависеть от реакции государств-участников. Ведь большинство международных организаций представляют собой выражение воли своих участников. ОБСЕ также не является исключением.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Постоянный совет ОБСЕ – Постоянный совет является главным директивным органом для проведения на регулярной основе политических консультаций и для управления повседневной оперативной деятельностью ОБСЕ в периоды между встречами Совета министров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Анненков В.И., Моисеев А.В., Шангараев Р.Н.* Энергетическая безопасность как фактор обеспечения национальной и международной безопасности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 4 (73).

2. Астанинская юбилейная декларация «На пути к сообществу безопасности» // Официальный сайт ОБСЕ. 2010 // <http://www.osce.org/ru/cio/74990?download=true>.

3. *Бартош А.А.* Основы международной безопасности. Организации обеспечения международной безопасности: учебное пособие для бакалавриата и специалитета. Москва, 2018.

4. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/2404>.

5. *Гойчев Р.И.* Влияние геополитики США на безопасность в Европе в условиях украинского конфликта // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 6 (82).

6. *Загорский А.В.* Россия в системе европейской безопасности. М.: ИМЭМО РАН, 2017.

7. Как ссорились Россия и ОБСЕ // Архивная копия «Коммерсантъ». 27.12.2007. № 240 (3816) // <https://www.kommersant.ru/doc/840346>.

8. *Калита В.Н., Осипова Н.В.* Роль и место Украины в диалоге о стратегической стабильности между Россией и Западом // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86).

9. *Коккошин А.А.* Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. Издательство: Высшая Школа Экономики.

10. *Кузьмина О.В., Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А.* Глобальная система международных отношений на рубеже 2020-ых годов: тенденции и риски развития // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 3 (37).

11. *Кулагин В.М.* Современная международная безопасность: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2012.

12. *Куревлев К.А.* Сравнительный анализ стратегий национальной безопасности ЕС и США на современном этапе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 3 (84).

13. *Кутейников А.Е.* Международные межправительственные организации. Теоретико-социологический анализ. С.-Пб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2012.

14. *Лукинова Е.А.* Проблема Кипра в контексте отношений Греции, Турции и Европейского Союза // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 3 (84).

15. *Михайленко А.Н.* Специальная военная операция России на Украине: случайность или закономерность? // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85).

16. *Муравых А.И., Никитенко Е.Г.* Агония коллективного Запада // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 4 (80).

17. *Новик Д.Г.* Урегулирование современных международных конфликтов: проблемы, инструменты, методы. (Аспирантура). (Бакалавриат). (Магистратура). Сборник статей // <https://www.litres.ru/raznoe-65383/uregulirovanie-sovremennyh-mezhdunarodnyh-konfliktov-63108007/>.

18. *Орлов С.* Саммит ОБСЕ с запланированной перепалкой // Свободная пресса // <https://svpressa.ru/politic/article/50771/>.

19. Петровский В.Е. Роль политико-дипломатических средств в обеспечении Евразийской безопасности // Безопасность в Евразии: новые вызовы и проблемы: Сб. научных трудов. М., 2004.

20. Поспелов Н.В. Российско-турецкое политическое сотрудничество в борьбе с международным терроризмом на территории Сирии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2 (83).

21. Растольцев С. Роль ОБСЕ в меняющемся мире: шагая в будущее // Аналитическая статья // Российский совет по международным делам (НП РСМД). Москва, 2015 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-obse-v-menyayushchemsya-mire-shagaya-v-budushchee/>.

22. Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе: Заключительный акт. Хельсинки, 11 августа 1975 г. // Официальный сайт ОБСЕ // <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505>.

23. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.12.2016, № 49, ст. 6886.

24. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.

25. Хельсинский документ СБСЕ «Вызов времени перемен». Хельсинки, Декларация Хельсинкской встречи на высшем уровне, 1992 год // Официальный сайт ОБСЕ // <https://www.osce.org/ru/mc/39534>.

26. Чжао Лу. Влияние российско-украинского конфликта на трансформацию международного порядка // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85).

27. *Debuysere L., Blockmans S.* Crisis Responders: Comparing Policy Approaches of the EU, the UN, NATO and OSCE with Experiences in the Field // *European Foreign Affairs Review*. 2019. Vol. 24. № 3.

28. Dean Jonathan. OSCE and NATO: Complementary or Competitive Security Providers for Europe? The Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg (ed.), OSCE Yearbook, 1999.

29. *Gregory Y.K.* Theoretical Frameworks for the Analysis of Regional Security Organizations. Thesis. University of Amsterdam, 2010.

L.M. TSAKHILOVA

*PhD student, Department of Comparative
Political Science, faculty of political science, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

**EVOLUTION OF THE ROLE AND PROSPECTS
OF THE ORGANIZATION FOR SECURITY
AND COOPERATION IN EUROPE
IN THE EUROPEAN SECURITY SYSTEM**

Issues of international security are the highest priority in today's geopolitical conditions. The policy of international security organizations attracts the attention of experts in this field. The article plays the role of the Organization for Security and Interaction in Europe with the Public of World Politics, as well as its place in the development of world and international security.

Key words: *international security, international organization, European security.*

А.А. КОВАЛЕНКО

аспирант Дипломатической
академии МИД РФ,
Россия, г. Москва

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО РЕСУРСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Объект статьи – внешнеполитическое функционирование культуры. Предметом выступает институционализация культуры как внешнеполитического ресурса Российской Федерации и ее внешнеполитические перспективы. Методологическую базу работы составили подходы неолібeрaлизмa и реализмa, которые обусловили рассмотрение культуры в качестве важного и перспективного ресурса внешней политики российского государства, использующего культуру для обеспечения своего международного влияния, национальной безопасности и целостности своей страны. Методами исследования стали общенаучные методики анализа, синтеза, сравнения, а также анализ нормативных документов Российской Федерации и информационных ресурсов культурных институтов, которые реализуют работу культурного внешнеполитического функционирования.

Основным выводом автора стало понимание того, что на сегодняшний день культура проходит процесс институционализации в качестве внешнеполитического ресурса Российской Федерации. Ее представленность за рубежом обусловлена работой значительного числа культурных институтов, спектр которых включает как органы исполнительной власти России, так деятельностью частных фондов, а также образовательных, религиозных, масс-медийных и пр. организаций.

Потенциал развития их работы весьма высок, так как использование культуры в качестве ресурса внешней политики России является особенно актуальным в процессе происходящего международного противостояния. Одновременно с этим, сложившаяся ситуация предполагает особое внимание и участие государства в развитии культурной сферы, которая может выступать в условиях современной мировой политики одной из основ для обеспечения национальной безопасности и целостности России.

Ключевые слова: институционализация, культура, «мягкая сила», механизмы, институты, внешняя политика, мировая политика, международная система, Российская Федерация, перспективы.

Введение. Актуальность темы данной статьи обуславливается как теоретическими предпосылками, так и наиболее актуальными политическими реалиями. Так значительный массив зарубежных и российских работ посвящается, как и прежде понятию «мягкой силы», неотъемлемым элементом которой являются культурные компоненты. Помимо сохраняющейся академической значимости развитие изучения «мягкой силы» предполагает рассмотрение культуры в качестве внешнеполитического ресурса, который используется и функционирует наряду с экономическими, дипломатическими, военными и прочими составляющими внешней политики.

Практическая актуальность обусловлена происходящими в данный момент трансформациями международной политической системы и обусловившим их противостоянием западных государств и Российской Федерации. В подобных условиях использование культуры в качестве внешнеполитического ресурса приобретает особую значимость. Она связана со способностью культурных инструментов и механизмов влиять на такие фундаментальные категории как ценности, нормы, мышление людей во всем мире. Это обуславливает и потенциал ее внешнеполитического функционирования. Так как именно культура выступает наиболее мирным и безопасным ресурсом внешней политики в современном мире.

Соответственно, целью работы выступает институционализация культуры как внешнеполитического ресурса Российской Федерации и перспективы ее актуального применения.

Задачами выступают:

1. Рассмотрение инструментов и механизмов современной внешней культурной политики РФ.
2. Определение перспектив использования культуры в качестве внешнеполитического ресурса России.

Объект статьи – Внешнеполитическое функционирование культуры. Предметом выступает институционализация культуры как внешнеполитического ресурса Российской Федерации и ее внешнеполитические перспективы.

Методологическую базу работы составили подходы неолиберализма и реализма, которые обусловили рассмотрение культуры в качестве важного и перспективного ресурса внешней политики российского государства, использующего культуру для обеспечения своего международного влияния и национальной безопасности. Методами исследования стали общенаучные методики анализа, синтеза, сравнения, а также анализ нормативных

документов Российской Федерации и информационных ресурсов культурных институтов.

Теоретической основой статьи стали работы авторов (отечественных и зарубежных), которые в наиболее актуальный период посвящали свои работы изучению «мягкой силы» [21. Р. 583-612; 22. Р. 147-158; 19. Р. 200-206; 20. Р. 73-78; 18; 16; 8; 9; 12. С. 229-232; 4. С. 303-309; 1. С. 143-154; 6], а также исследователей внешнеполитического функционирования культуры: реализующей ее институционализации и перспектив развития [13-21].

Инструменты и механизмы внешней культурной политики России.

Изучение процесса институционализации культуры в качестве внешнеполитического ресурса России становилось целью работ ряда отечественных авторов. Общей чертой этих исследований можно считать выделение в этом процессе ключевых инструментов и механизмов, на основе которых реализуется в данный момент внешнеполитическая культурная деятельность [7. С. 253-260; 10. С. 31-36; 11. С. 90-94; 15. С. 67-79; 2. С. 56-65; 17. С. 65-74; 3. С. 22-31].

Как правило, в качестве инструментов внешней культурной политики определяются субъекты (институты и организации), которые ее осуществляют. Ключевыми среди них можно назвать государственные и негосударственные институты, начиная с органов исполнительной власти и подчиненных им организаций и заканчивая фондами культурного и языкового развития; непосредственно связанные с ними организации различных сфер искусства (музеи, театры, библиотеки и пр.), их деятельность непосредственно связана с государственными и частными институтами и рассматривается совместно; образовательные учреждения и языковые школы; религиозные организации; средства массовой информации.

Предложенный список не является исчерпывающим, однако он позволяет достаточно полно охарактеризовать инструменты институционализации культуры в ее внешнеполитическом измерении и выявить используемые ими механизмы.

Так, обозначая роль государственных институтов можно обозначить, что ведущими в данном направлении являются МИД и Министерство культуры РФ. Каждый из них в своем сегменте ведет внешнеполитическую культурную деятельность. Так, Минкульт России способствует проведению российских культурных мероприятий за рубежом. В данном случае МИД обладает определенным приоритетом, так как именно им реализуется внешняя политика, использующая культуру в качестве внешнеполитического ресурса. Основными направлениями его непосредственной деятельности являются гуманитарное сотрудничество и работа с соотечественниками за рубежом. В их рамках МИД взаимодействует с международными организациями, формирует гуманитарную (в том числе правозащитную) повестку, соответствующую ценностям и нормам Российской Федерации,

реализуемую посредством работы должностных лиц МИД и их публичных заявлений, способствует осуществлению религиозного диалога и пр. Указанная работа с соотечественниками также является весьма широким и масштабным направлением культурной работы МИД, включающим работу поддерживающих их структур и проведение международных тематических конференций [7. С. 253-260; 10. С. 31-36; 11. С. 90-94].

Одним из главных регламентируемых МИДом институтов является Россотрудничество. Его направления работы во многом соответствуют тем, которые реализует МИД. Главным в работе этой организации является использование традиционных и инновационных механизмов внешнеполитической культурной деятельности. К традиционным можно отнести десятки зарубежных представительств и культурных центров за рубежом, поддержку распространения русского языка, помощь и организацию мероприятий в сфере искусства и пр. Инновационные предполагают использование информационных ресурсов сети Интернет, коммуникационных технологий, обеспечивающих деятельность культурных институтов и доступ к российским образовательным и культурным ресурсам за рубежом [7. С. 253-260; 10. С. 31-36; 11. С. 90-94].

Близкое к Россотрудничеству направление деятельности по популяризации русского языка, культуры, привлечению зарубежной молодежи к их изучению и формированию положительного имиджа России за рубежом реализуют государственные и частные фонды. Такие как Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, Фонд «Русский мир», Российский фонд культуры, Международный художественный фонд, Фонд имени Д.С. Лихачева и пр. Их деятельность предполагает обращение к определенным механизмам работы, предполагающим приоритет работы в языковой, художественной, научной и пр. сферах культуры. Это делает ее более узко-ориентированной, однако повышает целенаправленность влияния [7. С. 253-260; 10. С. 31-36; 11. С. 90-94].

Механизмы работы других упомянутых субъектов достаточно очевидны. Так, образовательные организации в первую очередь используют такие формы зарубежной работы как создание филиалов, установление партнерских контактов и соглашений с партнерами за рубежом, организацию международных образовательных и научных обменов и пр. Религиозные субъекты (в первую очередь Русская православная церковь) также имеет зарубежные епархии и ведет активную работу по распространению концепции «Русского мира», православия и места РПЦ в христианском мире [7. С. 253-260; 10. С. 31-36; 11. С. 90-94; 15. С. 67-79; 2. С. 56-65; 17. С. 65-74; 13. С. 391-394].

Также важную роль на сегодняшний день занимают российские масс-медиа и русскоязычный сегмент Интернета. Значимость использования информационных ресурсов является особенно важной в актуальных

глобальных реалиях, как именно обусловленные ими механизмы работы обеспечивают взаимодействие и информирование граждан других государств, относящихся к ближнему и дальнему зарубежью. В этом контексте российские СМИ, имеющие также как другие культурные институты десятки зарубежных представительств и партнерств и осуществляющие работу по формированию российской международной повестки за рубежом, реализуют особенно актуальную в данный момент функцию донесения российских культурных императивов до иностранной аудитории [6; 7].

Таким образом, инструменты культурной внешней политики РФ и их механизмы весьма разнообразны. Они охватывают широкий спектр внешнеполитической культурной деятельности, ориентированы на обеспечение различных ее сегментов и реализуются на основе применения традиционных и инновационных принципов работы.

Перспективы культуры как ресурса внешней политики РФ в современных условиях. Оценивая потенциал дальнейшего использования культуры в качестве ресурса внешней политики России, стоит отметить, что в Стратегии развития культуры РФ до 2030 г. для нее предлагается три сценария развития: «инерционный», «инновационный» и «базовый». В рамках первого предполагается ограниченное финансирование культурной сферы, обуславливающее ее динамичное развитие. В сфере международной деятельности это может предполагать сокращение зарубежных представительств, ограничение работы языковых школ, реализации международных культурных мероприятий и пр.

«Инновационный» сценарий, напротив, включает значительное финансирование и прорыв в культурной сфере. Во многом это связано с обеспечением частных инвестиций, реализацией проектов и использованием инновационных технологий для ее развития. Это должно обеспечить качественно иной статус культуры в России и в ее внешней политике.

Последний «базовый» сценарий можно определять, как наиболее обоснованный, так как в нем представлен механизм постепенного увеличивающегося финансирования, обеспечивающего определенные аспекты культурной деятельности. В рамках внешней политики это предполагает включение российских объектов искусства в список ЮНЕСКО и достижения РФ лидерских позиций по этому показателю; возрастание качественных ресурсов в Интернете, обеспечивающих обучение русскому языку и культуре; увеличение адресной поддержки русских школ за рубежом и пр.

В процессе оценки внешнеполитических перспектив культуры, указанные позиции можно дополнить рядом других. Так, в нашем представлении наиболее обоснованный вариант ее дальнейшего развития должен предполагать удержание и наращивание российских культурных представительств, работающих в сфере искусства, образования, религии, информации и пр. Кроме того, необходимым для национальной безопасности РФ

представляется укрепление и развитие культурной сферы в самом государстве, обеспечивающей ее целостность и фундаментальную обоснованность ее ценностей, норм и традиций, как основы противостояния западным императивам.

Для реализации данного сценария необходимым является обеспечение принятия нормативно-правовых документов, которые станут основой ресурсного обеспечения и законодательной регламентации внешнеполитического культурного развития. Кроме того, в текущей ситуации международного противостояния государство должно взять на себя максимально возможную ответственность за обеспечение культурной деятельности за рубежом, так как привлечение частного инвестирования в этом контексте представляется весьма ограниченным, а степень иностранного противодействия работе российских культурных институтов, напротив, усилившейся и активной.

Все это обуславливает перспективность и значимость использования культуры в качестве ресурса внешней политики Российской Федерации, которую она реализует в современных условиях. При этом стоит учитывать необходимость целенаправленного развития внешнеполитического культурного функционирования и определения его роли на равнее с экономической, военно-политической и прочими составляющими российской внешней политики.

Выводы. Подводя итоги данной статьи, стоит отметить, что на сегодняшний день культура проходит процесс институционализации в качестве внешнеполитического ресурса Российской Федерации. Ее представленность за рубежом обусловлена работой значительного числа культурных институтов, спектр которых включает как органы исполнительной власти России, так деятельностью частных фондов, а также образовательных, религиозных, масс-медийных и пр. организаций.

Механизмы, которые ими используются также различаются в рамках культурных сфер их применения, а также принципами работы, которые предполагают использование традиционных и инновационных каналов и ресурсов внешнеполитической культурной деятельности.

Потенциал развития этой работы весьма высок, так как использование культуры в качестве ресурса внешней политики России является особенно актуальным в процессе происходящего международного противостояния. Одновременно с этим, сложившаяся ситуация предполагает особое внимание и участие государства в развитии культурной сферы, которая может выступать в условиях современной мировой политики одной из основ для обеспечения национальной безопасности и целостности России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Андреев И.А.* «Мягкая сила» глазами зарубежных аналитиков: к операционализации концепта // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3.
2. *Вольтер О.В.* Религиозное противостояние Русской Православной Церкви Константинопольского патриархата как отражение геополитических трансформаций на мировой арене // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 25. № 5. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-5-56-65.
3. *Гарбузарова Е.Г.* Инструменты «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане // Вестник РУДН. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ. 2020. Том 22. No.1.
4. *Данаева А.Э.* Национальные модели «мягкой силы»: индексы в сравнительном анализе // Социально-гуманитарные знания. 2020.
5. *Захаров Ф.В.* Современная стратегия «мягкой силы» Узбекистана // Россия и мусульманский мир. 2020.
6. *Маслова К.В.* «Мягкая сила» в политическом дискурсе в России // Вестник науки и образования. 2020. № 16 (94).
7. *Мухаметов Р.С.* Инструменты внешней политики России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2009. Т. 5. № 4.
8. *Най Дж.* Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2014.
9. *Неймарк М.А.* «Мягкая сила» в мировой политике / М.А. Неймарк; предисл. Е.П. Бажанова; Дип. академия МИД России. 3-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2019.
10. *Носкова Н.А.* Международные культурные обмены как инструмент реализации государственной культурной политики // Петербургский экономический журнал. 2016. № 2.
11. *Новоселов С.В.* Российская модель и инструменты «мягкой силы» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3 (56).
12. *Осташова Я.В.* Интерпретация «мягкой силы» отечественной политологией // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4 (106).
13. *Рязанцева Н.Б., Чернов С.И., Решетников И.И.* Русскоязычная диаспора как инструмент «мягкой силы» России (на примере Эстонии) // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152).
14. *Сенокоп Я.С.* Упадок «мягкой силы» во внешней политике США: причины и тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2021.
15. *Шевченко Я.Н.* Роль образовательных обменов в инструментарии российской публичной дипломатии // Известия Восточного института. 2019. № 2. DOI: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/67-79.
16. Anholt-Ipsos Nation Brand Index // <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-10/NBI-2021-ipsos.pdf>.

17. *Donetskaya S.S., Yan Zhan.* Internationalization of Higher Education in China: Modern Trends // Высшее образование в России. 2019.

18. *Grey C.S.* Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century // <https://issat.dcaf.ch/download/49204/780883/pub1059.pdf>.

19. *Hall T.* An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics. 2010. № 3.

20. *Kearn, David W.* The hard truths about soft power // Journal of Political Power. April, 2011. Vol. 4. No 1.

21. *Mattern J.B.* Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium – Journal of International Studies. 2005. Vol. 33 (1).

22. *Ying F.* Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. Vol. 4. No 2.

A.A. KOVALENKO

*Diplomatic Academy, Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

INSTITUTIONALIZATION OF CULTURE AS A FOREIGN POLICY RESOURCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PROSPECTS FOR ITS APPLICATION IN MODERN WORLD POLITICS

The object of the article is the foreign policy functioning of culture. The subject is the institutionalization of culture as a foreign policy resource of the Russian Federation and its foreign policy prospects. The methodological basis of the work was formed by the approaches of neoliberalism and realism, which led to the consideration of culture as an important and promising resource of the foreign policy of the Russian state, using culture to ensure its international influence, national security and the integrity of its country. The research methods were general scientific methods of analysis, synthesis, comparison, as well as analysis of the regulatory documents of the Russian Federation and information resources of cultural institutions that implement the work of cultural foreign policy functioning.

The main conclusion of the author was the understanding that today culture is undergoing the process of institutionalization as a foreign policy resource of the Russian Federation. Its representation abroad is due to the work of a significant number of cultural institutions, the spectrum of which includes both the executive authorities of Russia and the activities of private foundations, as well as educational, religious, mass media and other organizations. The potential for the development of their work is very high, since the use of culture as a resource for Russia's foreign policy is especially relevant in the process of the ongoing international confrontation. At the same time, the current situation presupposes special attention and participation of the state in the development of the cultural sphere, which can act as one of the foundations for ensuring the national security and integrity of Russia in the conditions of modern world politics.

Key words: *institutionalization, culture, soft power, mechanisms, institutions, foreign policy, world politics, international system, Russian Federation, prospects.*

И.А. КИШУЕВА

*аспирант кафедры зарубежного регионоведения
и внешней политики РГГУ,
Россия, г. Москва*

РАЗВЕДКА С ОТКРЫТЫМ КОДОМ КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДИНАМИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Предметом настоящей статьи является разведка с открытым кодом (англ.: OSINT (Open-Source Intelligence)), применяемая в качестве набора инструментов политической коммуникации в меняющемся ландшафте международных отношений. Материально методическая база исследования включает широкий спектр данных и верифицированных источников для формирования всестороннего представления о механизме реализации, сопутствующих рисках дифференцированных правительственных систем и релевантности, технологий разведки с открытым кодом текущим задачам межгосударственного взаимодействия.

В данной работе последовательно конкретизируется предметная структура цифровых технологий на основе, разработанной корпорацией RAND, графической репрезентации элементов методологического цикла OSINT. Системный анализ отражает корреляцию институциональных образований, задействованных в механизме аккумуляции и фильтрации данных. Практические примеры, приводимые в исследовании, иллюстрируют положительные и нежелательные тенденции, в ходе развития технологий цифровой разведки с открытым кодом. Концептуальный анализ западного и восточного подходов к регуляции сферы цифровой коммуникации позволяет идентифицировать области расхождения элементов, детерминирующих структуру международных отношений. В результате исследования предоставлена актуальная характеристика OSINT в текущей международной повестке; выработаны направления по смягчению рисков и эффективному использованию технологий цифровой разведки открытых данных.

Ключевые слова: OSINT, цифровая коммуникация, международные отношения, многостороннее управление, цифровой конституционализм.

Введение. С вовлечением множества заинтересованных сторон в межгосударственное взаимодействие ООН и Совета Европы, парадигма

международных отношений уверенно движется к горизонтальной системе управления. Развитие коммуникационных технологий последних десятилетий, играет ключевую роль в направлении этого процесса. Технологии гражданской интеракции стали инструментом утверждения власти существующих МНПО, как фундаментальных институтов общественного контроля, требующих слияния и синхронизации форм государственного управления.

Тематические форумы все чаще становятся посреднической площадкой для реализации политических целей и взаимодействия с аудиторией, с последующей ретрансляцией в глобальной сети. Благодаря скоростному росту технологий, позволяющим находить, создавать и распространять информацию и формировать реальность, экспоненциально увеличивается количество и качество исследований, на основе открытых данных. Организации по всему миру объединяют профессионалов в смежных областях и развивают технологии разведки с открытым кодом (далее по тексту – OSINT). В условиях проницаемости информационных границ, OSINT используется как модифицируемый инструмент межправительственного взаимодействия.

В исходном понимании OSINT определяется как обособленный инструмент государственной информационной операции, призванный сократить издержки традиционной разведки. Инструкция Справочника НАТО по разведке из открытых источников, датированная 2002-м годом гласит, что «при систематическом применении продукты OSINT могут снизить потребность в секретных ресурсах для сбора разведанных, ограничивая запросы информации только теми вопросами, на которые нельзя ответить из открытых источников» [30].

В процессе освоения правительственной прерогативы на эксклюзивный доступ к разведанным, преимуществом таких систем становится высокий уровень аутентификации, с одновременным охватом различных источников информации в формируемой посредством ИКТ аудитории. Что привело к эволюции инструмента и его функционала.

Закон США о национальной обороне от 2006 года определяет OSINT как «разведывательные данные, полученные из общедоступной информации, которые собираются, используются и своевременно распространяются среди соответствующей аудитории с целью удовлетворения конкретных требований разведки» [8].

Исследователь Бенеш Либор констатирует революционность технологий последних десятилетий в соответствии с критериями научных революций Томаса Куна и определяет OSINT как «часть огромного массива данных, который ежедневно распространяется и передается, может считаться актуальной, своевременной и полезной для аналитика» [14. С. 22-37].

Задачи исследования охватывают:

– анализ системы и функционала OSINT на современном этапе развития цифровых технологий;

– актуализация предмета анализа, выявление существующих и потенциальных угроз, связанных с использованием арсенала OSINT неправительственными участниками международных отношений;

– сопоставление отечественного и зарубежного стратегического инструментария по регуляции институциональной сферы приложения OSINT;

– выработка заключений и перспектив развития роли цифровой разведки в фокусе системообразующих факторов глобальной политической коммуникации.

Основная часть. Анализ открытых данных, традиционно проводимый новостными и информационными агентствами с использованием культурных, социальных и дипломатических каналов, сегодня все больше опирается на высокие технологии в области Земли и космической инфраструктуры (Maxar Technologies, Vricon, Inc., PlanetScope), спутниковых изображений высокого разрешения (Capella Space Synthetic Aperture Radar), картографических данных (OpenStreetMap), широкоэшелательных служб авиации (ADS-B Exchange, Flightradar24) и других служб геопространственного дистанционного зондирования, а также системы мониторинга сферы ИКТ (кроссплатформенные репозитории (OSINT Framework, sub3suite), инструменты графического анализа (Maltego), структурирования данных (IBM SPSS Modeler)).

Консолидация материалов для построения первичных систем знаний производится путем извлечения информации из социальных сетей, блогов, форумов, общественных баз, данных сотовых операторов, бизнеса, городской инфраструктуры, интернет-рынков, криптовалют и блокчейн, судебных материалов и правовых актов, веб-аналитики, веб-мониторинга, средств сопоставления и обработки данных, академических ресурсов и неофициальной литературы и пр.

Анализ RAND посвященный переосмыслению OSINT второго поколения как разведывательной дисциплины приводит методологический цикл, состоящий из получения, проверки, определения ценности и презентации результата.

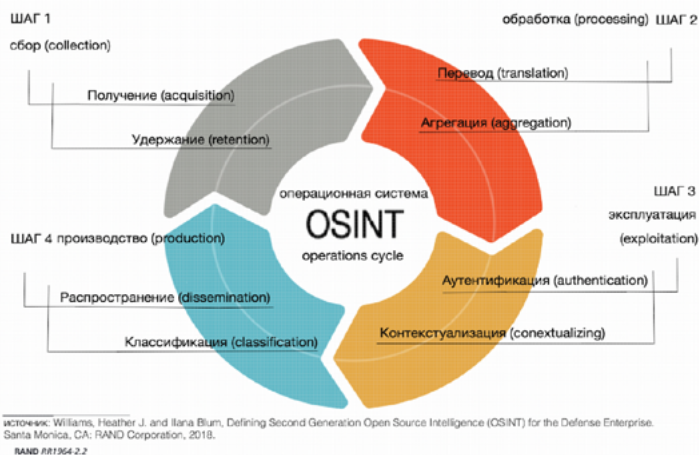

Рисунок 1. Операционная система OSINT

Компоненты данных распределяются по спектру сложности от наиболее простых источников данных – СМИ, серой литературы, полноформатного мультиплатформенного освещения к сложным социальным сетям [32. С. 13-18].

Цифровизация разведки опирается на классическую сетевую модель коммуникации – систему интеграции и возвращения критически важной информации через диверсифицированные каналы из целевой аудитории и обратно. Расширение каналов связи ставит задачу обработки больших объемов данных, посредством аутсорсинга и разработки механизмов верификации и атрибуции.

Специализированные ресурсы сбора и интерпретации данных широко представлены международными неправительственными организациями и реализуются сетями журналистов-расследователей (Центр по исследованию коррупции и организованной преступности (Organized Crime and Corruption Reporting Project (OCCRP)); Transparency International; Международный консорциум журналистов-расследователей (International Consortium of Investigative Journalists (ICIJ)); Глобальная сеть журналистов-расследователей (Global Investigative Journalism Network (GIJN)); Международный центр журналистов (International Center for Journalists (ICFJ)); Сеть журналистов-расследователей в Восточной и Юго-Восточной Европе (Network for investigative journalists in East and Southeastern Europe (SCOOP) и др.).

OSINT охватывает растущий класс профессионалов в таких областях, как журналистика, кибер-безопасность, юриспруденция, социальные науки, инвестиционные исследования, антикризисное управление и права человека

и пр. Для удовлетворения потребностей такого широкого круга исследователей производится неограниченный объем инструментов экстрадиции и трансформации данных.

Справочник i-intelligence по ресурсам OSINT в общественных (surface), глубоких (deep web), и теневых сетях (darknet) содержит тысячи директорий, исчерпывающее исчисление которых, в виду непрерывной многопользовательской генерации, не представляется возможным [4].

Наряду с положительными аспектами, технология OSINT сталкивается с вызовами, затрагивающими социальные коммуникации в целом. Низкий порог доступа окупается ростом популярности инструментов среди акторов, намеренно или неумышленно допускающих неточности в процессе сбора и сопоставления информации. Свойственные СМИ, популярные в блогосфере методы манипуляции нарративом обогащаются средствами OSINT, с одной стороны упрощая цели пропаганды, с другой – перенасыщая информационное поле неконструктивной коммуникацией и подрывая доверие к самому жанру аналитической журналистики.

Вследствие широкого распространения резонансных материалов и общественного запроса на квалифицированную обработку массива информации, в геометрической прогрессии множатся публикации имитирующие профессиональные работы.

Зачастую сотрудничество с правительством неизбежно для беспрепятственного доступа к ресурсам и технологиям. Опасные условия труда, сложности финансирования и необходимость компромиссов с властью – составляющие кризиса СМИ и также ограничивают исследовательскую журналистику.

Правительства и организации (от масштабных наднациональных корпораций до небольших общественных союзов) избегают раскрытия аспектов своей деятельности, ведущих к репутационным издержкам, что, стоит заметить, справедливо не только в отношении авторитарных правительств и государств с переходной демократией.

Согласно Индексу финансовой секретности (Financial Secrecy Index (FSI)) от Tax Justice Network, по шкале закрытости финансовых юрисдикций и их влияния на глобальные финансовые потоки, США, Великобритания, Люксембург, Германия, Швейцария и Нидерланды занимают первые строки рейтинга в качественном и количественном соотношении [10].

Несмотря на высокое положение в Индексе восприятия коррупции с коррелирующим уровнем демократии западных государств, Глобальная антикоррупционная сеть в постоянной рубрике «Trouble at the Top» указывает на существенные недостатки в области финансового сектора «образцовых» стран [19].

Неблагоприятной тенденцией, характерной для киберпространства, является необходимость постоянного совершенствования навыков,

что способствует соответствующему росту технологий маскировки и сокрытия общественно значимой информации.

Достоверность подаваемой информации – ключевой аспект в борьбе за внимание в перенасыщенном поле ИКТ, в среде многовекторных ложных сообщений бремя доказательств возлагается на журналистов-фактчекеров. Информационный шторм, образующийся вокруг масштабных событий, повышает ресурсоемкость и скорость обработки больших данных, что безусловно отражается на стоимости извлечения эффективных материалов. Необработанная информация включает огромное количество записей, которые собираются с использованием технических средств для выявления взаимодействий или сообщений, представляющих критический интерес.

В области кибербезопасности OSINT – одна из наиболее противоречивых тем [18. С. 68-86]. По мере того, как информация в Интернете становится все более защищенной, благодаря доступности и распространению технологий шифрования, репортеры OSINT прибегают к альтернативным источникам и изощренным путям поиска и распространения информации.

Вместе с тем, регулярные нарушения стандартов прозрачности со стороны компаний, непосредственно формирующих сетевое пространство, вызывают наибольшую обеспокоенность.

Отголоски скандала с данными Facebook и Cambridge Analytica не стихают по прошествии лет [2]. И, несмотря на предпринимаемые меры, сегодня практически каждый пользователь сталкивается с риском скрытого отслеживания со стороны разработчиков и передачи данных третьим лицам. Доступ к платформам в глобальной сети несет собой издержки – владельцы не всегда обладают информацией о целях и конечных назначениях данных, представляющих ценность как для рыночных рекламодателей, так и для политических кампаний по манипуляции мнением.

В большинстве случаев, остается надеяться, что персональные данные, попадающие под защиту от третьих лиц, сохраняют конфиденциальность. При этом публичные индивидуальные характеристики, которыми пользователи делятся в социальных сетях не менее ценны для исследователей. Такая информация активно используется в качестве материалов OSINT, решающее значение играют целеполагания и субъективные стандарты этики акторов, собирающих психометрические показания в массовом порядке.

Стратегии противодействия так называемым «плохим акторам» в Интернете продолжают разрабатываться и совершенствоваться. Несмотря на то, что технологии остаются частью проблемы OSINT, они так же предоставляют решения [27]. Множества алгоритмов машинного и ручного способа маркировки вводящей в заблуждение информации реализованы как на базе платформ и официальных расширений браузеров, так и правительственными и неправительственными кампаниями по защите

общественных интересов. В большинстве случаев противодействие злонамеренной информации производится путем привлечения и обучения пользователей.

Растущая цивилизованность OSINT создает движение «информация как сопротивление», в котором цифровая активность подразумевает разоблачение и распространение бесхозяйственности государства, коррупции и репрессий. Эта культура сопротивления приобретает все более организованную цифровую идентичность после разоблачения злоупотреблений государственной слежкой в связи с рассекречиванием программы PRISM, слежки АНБ, расследованием Wikileaks и множественными коррупционными скандалами со сливами глобальных оффшорных схем. По недавнему заключению Зейнеп Туфекчи, «нынешняя культура и идентичность этого сообщества (прим. OSINT) в основном антигосударственны» [1. С. 380-382].

Подъем активности и приобщение государств к гражданскому пулу OSINT наблюдается после избрания президента Трампа и с актуализацией проблемы дезинформации, триггером, которой послужили множественные расследования иностранного вмешательства в выборные процессы США, Великобритании и Европы.

Прозрачность, в том числе в отношении предположений и неопределенности, нивелирует вероятность распространения слухов, а также обеспечивает общественный контроль официальной информации и открытых правительственных данных. Государственные учреждения кооперируют с неправительственными партнерами с целью укрепления доверия в обществе и участия в регуляции технологической компаний. Движение против дезинформации, за транспарантное правительство и безопасные выборы набирает сторонников в глобальном измерении, где OSINT становится ключевым инструментом определения, распознавания угроз и преодоления препятствий.

На стыке разведки, прогнозирования, стратегии и политики, коммерческие услуги оказывают множества региональных центров. К примеру, швейцарская компания i-intelligence специализируется на индивидуальных исследованиях и консультациях в сфере национальной безопасности, правоохранительных органов, кризисного управления, борьбы с терроризмом и мошенничеством.

Государственная служба связи (Government Communication Service (GCS)) британского правительства ведет обновляемый набор инструментов для противодействия дезинформации RESIST – руководство для организаций по идентификации, пресечению, разработке ответных мер и повышению устойчивости аудитории к ложной информации [22].

Великобритания разработала общегосударственный подход к реагированию на дезинформационные атаки. Эти усилия возглавляет Департамент цифровых технологий, культуры, СМИ и спорта (Department for digital,

culture, media and sport), который координирует действия по разоблачению иностранной дезинформации, предупреждению общественности и оценке соответствующих ответов через Группу по борьбе с дезинформацией (Counter Disinformation), в которую входят спецслужбы, технические эксперты, МИД, а также другие государственные учреждения [23].

Меры правительства США по противодействию информационным беспорядкам интегрированы в общенациональный подход в сотрудничестве с соответствующими заинтересованными сторонами. Усилия, направленные на сетевую координацию взаимодействий системы государственных институтов с союзниками, сосредоточились на финансовом обеспечении представителей СМИ, аналитиков, активистов и независимых исследователей, поощряется деятельность технологических компаний по регулированию и соблюдению правил поведения на платформах.

Исследования по обширным тематическим направлениям так или иначе связанными с дигитализацией и совершенствованию инструментов, внедряемых Google, производит Google News Initiative (GNI) – глобальный центр сотрудничества и поддержки журналистов, издателей, ученых и ассоциаций, посредством мероприятий, рабочих групп и тренингов.

Крупнейший хостинг исходного кода GitHub, Inc., используемый обычно для координации программистов, содержит широкий набор инструментов на уровне программного обеспечения исследователей OSINT и включает: платформы для экстрадиции, изменения и удаления exif метаданных файлов практически всех форматов, по машинному поиску семантического отпечатка и наиболее важных тем, новостные рейтинги, графы связанных открытых данных (LOD), инструменты визуализации и картографии энергетического и сельскохозяйственного секторов, отслеживание транзакций по всему миру, сканеры безопасности и конфиденциальности веб-сайтов (по стандарту GDPR) и многое другое [24].

На пересечении журналистики, технологий и общественных интересов, работает один из старейших институтов Poynter, помогающий журналистам оттачивать навыки и повышать уровень квалификации, объединяя преподавателей и отраслевых экспертов.

Разворачиваются экспериментальные лаборатории такие как Центр журналистских расследований (Centre for Investigative Journalism (CIJ)) по обучению инструментам всесторонних журналистских материалов.

Под эгидой организации Репортеры без границ (Reporters Without Borders (RSF)), в партнерстве с Французским информационным агентством (Agence France Presse (AFP)), Европейским вещательным союзом (European Broadcasting Union (EBU)) и Глобальной сетью редакторов (Global Editors Network) (GEN)), реализуется Инициатива доверия журналистам (Journalism Trust Initiative (JTI)) – проект по саморегулированию СМИ, предназначенный для борьбы с дезинформацией в Интернете. Программа предполагает

также национальное продвижение согласованного набора стандартов доверия и прозрачности СМИ посредством Рабочего соглашения Европейского центра стандартизации ((European Committee for Standardization) CEN) [34].

«Золотой стандарт» информационного права, разрабатываемый в рамках ЕС, расчищает пространство между свободой слова и цензурой с опорой на самоуправление в сфере ИКТ.

На предмет обеспечения честных выборов в Европейский парламент, Европейская комиссия проводит регулярное отслеживание исполнения добровольных обязательств IT компаний, в отношении дезинформации [31].

От платформ требуется предоставлять большую прозрачность и подотчетность их политики. В частности: демонетизировать дезинформацию; ограничить распространение форм манипулятивного поведения (таких как боты, поддельные учетные записи, организованные кампании по манипулированию, захват учетных записей); обеспечить пользователям доступ к рекомендательным системам по выявлению деструктивного контента и инструментам маркировки дезинформации; расширить охват проверки фактов и раскрыть данные для исследователей; обеспечить систему самооценки; создать Центр отчетности с детальным указанием конкретных мер по выполнению обязательств и Целевую группу под председательством Комиссии и в составе подписавших сторон, представителей Европейской службы внешних действий (European External Action Service), Европейской группы регуляторов аудиовизуальных медиауслуг (European Regulators Group for Audiovisual Media Services (ERGA)) и Европейской обсерватории цифровых медиа (European Digital Media Observatory (EDMO)), с опорой на поддержку экспертов, для дальнейшего взаимодействия и адаптации Кодекса с учетом технологических, социальных, рыночных и законодательных изменений [25].

Результаты исследования и выводы. Западные правительства широко поощряют устойчивость общества к ложным нарративам, а также формируют систему управления, способствующую доступу и конструктивному взаимодействию общественности с информацией и данными. Платформы, заинтересованные в глобальном коммерческом участии и унификации правил предоставления услуг поддерживают строгие принципы Общеввропейского регламента по защите данных (General Data Protection Regulation (GDPR)). Европа постепенно выстраивает единые нормы права, подкрепляя свои действия через всестороннее сотрудничество. Соединенные штаты не исключают внедрения опыта союзников в федеральное законодательство [17].

Концепция современного цифрового конституционализма включает в себя не только традиционные конституционные инструменты, а скорее воплощает в себе набор принципов и ценностей, которые информируют и направляют их [29. С. 76-99].

Транспарентность является ключевым критерием, определяющим статус страны на глобальной арене и требующим встраивания в социальную ткань множества международных акторов, испытывающих прочность внутригосударственного политического устройства. На фоне глубокой экономической и технологической интегрированности, система международных отношений остается чувствительной к предсказуемости ее участников, изоляция которых может существенно повлиять на расстановку сил в глобальном масштабе.

Фактором успешной цифровой интеракции в поле сетевого взаимодействия главным образом является экономическое благополучие, формирующее как внутренний потенциал технологического обеспечения для взаимодействия граждан с внешним миром, так и оснащение, и сопровождение инфраструктуры страны на высоком, относительно внешнего мира, уровне безопасности.

Сохранность суверенитета в данном контексте находится на балансе между ассимиляцией и интерференцией по отношению к внешней среде, в процессе реализации национальных интересов. Устойчивость к дефрагментации государственной системы, необходимой для обеспечения безопасного и эффективного развития в глобальной динамике, пропорциональна готовности к преобразованию иерархических элементов общественного контроля в децентрализованные динамичные образования.

Правительства стран с равномерным технологическим распределением и относительно устойчивым развитием приходят к концептуальным разногласиям касательно архитектуры международного правового поля и роли государств в цифровом управлении. В информационно-коммуникационной сфере формируется дихотомия между «глобальной и открытой» интернет-моделью западных демократий и «суверенным и контролируемым» подходом развивающихся стран.

Роль России, как системообразующего полюса силы в локусе постсоветских государств весьма неоднородна. На сегодняшний день, члены ГУАМ ориентированы к союзу с Европой, при этом сближение с РФ, в ракурсе историко-цивилизационного подхода, сохраняется в Беларуси, Армении, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане. Государства координируют нормотворческую и технологическую архитектуру киберпространства на базе ШОС, СНГ, Евразийского экономического союза, Таможенного союза, Союзного Государства и ОДКБ [13; 21].

Понятия информационной и кибер-безопасности, имплементированные в странах ШОС, расширяют государственный контроль за коммуникационным сектором. Выдвигаемые инициативы через инструментарий ООН требуют возведения широкого ряда зарубежных элементов информационного противостояния в статус прямой угрозы национальной безопасности, что воспринимается западными странами как попытка легитимации

цензуры с негативными последствиями для прав человека на международном уровне [33]. На фоне сохраняющихся разночтений и принципиальной непримиримости, острая необходимость поиска консенсуса в области кибер-безопасности привела к принятию в 2018 году резолюций США и России. Совокупные результаты Группы правительственных экспертов (ГПЭ) [7] и Рабочей группы открытого состава (РГОС) [9] были приняты Генеральной ассамблеей и РГОС 2021-2025 гг. приступила к выполнению своего второго мандата [20].

Несмотря на формальную готовность к поиску компромиссов, взаимодействие сторон по некоторым аспектам кибер-безопасности и развития (затрагивающие вопросы непосредственно хакерских атак и целенаправленных покушений на жизненно важные аспекты инфраструктуры), цикл многосторонних и двусторонних переговоров президентов США и России в течение 2021 года, отношения неуклонно двигались в сторону эскалации и поляризации. При этом цифровая среда стала не только одним из основных предметов диспозиций и фактической ареной современной «холодной войны» формата 2.0, но и непосредственно инструментом ее ведения.

Владение эффективными инструментами, преуспевающими финансовыми и интеллектуальными ресурсами предоставляет преимущество в использовании открытых данных в целях нейтрализации репутации противника как в границах его юрисдикции, так и на международном уровне. Громкие разоблачения глобальных, региональных, частных и специализирующихся на отдельных направлениях расследователей становятся ведущим нарративом, формирующим информационную повестку [2; 6; 28; 26].

Применение OSINT рискованно для правительств в той же мере, в какой они извлекают выгоду, нанося ущерб зарубежным или внутренним оппозиционным группам, поскольку варьирующий баланс сил позволяет внешним субъектам эксплуатировать внутренние препятствия, эффективно подавляя традиционную пропаганду [11].

Как иллюстрирует группа исследователей, использовавших китайскую платформу Baidu Maps для обнаружения цифровых артефактов, имеющих признаки центров содержания под стражей в Синьцзяне, намеренно скрытая информация успешно используется в качестве целевого источника OSINT [12].

Кроссплатформенный анализ позволяет отслеживать скрытые объекты, относящиеся к государственной тайне. К примеру, безобидная рекламная кампания производителей фитнес-трекеров Strava, визуализирующая своих пользователей по всему миру обернулась раскрытием секретных военных баз благодаря наблюдательному пользователю в Twitter [15].

Демократический нейтральный источник, наделенный чрезмерным кредитом доверия в случае непреднамеренной ошибки, смены вектора притяжения или в силу иных обстоятельств может нанести существенный урон

государственной политике. В этом отношении правительства, ведущие ограниченную информационную политику менее уязвимы, и в то же время менее устойчивы, по сравнению с транспарентными сообществами, обладающими гибкими правовыми инструментами и различными источниками быстрой реакции на конфликт [16].

Решение дилеммы гонки цифровых вооружений в информационно-коммуникационном секторе, возлагаемое на многослойную глобальную экосистему национальных и наднациональных институтов, НКО, НПО, представителей СМИ, аналитических институтов, технологических компаний, частных лиц и всевозможных заинтересованных по приоритетным направлениям, оправдано целью планомерного выстраивания универсальной архитектуры права, которая бы обеспечила не хрупкий баланс и временный консенсус, а устойчивое, комфортное сосуществование рычагов государственного управления и общественного контроля.

Операционный цикл OSINT на нынешнем этапе развития высоко политизирован. Для достоверности процесса и его результатов, специалистам-практикам и правительствам следует сохранять дистанцию, обеспечить плюрализм доноров и источников данных.

OSINT в качестве инструмента, сокращающего существующие бюрократические процессы сбора и оценки разведывательной информации, одновременно влияя на политические процессы и повествование в СМИ, сохраняет свою актуальность. В мире смартфонов с большим объемом данных и распространенных повсеместно социальных сетей тщательный событийный анализ необходим для построения всеобъемлющих нарративов.

Неминуемое развитие Искусственного интеллекта (ИИ) в данном направлении предвосхищает «Революцию в вопросах разведки» (Revolution in Intelligence Affairs (RIA)) в ближайшем будущем [5]. В перспективе развития ИИ, климатической повестки, последствий продолжительной пандемии COVID'19 и других предстоящих гуманитарных кризисов, научный потенциал интеллектуальных дисциплин заслуживает более пристального внимания экспертного сообщества и глобального академического взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аттери А., Ширмер Б.* Туфекчи Зейнеп: Твиттер и слезоточивый газ: сила и хрупкость сетевого протеста // Norsk Sosiologisk Tidsskrift. 2019. № 3 (05).

2. *Базби С.* исполнительный редактор Global Investigation to the Pandora Papers // Авторы Washington Post. 2021 // <https://www.washingtonpost.com/business/2021/10/03/about-pandora-papers-Investigation/>.

3. *Брайант Э.* Мнение: правительства не смогли извлечь уроки из скандала с Cambridge Analytica // OCCRP. 2020 // <https://www.occrp.org/>.

org/en/37-ccb/ccb/13225-governments-have-failed-to-learn-of-the-cambridge-analytica-scandal.

4. *Бельсканоа А., Куриц Р., Баумгартне Ю., Бенетис В.* Справочник по инструментам и ресурсам разведки с открытым исходным кодом // I-Intelligence. 2020.

5. *Винчи А.* Грядущая революция в разведывательных делах: как будут трансформироваться искусственный интеллект и автономные системы // Foreign Affairs. 2020 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2020-08-31/coming-revolution-intelligence-affairs>.

6. *Гриценко Е.* Как журналисту удалось привлечь 80 000 инстаграмеров к закупкам в Казахстане // Global Investigative Journalism Network. 2022 // <https://gijn.org/2022/04/14/how-a-journalist-got-instagrammers-interested-in-procurement-in-kazakhstan-gijn/>.

7. Доклад Группы правительственных экспертов по содействию ответственному поведению государств в киберпространстве в контексте международной безопасности (A/76/135) // ООН // <https://undocs.org/home/mobile?finalsymbol=a%2f76%2f135&language=e&devicetype=desktop&langrequested=false>.

8. Закон об ассигнованиях на национальную оборону на 2006 финансовый год // 3411 публичный закон 109-163 Стратегия Министерства обороны в отношении разведывательных данных из открытых источников.

9. Заключительный Доклад РГОС по достижениям в области информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности от 10.03.2021 г. // Генеральная ассамблея ООН // <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2021/03/final-report-a-ac.290-2021-crp.2.pdf>.

10. «Индекс финансовой тайны 2020» // Официальный сайт FSI // <https://fsi.taxjustice.net/en/introduction/fsi-results>.

11. Интернет вещей: Для устранения рисков безопасности в Министерстве обороны США необходимы расширенные оценки и рекомендации // U.S. Government Accountability Office // <https://www.gao.gov/products/gao-17-668>.

12. *Киллинг А., Раджагопалан М., Бушек К.* Пробелы на картах Китая помогли нам раскрыть лагерь Синьцзяна // BuzzFeed News. 2020 // https://www.buzzfeednews.com/article/alison_killing/satellite-images-investigation-xinjiang-detention-camps.

13. Конвенция ШОС по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201910280036>.

14. *Либор Б.* OSINT, новые технологии, образование: расширение возможностей и угроз. Новая парадигма // Журнал стратегической безопасности. 2013. № 3.

15. *Липтак Э.* Тепловая карта фитнес-трекера Strava показывает расположение военных баз. Геолокация не является новой проблемой

для военных // Грань. 2018 // <https://www.theverge.com/2018/1/28/16942626/strava-fitness-tracker-heat-map-military-base-internet-of-things-geolocation>.

16. Майкл М., Гилл П. Сравнение демократизации интеллекта // Разведка и национальная безопасность. 2014. № 29 (4).

17. Найяр С. Пришло ли время для американской версии GDPR? // Forbes. 2022 // <https://www.forbes.com/sites/forbestechcouncil/2022/02/01/is-it-time-for-a-us-version-of-gdpr/?sh=3102f79d637a>.

18. Онуриан Й. Кибербезопасность и методы разведки с открытым исходным кодом // В книге: Применение методов научных исследований в области разведки, безопасности и борьбы с терроризмом. 2019.

19. Отчет CPI 2020: проблемы в топ-25 странах // Официальный сайт Transparency International // <https://www.transparency.org/en/news/cpi-2020-trouble-in-the-top-25-countries>.

20. Организационная Сессия РГОС 2021-2025 г. // Женевская интернет-платформа Digital Watch // <https://dig.watch/events/oewg-2021-2025-organisational-session/oewg-2021-2025-organisational-session>.

21. Постановление Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. Москва, 2020. No 13-5.4 // https://paodkb.org/download_pdfs?path=%2fuploads%2fdocument%2ffile%2f136%2fr_30_11_2020_13-5.4.pdf.

22. Паммент Дж. Набор инструментов для противодействия дезинформации RESIST 2 // Государственная служба связи Великобритании. 2020 // <https://gcs.civilservice.gov.uk/publications/resist-2-counter-disinformation-toolkit/>.

23. Проект «Countering Disinformation» // <https://www.counteringdisinformation.com/>.

24. Презентация программы «Social Impact» // GITHUB // <https://socialimpact.github.com/>.

25. Пресс-релиз. По укреплению Кодекса правил по Дезинформации. Брюссель, 2021 // https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_2585.

26. Расследование команды OCCRP. Что такое Suisse Secrets? // OCCRP. 2017 // <https://www.occrp.org/en/suisse-secrets/what-is-suisse-secrets-everything-you-need-to-know-about-the-swiss-banking-leak>.

27. Расследование: Взгляд на дезинформацию и как с этим бороться: часть 1 // Maltego Team. 2020 // <https://www.maltego.com/blog/infographic-misinformation-and-disinformation/#misinformation-and-disinformationwhy-do-they-thrive>.

28. Салливан Д., Раду П. Что такое «ландромат»? // OCCRP. 2017 // <https://www.occrp.org/en/azerbaijanilaundromat/what-is-a-laundromat>.

29. Селест Э. Цифровой конституционализм: новое систематическое теоретизирование // Международный обзор права, компьютеров и технологий. 2019. № 33 (1).

30. «Справочник НАТО по разведке из открытых источников 2002 г.» // Веб-архив // https://web.archive.org/web/20060104082427/http://www.oss.net/dynamaster/file_archive/030201/254633082e785f8fe44f546bf5c9f1ed/nato%20osint%20reader%20final%2011oct02.pdf.

31. Свод правил по дезинформации «Code of Practice on Disinformation» // Европейская Комиссия // <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/code-practice-disinformation>.

32. Уильямс Дж.Х., Блум И. Определение интеллектуальных данных с открытым исходным кодом второго поколения для оборонного предприятия // Rand Corporation. Н.-Санта-Моника, Калифорния, 2018 // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1964.html.

33. Шакиров О. Двойная Кибербезопасность В ООН // Пир-Центр. Москва, 2020 // <https://pircenter.org/blog/view/id/439>.

34. «The Journalism Trust Initiative» партнеры и соучредители // <https://www.journalismtrustinitiative.org/about>.

I.A. KISHUEVA

Postgraduate student of the Department
of Foreign Regional Studies and Foreign Policy,
RSUH, Moscow, Russia

OPEN-SOURCE INTELLIGENCE AS A TOOL OF DIGITAL COACTION IN THE DYNAMICS OF INTERNATIONAL RELATIONS

OSINT (Open-Source Intelligence) as a subject of this article is a set of political communication tools in the framework of international relations progress. The material and methodological base of the study includes a wide range of data and verified sources to shape a comprehensive understanding of the implementation mechanism and risks associated with different government systems and the relevance of open-source intelligence technologies to current tasks of interstate interaction.

This study consistently concretizes the subject of digital technologies based on the graphical representation of the OSINT methodological cycle developed by the RAND Corporation. System analysis reflects the correlation of institutional formations involved in the mechanism of data accumulation and filtering. Provided in the study examples illustrates the positive and negative trends of open-source digital intelligence technologies. A conceptual analysis of the Western and Eastern approaches to the regulation of the digital communication sphere facilitates the identification of the bifurcation areas of the elements that determine the structure of international relations. The purpose of the study is to provide an up-to-date description of OSINT technologies in the current international agenda and develop directions for risk reduction and raise the effectiveness of Open-Source Intelligence.

Key words: *OSINT, digital communication, international relations, multi-stakeholder governance, digital constitutionalism.*

К.А. ИСАЕВ

аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва
ORCID ID: 0000-0002-7820-0374

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС В БОЛИВАРИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЕНЕСУЭЛА: МИГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Цель: *Оценить степень и характер влияния венесуэльского миграционного кризиса на национальную безопасность стран Латинской Америки.*

Методы: *В данной работе автором используются качественный и количественный методы исследования. В частности, метод статистического анализа позволил наглядно продемонстрировать влияние экономического и социального кризисов на эмиграцию населения. Благодаря методу сравнительного анализа удалось комплексно рассмотреть основные аспекты, связанные с процессом эмиграции населения из Венесуэлы, а также влияния миграционного кризиса на национальную безопасность стран Латинской Америки.*

Результат: *Миграционный кризис в Венесуэле напрямую влияет на национальную безопасность стран Латинской Америки. Его исход зависит от скорейшего разрешения политического и экономического кризисов в данной стране. Россия оказывает значимую экономическую и гуманитарную помощь Венесуэле на фоне введенных односторонних экономических санкций со стороны США. В целях скорейшего восстановления Боливарианской Республики представляется целесообразным продолжить углубление начатых правительством Венесуэлы в 2018 г. либеральных реформ, а также расширить формы экономического взаимодействия с Россией.*

Ключевые слова: *Венесуэла, безопасность, Латинская Америка, миграционный кризис, мигранты, особенности.*

Введение. В период с 2013 г. по настоящее время по оценкам различных международных институтов число людей, покинувших Венесуэлу, превышает 6 млн. чел., что составляет около 20% от всего населения страны [50]. Масштаб миграции является крупнейшим в латиноамериканском регионе

и вторым после сирийского кризиса в мире. Данное обстоятельство является результатом политического, экономического и социального кризиса в данном латиноамериканском государстве.

Цель научной работы заключается в оценке степени и характера влияния венесуэльского миграционного кризиса на национальную безопасность стран Латинской Америки. В связи с этим, были решены следующие задачи: проанализированы причины современного миграционного кризиса; выделены его характерные особенности; исследован вопрос касательного влияния массовой миграции венесуэльского населения на безопасность стран Латинской Америки.

Актуальность исследуемой темы обусловлена ростом потоков венесуэльских мигрантов в латиноамериканские страны в условиях внутренней неразрешенности политического, экономического и социального кризиса в Венесуэле. В данном случае в качестве предмета исследования взят миграционный кейс.

Причины миграционного кризиса в Боливарианской Республике Венесуэла. Политический кризис стал триггером, поразившим экономическую и социальную сферы. Его начало приходится на 2013 г. и напрямую связан с избранием нового президента Венесуэлы Н. Мадуро на внеочередных выборах главы государства. Несогласие политической оппозиции с их итогами породило массовые протестные акции с обеих сторон (с февраля 2014 г. по н.в.) [24]. Результаты парламентских выборов в 2015 г. привели к противостоянию законодательной (парламента) и исполнительной (правительства под руководством Н. Мадуро) властей [3. С. 80]. Кульминационным этапом стали президентские выборы в 2018 г., на которых победу одержал действующий президент. Не согласившись с их результатами, лидер оппозиции Х. Гуайдо провозгласил себя временно исполняющим обязанности президента в январе 2019 г., что привело к новому ветку напряженности и разделению международного сообщества на тех, кто признал Х. Гуайдо (США, Канада, ЕС и ОАГ) и тех, кто оказался на стороне Н. Мадуро (Россия, Иран, КНР, Турция и ряд других государств) [20. Р. 168].

Статистические данные касательно жертв протестных акций на фоне политического кризиса существенно разнятся. Согласно латиноамериканским источникам в период с 2016 по 2018 гг. число арестов – 10 тыс. чел., а число погибших – 75 чел. [43. Р. 3]. Однако по данным организации «Human Rights Watch» в период за 2017-2019 гг. количество жертв достигло 18 тыс. чел. [51].

Экономический кризис в Венесуэле непосредственно связан с обвалом мировых цен на нефть с 110 долл. США за барр. до 50 долл. США (2014 г.) (1) [17]. Инфляция переросла в гиперинфляцию (с 121,74% в 2015 г. до 65 374,1% в 2018 г.) [52]. К тому же, произошло существенное сокращение ВВП страны, к 2018 г. на 18% (98,4 млрд. долл. США), к 2019 г.

на 25% (64 млрд. долл. США), а в 2020 г. упал до 47,27 млрд. долл. США [20. Р. 165]. Падение доходов от экспорта нефти прямо пропорционально отразилось на импорте товаров (2013 г. – 57,1 млрд. долл. США, 2014 г. – 47,3 млрд. долл. США, 2015 г. – 33,3 млрд. долл. США, 2016 г. – 16,4 млрд. долл. США, 2017 г. – 12 млрд. долл. США, 2018 г. – 12,7 млрд. долл. США, 2019 г. – 11,5 млрд. долл. США) [22].

Внутриэкономическая турбулентность усугубилась под воздействием внешних факторов. США в качестве одного из элементов внешней стратегии по свержению Н. Мадуро, проводящего самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, не соответствующую их интересам в Западном полушарии, ввели односторонние ограничительные меры (экономические санкции) в отношении Венесуэлы. В период с 2014 по 2021 гг. данные рестрикции делились на два типа: индивидуальные (в отношении физических лиц) и секторальные (в отношении целых отраслей (финансовый сектор, нефтяной, золотодобывающей промышленности и др.)) [12. С. 1023; 11. С. 36-41]. В результате, фактически была парализована работа нефтяного сектора Боливарианской Республики, являющегося стратегически важным для страны и приносящего в федеральный бюджет более 90% доходов от экспорта.

Экономический кризис способствовал падению уровня дохода населения, что привело к существенному снижению покупательной и кредитной способности граждан [2. С. 51]. Если минимальный прожиточный минимум в 2013 г. составлял 470 долл. США, то в 2015 г. он приравнивался к 98 долл. США, а по состоянию на 2018 г. не превышал 3 долл. США [48].

Политическая и экономическая турбулентность усугубила гуманитарные проблемы. Неправительственная организация «Фонд Хосе Марии Бенгоа» в период с 2014 по 2016 гг. провела опрос 6,5 тыс. венесуэльских семей и сделала вывод о том, что уровень бедности среди опрошенных вырос с 48% до 82% [7. С. 46].

В качестве индикаторов наличия гуманитарных проблем в Венесуэле можно выделить: снижение с 2013 г. общего показателя веса взрослой категории венесуэльских граждан на 11 кг; увеличение случаев заболеваемости и смертности среди всего населения и др. (4; 2; 5; 3) [42. Р. 2; 38; 30; 23; 56].

К тому же, в стране увеличился уровень преступности. Согласно негосударственному Центру по наблюдению за насилием («Observatorio de Violencia») в Венесуэле по состоянию на 2015 г. число жертв в результате преступных злодеяний насчитывало 90 погибших на 100 тыс. человек [37]. Несмотря на то, что к 2021 г. данный показатель сократился более, чем в два раза (41 жертва на 100 тыс. человек), уровень преступности продолжает считаться высоким [31].

В попытке улучшить социально-экономическую обстановку правительство Венесуэлы продолжило реализацию социальных миссий, начатых

еще бывшим президентом У. Чавесом (по состоянию на сегодняшний день насчитывается более 40 таких программ) [10. С. 50]. Однако все они носят точечный характер и их эффективность напрямую зависит от уровня развития национальной экономики. Существующая экономическая турбулентность в Венесуэле не позволяет комплексно реализовывать данные социальные миссии.

В целях преодоления экономического кризиса правительство Венесуэлы под руководством Н. Мадуро с 2018 г. взяло курс на проведение либеральных экономических реформ. Они включали: деноминацию национальной валюты (в 2021 г. в соотношении 1 000 000:1) и ее привязку к криптовалюте «Petro»; ужесточение кредитно-денежной политики, приватизацию государственной собственности; введение временного моратория на сбор налогов с венесуэльских импортеров сырья; рыночное ценообразование на бензин [44. Р. 435].

В итоге, экономические нововведения позволили: сократить уровень инфляции с 65 374,1% в 2018 г. до 167,5% в 2022 г.; преобразовать обесценившийся боливар в финансовый инструмент для привлечения инвестиций (в 2018 г. пополнение государственного бюджета на сумму свыше 3 млрд долл. США); увеличить количество продуктов на прилавках в магазинах [55].

В тоже время, государственная система центрального планирования по обеспечению населения базовыми продуктами питания функционировала контрпродуктивно. Это объяснялось некомпетентностью руководства (управление осуществлялось представителями силовых структур) и наличием проблем с доведением базовой продовольственной корзины до потребителей (задержки поставок) [15. Р. 67].

В результате, произошло увеличение количества болезней среди венесуэльских граждан. Наличие проблем в системе здравоохранения при сокращении импорта различных категорий продуктов привело к серьезной нехватке медикаментов. Так, к началу 2019 г. их дефицит составил 85% [4. С. 50-52].

Россия как один из главных стратегических партнеров Венесуэлы с начала миграционного кризиса оказала данной стране соответствующую помощь по различным направлениям.

В экономической сфере были имплементированы поощрительные инструменты экономической дипломатии России посредством предоставления инвестиций, кредитов, реструктуризации задолженности и многое другое. Ввиду конфиденциального характера большей части двусторонних контрактов представляется затруднительным рассчитать их точную сумму, однако, по данным отечественных СМИ, она превышает более 17 млрд долл. США [13].

На фоне распространения в Венесуэле болезней различного генезиса, в том числе пандемии коронавируса, а также проблем с поставками лекарств, Россия оказала содействие в медицинской сфере. В период с 2019 по 2021 гг. отечественное предприятие ООО «ГЕРОФАРМ» предоставило авансовые поставки более 5,4 млн упаковок инсулина на сумму 32,81 млн евро. В ноябре 2021 г. данная компания инвестировала свыше 22,5 млн евро на модернизацию венесуэльского и создание собственного заводов по изготовлению инсулина (проект «ESPRMED») [8]. В период с 2019 по 2022 гг. Россия поставила 5 млн вакцин от гриппа, в рамках борьбы с коронавирусной инфекцией с 2020 по 2021 гг. 5 млн вакцин «Спутник V» и 7 млн вакцин «Спутник лайт» [9; 6; 1].

Таким образом, можно констатировать, что для разрешения миграционного кризиса руководству Венесуэлы необходимо продолжить начатую политику по экономическому преобразованию, при этом крайне важным является оказываемая помощь со стороны России в условиях необоснованного санкционного давления со стороны США. Улучшение экономического состояния данного государства будет важным шагом на пути к преодолению политического кризиса в Боливарианской Республике.

Характерные особенности миграционного кризиса в Венесуэле. Цепная реакция кризисных моментов в Венесуэле, начавшихся с 2013 г., послужила катализатором массовой эмиграции венесуэльского населения. Если по состоянию на 2017 г. за рубежом находилось примерно 775 тыс. венесуэльцев, то уже в 2018 г. данный показатель составил 1,6 млн чел., в 2020 г. – 4,1 млн чел., в начале 2022 г. – 6,1 млн чел. [54].

Первая особенность заключается в эмиграции преимущественно трудоспособных слоев населения Венесуэлы. Социальный состав венесуэльских эмигрантов состоит преимущественно из людей, относящихся к трудоспособной категории граждан (71% – лица в возрасте от 18 до 59 лет, из которых большая часть в возрасте от 26 до 35 лет). Стоит отметить, что 26% от общего числа эмигрантов приходится на детей и примерно 3% лица старше 59 лет [26. Р. 83].

Вторая особенность связана с целями венесуэльских эмигрантов, главная из которых заключается в обеспечении себя и своих близких базовыми потребностями. Согласно данным организации «Национальное исследование условий жизни» (ENCOVI) 70-80% венесуэльских эмигрантов покидают свое государство в поисках работы. Остальные 20-30% эмигрируют по следующим причинам: воссоединение с ранее переехавшими родственниками (около 6%); по политическим мотивам (2%); получение образования (1,5%); по соображениям безопасности (1%), а также невозможности получения базовой помощи в области здравоохранения и иным мотивам [29].

Третья особенность заключается в неподготовленности венесуэльских мигрантов к переезду по причине спонтанного, хаотичного принятия

решений о необходимости покинуть страну в условиях высокой политической, экономической и социальной турбулентности. Это подтверждается фактами отсутствия при себе необходимого перечня документов при пересечении границ, вещей и др. [35]. Более того, в большинстве случаев у прибывших иммигрантов не было понимания об их конкретных дальнейших действиях [26. Р. 82].

Четвертая особенность – реакция высшей политической элиты Венесуэлы на массовую эмиграцию населения. По мнению действующего президента и его политических соратников данный процесс является результатом проводимой США агрессивной политики, а именно незаконным введением экономических санкций в отношении данной латиноамериканской страны [36]. К тому же, председатель Конституционной Ассамблеи Венесуэлы Д. Кабельо неоднократно заявлял о том, что многочисленная миграция венесуэльского населения – это следствие «большого плана» оппозиционных сил по дестабилизации государства [27]. По мнению автора, риторика такого рода не способствует разрешению миграционного кризиса. Первостепенная задача должна заключаться в обеспечении выхода венесуэльского государства из затяжного экономического кризиса и улучшении ситуации в социальной сфере.

С 2018 г. руководство Боливарианской Республики предприняло шаги по возвращению венесуэльских беженцев путем запуска социальной программы «План возвращения на родину» («Plan Vuelta a la Patria»), предполагающий бесплатную возможность для всех желающих граждан Венесуэлы, находящихся на территории стран Латинской Америки, вернуться обратно. Для облегчения и ускорения вывоза эмигрантов единственным требованием включения в списки на вывоз было наличие венесуэльского гражданства.

Однако по состоянию на май 2022 г. благодаря данной программе на родину были возвращены только 340 тыс. венесуэльцев [39]. Данный показатель не превышает 6% от всех эмигрантов (более 6 млн. чел.), что свидетельствует о необходимости проведения действующим правительством Венесуэлы более глубоких структурных экономических преобразований.

Не менее важно рассмотреть миграционные маршруты, что является **пятой особенностью** данного кризиса. Стоит отметить, что 80-90% венесуэльских мигрантов приходится на страны латиноамериканского региона [16. Р. 2].

Основные принимающие страны – Колумбия (более 1,8 млн чел., из них не более 800 тыс. чел. получили официальные основания для пребывания), Перу (более 1,2 млн чел., из которых не более 450 тыс. чел. получили официальные основания для пребывания), Эквадор (482,9 тыс. чел., из них не более 180 тыс. чел. получили официальные основания для пребывания), Чили (448,1 тыс. чел., из них не более 380 тыс. чел. получили официальные основания для пребывания), Бразилия (261,4 тыс. чел., из них не более

100 тыс. чел. получили официальные основания для пребывания), Аргентина (173,2 тыс. чел., из них не более 150 тыс. чел. получили официальные основания для пребывания), Панама (121,6 тыс. чел., из них не более 65 тыс. чел. получили официальные основания для пребывания), Коста-Рика (29,9 тыс. чел.), Тринидад и Табаго (24 тыс. чел., из них не более 17 тыс. чел. получили официальные основания для пребывания), Гайана (23,3 тыс. чел., из них не более 15,5 тыс. чел. получили официальные основания для пребывания), Боливия (11 тыс. чел., из них не более 3 тыс. чел. получили официальные основания для пребывания) [53]. В данные страны эмигрируют преимущественно лица с низким и средним достатком.

Венесуэльские эмигранты с высоким достатком мигрируют в страны Северной Америки (США – 465,2 тыс. чел., Мексика – 82,9 тыс. чел., Канада – 22,4 тыс. чел.) и Европы (Испания – 415 тыс. чел., Италия – 60 тыс. чел., Португалия – 28 тыс. чел. Германия – 10,1 тыс. чел., Франция – 7,2 тыс. чел. и свыше 30 тыс. чел. в других европейских государствах) [5].

Крупнейшие потоки венесуэльских мигрантов концентрируются в Колумбии, имеющей общую границу с Венесуэлой. Будучи одновременно принимающей страной и, так называемым, транзитным коридором, она имеет важное значение для эмигрирующего населения из Венесуэлы [46. Р. 89].

Необходимо подчеркнуть, что венесуэльские мигранты используют как легальные (пересечение через официальные пограничные пропускные пункты), так и нелегальные маршруты (незаконное пересечение границы преимущественно через труднопроходимые ландшафты) для пересечения границы.

Влияние венесуэльского миграционного кризиса на безопасность латиноамериканского региона. Увеличение числа мигрантов из Венесуэлы за последние пять лет и их концентрация в основном в странах Латинской Америки (пять млн чел. по состоянию на начало 2022 г.) стали серьезным вызовом для безопасности региона [40]. Проблема масштабного притока венесуэльских мигрантов легла на плечи социально-экономических и правоохранительных систем латиноамериканских государств.

Нескончаемый поток иммигрирующих людей из Венесуэлы усложнил криминогенную обстановку в этих странах. Это объясняется следующими факторами: совершение противоправных действий со стороны мигрантов по причинам, связанным с отсутствием бесплатного доступа к товарам первой необходимости, медицинской и социальной помощи, а также невозможность официального трудоустройства; использование организованными преступными группировками миграционных маршрутов (в большей степени нелегальных) для беспрепятственного пересечения границ [18. Р. 4]. Последнее обстоятельство способствовало увеличению работорговли и транзита наркотиков в страны Латинской Америки [34. Р. 6].

Ряд авторов при этом отмечают наличие высокого уровня преступности в странах Латинской Америки по причине слабой организованности правоохранительных систем. В связи с этим, количество правонарушений, совершаемых венесуэльскими мигрантами в странах региона существенно ниже, чем местными криминальными группировками [18. Р. 5].

Несмотря на это, специалисты подчеркивают влияние неконтролируемой миграции венесуэльского населения на снижение уровня национальной безопасности стран латиноамериканского региона. Результаты исследования экспертов Айзенмана, Домингеца и Ундурраги свидетельствуют о восприятии местными жителями стран Латинской Америки венесуэльских мигрантов как людей, тесно связанных с преступными формированиями [14. Р. 24].

Более того, произошло негативное влияние венесуэльского миграционного кризиса на экономику стран латиноамериканского региона. Так, большая часть венесуэльских мигрантов способствует росту теневого рынка в данных государствах. Это связано с их неофициальным трудоустройством за более низкую оплату труда по сравнению с местным населением. Данные обстоятельства привели к падению спроса труда среди граждан стран, принимающих венесуэльских мигрантов [19. Р. 11].

Некоторые авторы убеждены, что приток венесуэльских мигрантов никак не сказывается на рынке труда среди высококвалифицированных специалистов [25. Р. 24].

Тем не менее, рост теневой экономики и увеличение финансовых затрат на социальные программы по оказанию помощи венесуэльским беженцам, является значительной экономической нагрузкой для стран Латинской Америки. Согласно исследованиям Группы Всемирного Банка расходы наиболее крупных стран, принимающих беженцев из Венесуэлы (Колумбия, Перу, Эквадор и Чили), на такие миссии варьируются от 0,4% до 0,8% от их ВВП [49; 21].

Стоит сказать, что венесуэльский миграционный кризис негативно сказался на эпидемиологической обстановке в принимающих государствах.

Среди распространенных болезней, вызванных крупными миграционными потоками из Венесуэлы, стоит выделить: инфекционные (малярия, тропическая лихорадка и др.); предотвратимые путем массовой вакцинации (корь, оспа, туберкулез, дифтерия), передаваемые половым путем (ВИЧ, СПИД) [33. Р. 10].

По состоянию на конец 2018 г. в Колумбии на венесуэльских мигрантов приходилось: малярия – 74% случаев; тропическая лихорадка – 20% случаев; судорожный кашель – 44% случаев; заражение корью – 39% случаев; туберкулез – 20% случаев; ВИЧ/СПИД – 18% случаев [26. Р. 85]. Данные показатели свидетельствуют о наличии серьезных проблем в области здравоохранения в самой Венесуэле. Например, рост заболеваемости

малярийной инфекцией среди местного населения принимающей страны (Колумбии) в 90% случаев связан с их контактами с прибывшими мигрантами из Боливарианской Республики [28].

Определенная часть венесуэльских беженцев использует Колумбию в качестве транзита в другие латиноамериканские государства, тем самым приводит к стремительному распространению такого рода болезней в другие страны латиноамериканского региона.

Пандемия коронавируса, возникшая в конце 2019 г., привела к ухудшению положения венесуэльских мигрантов в Латинской Америке. На начальной стадии распространения коронавирусной инфекции боливарианское правительство проводило политику, так называемого, «непризнания» наличия эпидемиологической угрозы, заключающейся в фактическом бездействии системы здравоохранения, заявлениях представителей политической элиты об отсутствии эпидемиологических проблем, а также занижении официальных статистических данных касательно заболеваний [41. Р. 10]. Рестрикционные действия других региональных стран, выражающиеся в закрытие внутренних и внешних границ, не смогли в полной мере решить проблему притока венесуэльских мигрантов. В 2020 г. согласно опросам венесуэльских беженцев, находящихся в Перу и Колумбии, 76% и 46% не испытывало никаких трудностей с передвижением в период пандемии коронавируса, что может свидетельствовать об увеличении масштаба нелегальной миграции [32].

Восприятие местными жителями стран, принимающих венесуэльских беженцев, в качестве потенциальных правонарушителей и переносчиков заболеваний привело к росту ксенофобии и насилию среди местного населения. Например, в Колумбии большое количество венесуэльских мужчин и женщин, эмигрирующих со своей родины, жалуются на открытую ненависть со стороны колумбийцев, так как последние ассоциируют их с криминальными структурами и лицами с низкой социальной ответственностью [47. Р. 27]. В Эквадоре в 2019 г. были зафиксированы нападения на мигрантов из Венесуэлы. Причиной этому послужило событие, связанное с убийством венесуэльцем местной жительницы [47. Р. 30]. Научные исследования в Перу в 2019 г. свидетельствуют о том, что более 67% перуанцев негативно воспринимают присутствие венесуэльцев в своей стране по двум причинам: увеличение преступности и готовность мигрантов выполнять любую работу за более низкую оплату труда по сравнению с местными гражданами [47. Р. 33]. Акты насильственных действий отмечаются и в других странах (Бразилии, Аргентине и т.д.).

Вышеупомянутые факторы, угрожающие национальной безопасности латиноамериканских государств, неминуемо пересекаются друг с другом, создавая тем самым комплекс проблем, неразрешенность которых со

стороны национальных властей может привести к необратимым последствиям в регионе.

В целях обеспечения национальной безопасности латиноамериканских стран, принимающих венесуэльских мигрантов, необходима консолидация их миграционной политики. Наличие единых миграционных законов и процедур могли бы способствовать снижению последствий венесуэльского миграционного кризиса на региональном уровне.

Выводы. Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы. Во-первых, возникновение венесуэльского миграционного кризиса, обуславливается внутренними (политическая и экономическая турбулентность) и внешними (нелегитимная санкционной политики со стороны США) факторами.

Во-вторых, были выделены пять особенностей миграции венесуэльского населения, которые свидетельствуют о переселении, в большей степени, трудоспособной категории граждан, основная цель которых заключается в улучшении их социального положения. Стремительное ухудшение социально-экономической обстановки в Венесуэле привело к спонтанной, неподготовленной эмиграции преимущественно в страны Латинской Америки. Проводимая руководством Боливарианской Республики политика и риторика по разрешению миграционного кризиса на сегодняшний день неэффективна.

В-третьих, массовая миграция венесуэльского населения привела к росту преступности, увеличению доли теневой экономики и финансовых расходов на мигрантов, а также обострению эпидемиологической обстановки в странах Латинской Америки.

Для разрешения миграционного кризиса руководству Венесуэлы жизненно необходимо продолжить начатые внутриэкономические преобразования. При этом, на сегодняшний день возможность Венесуэлы самостоятельно преодолеть кризисные факторы представляется маловероятной по причине внешнеполитического и экономического воздействия. В связи с этим, крайне важным является помощь, предоставляемая со стороны России. Расширение форм экономического сотрудничества между двумя странами ускорит процессы по восстановлению венесуэльской экономики и позволит смягчить негативные последствия рестрикционной политики США. Это, в свою очередь, поспособствует разрешению социальных и гуманитарных целей и задач в Венесуэле.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Важно отметить, что нефтяной сектор приносит в государственный бюджет Венесуэлы более 90% доходов от всего экспорта.

(2) В соответствии с данными Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН в 2021 г. более 30% населения Венесуэлы (свыше 9 млн. чел.) нуждаются в срочной помощи в области продовольственной безопасности.

(3) Помимо различного рода респираторных вирусов и пандемии коронавируса, у граждан Венесуэлы фиксируются следующие заболевания: малярия (за 2017 г. – 36 тыс. случаев), туберкулез (за 2017 г. – 13 тыс. случаев), корь (за период с 2017 по 2018 гг. отмечено 9,3 тыс. случаев), дифтерия (за 2016 г. – более 2,5 тыс. случаев) и т.д.

(4) Согласно данным венесуэльской негосударственной организации, «Национальное исследование условий жизни» (ENCOVI) на 2021 г. 94% граждан Венесуэлы находятся за чертой бедности.

(5) Согласно данным ENCOVI 46% венесуэльских граждан не получают необходимых медицинских консультаций. 64% детей в возрасте до 5 лет страдают респираторными заболеваниями различного рода, из которых 53% не получают никакой медицинской помощи и тем более медикаментов. Стоит отметить, что в период с 2012 по 2016 гг. импорт в сфере здравоохранения, включающий не только лекарства, но и оборудование, снизился на 70%. Из-за сложной экономической ситуации в стране только 15 из 46 крупнейших венесуэльских фармацевтических компаний продолжают функционировать. Очевидно, что этого недостаточно для обеспечения необходимыми медикаментами всего населения данной латиноамериканской страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. В Венесуэлу доставили 7 млн доз «Спутника Лайт» // Russia Today. 2021 // <https://russian.rt.com/world/news/941076-sputnik-vakcina-postavki>.

2. *Золотова Е.В.* Особенности экономического развития Боливарианской Республики Венесуэла: дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2019.

3. *Ивановский З.В., Розенталь Д.М.* Венесуэла: политическое противостояние и мировое сообщество // Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. № 2.

4. *Кудеярова Н.Ю.* Венесуэльский миграционный кризис: демография, нефть и государство // Латинская Америка. 2020. № 6.

5. Мадуро осудил плохое отношение к мигрантам из Венесуэлы // Seldon. News. 2021 // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/264117300>.

6. Новая партия «Спутника V» прибыла в Венесуэлу // ТАСС. 2021 // <https://tass.ru/obschestvo/12823607>.

7. *Пятаков А.Н.* Социальные проблемы Венесуэлы: мифы и реальность // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2019. № 1 (12).

8. Письмо Минпромторг России в Минэкономразвития России от 16 февраля 2022 г. № 11706/26.

9. Россия поставила 5 млн доз вакцины от гриппа в Венесуэлу // СПБНИИВС. 2022 // <https://spbniivs.ru/press-center/news/rossiya-postavila-5-mln-doz-vaktsiny-ot-grippa-v-venesuelu/>.

10. Розенталь Д.М., Гореславский С.С., Дабагян Э.С., Давыдов В.М., Ивановский З.В., Пятаков А.Н., Семенов В.Л. Гордиев узел венесуэльского кризиса. М.: Серия аналитических изданий «Саммит», 2019.

11. Тимофеев И.Н., Морозов В.А., Тимофеева Ю.С. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Издание 2-е. / И.Н. Тимофеев, В.А. Морозов, Ю.С. Тимофеева // Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: НП РСМД, 2020.

12. Эспиноса К.Я., Зубенко В.В. Экономика Венесуэлы в условиях санкций и экономической блокады США // Экономическая безопасность: современные вызовы и поиски эффективных решений. 2020.

13. \$17 млрд на кону: что может потерять Россия из-за переворота в Венесуэле // РБК. 2019 // <https://www.rbc.ru/economics/24/01/2019/5c49bbac9a79475ffe868c49>.

14. Ajzenman N., Dominguez P., Unduraga R. Immigration Crime, and Crime (Mis)Perceptions // IZA Institute of Labor Economics. 2021. No. 14087.

15. Alekseenko O.A., Pyatakov A.N. Venezuela: Prueba por la crisis // Iberoamérica. 2019. Vol. 2.

16. Alhadeff S. Venezuelan Emigration // Wilson Center. Latin American Program. 2018. Vol. 1.

17. Average annual OPEC crude oil price from 1960 to 2021 // Statista. 2021 // <https://www.statista.com/statistics/262858/change-in-opec-crude-oil-prices-since-1960/>.

18. Bahar D., Dooley M., Selee A. Venezuelan Migration, Crime, and Misperception: A Review of Data from Columbia, Peru, and Chile // Migration Policy Institute. 2019. No. 2.

19. Blyde J., Busso M., Ibáñez A.M. The Impact of Migration in Latin America and the Caribbean: A Review of Recent Evidence // Inter-American Development Bank. 2020. No. 1.

20. Briceno-Ruiz J. The Persistent Crisis in Venezuela // Latin American Policy. 2020.

21. Beyond borders: A look at the Venezuelan Exodus // World Bank Group. 2018 // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/864341554879205879/pdf/Beyond-Borders-A-Look-at-the-Venezuelan-Exodus.pdf>.

22. Bolivarian Republic of Venezuela: main economic indicators // Economic Commission for Latin America and the Caribbean. 2021 // https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/47193/57/EI2021_Venezuela_en.pdf.

23. Condiciones de vida de los venezolanos: entre emergencia humanitaria y pandemia // ENCOVI. 2021 // https://assets.website-files.com/5d14c6a5c4ad42a4e794d0f7/6153ad6fb92e4428cada4fb7_Presentacion%20ENCOVI%202021%20V1.pdf.

24. Conflictividad social en Venezuela en marzo de 2014 // Observatorio Venezolano de Conflictividad social // <https://www.observatoriodeconflictos.org.ve/tendencias-de-la-conflictividad/conflictividad-social-en-venezuela-en-marzo-de-2014>.

25. César J. Effects of Venezuelan migration on Colombian price level // Centro de Estudios sobre Desarrollo Económico. 2021. No. 8.

26. Doocy S., Page K.R., Fernando de la Hoz, Spiegel P., Berger Ch. Venezuelan Migration and the Border Health Crisis in Colombia and Brazil // Journal on Migration and Human. 2019. Vol. 7 (3).

27. Diosdado Cabello volvió a apuntar contra los migrantes venezolanos: aseguró que huyen de la crisis por “moda” y “estatus” // Infobae. 2018 // <https://www.infobae.com/america/venezuela/2018/09/09/diosdado-cabello-volvio-a-apuntar-contralosmigrantesvenezolanosaseguroquehuyende-lacrisispor-moday-estatus/>.

28. Epidemiologic Update: Measles // Pan American Health Organization/ World Health Organization. 2018 // <https://www.paho.org/es/colombia>.

29. Encuesta Nacional de Condiciones de Vida 2021 // ENCOVI. 2021 // <https://www.proyectoencovi.com/informe-interactivo-2021>.

30. Human Response Plan: Venezuela // Food and Agricultural Organization of the UN. 2021 // <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/cb3648en.pdf>.

31. Informe Anual de Violencia 2021 // Observatorio Venezolano de Violencia. 2021 // <https://observatoriodeviolencia.org.ve/news/informe-anual-de-violencia-2021/>.

32. Impact of COVID-19 on Venezuelan refugees and migrants // Mixed Migration Center. 2020 // <https://data.unhcr.org/es/documents/details/76240>.

33. Ibanez A.M., Rozo S., Urbina M.J. Forced Migration and the Spread Infectious Diseases // Inter-American Development Bank. 2020. No. 4.

34. Mauricia J. Venezuelan economic crisis: crossing Latin American and Caribbean borders // Migration and Development. 2018. Vol. 8. No. 4.

35. Migration from Venezuela: opportunities for Latin America and the Caribbean. Regional socio-economic integration strategy // International Labour Organization and United Nations Development Programme. 2021 // https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---americas/---ro-lima/documents/publication/wcms_775183.pdf.

36. Maduro acepta que la crisis económica impulsó la inmigración de venezolanos // El Periódico. 2020 // <https://www.elperiodico.com/es/internacional/20200924/maduro-crisis-economica-inmigracion-venezolanos-8125754>.

37. Observatorio Venezolano de Violencia: Tasa de homicidios aumenta en Venezuela // *Solidaridad.net*. 2015 // <https://solidaridad.net/observatorio-venezolano-de-violencia-tasa-de-homicidios-aumenta-en-venezuela/>.

38. Pobreza extrema población 2021 // ENCOVI. 2021 // <https://insoencovi.ucab.edu.ve/indicador-pobreza/>.

39. Retornaron 340 mil migrantes a Venezuela con plan Vuelta a la Patria // *Prensa Latina*. 2022 // <https://www.prensa-latina.cu/2022/05/06/retornaron-340-mil-migrantes-a-venezuela-con-plan-vuelta-a-la-patria>.

40. Regional Refugee and Migrant Response Plan 2022 // Inter-Agency Coordination Platform for Refugees and Migrants from Venezuela. 2022 // <https://rmp.r4v.info/>.

41. Ramsey G., Martinez-Gugreli K. The Crisis can't wait: How U.S. Policymakers Can Support Humanitarian Accords in Venezuela // *WOLA*. 2021. No. 1.

42. Rodrigues G. Humanitarian Crisis in Venezuela // *Stanley Center for Peace and Security*. 2018. No. 3.

43. Romero A., Santome G.H. Reporte sobre la reпрsion del Estado Venezolano noviembre 2018. *Foro Penal: Caracas*, 2018.

44. Rosales A., Jimenez M. Venezuela: autocratic consolidation and splintered economic liberalization // *Revista de Ciencia Politica*. 2021.

45. Selee A., Bolter J. An Uneven Welcome: Latin American and Caribbean Responses to Venezuelan and Nicaraguan Migration // *Migration Policy Institute*. 2020.

46. Spencer D.E. Security Challenges of the New Colombian Administration // *Institute for National Strategic Security, National Defense University*. 2019. Vol. 8. No. 1.

47. Testa G. Waning welcome: the growing challenges facing mixed migration flows from Venezuela // *Mixed Migration Centre*. 2019.

48. The reality of wage in Venezuela // *Latinoamerica 21*. 2021 // <https://latinoamerica21.com/en/the-reality-of-wages-in-venezuela/>.

49. Venezuela: refugee crisis tests Columbia stability // *Financial Times*. 2020 // <https://www.ft.com/content/bfede7a4-4f44-11ea-95a0-43d18ec715f5>.

50. Venezuela Regional Crisis – Complex Emergency // *USAID*. 2022 // https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2022_01_11%20USG%20Venezuela%20Regional%20Crisis%20Response%20Fact%20Sheet%20%231.pdf.

51. Venezuela: Events of 2019 // *Human Rights Watch*. 2020 // <https://www.hrw.org/world-report/2020/country-chapters/venezuela>.

52. Venezuela: inflation rate from 1985 to 2022 // *Statista*. 2021 // <https://www.statista.com/statistics/371895/inflation-rate-in-venezuela/>.

53. Venezuelan migrant and refugee situation: Regional response overview // International Organization for Migration. 2021 // https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/situation_reports/file/oro_january_march_final.pdf.

54. Venezuelan fight for survival by fleeing to neighboring countries // World Vision. 2022 // <https://www.wvi.org/emergencies/venezuela-crisis>.

55. Venezuela: Inflation Rate // Trading Economics. 2022 // <https://trading-economics.com/venezuela/inflation-cpi>.

56. Venezuela's Humanitarian Emergency // Human Rights Watch. 2019 // <https://www.hrw.org/report/2019/04/04/venezuelas-humanitarian-emergency/large-scale-un-response-needed-address-health>.

K.A. ISAEV

Postgraduate Student, Department of international relations and integration processes, Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-7820-0374

MODERN CRISIS IN BOLIVARIAN REPUBLIC OF VENEZUELA: THE MIGRATION ASPECT

Aim. *To evaluate the nature and influence of Venezuelan migration crisis on national security of Latin American states.*

Methodology. *Qualitative and quantitative research methods were used by the author in that work. In particular, the method of statistical analysis allowed to clearly demonstrate influence of economic and social crisis on population emigration. Due to the method of comparative analysis, it was possible to comprehensively consider the main aspects related to the process of emigration of the population from Venezuela, as well as the impact of the migration crisis on the national security of Latin America.*

Results. *Migration crisis in Venezuela direct impacts on national security of Latin American states. Its outcome depends on speedy resolution of political, economic and social crisis in this state. Russia provides significant economic and humanitarian assistance to Venezuela against the backdrop of unilateral economic sanctions imposed by the USA. In order to restore the Bolivarian Republic as soon as possible, it seems appropriate to continue deepening the liberal reforms launched by the Venezuelan government in 2018, as well as to expand the forms of economic cooperation with Russia.*

Key words: *Venezuela, security, Latin America, migration crisis, migrants, features.*

Д.Р. ЕМЕЛИН

*магистрант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва*

РОЛЬ РОССИИ В ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Текущие процессы в системы международных отношений свидетельствуют о переломном моменте, который ведет к перестройке действующего мирового порядка. Подобное объясняется всепроникающей экономической и политической гегемонией коллективного Запада, который всевозможными силами в современных условиях взаимосвязанности и взаимозависимости стремится удержать глобальное лидерство. Однако подобные попытки только способствуют трансформации международного порядка. В работе рассматриваются роль и возможности Российской Федерации как важнейшего глобального актора в процессе трансформации текущего порядка, ее место в самой системе международных отношений. Кроме того, многолетние попытки США изолировать Россию и помешать ее возвращению на международную арену только усилили эти тенденции, которые грозят существованию либерального мирового порядка, основанного на внутренних правилах коллективного Запада. Украинский кризис стал апогеем антироссийской политики, который привел к глобальной турбулентности в экономике. Также в статье поднимается вопрос о российско-китайских отношениях, которые в связи с последними событиями становятся основополагающей структурой для формирования новой системы мира, основу которой, как и прежде, будет составлять баланс сил.

Ключевые слова: *действующий мировой порядок, трансформация международной системы, взаимоотношения Востока и Запада, глобализация.*

Для современного мира характерно наличие системы устойчивых связей между государствами во всех сферах человеческой деятельности: политической, экономической, научной, технологической, культурной, а также социальной. Однако для успешного функционирования всей этой системы необходимо наличие справедливого и эффективного мирового порядка, ключевые элементы которого по своей сути должны видоизменяться и подстраиваться под влияние со стороны процессов глобализации.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 5; 6; 7; 8; 11; 12; 13].

Однако проблему трансформации современной системы международных отношений нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение роли России в этом процессе продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Под термином «мировой порядок» следует понимать общую совокупность правил и принципов, которые призваны регулировать решения и действия государств на международном уровне [10. С. 111]. Примечательно, что устанавливаемые условия и правила будущей международной системы полностью исходят из интересов стран-победительниц, главной задачей которых становилось обеспечение собственной безопасности и защиты национальных интересов. Если обратить внимание на существовавшие ранее международные системы взаимоотношений между государствами, то можно выделить некоторую цикличность в структуре международных порядков: принцип баланса сил сменялся гегемонистскими принципами и устремлениями, и наоборот. К примеру, Венская система международных отношений [4. С. 23], усмирившая гегемонистский настрой наполеоновской Франции, привела к формированию нового вида дипломатии – многостороннему, где учитывались интересы всех великих держав. Основопологающим принципом здесь являлся баланс сил, который возник еще при Вестфальской системе [4. С. 22]. Если же обратить внимание на Версальско-Вашингтонскую систему, то можно наблюдать противоположную картину: правила и условия навязывались непосредственно странами-победительницами в Первой мировой войне, в первую очередь Францией и Великобританией, однако это означало, что интересы новообразованных государств ни коим образом не будут учтены.

Основной характеристикой современного мирового порядка являются демократические принципы и нормы, распространение которых происходит под эгидой Соединенных Штатов [3. С. 169], ставших единственным гегемоном в мире после распада Советского Союза. Согласно их точке зрения, Вестфальский мир и его основные принципы признавались несостоятельными, так как баланс сил непременно приводил к возникновению новых войн между государствами. Исходя из этого существовала строгая убежденность в том, что в мире может быть только одна сверхдержава, которая имеет как моральные, так и материальные ресурсы к регулированию процессов в планетарном масштабе.

Кроме того, для действующей международной системы, основанной на либеральных принципах, характерна строгая иерархия. Очевидно, что во главе всего стоят США, которые способны оказывать политическое, военное и экономическое давление на те страны, где, по их мнению,

нарушаются демократические принципы и свободы. На второй ступени расположены великие державы, куда относятся европейские союзники США. Все решения и действия по своей сути носят односторонний характер с целью удержания лидерства на международной арене. Все это свидетельствует об увеличивающейся диспропорции между международными акторами, потому как большинство государств всего мира и находятся на последней ступени – в основании данной иерархичной пирамиды, однако как-то повлиять на принятие решений глобального масштаба не имеют практически никакой возможности. Именно ввиду данной причины последнее время повсеместно наблюдается консолидация между различными странами [4. С. 24]. Столь разные государства стремятся к созданию интеграционных группировок, а в некоторых случаях и международных организаций, главная цель которых заключается в развитии целых регионов как в экономическом, так и политическом аспектах для возможности противостояния распространившему свое влияние гегемону.

Кроме того, в последнее время все чаще в официальных документах США можно встретить формулировки, где Российская Федерация и КНР рассматриваются в качестве соперников, если не противников. В частности, это связано с тем, что данные страны не согласны с проводимой Вашингтоном односторонней политикой, с тем мировым порядком, который действует сегодня. К примеру, в Стратегии национальной безопасности Китай и Россия относятся к числу ревизионистов, против которых необходимо принимать ряд мер по обузданию их целей и интересов на международной арене. Другим показательным примером может являться недавнее высказывание генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга, который счел «неприемлемой мыслью о том, что Россия может обладать сферой влияния». Все это происходит также на фоне постепенно расширения НАТО на Восток, к границам Российской Федерации, что обуславливает и объясняет всю ее внешнюю политику, направленную на обеспечение безопасности по всему ее периметру. При этом Соединенные Штаты основным инструментом, который призван удерживать их лидирующие позиции в мире, является их военный потенциал. Сегодня военные расходы США многократно превышают аналогичные бюджеты всех стран: на 2022 год администрация президента Джо Байдена запросила рекордные \$753 млрд на фоне растущей, по их мнению, угрозы со стороны Китая и США.

Однако процессы трансформации действующей системы международных отношений уже запущены и вряд ли их возможно остановить всеми попытками со стороны коллективного Запада. Это ярко заметно на фоне возникновения новых центров и полюсов силы, которые перетягивают на себя как экономическое, так и политическое влияние. Если говорить об экономической составляющей, то прямым конкурентом для американской экономики является Китай, являющийся 2 экономикой мира. С каждым годом

разрыв в экономических показателях сокращается буквально на глазах: если в 1980 годах ВВП Китая составлял порядка 10% от ВВП США, то на сегодняшний день данный показатель приближается к 70%. Кроме того, доля в мировом производстве позволяет Китаю активно влиять на мировой экспорт и импорт: на 2018 год успехи КНР в международной торговле составили \$4,6 трлн. Также Пекин активно проводит и политику мягкой силы, о чем свидетельствует распространение Институтов Конфуция по всему миру. Подобная ситуация явно не складывается в пользу Соединенных Штатов, что подталкивает их к более агрессивной политике и увеличению всевозможных санкций, особенно в отношении с Россией. Мировая экономика испытывает рост в связи с экономическим прогрессом в развивающихся странах, подавляющая часть которых находится в рамках географического Востока. Это обусловлено производственными мощностями, а также инвестиционным климатом данных государств. Более того, несмотря на постоянное давление со стороны Запада, в частности Соединенных Штатов, восточная цивилизация ввиду сформировавшихся особенностей, для которых характерно наличие традиционных ценностей, успешно противостоит этому натиску и консолидирует общество вокруг сильного правительственного ядра. Подобная картина наблюдается и в других регионах мира, что уже говорит о возникновении множества центров и потенциальных полюсов силы.

Данные процессы происходят на фоне того, что во многих западных странах пандемия обнажила проблемные места: в США множество людей лишились рабочих мест, а малый бизнес понес крупные потери, в Европе же наблюдается структурного кризиса, который проявился в результате недальновидной политики самих европейских руководителей. Пандемия продемонстрировала, что существующая модель ни коим образом не способна ликвидировать негативные последствия сложившегося кризиса [9. С. 27]. Напряженность в глобальных масштабах угрожала миру еще с середины прошлого года. Повсеместные военные учения наиболее развитых государств во главе с США способствовали ухудшению и, по факту, становлению прямой конфронтации Востока и Запада. Все это только подталкивает Россию и Китай к большему сотрудничеству по вопросам безопасности на региональном и глобальном уровнях.

Кроме того, в структуре самого западного общества прослеживаются существенная проблема всей системы либерального порядка – кризис западной цивилизации [9. С. 31]. В последние годы мир стал свидетелем того, что Запад стремится переписать свою и мировую историю. Подобная практика уже привела к социальному расколу внутри американского сообщества, что выразилось в ряде беспорядков со стороны организации BLM. Однако попытки удовлетворить подобные запросы и хоть как-то «загладить» вину перед существенной частью своего населения в недалеком будущем

может привести к колоссальным проблемам. Соединенные Штаты и их европейские союзники, которые уже сейчас испытывают на себе последствия миграционного кризиса, столкнутся с такими же запросами от ново-прибывших мигрантов, страны которых ранее находились под колониальным гнетом. В конечном счете существует возможность трансформации системы ценностей западной цивилизации в этих странах.

На фоне всего этого роль и возможности Российской Федерации многократно увеличиваются. В современных условиях Россия занимает одно из ключевых местоположений как в геополитическом, так и в экономическом отношении в рамках системы взаимоотношений между Востоком и Западом. Являясь мостом между двумя цивилизационными образованиями, Россия стала одним из центральных звеньев в трансформации современного мирового порядка. Испытывая постоянные нападки в виде санкций со стороны коллективного Запада из-за политического курса, взятого еще в 2007 году после Мюнхенской речи, Россия всячески стремится возможности влияния США и Европы на постсоветском пространстве. Начавшийся еще в 2014 году украинский кризис, где немаловажную роль сыграла и американская сторона, использовавшая широкий арсенал инструментов по насаждению и распространению русофобских настроений среди населения Украины, достиг своего пика в феврале этого года.

Возможность вступления Украины в альянс НАТО и отказ от исполнения Будапештского меморандума, а также амбиции по возвращению ядерного статуса поставили Россию перед серьезной опасностью на своей границе. Ввиду этого фактора 24 февраля было принято решение о введении российских войск с целью демилитаризации и денацификации украинского государства. Полное потворство Западом антироссийской политики и снабжение различными вооружениями Украины привело к эскалации этого конфликта в колоссальных масштабах. Практически все европейские страны прекратили воздушное сообщение с Россией, пакет санкций пополняется буквально каждый день, а производители и бизнес вынуждены ограничивать контакты и свою деятельность на территории Российской Федерации. Все это свидетельствует о том, что коллективный Запад начал полномасштабную экономическую войну против российской экономики. Уже в первые недели с момента начала СВО стало ясно, что вводимые санкции будут носить беспрецедентный характер, а их последствия скажутся не только на России и ее экономике. Одним из первых сигналов стал резкий рост цен на углеводороды и другие энергоносители, которые превысили свои исторические максимумы. Энергетическая безопасность Европы ввиду их многочисленных попыток отказа от российского газа и нефти оказалась подорвана, а многие европейские правительства ищут возможности для обхода вводимых ими же санкций. Процессы глобализации, которые связали воедино все

логистические, производственные и финансовые цепочки, поставили весь мир на грань глобального кризиса, в особенности страны Африки.

По прошествии 4 месяцев с начала специальной военной операции стало предельно ясно, что современная позиция России на международной арене качественно изменилась. Вводимые санкционные ограничения постоянно пополняются, а их суммарное количество уже приближается к 11 тысячам. Реальность показала, что широко распространенный стереотип о том, что Россия – это «страна-бензоколонка» не имеет ни малейшей связи с реальностью. В текущих условиях российская экономика не «схлопнулась», несмотря на многочисленные ожидания и попытки претворить это в жизнь. Более того, вводимые антироссийские санкции все большее влияние оказывают на саму Европу, ее экономику и промышленности ввиду тотальной зависимости от российского газа. Несмотря на первоначальные бравадные заявления об отказе оплаты углеводород сменялись совершенно противоположными действиями, а надежды на быструю диверсификацию источников столь важных энергоносителей не оправдались.

Уже сейчас наблюдается рост инфляции, которая в ряде стран Европы достигла 20% годовых, многие промышленные предприятия вынуждены останавливать свои производства из-за многократно выросших цен на газ – основной вид сырья. Кроме того, подобная ситуация наблюдается и в сельском хозяйстве, где цены на топливо бьют исторические рекорды, провоцируя многочисленные общественные забастовки.

Безусловно нельзя говорить, что санкции не влияют на Россию. В первую очередь это связано с логистическими цепочками, которые оказались разорваны. Все это спровоцировало окончательный разворот России на Восток, где уже сейчас наблюдается кардинальные изменения, позволяющие говорить о взаимовыгодном сотрудничестве. Это хорошо прослеживается на увеличении доли российской нефти в импорте Китая и Индии. Кроме того, вводимые Европой ограничения в отношении «черного золота» только толкают цены на нефть вверх, позволяя российскому правительству получать больше при меньшей продаже.

Более важной составляющей является политическая консолидация на Востоке. На протяжении долгого времени Запад заявлял о недопущении сближения китайских и российских позиций. Однако все действия западных элит только и подталкивают к этому. Конечно, нельзя говорить о каком-либо непосредственном военном союзе Китая и России, причины чего можно связать с самой китайской установкой на поддержание нейтралитета. Однако в текущих реалиях проблема принадлежности Тайваня и конкретные действия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе могут несколько изменить действующую стратегию нейтральности китайского правительства.

Занимая положение срединной земли, Россия рассматривается как один из ключевых элементов к продвижению альтернативного пути развития

всей международной системы. Будучи по своей сути производителями и источниками сырья, восточные страны и Россия интенсифицируют взаимодействие во всех областях. Экономическая война, развязанная Западом против Российской Федерации, показала истинные интересы США и стран ЕС, которые идут в разрезе с интересами Востока. В связи с этим уже сейчас можно говорить о возрастающем взаимодействии в рамках таких организаций как БРИКС и ШОС, а в последствии и оформлении российско-китайского взаимодействия по снижению влияния Запада в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бозоян Т.Р.* Политика АСЕАН в контексте противодействия COVID-19 в условиях меняющегося мирового порядка // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 11 (80).
2. *Калита В.Н., Осипова Н.В.* Роль и место Украины в диалоге о стратегической стабильности между Россией и Западом // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86).
3. *Касюк А.Я., Манохин И.В., Харичкин И.К.* Глобализация и новый мировой порядок // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 10.
4. *Каширина Т.В.* Факторы трансформации современной системы международных отношений // Обозреватель. 2020. № 8.
5. *Мачина А.А.* Информационная политика Турции за место в новом мировом порядке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).
6. *Меньшиков П.В.* О важности переосмысления подходов к оценке медийного пространства современной мировой политики // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 2 (42).
7. *Михайленко А.Н., Нина Рамос Росио Леонор.* Российская политика на латиноамериканском направлении в условиях становления нового мирового порядка // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 3 (84).
8. *Муравых А.И., Никитенко Е.Г.* Агония коллективного Запада // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 4 (80).
9. *Неймарк М.* Кризис либеральной модели миропорядка и будущее Евросоюза // Современная Европа. 2018. № 1.
10. *Хлестов О.Н.* СССР, Россия и мировой порядок. 70 лет служения Отечеству. Дашков и К, 2021.
11. *Чжао Лу.* Влияние российско-украинского конфликта на трансформацию международного порядка // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85).

12. Чжао Лу, Го Вэй. Современная китайско-американская и российско-американская стратегическая конкуренция и трансформация международного порядка // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 5 (81).

13. Эргашев А.С., Мартынова М.Ю., Афонин М.В. Россия – Турция: поиск баланса сил // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86).

D.R. EMELIN

*Master candidate of Lomonosov
Moscow State University, Faculty
of Global Studies, Moscow, Russia*

THE ROLE OF RUSSIA IN THE TRANSFORMATION OF THE MODERN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Current processes in the system of international relations testify to a turning point that leads to a restructuring of the current world order. This is explained by the all-pervading economic and political hegemony of the collective West, which, in the current conditions of interconnectedness and interdependence, seeks to maintain global leadership with all possible forces. However, such attempts only contribute to the transformation of the international order. The paper examines the role and capabilities of the Russian Federation as the most important global actor in the process of transforming the current order, its place in the very system of international relations. In addition, years of US attempts to isolate Russia and prevent its return to the international arena have only reinforced these trends, which threaten the existence of a liberal world order based on the internal rules of the collective West. The Ukrainian crisis became the apogee of the anti-Russian policy, which led to global turbulence in the economy. The article also raises the issue of Russian-Chinese relations, which, in connection with recent events, are becoming the fundamental structure for the formation of a new system of the world, the basis of which, as before, will be the balance of power.

Key words: *current world order, transformation of the international system, relations between East and West, globalization.*

О.Б. НАМАЗОВ

магистрант Северо-Западного
института управления РАНХиГС,
Россия, г. Санкт-Петербург

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С усилением в мире тенденций сворачивания неолиберальной глобализации и с учетом кризиса глобальной системы актуальным становится вопрос об альтернативах. В этой связи особую важность приобретает научная дискуссия о социальном государстве. Статья посвящена политическим особенностям возникновения и развития социального государства. Рассматриваются интеллектуальные предпосылки генезиса социального государства. Отмечаются факторы национального и государственного строительства, необходимости обеспечения национального единства в возникновении и развитии социального государства. Акцентируется внимание на «Золотом веке» социального государства, характеризующемся универсализацией в подходе к социальной политике. Анализируется роль политических институтов – государства и политических партий в эволюции социального государства. Особое внимание уделяется трактовке взглядов представителей теории политического плюрализма и марксизма на эволюцию социального государства. В то же время описываются некоторые особенности формирования моделей социального государства в зависимости от типов избирательных систем и приоритетов политических партий.

Ключевые слова: социальное государство, модели социального государства, социальная политика, политические институты, государство, политические партии.

Социальное государство в качестве объекта исследования берется за основу многими науками социально-гуманитарного цикла, и в том числе политологией. Тема социального государства принципиально междисциплинарная: результаты научного анализа социального государства, его многообразных проявлений в рамках политологии, социологии, экономики, юриспруденции и других областей знания влияют на восприятие и дальнейшее исследование данного феномена представителями этих областей.

Кроме этого, существует спектр вопросов, носящих характер сквозных проблем, например, дифференциация и сущностное различие моделей социального государства. На эту проблему экономисты могут смотреть посредством расчета экономической эффективности той или иной модели, социологи – сквозь призму определения эффекта усиления или ослабления социальной интеграции в обществах с определенной моделью социального государства. Политологи имеют свой собственный инструментарий для аналитического исследования и данной частной проблемы, и более общей – феномена социального государства как такового [28. С. 222-223].

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 4; 5; 6; 7; 8; 11; 13].

Однако проблему генезиса социального государства нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Терминологически существует определенная путаница в связи с тем, что социальное государство может не только пониматься по-разному в разных странах, но и называться соответственно. В странах англосаксонского мира применяется понятие *welfare state* (государство всеобщего благоденствия); в некоторых странах континентальной Европы (Германия, Италия и др.) – *Sozialstaat* (социальное государство); во Франции – *L'État-providence* (заботящееся государство); в Швеции – важнейшем представителем скандинавской модели социального государства – *Folkhemmet*, т.е. «дом для народа». Каждое понятие несет собственную смысловую нагрузку, что также не может не влиять на ожидания населения в контексте развертывания социальной политики в данных государствах [12. С. 5; 15. С. 19].

Интеллектуальные корни социального государства как политического проекта представляют собой интерес с точки зрения понимания условий вызревания данного типа политического института, а также с точки зрения идеологического и идейно-философского наполнения концепта социального государства. Необходимо также учитывать, что социальное государство как концепт и практика политической жизни не могло возникнуть без зарождения специфических форм знания в таких областях, как эпидемиология (наука о болезнях и инфекциях), и что более важно – развитой статистической методологии – без которой было бы немыслимо социальное страхование [29. С. 39-40].

Т.Ю. Сидорина предлагает рассмотреть процесс возникновения и развития социального государства через призму интеллектуальной истории – истории идей – как одну из вариаций ответа на «утопическое конструирование» политических философов; размышления политических мыслителей по поводу «идеального государства» [10. С. 84-85]. По мнению исследователя, проект социального государства, претендующий стать компромиссным

решением политической и социальной дилеммы «свобода или порядок», ввиду очевидного кризиса, наступившего еще в 70-е годы XX века, «не во всем удался». Среди прочего Т.Ю. Сидорина выделяет следующие факторы, повлиявшие на негативный ответ на вопрос о социальном государстве как «идеальном типе»:

- нерешенность вопроса этического совершенствования личности;
- возникновение общества потребления;
- развитие зависимости от социальной поддержки, социального иждивенчества (феномен так называемого «welfare dependency» [10. С. 96-97].

Кристофер Пирсон и Матье Леймгрубер делают акцент на другом важнейшем факте: временного совпадения окончательного формирования современных наций-государств – что совершенно отчетливо видно на примере Германии эпохи Бисмарка – и появления концепта социального государства как такового [29. С. 40]. Чтобы подобная идея появилась, было необходимо возникновение достаточно развитого бюрократического аппарата государства для реализации тогда еще предполагаемых только на бумаге комплексных программ социальной защиты в рамках будущего социального государства. Вот почему государственные служащие от Теодора Ломанна в Германии до Уильяма Бевериджа в Соединенном Королевстве играли столь важную роль в теоретическом конструировании и практической реализации проекта социального государства. Это был фактически новый класс светски ориентированных политических реформаторов, ставящих задачу улучшения условий жизни народонаселения своих стран.

Рассмотрим основные идейные предпосылки, заложившие фундамент концепции социального государства в Германии. Имеет смысл начать наш обзор с Германии, поскольку практически общепринятым является признание того, что именно Германия – первое государство, принявшее решительные меры на законодательном уровне, которые сделали его Sozialstaat – социальным государством. Синтез гегельянской идеи о необходимости патерналистской заботы правящей элиты о благополучии населения, социальной роли государства и глубокого скептицизма по поводу доктрины «laissez-faire» (принципа невмешательства) и английского либерализма в целом – идейная предпосылка нарождающегося социального государства в Германии [29. С. 42]. Другим важнейшим интеллектуальным источником стал «Союз социальной политики» – основанное в 1872 году экономическое общество, объединяющее немецкоязычных экономистов. Члены общества призывали к государственному вмешательству в рынок, перераспределительной деятельности с целью формирования совершенно новой социальной политики и имели значительное влияние на ключевых политических и бюрократических деятелей Германии [20].

Г.Ю. Канарш предлагает охарактеризовать социальное государство как специфическую инновацию западного мира, вступившего в эпоху

модерна, в ответ на процессы, вызванные ускоряющейся индустриализацией, урбанизацией и, как следствие, неминуемой пауперизацией – обнищанием пролетариата [3. С. 130]. Нужно учитывать в этом контексте, что с конца XVIII века до приблизительно конца XIX века идеалы либерализма и принципы личной свободы доминировали в социально-политическом мышлении. Размывание либеральных принципов было вызвано как раз-таки быстрыми социальными преобразованиями, растущей политической мобилизацией рабочих и требованиями демократизации политической системы.

По поводу отсчета даты «рождения» социального государства споров как таковых не ведется. Действительно, появляются исследования, отодвигающие формирование социального государства все дальше от 70-х годов XIX века, или, по крайней мере, признающие активность государства в области социальной политики на протяжении всего XIX века [25]. Однако общепринятым является описание временного отрезка между 1875 и 1914 годами как периода «рождения» социального государства, ввиду интенсивности политических инноваций в социальной сфере и возросшими социальными затратами развитых капиталистических государств в этот исторический промежуток времени.

Как отмечает Г.Ю. Канарш, подлинным воплощением системы обязательного государственного социального страхования – краеугольного камня в основании социального государства – стали законодательные акты, принятые в Германии в 1883, 1884 и 1889 гг. Программа Бисмарка о страховании по болезни (1883 г.), от несчастных случаев (1884 г.), на случай старости и инвалидности (1889 г.) была осуществлена всего за шесть лет [3. С. 133]. Новая политика была радикальной в нескольких смыслах, но самое главное в том, что отдельные индивиды (первоначально в основном промышленные рабочие) должны были быть обязательно застрахованы и получали социальные пособия как свое неотъемлемое право, а не на основании, например, адресности социальной поддержки.

Данные нововведения Бисмарка в сфере социальной политики обычно понимаются как попытка укрепления лояльности пролетариата к германскому имперскому режиму, в условиях, когда были подавлены свободы собраний и организаций, репрессированы социалистические партии и движения. Г.Ю. Канарш также выделяет фактор рабочего движения, как силы, с которой невозможно было не считаться [3. С. 134].

Тем не менее, Филип Маноу приходит к выводу, что институционализация социального государства в Германии была не просто политикой по «умиротворению» рабочего класса и социалистического движения, но крупномасштабным мероприятием по национальному и государственному строительству. Ученый делает акцент на «конституционно-дуалистический» характер монархии в Германии, при которой парламентско-бюрократическая элита

могла ответить на вызовы индустриализации и мобилизации рабочего класса опережающим введением социального страхования. С точки зрения национального строительства социальное государство было разработано для упрочения внутреннего основания германской империи после того, как франко-прусская война 1870-1871 годов принесла «территориальную консолидацию». Формирование социального государства предоставило возможность для социальной интеграции социал-демократического и католического политических лагерей в единое «тело нации» после того, как оба были заклеены как враги германской империи в предшествующий период немецкой истории. С другой стороны, с социальной реформой была установлена новая управленческая сфера ответственности административного центра, сформирована потребность в расширении имеющегося бюрократического аппарата, тем самым она выступила в роли локомотива государственного строительства [26. С. 225-226].

Следующий – и самый значимый в исторической ретроспективе – период в развитии социального государства – эпоха между концом Второй мировой войны и до середины 1970-х годов. Эту эпоху можно считать временем расцвета политики социального государства – «Золотым веком социального государства». Данное утверждение касается в первую очередь развитых капиталистических стран мира, но невозможно отрицать похожую социальную политику, проводимую также в СССР, что, однако, требует отдельного рассмотрения [2]. Окончание Второй мировой войны – достаточно очевидный исторический момент в контексте исследований социальной политики. Он совпадает с годами экономического подъема после Великой депрессии и ключевыми реформами в социальной сфере, вдохновленными универсалистской моделью Уильяма Бевериджа (1942 г.), которая была реализована в Великобритании к 1950 году. Так, 1945 год и первые послевоенные годы можно охарактеризовать как период, когда социальное государство прочно укоренилось.

Следует отметить, что некоторые исследователи социального государства критически относятся к ранее описанной периодизации, подчеркивая, что она должным образом не учитывает факт развития и «институциональной экспансии» социального государства в США и скандинавских странах в период между двумя мировыми войнами [19. С. 54]. На это можно заявить, что 1945 год является важнейшей точкой отсчета еще и потому, что послевоенное понимание социальной политики основано на понятии основных социальных прав, выраженном во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) – и это представляет собой идеологический прорыв. Ключевая характеристика «Золотого века» – принятие универсальных социальных прав в качестве нормативной основы социальной политики и признание ответственности национальных государств за обеспечение социальной справедливости и социальной защиты населения [23. С. 105-106].

Другим ключевым фактором переосмысления социальной политики явилась сама война – на что пристальное внимание обратил французский политический мыслитель Пьер Розанваллон. Он акцентирует внимание на то, что в преамбуле французского закона от 4 октября 1945 года «О социальной безопасности» институционализация системы социального обеспечения обосновано ссылкой на «дух братства и примирение классов, знаменующее конец войны». На феномен война также ссылался Уильям Беверидж, отмечавший, что самое общее последствие войны состоит в том, что каждый трудоспособный человек в сообществе становится достоянием [30. С. 27-28]. Так, необходимость обеспечения национальной солидарности и политического единства, разрешения ключевой дилеммы социальной справедливости в послевоенный период диктовала логику развития социального государства.

В то время как до Второй мировой войны общепринятой была парадигма социального государства, характеризующегося избирательностью, особенно в отношении промышленных рабочих и бедняков, новый подход к формированию уже универсального социального государства заключался в том, что он предусматривал охват всего населения, независимо от расы, пола, религиозных и иных убеждений. Этот переход в некоторых странах сопровождался еще и терминологическим изменением: от «социального страхования» к «социальному обеспечению», от «социальной политики» к «государству всеобщего благосостояния». Социальная политика, проводимая государствами всеобщего благосостояния, менялась с течением времени и в соответствии с национальными традициями. Тем не менее, существовало безусловное «ядро» социальной политики, включающее в себя пенсионное обеспечение, медицинское страхование, борьбу с бедностью, страхование от несчастных случаев на производстве, страхование от безработицы, регулирование трудового законодательства, а иногда даже распространяющееся на ряд других сфер, таких как жилье или образование [14. С. 52-53]. Таким образом, социальное государство в его универсалистском варианте может быть определено как институциональный и организационный результат принятия обществом правовой и, следовательно, формальной и явной ответственности за базовое благополучие всех его членов.

Современные представления о роли, которую играют политические институты и государственные органы в возникновении, росте и упадке социальных государств, не могут быть поняты без отсылки к более общей дискуссии о политических институтах и, в частности, государстве как таковом. Начиная с конца 1970-х годов интерес к роли государства как автономного политического института, способствующего формированию особого типа государства – социального государства – был связан с общим возрождением интереса к концепции государства, что было ответом как на теорию политического плюрализма, так и на марксистскую теорию государства [9].

Плюралистический подход предполагает, что в открытых политических системах группы интересов формируются самостоятельно и добровольно ввиду того, что граждане обеспокоены повторяющимися проблемами. Эти группы интересов оказывают давление на правительство, чтобы оно проводило соответствующую политику для решения имеющихся проблем. Таким образом, деятельность правительства можно объяснить, исходя из баланса давления групп интересов. В отношении социального государства это означает, что институционализация социального государства является ответом на социальные потребности определенных групп интересов, оказывающих давление на правительство. Марксистская же теория постулирует, что социальное государство выполняет функцию поддержания капиталистической системы.

Так, социальное государство можно интерпретировать либо как доказательство того, что плюралистическая политическая система может решить проблемы капитализма, либо как знак того, что в рамках капиталистической системы возможны поверхностные реформы, которые, тем не менее, не угрожают основам самого капитализма. Например, такие авторы, как Клаус Оффе и Фред Блок, рассматривают социальное государство в качестве продукта межклассовых коалиций, способствующего стабилизации политической и экономической системы, но необходимым образом подрывающего условия капиталистического накопления и легитимность самой системы [17. С. 37-40; 27. С. 119-130].

Один из подходов к анализу влияния политических институтов на социальные государства основан на типологизации политических систем. Одной из наиболее влиятельных является предложенная Арендом Лейпхартом типология, разделяющая демократические политические системы на два типа: мажоритарную и консенсусную систему демократии. Мажоритарные демократии характеризуются институтами, которые позволяют одной партии стать политическим представителем большинства и использовать эту власть большинства для проведения собственной политики; консенсусные демократии, напротив, характеризуются набором институтов, которые позволяют меньшинствам получать политическое представительство и обладать политической властью и, таким образом, препятствовать тому, чтобы большинство пренебрегало их предпочтениями и интересами. Следовательно, в консенсусных демократиях правительства должны принимать во внимание широкий набор предпочтений и интересов, что, согласно Лейпхарту, приводит к тому, что в рамках данных политических систем социальные государства становятся более всеобъемлющими [24].

В ряде исследований, посвященных влиянию избирательных систем на расширение социального государства, подчеркивается важность пропорциональной избирательной системы в этом процессе. В исследованиях утверждается, что пропорциональная система позволяет группам интересов,

стремящихся к увеличению социальных расходов государства и развитию человеческого капитала, добиваться лучшего политического представительства. Критически важным для аргументации данной позиции является то, что пропорциональные избирательные системы позволяют представлять больше групп интересов, и поэтому союзы между избирателями из среднего и рабочего класса, выступающие за перераспределение на условиях, благоприятных для среднего класса, возникают легче, чем в мажоритарных системах [21; 22].

Пропорциональное представительство в сочетании с разделением между городом и деревней в скандинавских странах выдвинуло интересы сельских жителей на первый план. Как следствие, их представители выступили в качестве партнеров по коалиции и, таким образом, была сформирована «скандинавская» (социал-демократическая) модель социального государства. Пропорциональное представительство в сочетании с социальным разграничением между государством и церковью в континентальной Европе привело к созданию «консервативной» (христианско-демократической) модели социального государства с упором на принцип субсидиарности. Мажоритарные избирательные системы, напротив, способствуют меньшему перераспределению и, следовательно, формируется «либеральная» модель социального государства [18].

В политологии особое место занимает так называемая партийная теория (*partisan theory*) возникновения и эволюции социального государства. Согласно этой теории, политические партии являются основными детерминантами структуры, логики расширения и сокращения социального государства. Значение политических партий в развитии социального государства зависит от их приоритетов в социальной политике. Данные, представленные в работе Кеннета Бенуа и Майкла Лавера, позволяют сделать вывод о политических предпочтениях партий в вопросе о социальном государстве:

- социалистические и коммунистические партии однозначно выступают за расширение социальных программ и, таким образом, расширение функций социального государства, независимо от связанных с этим затрат;
- социал-демократические партии характеризуются ярко выраженными, хотя и менее радикальными, требованиями в вопросе социального обеспечения;
- центристские и прежде всего христианско-демократические партии отличаются требованием государственной социальной защиты и повышения уровня налогообложения;
- националистически-популистские партии и большинство зеленых партий также выступают за расширение услуг, предоставляемых социальным государством, а не за снижение налогов;

- либеральные и светские консервативные партии довольно последовательно выступают за более низкие налоги и сокращение социального государства [16].

Влияние политических партий было сильнейшим в период расцвета социальных государств после 1945 года. Политика, осуществляемая партиями, способствовала оформлению специфических моделей социального государства, о которых было сказано ранее. В эпоху после кризиса социального государства (1973 г.) способность партий воздействовать на развитие социальных государств стало менее стабильным. Несмотря на то, что было бы рискованным идти на сокращение социального государства ввиду электоральных причин, социал-демократические и христианско-демократические партии согласились пересмотреть свою традиционную политику по поддержанию социального государства, учитывая финансовые и бюджетные трудности.

Таким образом, политические институты играют ключевую роль в возникновении и развитии социального государства. Национальное государство с сильным бюрократическим элементом становится структурой, в рамках которой разворачивается политическая борьба по поводу реализации социальных прав и распределения благ. Общие правила политической игры, типы избирательных систем, особенности партийной деятельности также влияют на политику в отношении социального государства, изменяя приоритеты политической системы и способствуя либо расширению, либо сокращению социального государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Белюсов П.Н.* Становление модели государства как цифровой платформы на примере Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86).

2. *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов). М.: Институт российской истории РАН, 2011.

3. *Канарш Г.Ю.* Социальное государство: исторический генезис и современные модели // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1.

4. *Майстат М.А.* Социально-правовое государство в условиях трансформации федеративных отношений (опыт России и Германии) // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 2 (24).

5. *Малахов А.А.* Зарождение капитализма и оформление доктрины государства всеобщего благосостояния // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 2 (42).

6. Малахов А.А. Идея благосостояния в контексте идеи государственного социального обеспечения // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 11 (80).

7. Малахов А.А., Растимешина Т.В. Идея социального государства и борьба с бедностью // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 2 (78).

8. Маслов К.В. Проблема понятия «государство» в политической науке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 6 (87).

9. Павроз А.В. Теория политического плюрализма и процесс формирования государственной политики // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. № 2.

10. Сидорина Т.Ю. Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? // Тетра Economicus. 2012. Т. 10. № 3.

11. Слизовский Д.Е., Медведев Н.П., Жалнин В.А. Социальная ответственность бизнеса и государства от рецензии статьи Н.А. Андреева к размышлениям над прочитанным // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2020. № 3 (21).

12. Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016.

13. Чижевский Я.А. К вопросу о внедрении модели ценностно-ориентированного здравоохранения в России // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1 (77).

14. Baldwin P. The Politics of Social Solidarity // Class Basis of the European Welfare State, 1875-1975. Cambridge, 1990.

15. Beland D., Petersen K. Analysing Social Policy Concepts and Language. Comparative and Transnational Perspectives. London, 2015.

16. Benoit K., Laver M. Party Policy in Modern Democracies. London, 2006.

17. Block F. The ruling class does not rule: Notes on the Marxist theory of the state // The Political Economy, ed. Thomas Ferguson and Joel Rogers. NY, 1984.

18. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, 1990.

19. Flora P., Heidenheimer A.J. The Development of the Welfare States in Europe and America. London, 2017.

20. Grimmer-Solem E. The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany, 1864-1894. Oxford, 2003.

21. Huber E., Ragin C., Stephens J.D. Social Democracy, Christian Democracy, constitutional structure, and the welfare state // American Journal of Sociology. 1993. № 99 (3).

22. Iversen T., Soskice D. Electoral institutions and the politics of coalitions: Why some democracies redistribute more than others // American Political Science Review. 2006. № 100 (2).

23. Kaufmann F.-X. European Foundations of the Welfare State. New York, 2012.
24. Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven, 1999.
25. Lindert P.H. Growing Public: The Story: Social Spending and Economic Growth since the Eighteenth Century. Cambridge, 2004. Volume 1.
26. Manow P. Germany: Cooperative federalism and the overgrazing of the fiscal commons // Federalism and the Welfare State: New World and European Experiences, ed. Herbert Obinger, Stephan Leibfried, and Francis G. Castles. Cambridge, 2005.
27. Offe C. Contradictions of the Welfare State. Cambridge, 1984.
28. Øverbye E. Disciplinary Perspectives on Welfare States // The Oxford Handbook of the Welfare State. 2nd Edition, ed. Daniel Beland. Oxford, 2021.
29. Pierson C., Leimgruber M. Intellectual Roots of The Welfare State // The Oxford Handbook of the Welfare State. 2nd Edition, ed. Daniel Beland. Oxford, 2021.
30. Rosanvallon P. The New Social Question: rethinking the Welfare State. Princeton, 2000.

O.B. NAMAZOV

*Master, North-West Institute of Management
branch of RANEPА, St. Petersburg, Russia*

THE GENESIS AND EVOLUTION OF THE WELFARE STATE: POLITICAL ASPECTS

With the strengthening of tendencies in the world of curtailing neoliberal globalisation and taking into account the crisis of the global system, the question of alternatives becomes relevant. In this regard, the scientific discussion about the welfare state is of particular importance. The article is devoted to the political features of the emergence and development of the welfare state. The intellectual preconditions for the genesis of the welfare state are considered. The factors of nation and state building, the need to ensure national unity in the emergence and development of a welfare state are noted. Attention is focused on the “Golden Age” of the welfare state, characterised by universalisation in the approach to social policy. The role of political institutions – the state and political parties in the evolution of the welfare state is analysed. Particular attention is paid to the interpretation of the views of proponents of the pluralist political theory and marxism on the evolution of the welfare state. At the same time, some features of the formation of welfare state regimes are described, taking into account the types of electoral systems and the priorities of political parties.

Key words: *welfare state, welfare state regimes, social policy, political institutions, state, political parties.*

К.А. НИКИТИНА

*магистрант факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург*

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Процесс цифровизации международных отношений последних десятилетий придает импульс развитию различных подходов к пониманию взаимосвязи цифровых технологий и других традиционных процессов международных отношений, к которым относится изменение мирового порядка. Данная статья представляет собой попытку осмысления роли цифровых технологий в международных отношениях с точки зрения различных теорий. Представлены три подхода к анализу технологий как движущей силы изменений мирового порядка: структуралистский, социально-конструктивистский, акторно-сетевой. Методом сравнительного анализа этих подходов с учетом взглядов различных акторов международных отношений на применение цифровых технологий выявлены перспективные способы формирования будущего мирового порядка в контексте развития глобального цифрового пространства. Автор обращает особое внимание на стремление различных государств установить стандарты и правила применения цифровых технологий и роль нетрадиционных акторов, владеющих цифровыми технологиями. Статья призвана внести вклад в научные дискуссии, посвященные теоретическим проблемам и прогностическим исследованиям возможностей формирования нового миропорядка под влиянием фактора цифровых технологий.

Ключевые слова: *цифровые технологии, мировой порядок, структурализм, социальный конструктивизм, акторно-сетевая теория.*

Система международных отношений подвержена растущему влиянию научно-технического прогресса. Смена технологического уклада формирует новую модель экономического развития и новые политические реалии. В условиях развития цифровых технологий и становления глобального информационного пространства, научно-технологические отношения

выступают системообразующей структурой международных отношений [12].

Основоположник структурного реализма К. Уолц понимал структуру как распределение факторов силы, комплекс ограничений [26. Р. 29]. Структура создается акторами международных отношений. Взаимодействие акторов опосредовано нормами и принципами, совокупность которых представляет собой мировой порядок. Поскольку с развитием цифровых технологий информационная безопасность становится ключевым фактором мировой политики, государства стремятся наращивать инновационный потенциал, интеллектуальные ресурсы и научно-техническую инфраструктуру для ее обеспечения. Соответственно, новый мировой порядок образуется как результат урегулирования международных научно-технологических отношений и установления норм взаимодействия в цифровом пространстве.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 7; 9; 13; 14; 15].

Однако проблему трансформации международных отношений в цифровом пространстве нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

На данный момент международные нормы взаимодействия в цифровом пространстве не закреплены. Разработка принципов ответственного поведения государств в киберпространстве ведется на уровне ООН [8]. Инициативы в области управления киберпространством одним из первых в 2013 г. выдвинул ЕС [23]. Отсутствие норм регулирования киберсферы в совокупности с пренебрежительным отношением к международно-правовым нормам в экономической сфере и сфере контроля над вооружением предусматривает бесполусный мировой порядок [6. С. 95]. В этом контексте цифровая среда может рассматриваться как явление внеструктурного характера, которое является внешней деструктивной средой по отношению к меняющейся системе международных отношений.

С другой стороны, технологическая гонка оказывает консолидирующее воздействие на систему международных отношений, поскольку государствам выгодно встраиваться в глобальное информационное пространство. Это связано с тем, что в общем пространстве любое стратегическое преимущество одного актора нивелируется тем фактом, что другие акторы имеют доступ к аналогичным технологиям в условиях распространения информации, при этом необязательно создавать технологии, симметричные разработкам противника [22. Р. 44]. Борьба за обладание эффективными технологиями преобразования политической реальности через цифровое пространство ставит вопрос о формировании многополярного миропорядка

с учетом коалиционного взаимодействия акторов [10. С. 100]. Широта возможностей применения таких технологий зависит от достижения выдающихся экономических показателей, которое происходит за счет обработки цифровых данных.

Контроль над цифровыми данными, их защита и применение – одни из ключевых показателей мощи государства. Примечательно, что в западных либеральных демократиях происходит перераспределение власти в пользу негосударственных акторов. Ш. Зубофф, автор концепции надзорного капитализма, утверждает, что крупные корпорации наращивают сбор данных с целью управления поведением человека при помощи цифровых технологий [29. Р. 75-89]. Технологические корпорации могут обладать большей властью относительно правительств, поскольку владеют данными пользователей и формируют свои системы контроля.

В цифровом пространстве безопасность приобретает в том числе индивидуальное измерение, что порождает дилемму между сохранением конфиденциальности граждан и обеспечением национальной безопасности. Возникают конфликты нормотворческого характера. Исход этих конфликтов определит, какие государства получат право структурировать международные отношения в цифровой среде, выдвигая наиболее приемлемые для всех нормы. Например, антагонизм США и ЕС заключается в том, что ЕС отдает приоритет конфиденциальности, в то время как США готовы поступиться личной неприкосновенностью граждан ради безопасности [16. С. 22].

Помимо этого, присутствуют другие признаки расхождения интересов между США и Европой. Группа политологов сделала совместное заявление о том, что стратегия президента США Д. Трампа направлена на «уничтожение международного порядка», основанного на нормах западного либерализма [25]. Его преемника президента Дж. Байдена упрекают в том, что в новой стратегии США по кибербезопасности отсутствует понятие «свободы в интернете», которое является базовым для либеральной демократии [17]. Трансатлантический раскол можно считать одной из предпосылок к формированию многополярного мироустройства.

Россия придерживается следующего подхода к международной кибербезопасности: управление Интернетом требует интернационализации и утверждения режима нераспространения информационного оружия. Россия нацелена на недопущение милитаризации цифрового пространства, в то время как США законодательно санкционируют применение киберопераций [6]. Основной принцип политики России по урегулированию киберпространства – максимальная защищенность личности, организаций и государственных органов с учетом конструктивного сотрудничества [11]. Китай придерживается аналогичного подхода в сфере международного киберсотрудничества, акцентируя внимание на том, что принятие общих стандартов международной кибербезопасности должно обеспечивать

конфиденциальность. Разница в подходах государств к формированию стратегий создает предпосылки к системной конкуренции. Однако установление международных стандартов применения цифровых технологий позволит использовать технологии в качестве агента экономического сотрудничества.

Иной взгляд на структуру международных отношений и роль технологий предлагает социальный конструктивизм. В отличие от К. Уолца, А. Вендт утверждает, что структура системы не сводится к распределению материальных возможностей [27. Р. 140]. Она включает комплекс взаимных оценок, статусов, норм и соответствующих ролевых ожиданий участников международных отношений. Структура представляет собой интересубъективную реальность, которая складывается из общих мировоззрений агентов, и обладает теми функциями, которые ей придают агенты. Миропорядок в терминах социального конструктивизма означает результат консенсуса между социальными субъектами по поводу международных норм и процессов с учетом особенностей идентичности этих субъектов и восприятия ими социально-политических реалий [19. Р. 265].

Конструктивистский подход к анализу технологий предполагает, что социальная динамика и развитие технологий взаимно конституируют друг друга. Однако технологии не могут являться носителем политических отношений (агентами), так как они не обладают социальной природой. Следовательно, целесообразно анализировать роль технологий в международных отношениях в ракурсе технологических корпораций и сообществ, обладающих собственной идентичностью и выступающих в качестве агентов.

Э. Адлер, теоретик эволюционного социального конструктивизма, полагает, что цифровой миропорядок представляет собой новый формирующийся социальный порядок. Различные сообщества как структурируют цифровой миропорядок (глобальный киберпорядок), который все больше и больше подвергается секьюритизации, так и противостоят ему [18. Р. 34]. Наряду с глобальным киберпорядком происходит становление корпоративного социального порядка, который мотивирует крупные корпорации брать на себя этическую и экономическую ответственность за свои операции [18. Р. 41].

Мировой порядок, по Э. Адлеру, определяется как сосуществование социокультурных практик, при котором происходит борьба различных сообществ за продвижение определенных действий или высказываний, поддерживающих существующую систему. В конечном итоге эти действия и высказывания подрывают порядок, вызывая его трансформации [18. Р. 42]. Новый мировой порядок – это многообразие социальных порядков. Сейчас происходит развитие цифрового и корпоративного порядков на глобальном и региональном уровнях. Мировой порядок конституируется сообществами и их корпоративными практиками. Аналогичную мысль развивал А. Вендт

в более поздних работах, внедряя концепцию квантового физикализма в международные отношения: государства – это проекция разума каждого человека; состояние структуры определяется состоянием ее частей, то есть сообществами индивидов [28].

В частности, для цифрового социального порядка характерны практики кодирования, фильтрации и цензурирования информации; для корпоративного социального порядка – инвестиционные практики и корпоративная ответственность. Следует также выделить «эпистемические практики», необходимые для поддержания или обновления уже существующих практик [18. Р. 146]. Выбор сообществ в пользу тех или иных практик зависит от их стремления создать глобальное сообщество киберпространства (формируя взаимозависимость социальных порядков) или, напротив, установить национальные щиты для предотвращения кибератак (следуя тенденции к «диссоциации социальных порядков») [18. Р. 150]. Исходя из положений этой теории, контуры мирового порядка будут определять те сообщества, которые обладают наибольшей способностью к воспроизводству и обновлению практик взаимодействия в цифровом и корпоративном социальных порядках. Соответственно, приоритетное значение с точки зрения эволюционного социального конструктивизма приобретает вопрос обеспечения так называемой эпистемической безопасности.

Тезис о том, что любые социальные явления производятся в результате взаимодействия, был взят на вооружение не только конструктивистами, но и представителями акторно-сетевой теории. Размывание границ между физической, цифровой и биологической сферой в результате четвертой промышленной революции позволяет применять этот подход. Акторно-сетевая теория утверждает, что роль агентов в социальных системах принадлежит не только людям, но и «не-людям», к которым можно отнести цифровые технологии.

Существенное отличие акторно-сетевой теории применительно к анализу роли технологий в международных отношениях заключается в отсутствии каузального характера связи между развитием общества и развитием технологий, что способствует устранению барьера между социальным и несоциальным. Постгуманистическое понимание информационно-коммуникационных технологий позволяет наделять свойством «агентности» любой объект и придать ему статус «актанта». Агентность обозначает способность принимать решения и рассматривается как сила в оболочке людей, живых существ, различных объектов [21. Р. 441]. Иными словами, цифровые технологии – полноценный участник сети международных отношений.

Для обозначения формирующейся глобальной системы сторонник акторно-сетевой теории Б. Браттон предлагает применять термин «стек». Стекло – это некая платформа, элементы которой структурированы при помощи технических и концептуальных слоев на глобальном и локальном уровнях

[20. Р. 52]. Формирование стека направлено на создание архитектуры, которая является одновременно технической и концептуальной [20. Р. 60]. Международные отношения как глобальная платформа не функционируют по юридическим предписаниям (нормам или принципам). Динамика глобальной платформы обусловлена алгоритмическим управлением самостоятельных действий участников платформы.

Стек как «мегаструктура» образуется из материальных объектов, структур коммуникации, идентичностей и оболочек государственного суверенитета. Данное описание международных отношений в виде единой платформы планетарного масштаба искажает вестфальские принципы. Стек вызывает эрозию государственного суверенитета и воспроизводит новые сетевые пространства по своему образу и подобию. Вместо представления государств как акторов системы международных отношений, предлагается рассматривать государства как самостоятельные сети. Так, размывание государственных границ в виртуальном пространстве приводит к симбиозу государственных и негосударственных акторов [20. Р. 123]. Мировой порядок в терминах акторно-сетевой теории можно представить, как «пространственный порядок» [20. Р. 73].

Таким образом, каждый из представленных подходов позволяет придавать цифровым технологиям разный статус в меняющемся мировом порядке. Структуралистский взгляд подразумевает, что отсутствие ограничений в цифровом пространстве приведет к формированию бесполюсного мирового порядка. Установление правил применения цифровых технологий не исключает нарастание противостояний, которые будут иметь стабилизирующий эффект. Конструктивистская мысль предполагает формирование комбинированного мироустройства, сочетающего два измерения – цифровое и корпоративное. Акторно-сетевой подход предлагает альтернативу трансформации мирового порядка в глобальное самоуправляемое сетевое пространство. Данные подходы объединяет тот факт, что каждый из них уделяет особое внимание роли акторов, стоящих за производством цифровых технологий и владеющих цифровыми данными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Авзалова Э.И. Роль сети Интернет в процессе принятия политико-управленческих решений // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86).

2. Аршин К.В. Опыт применения цифровых технологий зарубежными странами для ускорения процесса адаптации иностранных граждан // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85).

3. *Аюпова З.К., Жомарткызы А.* Сущность, содержание и роль цифровизации юридических услуг // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 4 (26).

4. *Белюсов П.Н.* Становление модели государства как цифровой платформы на примере Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86).

5. *Белюсов П.Н., Терешенков А.М.* Роль высокотехнологичных транснациональных корпораций в системе международных отношений в условиях цифровизации // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 6 (82).

6. *Виловатых А.В.* Вероятные модели трансформации миропорядка в контексте становления цифровой эпохи // Свободная мысль. 2020. № 6 (1684).

7. *Дмитриева Н.И., Дун Цзычао.* Суверенитет киберпространства как национальный суверенитет // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 5 (81).

8. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 5 декабря 2018 года. A/RES/73/27//<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/418/07/PDF/N1841807.pdf?OpenElement>.

9. *Золотарева А.Н., Афонин М.В., Беляева В.П.* Особенности цифрового регулирования в государственной миграционной политике // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 6 (87).

10. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. СПб.: Петрополис, 2017.

11. Концепция стратегии кибербезопасности Российской Федерации // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // <http://council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf>.

12. *Крутских А.В., Бирюков А.В.* Новая геополитика международных научно-технологических отношений // Международные процессы. 2017. Том 15. № 2 (49).

13. *Меньшиков П.В., Агрба А.А.* Цифровые экосистемы как фактор создания совместных ценностей // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 3 (84).

14. *Меньшиков П.В.* О важности переосмысления подходов к оценке медийного пространства современной мировой политики // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 2 (42).

15. *Слабов Е.А.* Эволюция цифровой дипломатии в современном мире // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 2 (36).

16. *Шитов А.* Две доктрины: чем отличаются подходы России и США к информационной безопасности // ТАСС // <https://tass.ru/>

opinions/5844455?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru.

17. *America's Place in Cyberspace: The Biden Administration's Cyber Strategy Takes Shape* // Council on Foreign Relations // <https://www.cfr.org/blog/americas-place-cyberspace-biden-administrations-cyber-strategy-takes-shape>.

18. *Adler E.* *World Ordering: A Social Theory of Cognitive Evolution*. New York: Cambridge University Press, 2019.

19. *Barnett M.* *Constructivism* // *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations* / eds J. Baylis, S. Smith. New York: Oxford University Press, 2004.

20. *Bratton B.* *The Stack. On Software and Sovereignty*. Massachusetts: The MIT Press, 2016.

21. *Cudworth E., Hobden S.* *Of Parts and Wholes: International Relations Beyond the Human* // *Millennium: Journal of International Studies*. 2013. No. 41 (3).

22. *Disrupting Deterrence. Examining the Effects of Technologies on Strategic Deterrence in the 21st Century* // Rand Corporation. 2022 // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA595-1.html.

23. *EU Cybersecurity plan to protect open internet and online freedom and opportunity* // European Commission // https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_13_94.

24. *Farrel H., Newman A.* *Of Privacy and Power: The Transatlantic Struggle over Freedom and Security*. Princeton: Princeton University Press, 2019.

25. *In Spite of It All, America* // *The New York Times* // <https://www.nytimes.com/2017/10/11/world/europe/germany-united-states-trump-manifesto.html>.

26. *Waltz K.* *Realist Thought and Neorealist Theory* // *Journal of International Affairs*. 1990. No. 44.

27. *Wendt A.* *Social Theory of International Politics*. New York: Cambridge University Press, 2004.

28. *Wendt A.* *Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

29. *Zuboff S.* *Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization* // *Journal of Information Technology*. 2015. Vol. 30. No. 1.

K.A. NIKITINA

*Master student of the Faculty of International Relations
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

DIGITAL TECHNOLOGIES IN PERSPECTIVE MODERN CONCEPTS OF TRANSFORMATION WORLD ORDER

The process of digitalization of international relations in recent decades gives impetus to the development of various approaches to understanding the relationship between digital technologies and other traditional processes of international relations, which include a change in the world order. This article is an attempt to comprehend the role of digital technologies in international relations from the point of view of various theories. Three approaches to the analysis of technologies as a driving force of changes in the world order are presented: structuralist, social-constructivist, actor-network. Using the method of comparative analysis of these approaches, taking into account the views of various actors of international relations on the use of digital technologies, promising ways of shaping the future world order in the context of the development of the global digital space have been identified. The author pays special attention to the desire of various states to establish standards and rules for the use of digital technologies and the role of non-traditional actors who own digital technologies. The article is intended to contribute to scientific discussions devoted to theoretical problems and predictive studies of the possibilities of forming a new world order under the influence of the digital technology factor.

Key words: *digital technologies, world order, structuralism, social constructivism, actor-network theory.*

А.А. СВИРИДОВ

*магистрант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ, ВЫЗВАННЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ: ИРАНСКИЙ НЕФТЯНОЙ КРИЗИС 1950-1954 ГГ.

Статья посвящена политическому кризису в Иране, связанного с борьбой за контроль национальных ресурсов и национализацией Англо-Персидской компании. Изучается предыстория кризиса и политика Великобритании по отношению к Персии и нефтяным запасам данной страны, концессии 1901 и 1933 годов. Рассматривается роль премьер-министра Ирана М. Моссадыка, а также стремление Великобритании разрешить данный кризис в свою пользу путем политического и дипломатического давления, санкций и блокады Ирана. Учитывается вклад США в преодолении данного кризиса: попытка переговоров и разработка государственного переворота в стране. Разбираются цели, подготовка, ход и результаты операции по свержению правительства М. Моссадыка (кодовое название операции – «Аякс»). Подводятся итоги кризиса: удачный переворот и создание нового Международного нефтяного консорциума с участием как американских, так и европейских корпораций. Составляются выводы о международном значении данного кризиса и его уроки для корпорации «Бритиш Петролеум».

Ключевые слова: *концессии, пересмотр соглашений, национализация Англо-Персидской компании, санкции Великобритании, свержение правительства Моссадыка, операция «Аякс» – роль ЦРУ США.*

В начале XX века мировому сообществу стало ясно, что на Ближнем Востоке сосредоточены необъятные запасы углеводородов. При этом значительно выросла стратегическая важность и роль Персии в данном вопросе. Очевидными становились перспективы использования нефти как основного мирового топлива.

Великобритания в то время не имела доступа к нефтяным месторождениям и полностью находилась в зависимости от поставок этого топлива из США, России и Мексики. Для сохранения устойчивости и дальнейшего

роста экономики страны такое положение было неприемлемым, возникала большая потребность ее непосредственного участия в нефтяной индустрии. Возможность доступа к «черному золоту» представилась Великобритании в 1901 году, когда Уильям Нокс Д'Арси, английский миллионер и предприниматель получил на 60 лет концессию на разведку, добычу и переработку нефти у персидского шаха Музафара аль-Дина [2. С. 150-159].

В то время Персия была фактически разделена на зоны влияния между Россией на севере и Британией на юге. Это обстоятельство, а также выплата лично шаху 20 тысяч фунтов помогли д'Арси получить концессию на очень выгодных для него условиях. По этому договору Персии полагалось только 16% чистой прибыли с продаж нефти в случае успеха данного проекта. Да и то, как рассчитывалась эта прибыль, их не касалось.

В конце мая 1908 года бурильщики Д'Арси наткнулись на большое месторождение на юго-западе Персии и забил первый нефтяной фонтан. Это было началом нефтяной эпохи не только в Иране, но и на всем Ближнем Востоке.

В целях разработки найденного месторождения сразу же была образована Англо-персидская нефтяная компания (АПНК). Невзирая на то, что предприятие состояло из частного капитала, британское правительство уделяло ему пристальное внимание. После успешных переговоров с Персией, в Абадане на побережье Персидского залива в 1913 году был построен огромный завод, который более 50 лет был самым крупным заводом в мире по переработке нефти. И вскоре, всего лишь через пять лет после создания компании, контрольный пакет акций АПНК перешел к новому акционеру – британскому правительству. Между Британским Адмиралтейством и АПНК и было подписано соглашение, по которому нефтяная компания должна была поставлять нефть адмиралтейству по фиксированной цене на протяжении 30 лет.

С расширением грамотности и возрастанием национального самосознания персы стали понимать, что англичане их варварски используют. Антибританские настроения усилились во время Мирового экономического кризиса 20-30 годов. Прибыль АПНК сократилась, соответственно уменьшились отчисления правительству Персии, которое потребовало пересмотра и изменений концессии Д'Арси.

В дело активно вмешалось правительство Британии, которое 2 и 7 декабря 1932 направило ноты правительству Персии и потребовало отказа от аннулирования концессии. Тут же в Персидский залив вошли английские военные суда. Для решения спора Англия обратилась в Совет Лиги Наций, и после его рекомендаций 29 апреля 1933 года в Тегеране было подписано новое Англо-Персидское соглашение, которое разрешало англо-персидский нефтяной спор. Персия должна была получить единоразовую выплату в 1 миллион фунтов стерлингов. Также увеличивалась ее доля

в прибылях: – вместо 16% им полагалось 4 шиллинга за тонну нефти и еще 20% прибыли, которая подлежала распределению после выплаты 5% дивиденда пайщикам. При любых условиях отчисления Персидскому правительству не могли быть ниже 750 000 фунтов стерлингов ежегодно. А вместо налогов, АПНК должна была выплачивать первые 15 лет – 225 000 фунтов стерлингов, а затем, в следующие 15 лет – 300 000 фунтов стерлингов каждый год. Исходя из этого, правительству Персии гарантировались ежегодные минимальные отчисления в размере 975 000 фунтов стерлингов.

Несмотря на то, что по этому соглашению территория нефтедобычи уменьшалась и должна была составить около четверти от первоначальной, за англичанами закреплялся огромный район южной и юго-западной Персии, где имелись колоссальные запасы нефти.

В 1935 году Персия была переименована в Иран, и компания поменяла название на «Англо-Иранскую нефтяную компанию» (АИНК).

После завершения Второй мировой войны в мире начала рушиться колониальная система. Особенно сильно послевоенное хрупкое равновесие зашаталось из-за кризисной ситуации на Ближнем Востоке. В Иране со стороны националистов усилилось недовольство деятельностью АИНК. Для того чтобы уменьшить беспорядки, в мае 1949 года Британия предложила принять «Дополнительное нефтяное соглашение», которое увеличивало размер выплаты Ирану части прибыли, уменьшало территорию нефтедобычи и предоставляло право иранцам в большей степени занимать административные должности. Но, фактически, это соглашение не давало никакой существенной выгоды Ирану.

Тегеран потребовал от АИНК нового пересмотра существующей концессии на других условиях. Предлагалось более выгодное деление прибыли – 50% на 50% по примеру других западных компаний, которые сумели договориться об этом с властями Саудовской Аравии. Но министр иностранных дел Британии отказался от такого варианта соглашения, да и сама АИНК на эти уступки не пошла. В результате, весной 1951 года Правительство Ирана приняло законы, по которым нефтяная промышленность Ирана и сама АИНК должны были национализированы.

После неудачных попыток договориться с Меджлисом Англия объявила экономическую блокаду Ирану, к которой вскоре присоединились ведущие мировые нефтяные компании. Они, в свою очередь, объявили бойкот на покупку иранской нефти.

В октябре 1952 года дипломатические отношения между Ираном и Великобританией были разорваны, после чего Лондон подал жалобу в Совет Безопасности ООН. Но принятию английской резолюции препятствовали СССР и Индия. Правительство Ирана во главе с их лидером Мохаммедом Мосаддыком пыталось договориться о поставках нефти

с Советским Союзом, но этого не удалось сделать из-за отсутствия необходимого количества советских нефтеналивных танкеров.

В свою очередь Англия обратилась с просьбой к своему главному союзнику США, чтобы Вашингтон смог окончательно повлиять на Иран.

Американцы не сразу вступились в защиту интересов Британии. В США считали Моссадыка «бастионом против коммунизма», и даже планировали использовать в своих целях иранскую национализацию нефти. По их мнению, Иран должен был выплатить Британии некоторую денежную компенсацию, а также согласиться на создание нового консорциума, который должен был состоять из ведущих мировых компаний, в основном американских. Но после отказа иранского премьер-министра, США согласились участвовать в государственном перевороте в Иране, который предусматривал в первую очередь свержение Моссадыка.

В кратчайшие сроки Центральным разведывательным управлением США (ЦРУ) и Службой внешнеполитической разведки Великобритании (СИС/МИ 6) была разработана секретная операция, получившая кодовое название «Аякс» [1]. С американской стороны разработка операции осуществлялась под руководством госсекретаря США Джона Фостера Даллеса и его брата Аллена Даллеса, который был назначен директором ЦРУ. После утверждения правительствами США и Великобритании плана операции в июне 1953 года, руководство по ее проведению было поручено военному офицеру Центрального разведывательного управления Кермиту Рузвельту, кстати, внуку президента США Теодора Рузвельта.

Первоначальным и главным шагом этого плана было назначение на должность премьер-министра генерала Фазлолла Захеда, который являлся давним политическим противником Мохаммеда Моссадыка.

Важным фактором операции была подготовка общественности и поддержка шаха Ирана Мохаммеда Резы. Сформировать широкое антипремьерское общественное мнение оказалось на удивление просто. Команда из ЦРУ и СИС сработала очень профессионально. Добиться своих целей им, в значительной степени, «помогла» большая коррумпированность всех органов власти Ирана. На подкуп и взятки высшим должностным лицам всех сфер деятельности ЦРУ выделило огромную по тем временам сумму в 1 миллион долларов.

В стране началась чудовищная дезинформация, широко развернулась антиправительственная пропаганда, проходили многочисленные акции против Моссадыка, которого несправедливо обвиняли в антимонархических и антиисламских взглядах. По утверждению ответственного за эту операцию Кермита Рузвельта, более 80% иранских газет и журналов в то время находилось на содержании ЦРУ. Усилились беспорядки на улицах, начался разгул преступности, происходили погромы, пожары. Планом операции предусматривался и развал экономики. Из Вашингтона и Лондона доставлялись

фальшивые иранские деньги – риалы, которыми наполняли внутренний рынок, тем самым приводя к невиданному росту инфляции.

Все уже было подготовлено к свержению правительства, однако, дело затруднилось с неожиданной стороны. Чтобы придать легитимность перевороту, необходимо было иметь поддержку шаха Мохаммеда Резы. Однако тот боялся лишиться трона, оставшись в одиночестве с недовольной армией и с разгоряченной толпой. Шах потребовал гарантий от правительств США и Великобритании. Только после этого Мохаммед Реза согласился заменить Мохаммеда Мосаддыка на его политического противника генерала Фазлолла Захеда [4].

Чтобы избежать кровопролития и не допустить втягивания страны в гражданскую войну, Мосаддык принял решение не вводить армию. В результате, его правительство было свергнуто, а сам он арестован. Против него был организован судебный процесс, его обвинили в государственной измене.

Операция Аякс была завершена. Это был первый успешный опыт государственного переворота, который применило ЦРУ без прямого военного вооруженного вмешательства. Смена власти в Иране прошла с такими минимальными материальными потерями, настолько легко и триумфально, что опыт и наработки этой операции стали фирменным почерком ЦРУ. Они применялись позже в насильственных переворотах не только на Ближнем Востоке, но и в других странах мира, так называемые цветочно-бархатные революции. Успех операции Аякс создал у Вашингтона иллюзию вседозволенности и могущества силы, под влиянием которого они находятся до сих пор. Однако главный просчет американских стратегов состоит в том, что они не учитывают в своей политике исторической памяти на долгие годы. Операция Аякс до сих пор расценивается иранцами как глубочайшее национальное оскорбление и не уменьшает ненависть Ирана к Америке, что затрудняет примирение, которое очень необходимо для сохранения стабильности в этом регионе.

В результате операции цели Вашингтона были достигнуты. Дипломатические отношения Ирана и Великобритании были восстановлены. Главный вопрос, который касался иранской нефти и являлся отправной точкой конфликта, также был решен.

В апреле 1954 года в английской столице было подписано соглашение, предусматривающее создание международного нефтяного консорциума (МНК) для эксплуатации иранской нефти [3].

В соответствии с заключенным договором, в этом Международном нефтяном консорциуме доли распределялись следующим образом: 40% доставались Англо-Иранской нефтяной компании, еще 40% должны были принадлежать пятерке нефтяных компаний США, 14% должна была получить англо-голландская нефтегазовая компания Shell, и остальные

6% оставались французской нефтяной компании *Compagnie Francaise de Petroles*, (которая сейчас носит название «*Total S.A.*»).

В сентябре 1954 года с правительством Ирана было заключено соглашение по передаче консорциуму права на поиск, добычу и разработку иранской нефти на 25 лет с возможностью пролонгации деятельности на три пяти-летних срока. Предполагалось, что по этому договору прибыль от продажи нефти распределялась пропорционально с правительством Ирана, в соотношении 50 на 50, что в то время считалось нормой на международном нефтяном рынке. Условия были достаточно благоприятными для Ирана, но шах в результате такого явного зарубежного вмешательства в дела страны, навсегда потерял авторитет и популярность.

Сама же АИНК, хотя и получила от иранского правительства компенсацию за ущерб от проведенной национализации иранской нефти в размере 25 миллионов фунтов стерлингов, все больше понимала, что мировая колониальная система все активнее начинает разваливаться и необходимо существенно менять стратегию своей корпорации. Компания сочла необходимым уменьшить свою практически полную зависимость от ближневосточных стран и начала активный поиск нефти в других регионах мира. Наследница АПНК – Бритиш Петролеум до сих пор является одной из крупнейших мировых нефтяных компаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Даллеса Аллена. Операция «Аякс». Почему Вашингтон не рассекретил материалы о свержении иранского правительства в 1953 г. // http://www.stoletie.ru/zarubejie/operacija_ajaks_810.htm.

2. Ергин Дэниел. Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. Москва: Альпина Паблишер, 2018.

3. Иран – Большая Советская Энциклопедия // <https://gufo.me/dict/bse/Иран>.

4. Тегеран – 53 // <http://neftianka.ru/tegeran-53/>.

A.A. SVIRIDOV
*Master's student of the Faculty
of Global Processes, Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

POLITICAL CRISES CAUSED BY ENERGY FACTORS: THE IRANIAN OIL CRISIS OF 1950-1954

The article is devoted to the political crisis in Iran associated with the struggle for control of national resources and the nationalization of the Anglo-Persian Company. The prehistory of the crisis and the policy of Great Britain towards Persia and the oil reserves of this country, the concessions of 1901 and 1933 are being studied. The role of Iranian Prime Minister M. Mossadegh, as well as the desire of Great Britain to resolve this crisis in its favor through political and diplomatic pressure, sanctions and blockade of Iran, is considered. The contribution of the United States in overcoming this crisis is taken into account: an attempt to negotiate and develop a coup d'état in the country. The goals, preparation, course and results of the operation to overthrow the government of M. Mossadegh (the code name of the operation is Ajax) are analyzed. The results of the crisis are summed up: a successful coup and the creation of a new International Oil Consortium with the participation of both American and European corporations. Conclusions are drawn about the international significance of this crisis and its lessons for British Petroleum Corporation.

Key words: *concessions, revision of agreements, nationalization of the Anglo-Persian Company, British sanctions, overthrow of the Mossadegh government, Operation Ajax – the role of the US CIA.*

К.Н. СЕКРЕТАРЕВА

*магистрант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КИТАЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Китай стал влиятельным цифровым игроком как в азиатско-тихоокеанском регионе, так и во всем мире. Являясь крупным мировым инвестором в цифровые технологии и одним из ведущих мировых разработчиков этих технологий, он уже формирует глобальный цифровой ландшафт, поддерживая и вдохновляя предпринимательство далеко за пределами своих территорий. Цифровая экономика оказывает глубокое влияние на жизнь людей, меняет способы трудоустройства и порождает огромные изменения в структуре производства Китая. Цифровая экономика стала новой формой экономического и социального развития. В статье анализируется история развития цифровой экономики Китая и вызовы, с которыми сталкивается страна на пути к построению информационного общества.

Ключевые слова: *цифровая экономика, Китай, Интернет, электронная коммерция, цифровые технологии.*

Китай в полной мере воспользовался возможностями Интернета, в результате чего претерпел огромные изменения. Уже в июне 2008 года Поднебесная стала лидером по числу пользователей Интернета, достигнув отметки в 253 миллиона. Три китайские компании: Tencent, Alibaba и Baidu, входят в десятку крупнейших в мире. Цифровая экономика, представленная электронной торговлей, достигла масштаба 27,2 триллиона юаней в 2017 году, что составило 32,9% ВВП Китая. Это стало новой формой, новым пространством и новым импульсом для экономического развития Китая [3]. В январе 2022 года число интернет-пользователей в Китае достигло 1,02 миллиарда. Уровень распространения – 70,9% от всего населения. Количество интернет-пользователей в Китае увеличилось на 35,9 миллиона (+3,6%) в период с 2021 по 2022 год [4].

Согласно целям правительства, развитие Интернета базируется на общенациональной концепции реформ и открытости, выдвинутой Дэн

Сяопином и активно поддерживаемой Си Цзиньпином, а Интернет способствует эффективной интеграции с миром. В 1987 году было отправлено первое электронное письмо – с этого момента началось развитие Интернета в Китае. 20 апреля 1994 года Китай установил первое полное соединение ТСП/IP с США. В то время была популярна идея того, что: «через Великую стену Китай сможет достичь каждого уголка мира» [10].

В 1995 году первый китайский поставщик интернет-услуг начал предоставлять услуги обычным гражданам. С 1997 по 1998 год были основаны такие порталы, как Sina, Sohu и Netease [8]. Вслед за ними были созданы площадки электронной коммерции Alibaba и JD. В этот период также начали развиваться поисковые системы и социальные сети Baidu и Tencent. Новостные порталы и почтовые ящики были основными чертами цифровой экономической деятельности на данном этапе.

7 апреля 1998 года Пекинская компьютерная компания Haixing Kaizhuo и Shaanxi Huaxing Import and Export Company провели первую транзакцию электронной торговли в Китае с использованием системы электронной торговли Китайского центра товарных бирж [10]. Начиная с 2000 года, интернет-сектор Китая переживал спад в течение примерно трех лет. Однако во время восстановления рынок электронной коммерции, представленный розничной онлайн-торговлей, поднял цифровую экономику Китая до максимума.

В 2003 году Alibaba запустила Taobao. В 2004 году, чтобы решить проблему доверия в транзакциях Taobao, Alibaba создала Alipay. От получения информации о товарах до безопасности платежей, начала формироваться полная система обслуживания электронной коммерции, и онлайн-покупки стали образом жизни для тысяч семей. В следующие несколько лет развитие Интернета было бурным, и появилась ожесточенная конкуренция с западными аналогами – Taobao, Baidu и QQ конкурировали с eBay, Google и MSN, в конце концов, Alibaba, Baidu и Tencent завоевали позиции и стали крупными игроками в области электронной коммерции, поиска и социальных сетей. Они начали превращаться из «последователей» в «лидеров».

В 2013 году объем розничных онлайн-транзакций в Китае превысил 1,85 трлн юаней [2], что сделало его крупнейшим в мире розничным онлайн-рынком. С 2013 года Китай уже девять лет подряд является крупнейшим в мире рынком онлайн-торговли. Интернет-магазины были главной особенностью экономической деятельности на этом этапе. Китай вступил в стадию сетевой экономики.

В 2011 году масштаб цифровой экономики впервые превысил 20% ВВП. В 2019 году рост цифровой экономики Китая достиг 35,8 трлн юаней, составив рекордно высокую долю ВВП. Доля вклада в экономический рост достигла 67,7%, что означает, что цифровая экономика Китая продолжает непрерывно и быстро развиваться [7].

Цифровая экономика Китая начала переход от Интернета на ПК к мобильному Интернету. 10 ноября 2000 года Китайская корпорация мобильной связи запустила план «Monternet» («China mobile Internet»). К июню 2012 года общее число пользователей Интернета в Китае достигло 538 миллионов, впервые превысив пользователей настольных компьютеров. К концу июня 2014 года 83,4 процента китайских пользователей Интернета пользовались мобильным Интернетом [3]. Статус смартфонов как главного устройства стал более стабильным, и интернет-индустрия открыла эру мобильных устройств. Появились блоги, Weibo (микроблог) и другие социальные сети.

Возникли новые бизнес-модели, такие как социальная электронная коммерция, доставка еды, потоковое онлайн-вещание, видеоплатформы и др. Интернет-финансы, представленные мобильными платежами, стали основным достижением цифровой экономики Китая. С дальнейшим расширением цифровой экономической деятельности потенциал информационных ресурсов был эффективно раскрыт, товарные транзакции расширились до сервисных транзакций в больших масштабах, и форма индустрии услуг изменилась. Доля информационных услуг существенно возросла. Цифровая экономика Китая вступила в стадию информационной экономики. Интенсивное применение таких технологий, как Интернет, облачные вычисления и большие данные, является основной характеристикой экономической деятельности на данном этапе.

Цифровая экономика превратила электронную коммерцию Китая в новый виток инноваций и роста. После 20 лет развития объем транзакций электронной торговли достиг в 2017 году 29,16 триллионов юаней [1], что сделало Китай крупнейшим в мире рынком онлайн-торговли и самым инновационным и активным рынком электронной торговли. Цепочка потребления, образованная электронной коммерцией, объединяет информационные потоки, бизнес-потоки, потоки капитала и логистику в полную цифровую экономическую цепочку, в то время как цифровые инновации опираются на интеграцию новых отраслей, таких как информационные технологии, большие данные, высокотехнологичные оборудование и роботы. Производственная цепочка становится основной точкой опоры цифровой экономики. Волна интеллекта и цифровизации ведет экономику Китая в новую эру цифровой экономики.

После реализации Десятой пятилетки (2001-2005 гг.) КНР отмечает важность информационных технологий в своем экономическом развитии. В правительстве существует оптимизм в отношении того, что «Интернет и информационные технологии являются решающими факторами для создания международной экономической конкурентоспособности и преодоления межрегиональных пробелов в развитии внутри страны» [5].

План предполагает, что построение информационного общества является ключевым аспектом для экономического развития и модернизации

страны, с убеждением, что развитие информационных технологий естественным образом выведет экономику бедных районов из нищеты.

Статистические данные показывают, что многие части сельского Китая отстают от городских районов, которые более активно пользуются преимуществами Интернета и информационных технологий. Существует причинно-следственная двусторонняя связь между экономическим развитием и уровнем распространения ИКТ: в менее развитых регионах доступ к ИКТ является низким, поскольку инфраструктура ИКТ обычно слабо развита. В свою очередь, при ограниченном доступе к ИКТ более бедные регионы не могут в полной мере участвовать в цифровой экономике, что еще больше увеличивает разрыв между ними и развитыми регионами.

Цифровые технологии могут значительно повысить производительность труда, эффективно способствовать экономическому росту и социальному развитию. Хотя цифровая экономика КНР находится на подъеме, она также сталкивается с риском углубления цифрового разрыва. На региональном уровне в 2021 году число сельских пользователей Интернета составило около 297 миллионов, а количество городских пользователей – 714 миллионов, что свидетельствует о явном разрыве между городскими и сельскими районами. Количество пожилых Интернет-пользователей в возрасте 60 лет и старше достигло 119 миллионов, а уровень проникновения Интернета составил 43,2%, что свидетельствует об отставании от среднего показателя по стране, составляющего 73,0%. На отраслевом уровне в 2020 году проникновение цифровой экономики в сельское хозяйство, промышленность и сферу услуг составило 8,9%, 21% и 40,7% соответственно [11].

Предотвращение цифрового разрыва и достижение инклюзивного роста является ключевой целью развития цифровой экономики в Китае. Правительство Китая адаптируется к новому этапу экономического развития, ускоряет электронную коммерцию, реализует программы «Интернет + современное производство», «Интернет + современное сельское хозяйство», «Интернет + удобный транспорт» и другие, чтобы способствовать интеграции цифровой экономики и реальной [3].

Взаимодействие между цифровой экономикой и обрабатывающей промышленностью происходит в форме общественных потребностей, массовых инноваций, краудфандинга и краудсорсинга, что делает производственную деятельность более гибкой и интеллектуальной.

Хотя Китай упустил возможности развития двух предыдущих промышленных революций, он использовал возможности третьей промышленной революции, представленной информационными технологиями. В настоящее время экономика Китая занимает второе место в мире, а страна лидирует по развитию Интернета и цифровой экономике.

В 2016 году, в качестве принимающей стороны саммита G20, Китай впервые назвал цифровую экономику повесткой дня. На саммите G20

в Ханчжоу была выдвинута концепция развития глобальной цифровой экономики. Эта инициатива делает равный акцент на развитие и безопасность, что, безусловно, будет способствовать здоровому и быстрому развитию цифровой экономики.

В марте 2017 года в отчете правительства Китая впервые появились статьи, посвященные «цифровой экономике». Более того, в отчете за 2019 год предлагается «увеличить строительство кластеров индустрии информационных технологий нового поколения и продолжать укреплять исследования, разработки и применение информационных технологий». В отчете о работе правительства за 2020 год указывалось на необходимость углубления вклада технологии «Интернет +» в развитие цифровой экономики. В 2021 году «четырнадцатый пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочные цели на 2035 год» количественно обозначил задачу по увеличению добавленной стоимости основных отраслей цифровой экономики Китая [6].

В январе 2022 года Государственный совет опубликовал «14-й пятилетний план развития цифровой экономики». На основе систематического обобщения опыта развития цифровой экономики Китая в период «13-й пятилетки» было решено продолжать развитие в различных отраслях, регионах и группах. Проблема цифрового неравенства все еще не преодолена, поэтому необходимо сделать цифровые государственные услуги более доступными, так как они являются важным способом удовлетворения потребностей людей в лучшей жизни. Содействие комплексному развитию городских и сельских районов и ряд ключевых мер по преодолению цифрового разрыва знаменуют собой новый этап перехода цифровой экономики Китая к инклюзивному совместному использованию и инклюзивному росту.

Применение новых технологий, таких как 5G и искусственный интеллект, и развитие новых экономических моделей, таких как мобильные платежи, оказывают огромное влияние на жизнь граждан Китая. Большие данные, генерируемые на таком огромном рынке, могут эффективно стимулировать рождение новых технологий и новых экономических моделей. В цифровую эпоху способность Китая накапливать и использовать данные будет долгое время позволять Поднебесной находиться в авангарде, а китайский рынок станет уникальной площадкой для инновационных предпринимателей всего мира.

Итак, за последние десятилетия Китай внес огромный вклад в прогресс мирового экономического развития. В эпоху четвертой научно-технической революции цифровое развитие Китая продолжит способствовать глобальному экономическому росту. Китай установил четкий политический курс, направленный на поддержку преобразования экономики, основанной на технологиях и инновациях. Тот факт, что КНР стала мировым лидером в сфере инноваций, только подтверждает успешность проводимой политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Сунь Т. Интернет-экономика в КНР: роль и место в экономической системе государства: дипломный проект. Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ), Институт социально-гуманитарных технологий (ИСГТ), Кафедра экономики (ЭКОН). 2016.
2. Флегонтова Т.А. Цифровая экономика для устойчивого экономического роста регулирование электронной коммерции в КНР: риски и возможности для международного сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. № 4.
3. Charting the Path of Digital Economy in China // China Today // http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/2018/tpxw/201812/t20181207_800150937.html.
4. DIGITAL 2022: CHINA // Datareportal // <https://datareportal.com/reports/digital-2022-china?rq=china>.
5. Giese K. Internet Growth and the Digital Divide. NY: Routledge, China and the Internet, 2003.
6. Jiao S., Sun Q. Digital Economic Development and Its Impact on Economic Growth in China: Research Based on the Perspective of Sustainability // Sustainability. 2021. Т. 13. № 18.
7. Li B., Zhang S. Research on the development path of China's digital trade under the background of the digital economy // Journal of Internet and Digital Economics. 2022.
8. Tatnall F. Encyclopedia of Portal Technologies and Applications. IGI Global, 2007.
9. Weimin W. Life on The Cusp. World Scientific Publishing Co, 2016.
10. 40 Firsts: Milestones Show Important Changes That Lead to Today's China // Women of China // <http://www.womenofchina.cn/womenofchina/html1/special/40/18051/153-1.htm>.
11. 我国网民规模超10亿 城乡互联网普及率进一步缩小 (Число пользователей Интернета в Китае превысило 1 миллиард, уровень проникновения Интернета в городах и сельской местности продолжает сокращаться) // 人民网 (Жэньминь жибао) // <http://finance.people.com.cn/n1/2021/0827/c1004-32210302.html>.

K.N. SEKRETAREVA

*Master student, Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

CHINA'S DIGITAL ECONOMY IN HISTORICAL RETROSPECT

China has become an influential digital player both in the Asia-Pacific region and globally. As a major global investor in digital technologies and one of the world's leading developers of those technologies, it is already shaping the global digital landscape, supporting and inspiring entrepreneurship far beyond its territories. The digital economy is having a profound impact on people's lives, changing the way they are employed and generating huge changes in China's production structure. The digital economy has become a new form of economic and social development. This article analyses the history of China's digital economy and the challenges the country faces in building an information society.

Key words: *digital economy, China, Internet, e-commerce, digital technology.*

Ю.А. ЦВЕТКОВА

*студент факультета управления и политики
Московского государственного института международных
отношений (университета) МИД Российской
Федерации (МГИМО), Россия, г. Москва*

ПОВЕСТКА ДНЯ: ПОНЯТИЕ, СПЕЦИФИКА, ТИПОЛОГИИ

В статье рассматривается сущность феномена повестки дня. Прослеживается развитие взглядов на формирование повестки. Исследуются основные подходы и направления исследования в зарубежной и отечественной политической науке. Анализируются предложенные различными авторами определения термина и типологии. Делается вывод, что общей характеристикой, объединяющей многочисленные интерпретации понятия, является то, что повестка состоит из вопросов, которые вызывают у субъекта определенную озабоченность. В зависимости от субъекта, а также по ряду других критериев, исследователями выделяются различные виды повестки. Ключевой характеристикой вопроса политической повестки является факт разработки и реализации по нему конкретного политического решения.

Ключевые слова: *повестка дня, политическая повестка дня, виды повестки дня.*

Стадия формирования повестки дня является одной из ключевых стадий политического процесса, так как именно на ней под влиянием различных субъектов и факторов определяются актуальные политические проблемы.

Традиционно повестка рассматривается как перечень злободневных, общественно-значимых вопросов, требующих принятия решений и их дальнейшей реализации. А.А. Казаков определяет повестку как «круг сюжетов или тем, имеющих приоритетное значение для конкретного субъекта в определенный промежуток времени» [1. С. 47]. В отечественной литературе выделяют следующие виды повестки: политическая, медийная (или информационная) и публичная (или общественная).

В политической повестке можно выделить две составляющие – актуальные проблемы, являющиеся предметом общественной обеспокоенности и требующие вмешательства государства, и символические сюжеты. Эта

символическая составляющая служит формированию имиджа. Наличие подобных вопросов в повестке создает видимость движения в определенном направлении, даже если это не является актуальным в текущей ситуации и не осознается как нечто важное основной массой населения.

Общественная повестка состоит из вопросов, которым население уделяет внимание. Сюда не включаются конкретные политические решения. Как пишет М. Маккоумбс, в общественную повестку также включаются личностная повестка – приоритеты конкретного индивида – и межличностная повестка – круг вопросов, которые индивид обсуждает со своим окружением и на которые это окружение, соответственно, оказывает значительное влияние [6. Р. 180].

Нередко главная роль в формировании повестки отводится средствам массовой информации. В таком ключе выстроена ставшая классической теория повестки дня М. Маккоумбса и Д. Шоу. Согласно их теории, вопросы, на которые обращают внимание средства массовой информации, являются теми вопросами, которые беспокоят общественность [6. Р. 185]. Однако нельзя сказать, что эта корреляция является безусловной для политических реалий любого государства.

На современном этапе развития политической науки средствам массовой информации не отводится безусловная роль в формировании повестки. Для того, чтобы какой-либо вопрос попал в поле зрения общественности и впоследствии лиц, принимающих решения, он не обязательно должен быть освещен масс-медиа. Часто наблюдается обратная зависимость – средства массовой информации освещают те проблемы, которые были выбраны государственными органами в повестку и которые они готовы выносить на публичное обсуждение. То есть, политическая повестка определяет медийную повестку, а не наоборот.

Наибольший интерес представляет именно политическая повестка, так как она непосредственно связана с деятельностью государственных органов. Отечественными авторами принято выделять символическую и институциональную политические повестки. В основе этого разграничения лежит обнаруженная связь между перечнем насущных вопросов и реальной политикой, проводимой государством. Символическая повестка – это набор проблем, которые находятся во внимании политических акторов. То есть, это повестка как предварительная категория (дискурс-повестка). Институциональная повестка, в свою очередь, представляет собой перечень сюжетов, в отношении которых принимаются политические решения. Это повестка, представляющая собой конкретный план правительства.

Дж. Диаринг и Э. Роджерс предлагают концепцию конкурирующих повесток [3. Р. 91]. Авторы выделяют политическую повестку дня, определяемую государством; медиа-повестку, формируемую средствами массовой

коммуникации; публичную повестку, которая устанавливается в общественном мнении под влиянием первой и второй повесток.

Дж. Кингдон разграничивает повестку, представляющую собой рабочую программу правительства, в которую входят вопросы, по которым активно ведется процесс принятия решения (*decision agenda*), и правительственную повестку, которая определяется как список вопросов, в целом находящихся в фокусе лиц, принимающих решения (*governmental agenda*) [5. Р. 121].

Кингдон также предложил разграничивать вопросы повестки по трем категориям – «потокам» [5. Р. 131].

Поток проблем (*problem stream*) – это стихийный поток, то есть поток проблем, который ничем не регулируется. Он формируется из высказываемых общественных озабоченностей, из того, что волнует общество. То есть, это те проблемы, вопросы, темы, которые привлекли внимание общественности. Поток проблем формирует системную повестку, которая охватывает все публичные интересы и позиции.

Неотъемлемым элементом потока проблем является восприятие проблем населением. Проблемы рассматриваются как общественные в том смысле, что для их решения требуется участие государства. О проблемах такого рода лица, принимающие решения, как правило, узнают из-за происходящих кризисных ситуаций или благодаря обратной связи от граждан. Какая-либо ситуация квалифицируется как проблема, когда она перестает соответствовать некому положению дел, которое является желаемым.

Здесь главной задачей является привлечение внимания. Очевидно, что лишь малая часть проблем реально получает внимание лиц, принимающих решения. В целом, внимание быстро переключается с проблемы на проблему. Это происходит из-за определенных событий или ощущения, что хорошо продуманное решение уже существует. Поэтому необходимо действовать немедленно.

Поток решений (*policy stream*) – это те проблемы, которые нужно решать здесь и сейчас незамедлительно. К этому подталкивают политические предприниматели. Поток решений включает в себя варианты, предложенные исследователями, государственными органами, заинтересованными сторонами для решения проблем. В этом потоке многочисленные возможности для политических действий выявляются, оцениваются, и среди них отбираются наиболее подходящие и осуществимые опции.

Чтобы предложения по решению проблем были рассмотрены, они должны соответствовать определенным критериям. Такими критериями являются справедливость, техническая осуществимость, соответствие общественным ценностям, учет возможных ограничений при реализации, связанных с человеческими и финансовыми ресурсами.

Как было сказано ранее, внимание с проблемы на проблему переключается довольно быстро. Однако разработка продуманных и жизнеспособных решений занимает много времени.

В контексте данного потока Дж. Кингдон описывает политические решения как «политический суп». Этот «суп» эволюционирует по мере того, как решения, предложенные одними акторами, переходят к другим, подвергаясь рассмотрению и трансформации. На данном этапе также происходит процесс «смягчения», который необходим, поскольку в некоторых случаях требуется время, чтобы определенные проблемы были приняты в политических сетях.

Субъекты, которых Дж. Кингдон называет политическими предпринимателями, стремятся компенсировать разрыв между быстрым переключением внимания с проблемы на проблему и медленной разработкой политических решений. Они разрабатывают решения для потенциальных проблем и ждут подходящее время, чтобы их реализовать или привлечь к ним внимание через подходящую проблему («решения в погоне за проблемами»).

Политический поток (politics stream) – это проблемы, на которые правительство не может не реагировать. Он формирует правительственную повестку. К нему относятся политические трансформации, ситуации, происходящие в государстве, социальное давление, колебания настроений, кампании групп интересов.

У лиц, принимающих решения, есть мотив и возможность превратить предложенные решения в реально проводимую политику. Главное – они должны обратить внимание на проблему и предлагаемые решения. Директивные органы учитывают множество факторов, в том числе и свои личные убеждения.

В целом, лица, принимающие решения, находятся под давлением всех трех потоков. Когда эти потоки сходятся, политические предприниматели ожидают открытия окна возможностей. Согласно Дж. Кингдону, окно возможностей – это тот временной промежуток, в который проблема может быть решена конструктивно, так как для этого сложилась благоприятная конъюнктура в политической сфере.

Ф. Баумгартнер и Б. Джонс отмечают, что важно выделять приоритеты среди набора проблем, находящихся во внимании политических акторов [4. Р. 250]. Если государственные структуры принимают какие-либо конкретные меры для решения вопроса, его можно назвать приоритетом. Простого внимания к нему со стороны властей недостаточно.

П. Бахрах и М. Барац проводят различие между «ключевыми» и «рутинными» проблемами [2. Р. 635]. Они критикуют определение, которое представитель элитистской школы Р. Даль дает «ключевым» политическим проблемам. По их мнению, несогласия между двумя или более группами по определенному вопросу недостаточно, чтобы назвать его ключевым, так

как у различных групп может быть разное представление о важности той или иной проблемы.

Авторы также считают, что важно разграничивать «опасные» и «безопасные» проблемы [2. Р. 636]. «Опасные» проблемы могут быть исключены из повестки и политическое решение по ним принято не будет, если это невыгодно субъекту. Субъект, таким образом, способствует «непринятию» решения через влияние на общественные ценности, политические процедуры и формальные правила.

Таким образом, исследователи дают термину «повестка дня» различные определения в зависимости от выбранного подхода. Важно отметить, что даже если вопрос попал в поле зрения правительства, это еще не означает, что по нему будет принято решение. Необходимо, чтобы проблема была отражена в результатах проводимой политики с позитивным или негативным исходом, то есть проблема должна быть изучена и решена, либо должно быть принято решение о том, что в настоящий момент заниматься этой проблемой нецелесообразно. В таком случае можно сказать, что она действительно попала в повестку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Казаков А.А. Теория установления повестки дня: основные подходы и направления исследования в российской политической науке // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. No 3 // <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-ustanovleniya-povestki-dnya-osnovnyye-podhody-i-napravleniya-issledovaniya-v-rossiyskoy-politicheskoy-nauke>.

2. Bachrach P. Decisions and Nondecisions: an Analytical Framework / Peter Bachrach, Morton S. Baratz // *The American Political Science Review*. 1963. Vol. 57. Issue 3.

3. Dearing J.W. Communication Concepts 6: Agenda-Setting / James W. Dearing, Everett Rogers. Thousand Oaks, CA: Sage, 1992. ISBN 9781452248844.

4. Jones B.D. The Politics of Attention: How Government Prioritizes Problems / Bryan D. Jones, Frank R. Baumgartner. Chicago: University of Chicago Press, 2005. ISBN 9780226406534.

5. Kingdon J.W. Agendas, Alternatives, and Public Policies (2nd Edition) / John W. Kingdon. New York: HarperCollins College Publishers, 1995. ISBN 10:0673523896.

6. McCombs M.E. The Agenda-Setting Function of Mass Media / Maxwell E. McCombs, Donald L. Shaw // *The Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36. Issue 2 // <https://www.jstor.org/stable/2747787>.

Yu.A. TSVETKOVA

*Student of the Faculty of Management and Politics
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation (MGIMO), Moscow, Russia*

AGENDA: CONCEPT, SPECIFICITY, TYPOLOGIES

The article examines the essence of the phenomenon of the agenda. The development of views on the formation of the agenda is traced. The main approaches and directions of research in foreign and domestic political science are investigated. The definitions of the term and typology proposed by various authors are analyzed. It is concluded that a common characteristic uniting numerous interpretations of the concept is that the agenda consists of issues that cause the subject a certain concern. Depending on the subject, as well as on a number of other criteria, researchers distinguish different types of agenda. The key characteristic of the issue on the political agenda is the fact of the development and implementation of a specific political decision on it.

Key words: *agenda, political agenda, types of agenda.*

З.Х. ЦОРИЕВА

магистрант

факультета глобальных процессов

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ

Статья посвящена анализу особенностей и тенденций развития интеграционных процессов на современном этапе в Латинской Америке. Значимость данного вопроса обусловлена динамичностью развития латиноамериканского региона как субъекта мировой политики, что делает региональные интеграционные объединения все более значимыми акторами международных отношений. Целью работы является выявление основных тенденций развития интеграции в странах Латинской Америки, а также проблем и перспектив развития латиноамериканских интеграционных объединений. Для проведения анализа использовались статистические данные латиноамериканских организаций, а также аналитические работы российских и испанских ученых. В заключительной части работы делается вывод о том, что в настоящее время латиноамериканская интеграция переживает не самые лучшие времена из-за наличия ряда проблем, которые существенно тормозят интеграционные процессы в регионе.

Ключевые слова: интеграция, интеграционные процессы, Латинская Америка, МЕРКОСУР, УНАСУР, международные организации.

В настоящее время в Латинской Америке происходят интеграционные процессы, которые были начаты несколько десятилетий назад. Однако наиболее активно эти процессы стали протекать в 1990-х годах, что обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, в эти годы произошло углубление интеграции по всему миру. Во-вторых, латиноамериканские страны стали более динамично развиваться с экономической точки зрения. Именно тогда была создана Южноамериканская зона свободной торговли (МЕРКОСУР), которая на сегодняшний день является ключевым интеграционным объединением в регионе.

В начале текущего столетия интеграционные процессы вышли на качественно новый уровень. Из таможенных союзов они превратились в политические институты, с помощью которых страны Латинской Америки смогли более четко формулировать свои цели и задачи развития, а также взаимодействовать и с другими регионами, в частности, с Западом. Сегодня на территории Латинской Америки действует большое число различных интеграционных объединений, которые были созданы в различные годы.

На сегодняшний день развитие интеграции в странах Латинской Америки происходит в соответствии с несколькими основными тенденциями, в числе которых можно назвать:

- развитие интеграционных процессов в соответствии с концепцией «открытого регионализма» и переход к концепции «постлиберального регионализма»;
- наличие двух зон интеграции – северной (США и НАФТА) и южной (Бразилия и Венесуэла);
- важная роль в интеграционных процессах принадлежит наиболее развитым странам региона;
- высокая зависимость интеграционных процессов от политической ситуации в конкретных странах.

Рассмотрим представленные выше тенденции развития интеграционных процессов в Латинской Америке подробнее.

Первой тенденцией является развитие интеграционных процессов в соответствии с концепцией «открытого регионализма» и переход к концепции «постлиберального регионализма». Ей предшествовала концепция «закрытого регионализма», сутью которого выступало проведение индустриализации на основе политики импортозамещения. В противоположность ему, «открытый регионализм» имеет следующие характеристики [12. Р. 573-594]:

- фокус на сфере торговли товарами и услугами, защите прав интеллектуальной собственности, инвестициях, участии в государственных закупках;
- расширение экономического сотрудничества внутри Латинской Америки (между странами региона) и со странами из других регионов;
- поощрение притока иностранных инвестиций, как следствие, допуск в регион транснациональных корпораций (ТНК) из других стран.

Важно обратить внимание на то, что под влиянием концепции «открытого регионализма» в 1991 году сформировалось такое интеграционное объединение, как МЕРКОСУР, которое является одним из наиболее активных в Латинской Америке по показателям товарооборота и капиталовложений. Целью соглашения стало содействие свободной торговле, гибкому движению товаров, населения и валюты стран-участниц (Аргентина, Бразилия, Уругвай, приостановлено членство Парагвая и Венесуэлы).

Однако в ходе своей эволюции концепция «открытого регионализма» стала изживать себя. Это связано с тем, что в нем особое положение занимала интеграция и сближение с США, что противоречило идее интеграционных процессов в регионе у ряда стран. Более того, согласно мнению исследователей, страна стремилась к тому, чтобы постепенно объединить все латиноамериканские интеграционные объединения с НАФТА, в том числе МЕРКОСУР, Андское сообщество, КАРИКОМ и ряд других.

Постепенный переход от «открытого регионализма» к «постлиберальному регионализму» стал осуществляться в 2001 году. Во время развития данной концепции появились такие интеграционные объединения, как Союз южноамериканских наций и Боливарианский альянс для народов нашей Америки. Причем основными чертами «постлиберального регионализма» стали:

- увеличение роли политического аспекта интеграции и снижения экономического;
- усиление роли государства;
- создание институтов и формирование единых политических принципов, обсуждение вопросов обеспечения мира и безопасности в регионе;
- интенсификация неторгового сотрудничества в направлении Юг-Юг;
- обсуждение на повестке вопросов высокой дифференциации стран в уровне развития и решение социальных вопросов (бедность, социальное неравенство и пр.);
- обсуждение вопросов низкого развития региональной инфраструктуры;
- обеспечение энергетической безопасности и пр. [5. С. 112-114].

Второй яркой тенденцией современных интеграционных процессов в Латинской Америке выступает наличие двух интеграционных зон, что говорит о дифференциации интеграционных моделей внутри анализируемого региона. Первая зона интеграции сформировалась рядом с США и Североамериканской зоной свободной торговли (НАФТА). Это обусловлено тем, что США занимают важное место в экономике стран Латинской Америки: они являются главным торговым партнером и инвестором, а также оказывают финансовую помощь для целей развития.

Одним из примеров смещения интеграционных процессов в сторону севера является создание Тихоокеанского альянса (*Alianza del Pacífico*), в рамках которого доминирующее положение занимает Мексика. Предполагается, что Тихоокеанский альянс был создан с целью противостояния Бразилии. По словам Президента Боливии Эво Моралеса, данный альянс является геополитическим проектом США, направленным против наиболее прогрессивных стран Латинской Америки и таких интеграционных объединений в регионе, как МЕРКОСУР и УНАСУР (Союз южноамериканских наций) [13].

Вторая зона интеграции сформировалась в южной части Латинской Америки вокруг Бразилии и Венесуэлы. Так возникли такие интеграционные объединения, как Боливарианский альянс для народов нашей Америки (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América – ALBA) и Союз южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas – UNASUR). Целями АЛБА были провозглашены экономическая интеграция и совместное развитие участников альянса на основе социализма и коллективной защиты независимости [10]. В свою очередь, целью УНАСУР стало создание зоны свободной торговли, единой валютной зоны, наднационального парламента и органов власти [19]. В определенной степени, по задумке создателей, Союз южноамериканских наций должен был стать латиноамериканским аналогом Европейского союза.

Наличие разнонаправленных интеграционных процессов может создавать угрозу дезинтеграции, то есть процессов – противоположных региональной интеграции. О дезинтеграции в Латинской Америке уже заявляли исследователи по всему миру [16. Р. 119-132].

Следующей тенденцией является то, что важная роль в интеграционных процессах принадлежит наиболее развитым странам региона. Наиболее активными участниками выступают Аргентина и Бразилия, которые инициировали создание нескольких интеграционных объединений. Так, эти страны являются сильнейшими экономиками региона, и именно они являются двигателями интеграции, поскольку имеют возможность финансировать деятельность тех или иных интеграционных объединений, а также стремятся решать свои политические задачи через объединение стран в интеграционные группировки.

Например, значимые усилия по развитию региональной интеграции прикладывает Бразилия ввиду желания усиления собственных геополитической позиции в мире. Поэтому, страна уже несколько десятилетий стремится группировать латиноамериканские страны и противостоит укреплению роли США в регионе. Именно Бразилия является главным локомотивом таких интеграционных объединений, как МЕРКОСУР и УНАСУР, развивая такие направления сотрудничества, как: торговля и инвестиции, энергетический сектор, развитие региональной инфраструктуры, защита окружающей среды, сотрудничество в области образования и культуры [7].

И еще одной тенденцией современных интеграционных процессов в Латинской Америке выступает высокая зависимость интеграционных процессов от политической ситуации в конкретных странах. Традиционно страны Латинской Америки считаются странами с нестабильной политической обстановкой. Это касается, в первую очередь, Венесуэлы, в которой с 2019 года действует два центра власти. Специалисты полагают, что политическое противостояние в стране затрагивает не только внутренние процессы в самом государстве, но и в странах-партнерах Венесуэлы

по Боливарианскому альянсу для народов нашей Америки, в частности в Кубе, Эквадоре, Никарагуа и Боливии [7]. Кроме того, под воздействием политической нестабильности было приостановлено членство Венесуэлы в МЕРКОСУР в 2017 году.

Стоит отметить, что по вопросам мировой политики и глобального регулирования латиноамериканские страны имеют общие позиции. Это касается преимущественно таких вопросов, как ликвидация голода и нищеты, формирования полицентрического мира, а также в целом заявляют о необходимости достижения Целей устойчивого развития, которые были поставлены до 2030 года. Среди этих целей наиболее актуальными являются: ликвидация нищеты, ликвидация голода, достойная работа и экономический рост, уменьшение неравенства, сохранение экосистем моря, сохранение экосистем суши и пр. [8. С. 102-115].

Однако в настоящее время латиноамериканская интеграция также имеет ряд проблем, которые существенно тормозят ее активное развитие. Среди наиболее значимых из них можно отметить:

- отсутствие ресурсов для финансирования деятельности интеграционных объединений и региональных проектов экономического развития;
- социально-экономическая и политическая дифференциация региона;
- кризис некоторых интеграционных объединений; наличие территориальных споров между некоторыми латиноамериканскими странами.

Рассмотрим вышеназванные проблемы развития латиноамериканских интеграционных объединений более подробно.

Первой существенной проблемой является отсутствие ресурсов для финансирования деятельности интеграционных объединений и региональных проектов экономического развития. Эта проблема оказывает значимое влияние на консолидацию стран Латинской Америки. Так, в рамках УНАСУР в 2007 году был сформирован главный финансовый инструмент – Банк Юга (Banco del Sur), который позиционировался как латиноамериканская альтернатива Всемирному банку, Международному валютному фонду (МВФ) и Межамериканскому банку развития, то есть главным международным финансовым институтам. Банк Юга объединил центральные банки стран региона для кредитования различных проектов в области экономического развития [6. С. 47-58].

Банк Юга выступал в качестве инструмента обеспечения регионального равновесия, которое даст возможность наименее развитым странам Латинской Америки улучшить свое экономическое положение. Но в 2012 году стало очевидно, что этот институт не может реализоваться в том виде, в котором он был задуман. В этот год его ратифицировали только Аргентина, Боливия, Венесуэла, Уругвай и Эквадор. По состоянию на текущее время у Банка Юга не было никаких значимых проектов экономического развития и сам банк не осуществляет никаких значительных финансовых операций.

Это, в свою очередь, в определенной степени свидетельствует о кризисе интеграционных процессов в Латинской Америке, в частности в рамках УНАСУР [11. Р. 77-93].

Второй проблемой, которая тормозит интеграционные процессы в Латинской Америке, выступает социально-экономическая и политическая дифференциация региона. Во многих латиноамериканских странах на сегодняшний день сохраняются высокий уровень бедности, неэффективная социальная и налоговая политика, несогласованная экономическая политика, невысокие темпы роста торговли, политическая нестабильность, а также наличие автократических политических режимов [14].

Так, латиноамериканские страны существенно различаются в моделях социально-экономического развития, которые используются в государстве. Например, в Колумбии, Перу и Чили эти модели характеризуются наличием принципов открытых рынков, приверженности демократическим принципам, а также отсутствием антиамериканизма в политике. Преимущественно, данную модель применяют страны, которые объединились в Тихоокеанский Альянс.

Также, существует и национальные модели, в рамках которых страны стремятся развивать свою внутреннюю экономику и защищать промышленность. Как следствие стремления защиты совокупного продукта, страны применяют торговые барьеры для третьих латиноамериканских стран. К таким странам преимущественно относятся страны-участницы блока МЕРКОСУР, а именно Бразилия, Аргентина, Уругвай и Парагвай, которые имеют общую торговую политику.

В свою очередь, в других странах Латинской Америки, таких как Венесуэла, Боливия и Эквадор наблюдаются противоположные, радикальные модели. С совершенно другими характеристиками, в том числе: жесткое государственное регулирование экономики, альтернативные рыночной экономике и неолиберализму экономические модели, а также социалистические политические режимы. Такая модель активно используется в странах, которые объединились в Боливарианский альянс для народов нашей Америки [14].

Также, страны Латинской Америки довольно сильно различаются по уровню экономического развития. Самой богатой страной региона является Бразилия, ВВП которой в 2020 году составил 1,4 трлн. долл. США. При этом, второй экономикой Латинской Америки является Аргентина, ее ВВП значительно ниже – 0,38 трлн. долл. США.

При этом, самой бедной страной региона выступает Доминика с показателем ВВП, равным 0,52 млрд. долл. США. Получается, что разрыв между самой богатой и самой бедной страной Латинской Америки составляет более 2,5 тыс. раз. Даже если сравнивать Бразилию и Аргентину – две

самые богатые страны региона в терминах ВВП, то можно обнаружить разницу в 3,7 раза по исследуемому показателю [15].

Также, важным фактором дифференциации стран в Латинской Америке, который оказывает существенное влияние на интеграционные процессы в регионе, выступает отношение стран к сотрудничеству с США. Так, для некоторых из них США является важным экономическим и политическим партнером, с которым установлены тесные связи. При этом, у других стран заметны антиамериканские настроения и конфронтация со страной. Очевидно, что это также тормозит объединение и интеграцию стран Латинской Америки [2. С. 5-8].

Также, одной из проблем развития латиноамериканских интеграционных объединений является кризис некоторых из них. Так, специалисты полагают, что в кризисном состоянии на сегодняшний день находятся Боливарианский альянс для народов нашей Америки, УНАСУР, а также Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños – CELAC*) [4. С. 1-8].

Специалисты полагают, что наиболее тяжелое положение в настоящее время у интеграционного объединения УНАСУР. На современном этапе организация находится в упадке, поскольку в течение последних нескольких лет ее покинули важные участники интеграционных процессов в Латинской Америке – Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Парагвай и Перу (исначально в УНАСУР было 12 государств-членов) [9. С. 85-93]. Одной из причин такого положения вещей является усложнение внутривосточной ситуации в Венесуэле и Бразилии, которые имели роль драйвера интеграции данного объединения. Также, предполагается, что стремление Бразилии к усилению своей международной позиции привело к тому, что внимание страны к региональной интеграции значительно ослабло [9. С. 85-93].

Также, достаточно трудными являются перспективы такого интеграционного объединения в Латинской Америке, как Боливарианский альянс для народов нашей Америки. Это связано с экономическими и политическими процессами, происходящими в регионе. Так, данное интеграционное объединение выступало субсидиарным проектом, в котором основу интеграции составляла недорогая нефть Венесуэлы. Однако, с удешевлением мировых цен на нефть ситуация изменилась.

Среди политических проблем, которые негативно отразились на Боливарианском альянсе для народов нашей Америки, можно назвать выход из интеграционного объединения Эквадора после прихода к власти Ленина Морено, который ушел от социалистического курса страны. Также, к политическим причинам можно отнести и возрастание роли Бразилии и Аргентины, которые сосредоточены на развитии Южноамериканского общего рынка [4. С. 1-8].

Также, на торможение интеграционных процессов в Латинской Америке влияет и наличие территориальных споров между некоторыми латиноамериканскими странами, что является скорее фактором двустороннего взаимодействия [3. С. 29-43]. В настоящее время неопределенность границ создает дополнительное негативное воздействие на интеграцию стран в регионе, создавая угрозу интеграционным процессам в Латинской Америке. Например, существует конфликт между Венесуэлой и Колумбией относительно границ особой экономической зоны в Венесуэльском заливе и водном пространстве, которое прилегает к островам Лос-Монхес.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в настоящее время развитие латиноамериканских интеграционных объединений испытывает ряд трудностей. В связи с этим, можно утверждать, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе странам в Латинской Америке будет сложно добиться глубокой и прочной интеграции. Для того, чтобы у латиноамериканских интеграционных процессов появились перспективы, странам региона, в первую очередь, необходимо решить внутренние проблемы, которые тормозят региональную интеграцию и препятствуют эффективному взаимодействию стран [1. С. 25-29].

Также, определенные перспективы для латиноамериканской интеграции имеет сближение Тихоокеанского альянса и МЕРКОСУР. Эти объединения уже сейчас являются наиболее динамично развивающимися, и именно они играют существенную роль в интеграции в Латинской Америке. Поэтому, их взаимодействие в формате формирования зоны свободной торговли может дать новый импульс [18].

При этом, основными инструментами содействия свободной торговле между Тихоокеанским альянсом и МЕРКОСУР являются [17. Р. 189-198]:

- введение электронной формы сертификации страны происхождения продукции;
- работа программ «одного окна» для совершения и проведения внешнеторговых сделок;
- развитие таможенного сотрудничества.

Более того, улучшению взаимоотношений между МЕРКОСУР и Тихоокеанским альянсом способствует не только наличие зоны свободной торговли, но и наличие специального статуса ассоциированного члена Южноамериканского общего рынка у нескольких стран альянса. Однако, также существуют и барьеры для эффективного сближения данных латиноамериканских интеграционных объединений. Они заключаются в том, что у них наблюдается разный подход к интеграции, а также разные регулирующие нормы.

На сегодняшний день развитие интеграции в латиноамериканских странах происходит в соответствии с несколькими основными тенденциями. Во-первых, развитие интеграционных процессов в соответствии

с концепцией «открытого регионализма» и переход к концепции «постлиберального регионализма». Во-вторых, наличие двух зон интеграции – северной (США и НАФТА) и южной (Бразилия и Венесуэла). В-третьих, важная роль в интеграционных процессах принадлежит наиболее развитым странам региона. В-четвертых, наблюдается высокая зависимость интеграционных процессов от политической ситуации в конкретных странах. Названные тенденции определяют особенности развития интеграционных процессов в латиноамериканском регионе.

Во-первых, в настоящее время латиноамериканская интеграция переживает не самые лучшие для себя времена. Это обусловлено наличием некоторых проблем, которые существенно тормозят интеграционные процессы. Среди этих проблем можно назвать отсутствие ресурсов для финансирования деятельности интеграционных объединений и региональных проектов экономического развития, социально-экономическую и политическую дифференциацию региона, кризис некоторых интеграционных объединений, а также наличие территориальных споров между некоторыми латиноамериканскими странами.

Во-вторых, наличие этих проблем ставит серьезные вопросы о том, какие перспективы имеет латиноамериканская интеграция. Так, для сближения стран в рамках региональных интеграционных объединений в первую очередь необходимо решить ряд внутренних проблем, к которым можно отнести социально-экономические проблемы (бедность, высокий уровень неравенства населения, нестабильность экономической политики и пр.) и политические проблемы (наличие авторитарных политических режимов). Кроме того, с точки зрения перспектив развития интеграционных процессов на территории Латинской Америки наибольший эффект может иметь сближение двух крупных и наиболее значимых объединений – Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР) и Тихоокеанского альянса в формате зоны свободной торговли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алешковский И.А., Качян М.А.* Интеграционные процессы в Латинской Америке: проблемы и перспективы // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 3. № 3.

2. *Карг Х.М.* Десять гипотез о ситуации в Латинской Америке // Латинская Америка. 2016. № 11.

3. *Клеченов Г.Е.* Территориальные споры в Латинской Америке в условиях глобализации и борьбы с международным терроризмом // Московский журнал международного права. 2021. № 4.

4. *Колпаков Н.В.* Актуальные проблемы региональной интеграции в Латинской Америке: идеологическое измерение // Nauka.me. 2020. № 1.

5. *Кравченко Л.И.* и др. Эволюция основных концепций регионализма в Латинской Америке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-2.

6. *Осмоловец С.С.* Инструменты обеспечения финансовой стабильности в региональных экономических союзах (на примере стран Латинской Америки) // Пермский финансовый журнал. 2018. № 2.

7. *Посашкова А.В.* Роль Бразилии в развитии интеграционных процессов на южноамериканском континенте // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2018. № 3.

8. *Урсул А.Д.* Латиноамериканский вектор достижения глобальной устойчивости // Мировая политика. 2020. № 2.

9. *Хейфец В., Хадорич Л.* Союз южноамериканских наций: туманные перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2.

10. Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América (ALBA-TCP) – Servicio Nacional de Aduana del Ecuador // <https://www.aduana.gob.ec/alianza-bolivariana-para-los-pueblos-de-nuestra-america-alba-tcp/>.

11. *Barrenegoa A.* De la unidad suramericana a la fragmentación regional: contradicciones en la UNASUR a partir de las políticas de los gobiernos lulistas y las tensiones con las clases dominantes // Conjuntura Austral. 2020. Т. 11. № 56.

12. *Briceño-Ruiz J.* Times of change in Latin American regionalism // Contexto Internacional. 2018. Т. 40.

13. Colombia defiende la Alianza del Pacífico de las críticas de Evo Morales – El País // https://elpais.com/economia/2013/10/17/agencias/1381972170_641693.html.

14. *Frieden J.A.* Modern political economy and Latin America: theory and policy. Routledge, 2018.

15. Gross domestic product (GDP) in Latin America and the Caribbean in 2020, by country (in billion U.S. dollars) – Statista // <https://www.statista.com/statistics/802640/gross-domestic-product-gdp-latin-america-caribbean-country/>.

16. *Hoffmann A.R.* Mercosur between resilience and disintegration // Regionalism Under Stress. Routledge, 2020.

17. Nueva hoja de ruta en convergencia MERCOSUR-Alianza del Pacífico // <https://conexionintal.iadb.org/2017/04/27/nueva- hoja-ruta-convergencia-mercosur-alianza-del-pacifico/>.

18. *Peña F.* Regional integration in Latin America: The strategy of convergence in diversity and the relations between MERCOSUR and the Pacific Alliance // A new Atlantic community: The European Union, the US and Latin America, 2015.

19. Unión de Naciones Suramericanas – Servicio Nacional de Aduana del Ecuador // <https://www.aduana.gob.ec/union-de-naciones-suramericanas-unasur/>.

Z.KH. TSORIEVA
Master's Student
Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF INTEGRATION PROCESSES IN THE LATIN AMERICAN REGION

The article is devoted to the analysis of the features and trends of the development of modern integration processes in Latin America. The significance of this issue is due to the dynamic development of the Latin American region as a subject of world politics, which makes regional integration associations increasingly important actors in international relations. The aim of the work is to identify the main trends in the development of integration in Latin America, as well as problems and prospects for the development of Latin American integration associations. Statistical data of Latin American organizations, as well as analytical works of Russian and Spanish scientists were used for the analysis. In the final part of the work, it is concluded that Latin American integration is currently experiencing not the best of times due to the presence of a number of problems that significantly hinder integration processes in the region.

Key words: *integration, integration processes, Latin America, MERCOSUR, UNASUR, international organizations.*

А.Ю. ЧАЛЫШЕВ

магистр политологии
Высшей Школы Экономики,
Россия, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ФРАНЦИИ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

Конфронтация России с Западом за последние несколько лет вынудила сместить фокус российской внешней политики на Восток. Россия начала активно развивать отношения со странами Азии, Ближнего Востока и Африки. Африканское направление представляется наиболее перспективным, принимая во внимания тот факт, что страны Африки сейчас являются потенциальными партнерами для сотрудничества и развития совместных проектов. Но африканское направление уже давно является приоритетным у другой державы – Франции. Поэтому в статье поднимаются вопросы того, какие проблемы возникают между странами на африканском континенте, и есть ли какие-либо перспективы и возможности развития сотрудничества России и Франции.

Ключевые слова: Африка, Россия, Франция, внешняя политика, сотрудничество.

Введение. «Мы должны использовать все средства для поддержания требовательного и важного диалога с РФ в разных форматах», – сказал Макрон [2] на совместной пресс-конференции 8 февраля в Берлине с канцлером Германии Олафом Шольцем и президентом Польши Анджеем Дудой. Также в 2019 году президент Франции инициировал франко-российский диалог [12], направленный на улучшение двусторонних отношений, а также отношений между ЕС и Россией. Но к сегодняшнему дню эти усилия не затрагивали африканский регион. Африканская повестка с обеих сторон упоминается только в негативной коннотации. Франция, которая традиционно участвует в политике и экономике африканских государств, кажется рассматривает в российской стороне лишь угрозу своим интересам в Африке. Россия же в свою очередь под давлением западных санкций стала

активно развивать отношения с африканскими государствами в одностороннем порядке, не прибегая к партнерству и сотрудничеству с другими странами.

Проблемные вопросы. Тем самым на данный момент можно выделить наиболее яркие проблемные вопросы, которые возникают между Россией и Францией в африканском регионе. Начать бы хотелось с того, что еще в марте 2006 года Владимир Путин посетил Алжир, страну, которая много лет была основной базой Франции в африканском регионе. Несмотря на ухудшение отношений между Францией и Алжиром, первая никогда не теряла надежд на возвращения бывшего влияния в стране и долго экономически доминировала в регионе. Президент России же во время своего визита предложил [7] списать долг Алжира перед Москвой на сумму 4,7 миллиарда долларов в обмен на подписание контрактов на поставку вооружений. Через некоторое время за этим последуют новые шаги к сотрудничеству еще более широкого масштаба. Москва и Алжир добавят еще одну составляющую к своему сотрудничеству – газовую. Так, в августе 2006 года Газпром и Sonatrach заключили соглашение [1] о разведке и добыче газа в Алжире, а также о модернизации алжирской газопроводной сети. В то время это соглашение беспокоило многие европейские страны, Франция в том числе, они опасались появления так называемого «газового ОПЕК».

Российско-алжирские соглашения послужат базой для сближения уже с Ливией. В апреле 2008 года Владимир Путин встретился с Муаммаром Каддафи в Триполи. По этому случаю Москва списывает 4,5 миллиарда долларов долга [6], который Ливия получила от Советского Союза. Триполи, со своей стороны, обязуется закупить военную технику на сумму 3 миллиарда долларов, включая боевые самолеты, танки и зенитные комплексы. Также было заключено соглашение [13] об участии российских железных дорог (РЖД) в строительстве линии между Сиртом и Бенгази. Более того, глава ливийского государства заявил [3], что поддерживает проект газового картеля, в то время как «Газпром» несколькими месяцами ранее приобрел долю в четырех проектах в Ливии. Такое активное сближение и планы сотрудничества, которые складывались между Россией и Ливией не могли радовать Францию. Все это, очевидно, шло вразрез с политикой Франции, для которой Ливия также была важна в качестве сотрудничества в сфере добычи энергоресурсов и не только.

Далее в 2013 году происходит российско-египетское сближение по трем основным направлениям: продажа оружия, атомная энергетика и сотрудничество в таких региональных делах, как Ливия и Сирия [9]. С ноября 2013 года министры обороны и иностранных дел России Сергей Шойгу и Сергей Лавров посетят Каир. По этому случаю завершается первый раунд контрактов на сумму около 3 миллиардов долларов. В итоге Египет получил от России целый ряд военного вооружения и техники [5].

После введения санкций Россия еще более активизируется в африканском регионе. В 2018 году Россия и ЦАР официально подписали соглашение о военном сотрудничестве [4]. Тогда в Центральноафриканской Республике было развернуто несколько сотен российских солдат – правительство РФ при этом заявляло, что это всего лишь простые инструкторы, а не боевые отряды. Более того, в ЦАР эксперты ООН назначают Валерия Захарова главнокомандующим военизированными формированиями. Захаров также являлся советником по вопросам безопасности президента Центральноафриканской Республики Фаустена-Архангела Туадеры. До этого Захаров был сотрудником службы внутренней безопасности России.

Такое прибытие русских в личную охрану президента Центральноафриканской республики ознаменовало де-факто прекращение эксклюзивных отношений, которые Франция поддерживала с Центральноафриканской Республикой с момента обретения независимости в 1958 году. Ошеломленная ростом мощи России в Центральноафриканской Республике, Франция попыталась также проявить силу: Париж объявил о приостановке своего военного сотрудничества с африканской страной и замораживании бюджетной помощи правительству президента Туадера [11].

Далее 11 ноября 2020 года правительство России представило уже Судану предложение о заключении соглашения о создании военно-морского опорного пункта в Судане [8]. Тогда это была бы первая российская военно-морская база на побережье Африки. Создание этой базы является частью соглашения о военном сотрудничестве, подписанного двумя странами в мае 2019 года. 17 мая 2021 года Франция также списала задолженность Судана перед ней (5 миллиардов долларов) [10]. Тем самым, это выглядело, что Франция стремится сдержать российское влияние в этой стране и в Африке в целом.

На основе этого проникновение России в африканские страны воспринимается Францией как заведомо невыгодное мероприятие, так как это выглядит как ее вытеснение из Африки очередным конкурентом. Более того, между Францией и ее бывшими колониями в Африке существует соотношение господства, которое сегодня больше не может быть принято. Россия была там в то время, когда африканские страны как раз боролись за свою независимость. Тем самым, сейчас с одной стороны, у нас есть бывшая доминирующая держава, которая увековечила свое господство во французской Африке, а с другой стороны, есть соперник, который говорит: «Мы можем предоставить вам голос в случае притеснения в Совете Безопасности и обеспечим вам продажу оружия». Россия может наложить вето в целях защиты своего клиента.

Перспективы сотрудничества. Принимая во внимание все вышесказанное, возникает вопрос о возможности позитивного взаимодействия между Россией и Францией в африканском регионе. Ниже я рассмотрю наиболее перспективные направления, по которым может развиваться взаимовыгодное сотрудничество стран.

В первую очередь стоит принимать во внимание, что, несмотря на общее конфронтационное настроение между Западом и Россией, Париж и Москва не прекращают двусторонний диалог по различным вопросам. К сожалению, на данный момент на переговорах африканский регион редко появляется на повестке. Вышеупомянутые конфликтные моменты не поднимаются на обсуждение, но почти каждый случай мог бы развернуться в позитивное русло при соответствующих действиях с обеих сторон.

Теоретически цели России и Франции в Африке схожи: обе страны заявляют о своей поддержке местных властей, борьбе с терроризмом и сотрудничестве в целях развития. Российское предложение может быть интересной альтернативой для правительств африканских стран, поскольку Россия больше ориентирована на стабильность и единство власти, чем на межэтническое примирение. Французский подход поощряет демократизацию, регулярные выборы и консенсус. Однако Франция, в отличие от России, рассматривается как угнетающая держава. Тем самым общая работа будет на пользу Франции, совместные проекты будут служить улучшению ее авторитета, так как она будет работать не одна. Для России же весьма полезным будет знание региона Францией, которая находится в Африке гораздо дольше. Это может позволить России положиться на знания местности, которыми обладает Франция в Западной и Центральной Африке, или даже воспользоваться французскими удобствами и инфраструктурой, чтобы гарантировать безопасность своих граждан и посольств.

Также стоит принимать в расчет опыт других стран в совместной работе в одном регионе. Например, Соединенные Штаты стремятся укрепить свои отношения с надежными партнерами на оперативном и стратегическом уровне и, таким образом, объединить различные страны в зависимости от ситуации (Франция, Канада, Соединенное Королевство). Эта готовность США сотрудничать с французами в Африке неоднократно выражалась. Барак Обама в конце января 2014 года сообщил о важности инвестиций в укрепление партнерских отношений для ликвидации террористических сетей, упомянув Мали и, следовательно, Францию. США называют Францию ведущим европейским партнером в борьбе с терроризмом на африканском континенте [14]. В этом можно увидеть признание эффективности разработанного франко-американского сотрудничества на континенте. Операция в Мали привела к тесному франко-американскому сотрудничеству. На оперативном уровне Соединенные Штаты оказывали существенную поддержку как французским силам (разведка, спецназ,

дозаправка в воздухе, тактические и стратегические перевозки), так и африканским силам (закупка оборудования, воздушные перевозки и обучение). Эта поддержка, оказываемая Соединенными Штатами французским операциям в Мали и ЦАР, позволила в 2013 году достичь уровня сотрудничества в Африке, которого еще никогда не было.

Тем самым по такому же принципу можно выстраивать и сотрудничество России с Францией. Отношения между странами не находятся в военном положении, и более того, кампании ведутся не против друг друга, а против террористических группировок. И перед Россией, и перед Францией стоят цели борьбы с терроризмом. Как показывает пример выше и международная практика в целом, совместные действия являются более эффективным инструментом в этом отношении. Мы даже не говорим о совместных боевых действиях и кампаниях, для начала речь идет лишь о налаживании постоянного стратегического диалога в целях укрепления сотрудничества в борьбе с терроризмом в африканском регионе.

Далее хотелось бы упомянуть форум G20. На этой площадке рассматриваются вопросы с точки зрения потенциала экономического роста, который представляют развивающиеся страны, что в большей степени способствует эффективному участию стран с формирующейся рыночной экономикой. Тем самым, эта группа дает возможность обсудить такие разнообразные темы, как инфраструктура, налоговая политика, продовольственная безопасность, социальная и экологическая ответственность, инвестиционные стандарты или социальная защита. Тем самым, в перспективе в рамках G20 существует возможность обеспечить международный консенсус в отношении ответственной практики сотрудничества в Африке. Это в свою очередь может помочь наладить сотрудничество России и Франции в регионе, а также появившиеся совместные проекты будут способствовать стимулированию международному сотрудничеству в Африке.

Вывод. Тем самым, для Франции такое партнерство было бы весьма полезным инструментом для развеивания своей колониальной репутации. Так как сейчас, когда Франция в большей мере действует самостоятельно, на континенте предпринимаемые шаги воспринимаются как неоимпериализм, попытка нажиться на проблемах Африки. Сотрудничество же, в особенности, со страной, которая не имеет репутации колониальной державы в Африке может вполне исправить эту ситуацию в перспективе. Для России же партнер в лице Франции будет нужен для реализации более широкомасштабных проектов, увеличения экономического сотрудничества в регионе.

Более того, сотрудничество в Африке может послужить поводом для деэскалации напряженности в отношениях с Россией, вызванной после 2014 года. В отличие от двух своих проатлантических предшественников, приоритетом Макрона является восстановление древнего статуса Франции как «силы противовеса», балансирующей между Китаем,

Россией и Соединенными Штатами. Хотя российская экспансия в Африке ставит под угрозу ее интересы, Франция старается не подчеркивать этого или не показывать реакции на это. Вместо этого Франция пытается активизировать свое экономическое и социальное взаимодействие, что может послужить отличной базой для сотрудничества.

Стоит понимать, что сегодняшний мир уже не тот, что был раньше. Глобализация изменяет большую часть жизни, в том числе и геополитику. Если раньше Африка была полем битвы за участки влияния, то теперь африканские страны стремятся к тому, чтобы выступать наравне с бывшими метрополиями, «колониальное» господство резко осуждается всем мировым сообществом. Теперь приветствуется лишь равное сотрудничество. Поэтому ни России, ни Франции невыгодно стремиться к «влиянию» в той или иной стране. Наиболее актуальное решение – это создание и развитие взаимовыгодных проектов, экономический аспект сотрудничества должен будет преобладать в отношениях с африканскими странами.

На данный момент реализация совместных экономических проектов представляется мало возможным, так как существует взаимное недоверие в отношениях между странами, на это также накладывается вопрос с санкциями: их бы следовало смягчить для выстраивания более доверительных отношений, но в то же время как раз из-за отсутствия таковых смягчение санкций невозможно. Поэтому в данный момент фокус сотрудничества можно направить на диалог в борьбе с терроризмом в регионе. Сотрудничество в военно-стратегической сфере в целях стабилизации ситуации в африканских странах поможет создать доверительные отношения между Россией и Францией, что, в свою очередь, послужит базой для реализации новых совместных проектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. «Газпром» и «Сонатрак» подписали Меморандум о взаимопонимании // Газпром. 2006 // <https://www.gazprom.ru/press/news/2006/august/article55819/>.
2. «Макрон подчеркнул важность продолжения диалога с Россией в различных форматах» // ТАСС. 2022 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13652683>.
3. Реутов А., Зыгарь М. «С чувством неизбывного долга» // Коммерсантъ. 2008 // <https://www.kommersant.ru/doc/1049923>.
4. «Россия и ЦАР подписали соглашение о военном сотрудничестве» // РИА Новости. 2018 // <https://ria.ru/20180821/1526914613.html>.
5. «Россия продаст Египту оружия на три миллиарда долларов» // LENTA.RU. 2014 // <https://lenta.ru/news/2014/02/14/weaps/>.

6. «Россия простила Ливии долг в обмен на контракты» // РИА Новости. 2008 // <https://ria.ru/20080417/105347192.html>.

7. «Россия списала долг Алжира в 4,7 миллиарда долларов» // LENTA.RU. 2006 // <https://lenta.ru/news/2006/03/10/talks/>.

8. *Deveaux J.* “Lase navale russe au Soudan, Khartoum joue la montre” // Franceinfo: Afrique. 2021 // https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/soudan/base-navale-russe-au-soudan-khartoum-joue-la-montre_4725045.html.

9. *Dubien A.* « Note №19, «La Russie et l’Afrique: Mythes et Réalités» » // L’Observatoire. 2019 // <https://fr.obsfr.ru/analytics/notes/10953/>.

10. « La France efface la dette du Soudan » // La Presse. 2021 // <https://www.lapresse.ca/international/afrique/2021-05-17/la-france-efface-la-dette-du-soudan.php>.

11. « La France gèle son aide budgétaire et sa coopération militaire avec la Centrafrique » // Le Monde. 2021 // https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/06/08/la-france-gele-son-aide-budgetaire-et-sa-cooperation-militaire-avec-la-centrafrique_6083308_3212.html.

12. Relations bilatérales. Russie // Ministère de l’Europe et des Affaires Étrangères. 2022 // <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/russie/relations-bilaterales/>.

13. “Russia Railways says it seals Libya contract” // Reuters. 2008 // <https://www.reuters.com/article/russia-libya-railways-idUKL1652279520080416>.

14. *Schlanser C.* “La coopération franco-américaine en Afrique” // Cairn.Info. 2015 // <https://www.cairn.info/revue-defense-nationale-2015-3-page-99.htm>.

A.YU. CHALYSHEV
Master of political science
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND FRANCE ON THE AFRICAN CONTINENT

The confrontation between Russia and the West over the past few years has forced a shift in the focus of Russian foreign policy to the East. Russia began to actively develop relations with the countries of Asia, the Middle East and Africa. The African direction seems to be the most promising, taking into account the fact that African countries are now potential partners for cooperation and development of joint projects. But the African direction has long been a priority for another power – France. Therefore, the article raises questions about what problems arise between countries on the African continent, and whether there are any prospects and opportunities for developing cooperation between Russia and France.

Key words: *Africa, Russia, France, foreign policy, cooperation.*

НАШИ АВТОРЫ

Александров Дмитрий Валерьевич – советник Президента ЦСКА; Советник Министра физической культуры и спорта по Московской области; член Попечительского совета регби-клуба ЦСКА; депутат Совета депутатов городского округа Солнечногорск Московской области, Россия, г. Москва (m.rodionova@mail.ru).

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра политических и этно-политических исследований Пятигорского государственного университета, РФ, Пятигорск; профессор Хэйлунцзянского института иностранных языков, КНР, г. Харбин (maya.astv@gmail.com).

Афонин Андрей Александрович – специалист в области международных отношений, бакалавр юриспруденции, эксперт по внешним коммуникациям, старший преподаватель Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (afonin@zspk.gov.ru).

Ахмедова Саида Айдын кызы – аспирант кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (bayramovasaida@gmail.com).

Буров Александр Сергеевич – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (aleksandrburov94@gmail.com).

Ванковска Б. – профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия, Македония, г. Скопье (bvankovska@gmail.com).

Ван Цзюньтао – кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института СПбПУ, Россия, г. Санкт-Петербург (juntao2013@yandex.ru).

Ван Цзясюй – аспирант кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, Россия, г. Москва (29124991@qq.com).

Васильева Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (afonin@zspk.gov.ru).

Головинов Александр Викторович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института Алтайского государственного университета, Россия, г. Барнаул (alex-golovinov@mail.ru).

Головинова Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Алтайского государственного педагогического университета, Россия, г. Барнаул (alex-golovinov@mail.ru).

Дзахова Лариса Хасановна – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и общественных наук Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ (maya.astv@gmail.com).

Дроздова Елена Валентиновна – аспирант кафедры политологии и политического управления Школы политических исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (vitadro@mail.ru).

Дубровина Ольга Васильевна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (dubrovinaov@list.ru).

Дубровина Ольга Юрьевна – кандидат политических наук, доцент, координатор Национального союза политологов России, Россия, г. Москва (dubrovinaov@list.ru).

Животова Дарья Алексеевна – бакалавр кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (mirdarina_02@mail.ru).

Емелин Данил Романович – магистрант факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (danil.emelin@mail.ru).

Еременко Иван Владимирович – кандидат философских наук, старший преподаватель Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (m.rodionova@mail.ru).

Исаев Кирилл Алексеевич – аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (isaev.kiril@mail.ru).

Керножицкая Елена Владимировна – аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (kerno-elena@yandex.ru).

Кишуева Ида Аслановна – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, Россия, г. Москва (21d.mkr@gmail.com).

Коваленко Андрей Алексеевич – аспирант Дипломатической академии МИД РФ, Россия, г. Москва (dialektika@list.ru).

Колосова Ирина Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (shang143@mail.ru).

Кондратова Екатерина Сергеевна – кандидат технических наук, помощник заместителя председателя Правительства Ленинградской области по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству, Россия, г. Санкт-Петербург (ktl55@yandex.ru).

Ливанова Ирина Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», Россия, г. Новосибирск (dubrovinaov@list.ru).

Мехмет Урпер – старший преподаватель кафедры международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (mehmeturper@mail.ru).

Намазов Орхан Бахаддин оглы – магистрант Северо-Западного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Санкт-Петербург (namazovorhan777@gmail.com).

Никитина Ксения Андреевна – магистрант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (niki.k.a@live.ru).

Одинокоев Максим Дмитриевич – аспирант кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (peti88@mail.ru).

Родионова Марина Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент, Ph.D., доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (m.rodionova@mail.ru).

Свиридов Артем Александрович – магистрант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (artemas98@list.ru).

Секретарева Ксения Николаевна – магистрант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (sekretarevakn@my.msu.ru).

Слизовский Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Сурма Иван Викторович – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД РФ; член-корреспондент РАЕН; профессор Академии Военных Наук, Россия, г. Москва (isurma@yandex.ru).

Тимершова Алина – студентка бакалавриата (направление «Международные отношения») Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Титов Виктор Валериевич – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Торопов Егор Андреевич – аспирант кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (etoropov@hse.ru).

Трифонов Артем Дмитриевич – аспирант кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (artyom.trifonov.ru@mail.ru).

Трофимов Петр Александрович – аспирант кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (petr.anmar19@yandex.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Утесинов Канат Мусаевич – соискатель Института государства и права, Кыргызская Республика, г. Бишкек (sharshebaeva_tynara@mail.ru).

Хань Вэньсинь – аспирант факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (hanwx52@163.com).

Цахилова Лаура Михайловна – аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (laura.tsahilova@gmail.com).

Цветкова Юлия Александровна – студент факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО), Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Цориева Зара Хетаговна – магистрант факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (zara.tsorieva@yandex.ru).

Чалышев Артемий Юрьевич – магистр политологии Высшей Школы Экономики, Россия, г. Москва (artem-chalyshev@mail.ru).

Чибиркин Евгений Александрович – Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, г. Саранск (chibirkin001@mail.ru).

Чихтисов Руслан Авданович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ (aropp07@mail.ru).

Чугунова Анастасия – студентка бакалавриата (направление «Филология») Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Чэнь Ханьчжи – стажер Китайского института международных исследований, Китай (bfsuchz@gmail.com).

OUR AUTHORS

AFONIN A.A. – Specialist in international relations, Bachelor of Laws, Expert in External Communications, Senior Lecturer, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

AKHMEDOVAS.A. – Graduate student, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Department of Political Science and Political Philosophy, Moscow, Russia.

ALEXANDROV D.V. – Adviser to the President of CSKA, Adviser to the Minister of Physical Culture and Sports for the Moscow Region, member of the Board of Trustees of the CSKA Rugby Club; Deputy of the Council of Deputies of the City District Solnechnogorsk, Moscow Region, Moscow, Russia.

ASTVATSATUROVA M.A. – Doctor of Political Sciences, Professor, Heilongjiang Institute of Foreign Languages, Harbin, People's Republic of China; Professor, Director of the Scientific and Educational Center for Political and Ethnopolitical Research of the Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

BUROV A.S. – Postgraduate student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

CHALYSHEV A.Yu. – Master of political science, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

CHEN HANZHI – Intern at the Chinese Institute of International Studies, China.

CHIBIRKIN E.A. – Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia.

CHIKHTISOV R.A. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy of the North Ossetian State University K.L. Khetagurova, Vladikavkaz, Russia.

CHUGUNOVA A. – Undergraduate student (direction “Philology”), Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

DROZDOVA E.V. – Postgraduate Student, Department of Political Science and Political Administration, School of Political Studies, Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

DUBROVINA O.V. – Doctor of Political Sciences, Full Professor, Professor of the Political Science and Political Management Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, RANEPА, Moscow, Russia.

DUBROVINA O.Yu. – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, coordinator of the National Union of Political Scientists of Russia, Moscow, Russia.

DZAKHOVA L.KH. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia.

EMELIN D.R. – Master candidate of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Global Studies, Moscow, Russia.

EREMENKO I.V. – PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Mass Communications and Media Business, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

GOLOVINOV A.V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and international law, Altai State University, Barnaul, Russia.

GOLOVINOVA Yu.V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law and Teaching Methods socio-economic disciplines, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

HAN WENXIN – Ph.D. student, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ISAEV K.A. – Postgraduate Student, Department of international relations and integration processes, Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

KERNOZHICZKAYA E.V. – Postgraduate student of the Department of State and Municipal Administration of the Northwestern Institute management – a branch of the Russian Academy of People's economy and public service under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia.

KISHUEVA I.A. – Postgraduate student of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, RSUH, Moscow, Russia.

KOLOSOVA I.V. – PhD (history), Associate professor of Politology and Political Philosophy Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

KONDRATOVA E.S. – Assistant to the Deputy the Chairman of the Leningrad Region for Construction and Housing and Communal Services, Saint Petersburg, Russia.

KOVALENKO A.A. – Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

LIVANOVA I.V. – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia.

MEHMET URPER – Senior Lecturer at the Department of International Humanitarian relations of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

NAMAZOV O.B. – Master, North-West Institute of Management branch of RANEPА, St. Petersburg, Russia.

NIKITINA K.A. – Master student of the Faculty of International Relations St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

ODINOKOV M.D. – Postgraduate student of the Department of Philosophy and Sociology, Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

RODIONOVA M.E. – Candidate of Science in Sociology, Associate Professor, Ph.D., Associate Professor of the Department of Political Sciences, Faculty of Social Science and Mass Communication Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

SEKRETAREVA K.N. – Master student, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

SLIZOVSKY D.E. – Doctor of historical sciences, professor, Department of History of Russia, Russian University friendship of peoples, Moscow, Russia.

SURMA I.V. – Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Ph.D. Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences; professor of the Academy of Military Sciences, Moscow, Russia.

SVIRIDOV A.A. – Master’s student of the Faculty of Global Processes, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

TIMERSHOVA A. – Undergraduate student (direction “International relations”) of the Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

TITOV V.V. – PhD (Political Sciences), Senior Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

TOROPOV E.A. – PhD student of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

TRIFONOV A.D. – Postgraduate student of the Department of Philosophy and Sociology, Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

TROFIMOV P.A. – PhD student of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

TSAKHILOVA L.M. – PhD student, Department of Comparative Political Science, faculty of political science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

TSORIEVA Z.KH. – Master’s Student, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

TSVETKOVA Yu.A. – Student of the Faculty of Management and Politics Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO), Moscow, Russia.

TUSHKOV A.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations and Law of the Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

UTESINOV K.M. – Competitor of the Institute of State and Law, Bishkek, Kyrgyz Republic.

VANKOVSKA B. – Professor of political science and international relations, Faculty of Philosophy, Ss. Cyril and Methodius University, Skopje, Macedonia.

VASILYEV L.A. – Doctor of Philology, Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

WANG JIAXU – Postgraduate student of the Department of Political Science, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

WANG JUNTAO – Political Candidate Sci., Associate Professor, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.

ZHIVOTOVA D.A. – Bachelor of the Department of International Relations and Law of the Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ПЛАТОНОВ Владимир Михайлович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Председатель Московской городской думы (1994-2014 гг.) (Россия, г. Москва)

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АВАЗОВ Камиль Халлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, преподаватель регионального центра переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна – д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)

БЛОХИН Владимир Владимирович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

БОЖАНОВ Владимир Александрович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального Технического университета (Белоруссия, г. Минск)

ВАНКОВСКА Биляна – профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)

ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна – д.п.н., заместитель директора Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ГОНЧАРОВ Пётр Константинович – д.с.н., профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)

ГРАЧЁВ Михаил Николаевич – д.п.н., профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ДЭМБЭРЭЛ К. – доктор (PhD), старший научный сотрудник Института международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)

КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна – д.ф.н., заведующая кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета

(Россия, г. Москва)

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

КОВАЛЕНКО Валерий Иванович – д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – д.с.н., зав. кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

КРИВОКАПИЧ Борис – д.ю.н., профессор факультета бизнеса и права Унион – Никола Тесла университета (Сербия, г. Белград)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – д.п.н., главный редактор журнала (Россия, г. Москва)

МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович – д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного Хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВ Александр Данилович – д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВА Елена Александровна – д.с.н., профессор МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)

НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна – д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ОРЛОВ Игорь Борисович – д.и.н., профессор, заведующий Научно-учебной лабораторией исследований в области бизнес-коммуникаций, заместитель руководителя Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович – д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)

ПЛЯЙС Яков Андреевич – д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)

ПРЯХИН Владимир Федорович – д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ПУСЬКО Виталий Станиславович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)

РУБАН Лариса Семёновна – д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна – д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

ШАРКОВ Феликс Изосимович – д.с.н., зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

ЯН ФУЛИНЬ – проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 12. Issue 7 (83), 2022

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary Shkurina S.S.

Computer-aided makeup by Zagumenov A.P.

Translated by Chernyshova E.V.

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 25.07.2022

Format 60x84/8. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order 707.

Printed at the LLC “Bely Veter”

Str. Shchipok, 28, Moscow, Russia, 115054

Tel.: (495) 651-84-56

© LLC “Publishing House “Science Today”, 2022

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал
«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»													
			АБОНЕМЕНТ на журнал									70035				
			Вопросы политологии													
			Количество комплектов													
			на 2022 год по месяцам													
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
			Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)													
			Кому _____													
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА													
			ПВ	место	литер	на журнал									70035	
			Вопросы политологии													
			Стоимость		Каталожная								Количество комплектов			
					услуги почты											
					полная											
			на 2022 год по месяцам													
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
			Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)													
			Кому _____													

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

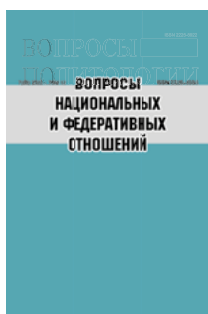

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

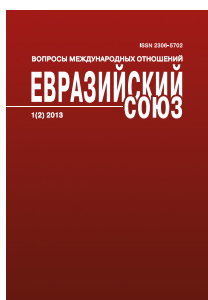

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Журнал включен в базу РИНЦ

Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

